

**RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
FEDERAL STATE INSTITUTION OF SCIENCE
INSTITUTE OF SOCIAL AND POLITICAL RESEARCHES**

***MODERN SOCIAL REALITY
OF RUSSIA
AND STATE GOVERNANCE***

*SOCIAL
AND SOCIO-POLITICAL
SITUATION IN RUSSIA
- 2012 year*

Volume 1

Edited by
G.V.Osipov and S.G.Karepova

**MOSCOW
2014**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

***СОВРЕМЕННАЯ
СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ
РОССИИ
И ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УПРАВЛЕНИЕ***

*СОЦИАЛЬНАЯ
И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ
СИТУАЦИЯ В РОССИИ
в 2012 году*

Том 1

Под редакцией
Г.В.Осипова и С.Г.Кареповой

МОСКВА
2014

УДК 323/324(470+571)
ББК 66.3(2Рос)3
Р76
ISBN 978-5-7556-0522-9 (том 1)
ISBN 978-5-7556-0524-3

Современная социальная реальность России и государственное управление.
Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2012 году. Том 1. –
М.: ИСПИ РАН, 2014. – 273 с.

Под редакцией
Г.В.Осипова и С.Г.Кареповой

Настоящий научный доклад – продолжение многолетнего фундаментального научно-исследовательского проекта Института социально-политических исследований РАН, посвященного ежегодному исследованию социальной и социально-политической ситуации в России.

Данная двадцать вторая по счету монография в двух томах посвящена анализу современной социальной реальности России в ее социальном, политическом, экономическом и духовно-нравственном аспектах, включая ее новые конфигурации. Особое внимание отведено рассмотрению широкого круга вопросов государственного управления сложившейся социальной реальностью и роли научного знания в этом процессе. В соответствии с этим в монографии представлены целевые проекты, научную разработку и социальную экспертизу которых осуществляет ИСПИ РАН, а также аналитические материалы, направленные в директивные органы сотрудниками Института.

Выводы и прогнозы, изложенные в научном докладе, могут быть использованы специалистами в области государственного управления, политических процессов и научным сообществом.

Книга рассчитана на широкий круг читателей интересующихся современным развитием российского общества и страны в целом.

ISBN 978-5-7556-0522-9 (том 1)
ISBN 978-5-7556-0524-3

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социально-политических исследований РАН, 2014

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

Академик РАН Г.В.Осипов – Введение. О роли научного знания в управлении современной социальной реальностью; **д.х.н. С.Г.Кара-Мурза** – Динамика кризиса легитимности; **д.социол.н. В.К.Левашев** – Реальность кризиса и выбор граждан; **д.ю.н. С.В.Степашин** – Гражданское общество и общественный контроль; **к.э.н. В.Н.Архангельский, д.э.н. В.Г.Доброхлеб, д.э.н. А.Е.Иванова, Т.Г.Сафронова, к.э.н. С.Ю.Сивоплясова, к.э.н. Е.П.Сигарева** – Социально-демографические характеристики качества российского населения; **к.э.н. А.А.Гребенюк** – Снижение дефицита трудовых ресурсов и потребности в иностранной рабочей силе в российской экономике на основе стимулирования роста производительности труда; **д.э.н. И.Я.Богданов, А.И.Музыкантский** – Социальная боль России: бомжи и бродяги (на примере Москвы); **член-корр. РАН А.Л.Журавлев, член-корр. РАН А.В.Юревич** – Количественная оценка психологического состояния современного российского общества; **д.социол.н. Ю.Ю.Синелина** – Уровень религиозности населения в г. Белгороде и отношение белгородцев к введению учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики»; **к.филос.н. Кублицкая Е.А.** – Специфика развития межэтнического и этноконфессионального взаимодействия в регионах РФ; **д.э.н. В.В.Иванов** – Наука как фактор модернизации России. Глобальные тенденции развития и мировой кризис; **к.социол.н. С.Г.Кареева** – О возможностях включения научного знания в механизмы принятия решений на государственном уровне; **д.ю.н. С.М.Шахрай** – Конституция как инструмент управления в период масштабных социально-экономических перемен; **к.филос.н. Н.В.Мерзликин** – Новая политическая реальность: запрос на смену политической элиты; **д.социол.н. Ю.А.Зубок** – Социальные и социально-экономические факторы совершенствования подготовки высококвалифицированных кадров через систему высшего образования. Эффективность их использования. Качество подготовки соответствию специальности. Второй этап; **к.т.н. Яник А.А.** – «Рейтинговая революция» на глобальном рынке образовательных услуг: возможности для России; **д.филос.н. В.В. Миронов** – Тенденции реформирования образования в современной России; **академик РАН С.Ю.Глазьев** – О реализации стратегии опережающего развития в условиях глобального кризиса; **член-корр. РАН С.В.Рязанцев** – Пути оптимизации миграции и миграционной политики России в современных демографических и социально-экономических условиях; **д.социол.н. Г.И.Осадчая** – Миграционный обмен столичного мегаполиса с Арменией и Грузией: постсоветские тенденции и практики интеграции; **д.социол.н. М.М.Назаров** – Территориальная устойчивость: концептуальный аспект и эмпирическая практика; **д.филос.н. Э.М.Андреев** – Современная социальная реальность и социальный реализм в контексте формирования новых сфер культуры и управления.

Введение

О РОЛИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ В УПРАВЛЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТЬЮ

На рубеже XX–XXI вв. сложилась *новая социальная реальность*, определившая качественные изменения, происходящие во всех сферах жизнедеятельности общества.

Социальная реальность – это все то, что создано человеком, и является объективированным результатом его субъективной деятельности. В обществе действует большое количество социальных сил, начиная от индивида и заканчивая сообществами, каждая из которых преследует свои интересы и цели. В результате противоборства этих сил, их разнонаправленных действий и создается социальная реальность, представляющая собой непредвиденное следствие преднамеренных действий людей. Будучи раз создана, эта реальность начинает функционировать и развиваться по своим собственным объективным законам, оказывая обратное влияние не только на создавшего ее человека, но и на всю природу в целом. Однако эти «объективные» законы нельзя рассматривать, подобно законам природы, вне зависимости от человеческой деятельности. Все то позитивное и негативное, что характеризует социальную реальность, является результатом социальных действий людей. Законы общественного развития действуют в той объективной реальности, которую создает человек.

Отказ от взгляда на роль человека как создателя современной социальной реальности предполагает доминанту волюнтаристского, безответственного поведения слагающего с себя ответственность за происходящие во всех областях жизнедеятельности общества процессы.

В создании новой социальной реальности человеку отведена роль главного актора интеллектуально моделирующего, фактически создающего и трансформирующего ее. Человечество превратилось в крупнейшую геологическую силу и стало определять жизнь планеты.

Новая социальная реальность характеризуется интенсивно происходящими на глобальном уровне процессами модернизационного характера. *На основе производства и потребления знаний – научных, философских, религиозных, технологических – осуществляется переход от постиндустриального общества к его электронно-цифровой стадии.*

Подобно тому, как индустриализация в XIX в. привела к распаду застывшую в сословных устоях систему общественных отношений, основанную на аграрном способе производства, так в XXI в. переход к электронно-цифровой стадии размывает социально-экономические контуры общества, основанного на индустриальном способе производства.

Научное знание пронизывает все сферы жизнедеятельности современного общества.

К некоторым тенденциям, детерминирующим развитие современной социальной реальности можно отнести:

– *процесс глобализации*, направленный на всемирную экономическую, политическую, культурную интеграцию и унификацию мирового сообщества, а также на формирование на основе взаимозависимости нового миропорядка. Тенденции интеграции интеллектуальных потенциалов, стали преобладающими в общественном развитии «совокупные усилия ученых разных стран раздвигают границы познания, делают науку поистине всемогущественной»¹. Развитие науки позволило создать необходимую среду (информационную, технико-технологическую и т.д.), которая определила направления, темпы и возможности глобализации. Интеллектуальный прорыв, связанный с положительными тенденциями глобализации, позволил расширить круг научных задач, поддающихся изучению и решению, в том числе на уровне междисциплинарного научного знания;

– *интенсивный научно-технический прогресс, сопровождающийся развитием научного знания в сфере информационных (компьютерных) технологий*, детерминирующих сознание и поведение человека, увеличивающих его доступ к информации, а следовательно и интеллектуальные, экономические, социальные возможности. «Благодаря стремительному развитию информационной (телекоммуникационной) революции, в том числе сетевых технологий, мир сжался, стал коммуникационно тесным, доступным, проницаемым в невиданной прежде мере. Тем самым в последней трети XX в. был достигнут принципиально новый уровень коммуникационного охвата планеты»². Компьютеризация интеллектуальной деятельности человека существенно изменила качество и количество продуцируемого научного знания – появилась возможность охвата большого объема информации, формирование более качественной и подкрепленной сложными расчетами и данными (социальной, экономической, политической и т.д.) аналитики. «Революция в информационной технологии является отправным пунктом в анализе сложностей становления новой экономики, общества и культуры»³;

– *стремительное ускорение всего общемирового ритма жизни* за счет увеличения объемов и скорости перемещения капиталов, информации, научных знаний, услуг и человеческих ресурсов, что вносит фундаментальные изменения во все сферы жизнедеятельности общества;

– *появление глобальной сети Интернет*, породившей новое уникальное пространство с открытым доступом практически к любой научной, публицистической и т.д. информации на локальном и международном уровне за рекордно короткий срок;

¹ <http://www.proza.ru/2009/05/22/776>.

² <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=43411>.

³ См. *Кастельс М.* Подъем сетевого общества.

– *формирование сетевого коллективного разума*, который с содержательных гуманитарных позиций «направлен на консолидацию экспертного научного сообщества страны, создание реально функционирующей «фабрики мысли», концентрирующей национальный интеллект и соединяющей его с действующей властью»⁴. Сетевой коллективный разум нацелен на формирование стратегических целей развития общества, так как отражает его чаяния, а следовательно и на решение оперативных задач формирования будущего.

Стремительное развитие современного общества, детерминированное научной, технико-технологической составляющей порождает новые социальные, политические, экономические конфигурации и можно справедливо говорить *о развитии новой экономики, новой политики, новых горизонтах социальной и культурной сфер*.

Однако следует отметить, что современная социальная реальность во многом не предсказуема, не изучена. Она таит в себе огромное число латентных, скрытых противоречий. Существует большая потребность в научных исследованиях и реальной оценке тенденций и процессов, происходящих в современном обществе и мире, а также о роли самого научного знания в формировании желательной для общества современной социальной реальности.

Именно вопросы научного знания стоят у истоков глобальных перемен в обществе, которые уже наступили и грядут в будущем. Наука как институт, отвечающий за приращение и трансляцию научных знаний, приобретает качественный системообразующий характер. От того, как эффективно и для каких целей используется научное знание в настоящее время, зависит судьба человечества в будущем.

Помимо созидательного эффекта для общества научное знание обладает оборотной, непознанной стороной, где открытие новых возможностей и повышение качества жизни людей сопряжено с угрозами и рисками нового типа (техногенного, социального, гуманитарного, политического, экономического и т.д. характера).

Целесообразно обозначить некоторые общие глобальные угрозы – *тренды, формирующие современную социальную реальность и относящиеся к сфере науки и технологий*:

– *отставание в переходе к последующему технологическому укладу*. Перед Россией стоит задача не догнать страны Запада в рамках пятого технологического уклада, а на основе опережающего развития и научного знания выйти за 10–15 лет на рубежи шестого уклада и на стадию становления электронно-информационного общества;

– *зависимость от импортных поставок оборудования, приборов и электронной базы, стратегических материалов*. Как правило, технологии, продаются лидерами отраслей в период их замещения, в процессе устаревания и соответствуют в лучшем случае пятому технологическому укладу, что не может дать России конкурентные преимущества.

– *необоснованные односторонние санкции в отношении научных и образовательных организаций России*. Речь идет об особой системе управления наукой, где вопросы развития фундаментального знания необходимо решать не в режиме форсированного времени и ориентации на сиюминутный результат, а на основании учета уже имеющегося опыта и сложившейся поступательной логики научного процесса.

⁴ <http://www.rusrand.ru/experts/>.

– *слабая мотивация в сфере инновационной и промышленной политики.* Ориентация научного знания только на взаимодействие с бизнес структурами и в рамках грантовой деятельности влечет за собой угрозу отсутствия государственного заказа на научные разработки, а также приводит к потере востребованности разработок российской науки в промышленном секторе. Преодолеть слабую мотивацию в сфере инновационной и промышленной политики без восстановления взаимодействия науки и промышленности невозможно.

– *низкий уровень качества профессионального образования,* не способствует естественному продолжению научной преемственности в рамках сложившихся научных школ. «В современных условиях потенциал развития страны все в большей степени определяется ее человеческим капиталом, одной из важнейших составляющих которого является уровень образования населения. В современных “обществах знания” не обладающий определенным уровнем образования индивид не только оказывается в невыгодном положении на рынке труда, но и маргинализуется в социальном плане. Фундаментальная наука является неотъемлемым компонентом системы образования, создавая общественный фонд знания, передаваемый от поколения к поколению. Наконец, без знаний, поставляемых фундаментальной наукой, невозможна подготовка профессиональных кадров высшей квалификации, включая управленческие. Помимо специальных знаний такие специалисты должны обладать значительной подготовкой в области социально-гуманитарных наук, обеспечивающей понимание ими целей и задач общественного развития с учетом культурно-исторических традиций страны. Иными словами, фундаментальная наука питает элиту общества, обеспечивающую его поступательное развитие»⁵.

Существует проблема системного уровня, уровня управления научным процессом и его наукоемкими результатами, когда темпы развития и структура современного научного знания не в полной мере отвечают потребностям современного общества и растущему спросу на передовые технологии и квалифицированные кадры. При этом некоторые научные результаты мирового уровня не находят применения в обществе.

Данные негативные тенденции, связанные с деформацией научно-технологического потенциала, делают все более значительными угрозы глобального характера, связанные с национальной безопасностью в экономической, политической, духовно-нравственных и оборонной сферах жизнедеятельности современного общества.

Угрозы и риски современной социальной реальности также обладают рядом качественных характеристик разрушительного характера. На первый план выдвигаются опасности, которые не поддаются непосредственному чувственному восприятию – люди их не видят и не ощущают. Это – опасности имеют скрытый или «отложенный» эффект и скажутся не при жизни самих людей, а на их потомках.

Опасности, как правило, не исчерпываются уже наступившими негативными последствиями и нанесением ущерба в настоящем времени, они включают в себя существенную компоненту будущего. «Ведь большинство рисков, порождаемых успехами научно-технической модернизации, причем, наиболее опасных (радиоактивное и химическое загрязне-

⁵ По материалам аналитической записки «Повышение эффективности фундаментальной науки» С.В.Климовицкого.

ние, неконтролируемые последствия генной инженерии), не воспринимаются непосредственно органами чувств человека. Эти риски существуют лишь в форме знания о них. Отсюда специалисты, ответственные за определение степени рискогенности новых технологий и технических систем, а также средства массовой информации, распространяющие знания о них, «приобретают ключевые социальные и политические позиции»⁶. Появилось осознание того, что все большее знание о мире влечет за собой понимание масштабов человеческого незнания.

Развитие современной социальной реальности подчас детерминировано двумя взаимоисключающими факторами, способствующими значительному повышению уровня опасности в различных областях общественной жизни:

– *стихийный характер научных открытий*, детерминированный научно-техническим прогрессом и скороспешное внедрение их в практику;

– *отсутствие качественной научной экспертизы* включающей всестороннюю оценку открытий, не только с научной точки зрения, но и (социальных, политических, экономических, культурных и т.д.) последствий для общества.

Такой бесконтрольный, стихийный процесс выработки и внедрения на практике наукоемких результатов порождает большую вероятность возникновения рисков системного уровня, которые начинают функционировать по собственной логике и формировать собственную неуправляемую систему. Такие риски преодолевают все, что оказывает им сопротивление, и выливаются в огромные материальные потери, а нередко – ведут к экономическим и социальным катастрофам. Оптимизировать такую систему значительно сложнее, чем построить новую. В результате действия многочисленных некорректируемых извне рисков и угроз в различных сферах жизнедеятельности общество получает такую социальную реальность, которую никто не ожидал и не хотел.

В настоящее время именно перед научным знанием стоит основная задача по упорядочиванию хаотичности и неуправляемости современной социальной реальности.

Социальными науками, в частности, накоплен значительный потенциал знания в области управления обществом во всех сферах его жизнедеятельности и на различных уровнях, открываются реальные возможности переустройства общества на научных принципах. Современные социальные науки уже не могут ограничиваться только объяснением социальной реальности, но должны активно участвовать в ее конструировании. *Социальное конструирование предполагает предупреждение негативного развития событий и создание желательных для индивида и общества социальных реалий.*

Научные знания позволяют перейти и к практическому применению данного подхода в рамках концепции научного управления обществом, в том числе и в законодательной деятельности. *Речь идет о внедрении в практику государственного управления и законодательной деятельности принципов «просвещенной демократии».*

«Просвещенная демократия» – это управление обществом на основе знаний:

– предполагает формулирование конкретных социально значимых целей, необходимых для реализации поставленной задачи, сопряженных с пониманием и научным обоснованием последствий их реализации;

⁶ См. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000.

- формирует новый тип социально ответственного перед обществом профессионала;
- определяет качественно новые критерии и требования к кандидатам на занимаемую государственную должность – профессионализм, компетентность, опыт работы в законодательной и управленческой сфере, понимание основных проблем страны и регионов;
- оценивает эффективность работы органов власти на основе конкретных данных о том, что сделано ими для общества и человека;
- поднимает вопрос о контроле за деятельностью органов власти;
- включает в себя использование четкого алгоритма принятия решения для последующего оформления его в законодательный акт. Наиболее важными элементами алгоритма является: формулировка экономической, социальной, политической, гуманитарной цели; определение средств, которые могут быть выделены для ее достижения; возложение ответственности за ее реализацию и использование выделенных средств на конкретные властные структуры. *В свете данных императивов задача законотворчества сводится к реализации приоритетов развития России.*

Не случайно XXI в. считается веком социальных наук и гуманитарного знания. Социальные науки в XXI в. смогут выполнить свою гуманистическую миссию, если культура власти будет интегрировать культуру общественных наук. Практически это означает включение общественных наук в систему научного управления обществом и в законодательную практику властных структур, чья деятельность будет основываться на данных этих наук.

Современная социальная реальность России: политическая, экономическая, социальная, духовно-нравственная сферы

ДИНАМИКА КРИЗИСА ЛЕГИТИМНОСТИ

Нынешняя Россия (РФ) – система переходная, в неустойчивом равновесии. Куда качнутся весы – зависит и от власти, и от общества. Самая непосредственная угроза для России заключается в том, что утрата легитимности государственной власти может достичь критической, пороговой точки, за которой начнется лавинообразный процесс разрушения власти.

Стабильность власти не может быть обеспечена только средствами *принуждения* (в том числе с помощью насилия), для неё необходима *вера* в необходимость именно этой власти. Макиавелли первым заявил, что власть держится на *силе и согласии* («макиавеллиевский кентавр»). «Государь» должен непрерывно вести особую работу по завоеванию и удержанию активного благожелательного *согласия* подданных. Положение, при котором достигнут достаточный уровень согласия граждан с властью, Антонио Грамши называет *культурной гегемонией*. Гегемония – не застывшее, однажды достигнутое состояние, а динамичный, непрерывный процесс. Ее надо непрерывно обновлять и завоевывать. Гегемония опирается на «*культурное ядро*» общества, которое включает в себя совокупность представлений о мире и человеке, о добре и зле, множество символов и образов, традиций и предразсудков, знаний и опыта.

Легитимность – это совсем не то же, что *законность* (легальность), т.е. формальное соответствие законам. Формально законная власть еще должна обеспечить свою легитимизацию, т.е. «превращение власти в *авторитет*». Легитимность – это убежденность большинства общества в том, что данная власть действует во *благо народу* и обеспечивает *спасение страны*, что эта власть сохраняет главные ее ценности.

Вполне законная власть, утратив авторитет, теряет свою легитимность и становится *бессильной*. Если на политической арене есть конкурент, он эту законную, но бессильную власть устраняет без труда. Так произошло в феврале 1917 г. с российской монархией, так же произошло в октябре 1917 г. с Временным правительством. На наших глазах за три года утратил легитимность режим Горбачева – и рухнул СССР.

Наоборот, власть, завоевавшая авторитет, тем самым приобретает и законность. О «незаконности» власти (например, советской) начинают говорить, именно когда она утрачивает авторитет, а до этого такие разговоры показались бы просто странными.

Учение Грамши о гегемонии – важная глава в современной политологии. И установление, и подрыв гегемонии – процесс «молекулярный». Он протекает не как столкновение классовых сил, а как невидимое изменение мнений и настроений в сознании людей. Для подрыва гегемонии воздействуют не на устои власти, а на обыденное сознание, «маленькие» мысли среднего человека. Это – не изречение некой истины, которая совершила бы переворот в сознании. Это огромное количество книг, брошюр, журнальных и газетных статей, разговоров и споров, которые без конца повторяются и в своей гигантской совокупности образуют то длительное усилие, из которого рождается коллективная воля определенной степени однородности, той степени, которая необходима, чтобы получилось действие, координированное и одновременное во времени и географическом пространстве.

В принципе, теперь для подрыва власти требуется лишь создание обширной зоны *недовольства*. Россыпь групп людей, выражающих недовольство по множеству разных частных вопросов, не становится политической силой. Но культурологи и социологи нашли способы «канализировать» недовольство, особенно плохо осознанное, на другой предмет и на нем в фокусе возникает образ «нестерпимого зла» (например, «фальсификации выборов»).

Особые проблемы с легитимностью возникают в ситуациях глубоких кризисов и следующих за ними «переходных» периодов. Таков именно случай РФ после краха советской государственности, легитимность которой была обрушена. Новое государство должно было обрести свою легитимность, показав способность обеспечить выживание и развитие страны и народа. Этой задачи государство РФ в 90-е гг. решить не смогло. Выживание держалось «на ниточке», а угасание систем жизнеобеспечения было на виду. Положение усугубила низкая эффективность – даже первоначально авторитетная, но не эффективная власть быстро утрачивает легитимность. Кризис эффективности обычно выражается в неспособности власти справиться с инфляцией, безработицей, спадом производства и т.д.

В 90-е гг. власть РФ переживала *острый* кризис легитимности. Это были годы неясной гражданской войны, в которой подавляющее большинство населения («старые русские») потерпело поражение и было обобрано победителями. Большинство ввергли в бедность и страх, поломали жизненные планы, трудовую этику, систему легальных доходов. Повредили и те институты, которые воспроизводили народ, – школу, медицину, армию, науку. Народ был в большой мере «разобран» и парализован. Государство выступило на стороне «новых русских», что к середине 90-х гг. стало очевидно всем. Это выразилось в беспрецедентном падении доверия к президенту (рейтинг – 2%) и в попытке парламента объявить ему импичмент с обвинением в «геноциде народа собственной страны».

Это был особый период бедствия, когда о легитимности и речи не шло, но власть, заведомо не обеспечивая выживания народа и страны, *притормаживала* процесс умирания. И население решило, что режим вел страну к гибели, но *медленнее*, чем это сделали бы другие властные команды – возможно, даже более нравственные и патриотичные, чем этот антинародный режим. Он казался более *эффективным* как меньшее зло.

После 2000 г. *легитимизация* стала чрезвычайной задачей государства. Власть попыталась «приподнять» страну в рамках коридора, заданного в 90-е гг., не входя в конфликт ни с «новыми собственниками», ни с Западом. Был несколько увеличен поток ресурсов в экономику России и на потребление граждан, улучшился ряд показателей.

Это успокоило людей, сказалось на здоровье, пробудило оптимизм. Однако улучшения во многом были достигнуты через проедание «базы» – всплеск потребления в части общества был оплачен спадом инвестиций и деградацией основных фондов. Проблемы перекладывались на плечи следующего поколения. Преодолеть кризис легитимности не удалось – даже при высоком рейтинге В.В.Путина.

Мобилизирующее воздействие символического ресурса, не подкрепленное «материальным» организующим действием, начинает угасать. Те, кто ожидали от власти действий, которые блокировали бы нарастающие угрозы России, были разочарованы. Это размыло созданный за первый срок «сгусток» легитимности. У Президента высокий рейтинг, но правительство авторитета не приобрело – плохой симптом. «Национальные проекты» были двинуты как резерв Ставки, но фронта не удержали. Успех на символическом фронте маскировал отступление на «реальном». Положение осложнил кризис 2008 г. На арену вышло новое, постсоветское поколение, свободное от идеократических стереотипов (скажем, очарования харизмой Президента).

Главные системы жизнеобеспечения страны эксплуатировались на износ, а порог износа наступил примерно к 2005 г., темп деградации ускорился и приобрел массивный, неумолимый характер. Масштабы потерь и дыр, которые надо затыкать в чрезвычайном режиме, несравнимы с теми средствами, которые может мобилизовать нынешняя хозяйственная система. Власть об этом не говорит, это табу. И когда обществу стали представлять «стратегические программы», написанные то ИНСОРом, то ГУ ВШЭ, с их антисоциальными установками, легитимность власти быстро пошла вниз.

Кроме того, была принята доктрина «анклавного» развития России – не восстановление отечественного хозяйства как системы, а создание островков «модерна и постмодерна» в море архаизации. Люди и регионы расходятся по разным цивилизационным нишам, Россия в ее привычном образе страны, народа и культуры перестает существовать. Разорвать пуповину с ельцинизмом не удалось, «режим Путина» остался заложником «*зла 90-х*». Греф с Чубайсом мало чем отличались от Гайдара с Чубайсом. Даже приватизацию, отложившуюся в памяти как *грабительская*, до сих пор власть пытается оправдать. В мыслях, словах и делах власти не видно ни блага, ни спасения.

Власть скована *коррупцией*. При Ельцине она считалась явлением революционного хаоса, теперь стала *системообразующей*. Она особенно подрывает легитимность власти потому, что уже вызывает *презрение*. Кущевская и Саяно-Шушенская ГЭС нанесли тяжелый удар по легитимности, а теперь посыпались бомбы из Минобороны, АТЭС, Сочи.

В обществе созрел и оформился глубокий раскол в представлении о *справедливости*. При этом расколе население разделилось на большинство (примерно 90%), которое следовало традиционным взглядам, и радикальное меньшинство, которое эти взгляды отвергает. Большинство, например, считало резкое разделение народа на бедных и богатых несправедливостью, т.е. *злом*.

Как должно население относиться к власти, которая отбросила хозяйство второй в мире экономической державы на относительный уровень ниже 1913 г.? Ведь власть ни разу не отмежевалась от действий в экономике ее предшественников 90-х гг. Никто из разрушителей не только не понес хотя бы символической ответственности, но даже ничего не потерял в престиже и уважении. Это и делает кризис легитимности хроническим.

В формуле легитимности есть и вторая часть: «Легитимность – это убежденность большинства общества в том, что данная власть обеспечивает *спасение страны*, что эта власть *сохраняет главные ее ценности*». Но ценностная система господствующего меньшинства по всем существенным позициям антагонистична населению – страной правит этически враждебная маргинальная группа. Можно ли ожидать укрепления легитимности этого режима?

Создание в РФ обширной ниши крайней бедности было следствием «культурной бесчувственности» власти. На Западе социальное дно сосуществует с благополучным большинством потому, что оно легитимировано социал-дарвинизмом. Следовать этому в России – ошибка, говорящая о том, что *власть неадекватна стране*. Здесь бедность – *социальная болезнь*. Крайнее обеднение массы сограждан, тем более работающих с образованием, есть *святотатство*. Оно отравляет все общество и сейчас осознано как *дехристианизация* социальной системы.

Нынешний тип расслоения населения России по множеству показателей несовместим с длительным существованием страны. Пока он воспринимается как временная аномалия, люди готовы его перетерпеть. Но затем народ разойдется на две уже антагонистические части, их сосуществование станет невозможным. Возможно, большинство угаснет и зачахнет, не найдя способа организовать себя, – но что это будет за страна!

Установка на искоренение патернализма – едва ли не самая устойчивая в правящей верхушке России. Декларация об отказе российской власти от принципов государственного патернализма есть заявление о резком сокращении всей системы обязанностей государства перед страной и народом, только говорится это невнятно. Без государственного патернализма не может существовать никакое общество – государство и возникло как система, обязанная наделять всех подданных или граждан некоторыми благами на уравнительной основе. Государственный патернализм – это и есть основание *социального государства*, каковым называет себя Российская Федерация.

Жители нынешней РФ живут в атмосфере нарастающих страхов – перед потерей работы или ремонтом обветшавшего дома, перед разорением фирмы или техосмотром старенькой машины, перед болезнью близких, для лечения которых не найти денег. И уж самый непосредственный страх – перед преступным насилием.

Власть настойчиво представляет «патерналистские настроения» большинства граждан России как *иждивенчество*. Это – непонимание сути явлений. Как может быть народ иждивенцем государства? Предметом нынешнего конфликта в России является перечень обязанностей, которые, согласно представлениям большинства, должно взять на себя государство. А оно этими обязанностями пренебрегает! Народ всегда ожидал от государства *отеческого* отношения ко всем системам жизнеустройства России – к армии и школе, к промышленности и науке. Всё это – творения народа, и им в России требуется забота и любовь государства. В этом срезе отношений государства и народа произошел столь глубокий разрыв, что он нанес почти всему населению культурную травму. Он не просто потряс людей, он их *оскорбил*. Возник конфликт не социальный, а мировоззренческий, ведущий к разделению народа и государства как враждебных этических систем.

А ведь речь идет еще и о становлении в лоне России *постмодернистской криминальной цивилизации*. Она энергична, склонна к экспансии, является частью глобальной сети и активно врастает во власть. Скоро ее искоренение будет возможно только с большой кровью.

СМИ, контролируемые властью и денежными мешками, снижают уровень культуры и качество мышления массы, растлевают молодежь. Общество переживает это болезненно и не может простить власти. Удар нанесен по всей мировоззренческой матрице, на которой был собран человек – носитель русской культуры XX в., *человек советский*. А они составляют большинство населения, даже если их сознание деформировано СМИ. Мы будем все глубже погружаться в трясины недееспособности, если анализ каждого провала нынешних «менеджеров» станем заменять проклятиями в адрес СССР, который не обеспечил нас вечными благами. Власть сидит на хозяйстве, созданном в СССР, «как пила на суку» – и пилит, пилит.

Власть работает на понижение, и силы народа иссякают. Как тифозные вши могут выкосить население целых областей, так и примитивный прием политика – *вульгаризация проблем* – может загнать страну в историческую ловушку. Так и произошло в нынешней России – из мышления и языка исключили саму проблему *выбора*. Политика опущена с уровня *бытия* до уровня *быта*. Дебаты идут только по поводу *решений*, как будто исторический выбор задан стране откуда-то сверху и обсуждению не подлежит. Мы едем неизвестно куда, но доедем быстрее других.

Национальную программу («образ будущего») заменяют импровизации вроде «борьбы» с каким-то наспех слепленным образом зла, а также смесь демократических, рыночных и популистских лозунгов. И мы видим, как на глазах слабеет власть, как она «растаскивается» неизвестно кем из властной верхушки.

Обязанность государства – строить, воспроизводить, ремонтировать и обновлять *общество*, большую систему со сложной структурой и динамикой. Глубина кризиса определена тем, что в России произошла глубокая *дезинтеграция* общества. Остановить этот маховик после 2000 г. не удалось (если такая задача вообще была поставлена).

Демонтажу были подвергнуты общности, игравшие ключевую роль в поддержании политического порядка – *промышленные рабочие, интеллигенция, офицерство*. Разрушение их самосознания можно назвать *информационно-психологической войной*. В большом обзоре 2010 г. сказано: «В ходе “реформирования” отечественного социума советского человека убедили в том, что он живет в обществе тотальной лжи. Родная армия “на самом деле” – сборище пьяниц, садистов и ворья, наши врачи – по меньшей мере, непрофессионалы, а по большей, – просто вредители и убийцы, учителя – ретрограды и садисты, рабочие – пьяницы и лентяи, крестьяне – лентяи и пьяницы. Советское общество и советские люди описывались в терминах социальной тератологии – парадигмы социального уродства, которая, якобы, адекватно отображает реалии... Происходила массированная дискредитация профессиональных сообществ, обесмысливание деятельности профессионалов»⁷.

В 2011 г. Институт социологии РАН опубликовал большой доклад о восприятии реформ в массовом сознании – до настоящего момента. В нем сказано:

«Рассмотрим ситуацию с негативно окрашенными чувствами и начнём с самого распространённого по частоте его переживания чувства **несправедливости всего происхо-**

⁷ Кармадонов О.А. Социальная стратификация в дискурсивно-символическом аспекте // «СОЦИС». 2010, №5.

дящего вокруг. Это чувство, свидетельствующее о нелегитимности в глазах россиян самого миропорядка, сложившегося в России, испытывало в апреле 2011 г. хотя бы иногда подавляющее большинство всех россиян (свыше 90%), при этом 46% испытывали его часто. ...Чувство несправедливости происходящего выделяется... и весьма устойчивой долей тех, кто не испытывал соответствующего чувства никогда – весь период наблюдений этот показатель находится в диапазоне 7–10%. Это свидетельствует не просто о сохраняющейся нелегитимности сложившейся в России системы общественных отношений в глазах её граждан, но даже делегитимизации власти в глазах значительной части наших сограждан, идущей в последние годы»⁸.

Вот глубина и системность кризиса – в духовной сфере практически всего населения России господствует чувство **несправедливости**. И это чувство порождается не какими-то эксцессами или частными противоречиями, речь идет о несправедливости *всего жизнеустройства*. Легитимность власти деградирует непрерывно и во всех слоях общества.

Но этого мало. В Докладе сказано: «Еще одно выраженное негативно окрашенное чувство – это чувство собственной беспомощности повлиять на происходящее вокруг. С разной степенью частоты его испытывают 84% взрослого населения, в том числе 45% – испытывают часто. Примечательно, что чувство беспомощности очень тесно связано с ощущением несправедливости происходящего, образуя в сочетании поистине “тремучую смесь”, изнутри подрывающую и психику, и физическое здоровье многих россиян. Ведь жить с постоянным ощущением несправедливости происходящего и одновременным пониманием невозможности что-то изменить, значит постоянно находиться в состоянии длительного и опасного по своим последствиям повседневного стресса».

Вот вывод психиатра, зам. директора Государственного научного центра клинической и судебной психиатрии им. В.П.Сербского (2010): «Затянувшийся характер негативных социальных процессов привел к распаду привычных социальных связей, множеству мелких конфликтов внутри человека и при общении с другими членами общества. Переживания личного опыта каждого человека сформировали общую картину общественного неблагополучия. Переосмысление жизненных целей и крушение устоявшихся идеалов и авторитетов способствовало утрате привычного образа жизни, потере многими людьми чувства собственного достоинства. Отсюда – тревожная напряжённость и развитие “кризиса идентичности личности”... Развиваются чувства неудовлетворённости, опустошённости, постоянной усталости, тягостное ощущение того, что происходит что-то неладное. Люди видят и с трудом переносят усиливающиеся жестокость и хамство сильных»⁹.

В этом суждении важное место занимает травма, нанесенная именно в духовной сфере людей, – крушение устоявшихся идеалов, потеря чувства собственного достоинства, оскорбительные жестокость и хамство сильных. Но самое тяжелое – это молчание власти, которая на деле создает этим хищникам режим наибольшего благоприятствования. На какую же легитимность она может рассчитывать со стороны основной массы граждан?

⁸ Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров). Аналитический доклад. М., 2011.

⁹ Александровский Ю.А. Социальные катаклизмы и психическое здоровье // «СОЦИС». 2010, №4.

Государство содержит огромную армию социологов. Они неустанно исследуют установки людей из всех социальных слоев и регионов. В тысячах докладов и статей почти в одних и тех же выражениях они сообщают власти один и тот же вывод: господствующее меньшинство (численно очень небольшое) нагло попирает ценности, права и интересы большинства. Более того, оплаченные этим меньшинством СМИ непрерывно оскорбляют большинство, доходя до культурного садизма, – при полном невмешательстве власти.

Власть не верит социологам? Почему? Ведь они почти в полном составе абсолютно лояльны этому государству, прилагают все силы, чтобы помочь ему в тяжелой ситуации кризиса.

Изменение дискурса власти было *необходимо* в кампании выборов 2011–2012 гг., когда уровень легитимности власти стал критическим. Напротив, организованные провластными политологами дебаты на «духовные» темы приобретают разрушительный характер и прямо угрожают государственной безопасности. Власть использовала неформальные организации для возбуждения эмоций и демонизации «оранжевой чумы». Эффект был получен, но дорогой ценой – углублением раскола в обществе и конфликтом со значительной частью интеллигенции и молодежи.

В 90-е гг. средний класс интеллектуалов и интеллигенции (так называемый «новый» средний класс) был заменен средним классом предпринимателей («старый» средний класс раннего капитализма). Вот формулировка социолога (2004): «Раскол постсоветской интеллигенции на небольшую по численности богатую “верхушку” и массы полунитных бюджетников давно привлекает внимание специалистов и простых граждан как одно из наиболее драматичных проявлений социального неравенства в современной России. Есть все основания видеть в нем проявление острой социальной несправедливости и источник социального напряжения в противостоянии “богатые–бедные”»¹⁰.

Возник латентный конфликт власти с интеллигенцией, а значит, кризис легитимности будет углубляться.

Диалога, который требуется в срочном и чрезвычайном порядке, не налаживается.

¹⁰ Попова И.П. Профессионализм – путь к успеху? Социально-профессиональные характеристики богатых и бедных // «СОЦИС». 2004, №3.

РЕАЛЬНОСТЬ КРИЗИСА И ВЫБОР ГРАЖДАН

Российское общество пришло к выборам Президента РФ 2012 г. испытав на себе негативные эффекты мирового экономического кризиса. Больше всего кризис ударил по новому российскому среднему классу, который был сформирован в последние 20 лет бизнес-сектором экономики и который составляет сегодня социальную основу политики либеральных реформ, проводимой Президентом и Правительством РФ. В череде пореформенных лет 2008–2012 гг. оказался для российского общества и государства одним из самых неблагоприятных. На него выпал апогей экономического кризиса, который пришел в нашу страну из-за рубежа и последствия которого создали в российском социуме новый момент истины в осознании новой реальности. Впервые накануне выборов российское общество поняло, что его экономическое благополучие зависит не только от собственных усилий и предприимчивости работодателя и политики Правительства РФ, но и от состояния экономики и финансовой системы США. По сути дела, граждане и политическая элита осознали, что проведенные реформы привели к частичной потере экономического суверенитета страны. Еще горше для граждан и руководства страны оказалось осознание факта, что российская экономика в группе стран БРИКС оказалась наиболее чувствительной к кризису. Тем не менее Правительству РФ в условиях экономического кризиса удалось успешно провести общество через парламентские и президентские выборы, не поднимая в обществе градус тревожности и недовольства в большинстве сфер жизнедеятельности (см. табл. 1)¹¹.

¹¹ Далее приводятся данные, полученные в рамках социологического мониторинга «Как живешь, Россия», проводимого Аналитическим центром стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН с 1992 г. Научный руководитель мониторинга – д.социол.н. В.К.Левашов. Исследовательский коллектив: к.социол.н. И.С.Шушпанова, с.н.с. В.А.Афанасьев, с.н.с. О.П.Новоженина. В исследовании использована квотно-пропорциональная всероссийская выборка с взаимозависимыми характеристиками генеральной совокупности: пола, возраста, образования, места жительства, национального и социально-профессионального состава. В основу территориального размещения выборки легло экономико-географическое районирование страны при соблюдении пропорции численности населения и пропорций между городским и сельским населением. Объем выборочной совокупности составлял на различных этапах 1312–1866 респондентов. Эмпирическим объектом исследования выступало взрослое население России. Исследования 2012 г. проведены при поддержке РФФИ (проект №10-06-00200-а «Социологический мониторинг “Социально-политическая устойчивость российского общества в условиях выхода из мирового экономического кризиса: тенденции и стратегии (2010–2012)”») и РГНФ (проект №11-03-00266 «Модернизация гражданского общества и развитие институтов демократии в России: социологический мониторинг»).

Таблица 1

Динамика тревожности респондентов, РФ, % от числа опрошенных

	1992, VII	1993, XI	1994, II	1995, I	1995, XI	1997, I	2001, XII	2002, XII	2003, X	2005, IX	2006, I	2006, VI	2007, I	2007, VII	2008, II	2008, VI	2008, XI	2009, VI	2009, XII	2010, VI	2010, XII	2011, VI	2011, XI	2012, IV	2012, XII
Дороговизна жизни	-	70	58	60	56	41	66	67	60	60	55	62	58	50	57	58	58	50	48	51	53	56	56	49	51
Произвол чиновников	-	-	-	-	-	-	32	27	29	29	31	32	32	29	31	29	28	28	33	31	35	33	33	41	44
Повышение тарифов на услуги ЖКХ	-	-	-	-	-	-	-	-	44	46	43	45	46	39	48	42	35	36	31	38	43	36	42	40	43
Преступность	44	51	50	43	32	28	51	49	44	32	36	40	36	41	36	32	32	28	34	33	30	29	33	33	31
Повышение цен на продукты питания																40	36	34	32	29	39	31	31	30	29
Падение нравов, культуры	13	-	-	-	-	-	32	27	25	26	25	30	29	33	27	27	29	26	31	26	27	24	24	27	26
Экологическая обстановка	22	26	34	31	21	24	33	32	33	29	31	36	37	42	38	38	32	31	32	32	33	33	25	31	24
Безработица	-	24	24	21	14	14	31	29	25	22	25	27	22	21	18	16	23	32	25	26	29	29	28	27	24
Разделение общества на богатых и бедных	-	22	20	17	13	-	33	33	22	23	27	30	27	26	27	22	22	20	19	20	18	27	22	25	24
Безопасность Ваша и Ваших близких	-	-	-	-	-	-	-	-	31	33	28	32	29	28	26	27	24	22	25	25	27	25	22	24	24
Наркомания	-	-	-	-	-	-	42	26	32	29	30	31	31	34	30	27	26	22	26	23	22	23	24	25	22
Алкоголизм	-	-	-	-	-	-	17	17	18	20	20	23	25	28	27	22	19	22	25	22	20	24	23	23	22
Закрытие, простой предприятий	-	-	32	30	19	22	28	19	16	14	13	14	14	10	13	8	12	15	14	14	11	14	13	14	14
Терроризм	-	-	-	-	3	-	27	29	31	26	24	20	17	21	15	12	16	9	17	24	15	18	14	14	13
Обострение межнациональных отношений	26	11	10	10	6	7	21	15	8	8	10	11	11	10	8	9	10	9	9	8	9	10	10	11	12
Высокая инфляция																25	26	19	14	13	11	16	11	10	11
Задержка выплаты зарплаты, пенсий	-	-	-	-	-	39	19	21	11	11	9	9	9	7	7	5	7	11	7	7	7	7	7	7	9
Мировой экономический кризис	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	16	14	9	7	4	7	4	6
Монетизация льгот	-	-	-	-	-	-	-	-	-	13	6	4	4	4	3	2	3	3	2	5	2	2	2	1	3

Примечание: (-) – отсутствие позиции в инструментари; сумма ответов превышает 100%, так как респонденты могли отметить несколько позиций.

Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Структура тревожности массового сознания граждан – одна из основных характеристик состояния социального здоровья общества. По-прежнему дороговизна жизни остается главной заботой и тревогой большинства граждан в нашей стране, и на этом основании – главной социально-экономической характеристикой российского гражданского общества. В России, по мнению ее граждан, существует дорогое для жизни гражданское общество. Данные социологических исследований показывают, что уровень тревожности массового сознания граждан по поводу своего экономического положения флуктуирует и остается на довольно высоком уровне (см. табл. 1).

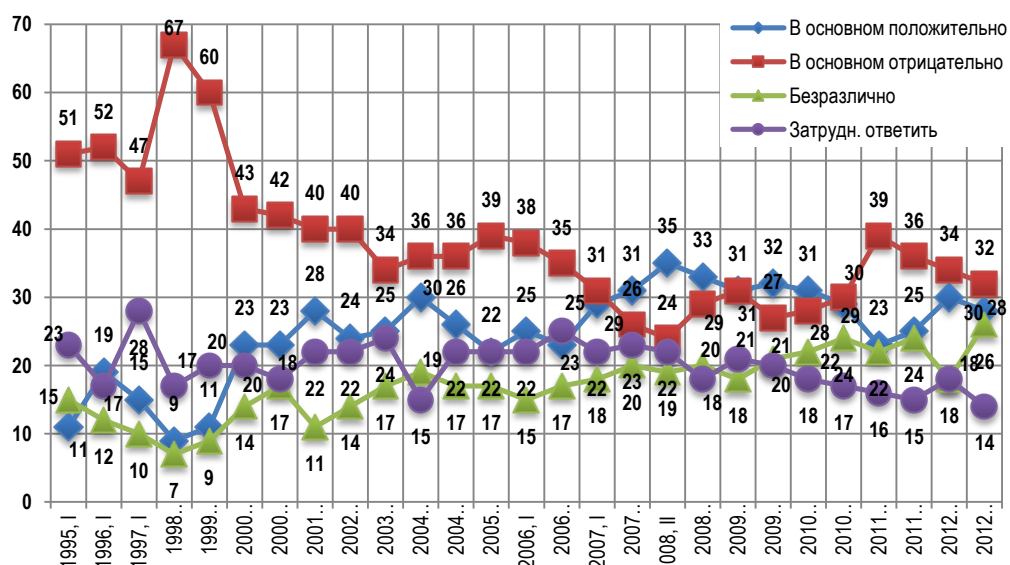
По данным исследования, в декабре 2012 г. дороговизна жизни (51%), произвол чиновников (44%), повышение тарифов на услуги ЖКХ (43%) являлись доминирующими тревогами массового сознания. Далее структура актуальных тревог сложилась следующим образом: преступность (31%), повышение цен на продукты питания (29%), падение нравов, культуры (26%), экологическая обстановка (24%), безработица (24%), разделение общества на богатых и бедных (24%), безопасность близких (24%), наркомания (22%), алкоголизм (22%), закрытие, простой предприятий (14%), терроризм (13%), обострение межнациональных отношений (12%), высокая инфляция (11%), задержка выплаты зарплаты, пенсий (9%), мировой экономический кризис (6%), монетизация льгот (3%). Из всего приведенного ряда тревог обращает внимание увеличение по сравнению с ноябрем 2011 г. тревог граждан по поводу произвола чиновников (рост на 11 процентных пунктов), а также небольшое снижение тревог граждан в отношении дороговизны жизни (на 5 процентных пунктов). Структура и характер тревог в обществе к декабрю 2012 г. стали в значительной мере определяться политикой, проводимой государством в направлении модернизации и диверсификации.

Динамика отношения респондентов к курсу проводимых экономических реформ терпела некоторые изменения (см. график 1).

В декабре 2012 г. положительно относились к курсу проводимых экономических реформ 28% респондентов, 32% респондентов относились негативно, 26% – безразлично и 14% – затруднились ответить. Таким образом, реформы оставались вне интересов и внимания 40% граждан. По сравнению с апрелем 2012 г. число граждан, безразлично относящихся к курсу проводимых экономических реформ, выросло на 8 процентных пунктов. В целом за полтора года наблюдались следующие тенденции: постепенное снижение численности граждан, отрицательно относящихся к курсу проводимых экономических реформ, увеличение количества россиян с положительной и безразличной оценкой проводимых экономических реформ.

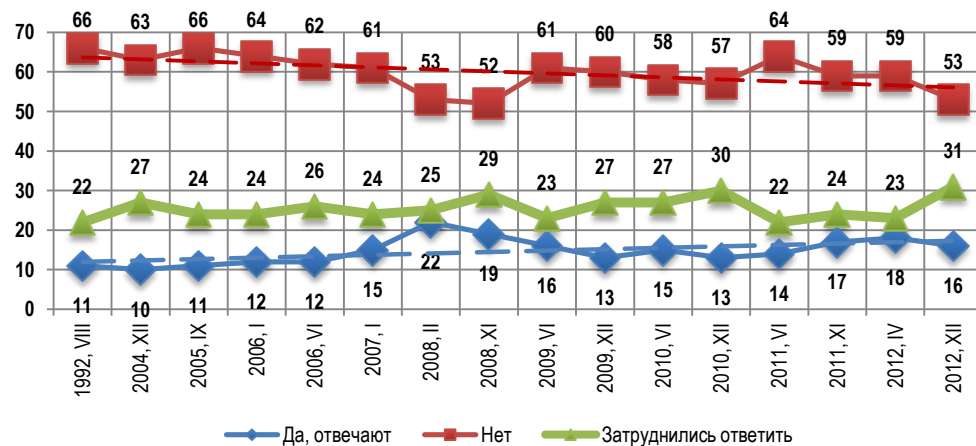
Следует подчеркнуть, что на всем протяжении кризисных лет в России продолжало действовать фундаментальное социально-политическое противоречие между интересами большинства общества и политикой реформ государства. Распределение мнений респондентов о том, отвечают или нет проводимые экономические преобразования интересам большинства населения, подтверждают указанный вывод (см. график 2).

График 1
Динамика отношения респондентов к курсу проводимых экономических реформ, РФ, % от числа опрошенных

Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

График 2
Мнение респондентов о том, отвечают или нет проводимые экономические преобразования интересам большинства населения, РФ, % от числа опрошенных

По данным исследования, только 16% граждан считали, что реформы отвечают интересам большинства населения, 53% – имели противоположное мнение и 31% – затруднились ответить на вопрос. Анализируя тенденции, отметим, что за 2012 г. наблюдалось снижение количества граждан, считающих, что экономические преобразования не отвечают интересам большинства населения и соответственное увеличение численности россиян с противоположным мнением. Однако уровень гражданской культуры общества, усилия граждан и политиков оказались достаточными для того, чтобы выйти из ямы кризиса без критически массовых социальных протестов и забастовок. Такая толерантная реакция на кризис не означает, что социум не был наполнен критическими настроениями и пассивен в протестных действиях. В своем большинстве российское общество по-прежнему считает, что проводимые экономические преобразования не отвечают интересам большинства населения.

Экономическое положение большинства российских граждан остается тяжелым (см. график 3).

В декабре 2012 г. сами граждане России оценивали свои денежные доходы следующим образом. Около 20% респондентов, по их самооценке, живут в условиях нищеты и бедности: не доедая (3%) или еле-еле сводя концы с концами, зарабатывая деньги, которых хватает только на приобретение продуктов питания (17%). У 57% респондентов денег хватает для приобретения необходимых продуктов и одежды, 20% могут позволить купить себе большинство товаров длительного пользования, 3% не отказывают себе ни в чем.

Отметим, что по сравнению с данными исследования ноября 2011 г., число «обеспеченных» россиян увеличилось на 4 процентных пункта, приблизившись к максимальным значениям, а количество «бедных» граждан снизилось на 6 процентных пунктов, достигнув минимального значения с 1993 г. При этом число «нищих» россиян приблизилось к минимальному количественному показателю. **Все же, несмотря на меры, предпринимаемые Правительством РФ по повышению зарплат и пенсий, более половины респондентов продолжали жить в стесненных денежных обстоятельствах. Тенденция поляризации населения по признаку денежных доходов продолжала усиливаться. Представленные на графике 3¹² данные показывают, что группа «ограниченных в средствах» граждан растет более высокими темпами, чем группа «обеспеченных» граждан.**

Как показывают данные исследования, в целом в 2012 г. большинство россиян не ограничивали себя в потреблении электричества, в продуктах питания и в поездках на транспорте (см. табл. 2).

¹² Вопрос: «Какая из ниже приведенных оценок наиболее точно характеризует Ваши доходы?». Варианты ответов: «“Богатые” – денег вполне достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать»; «“Обеспеченные” – покупка большинства товаров длительного пользования (холодильник, телевизор) не вызывает у нас трудностей»; «“Ограниченные в средствах” – денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды»; «“Бедные” – денег хватает только на приобретение продуктов питания»; «“Нищие” – денег не хватает даже на приобретение продуктов питания».

График 3

Самооценка денежных доходов респондентов, РФ, % от числа опрошенных

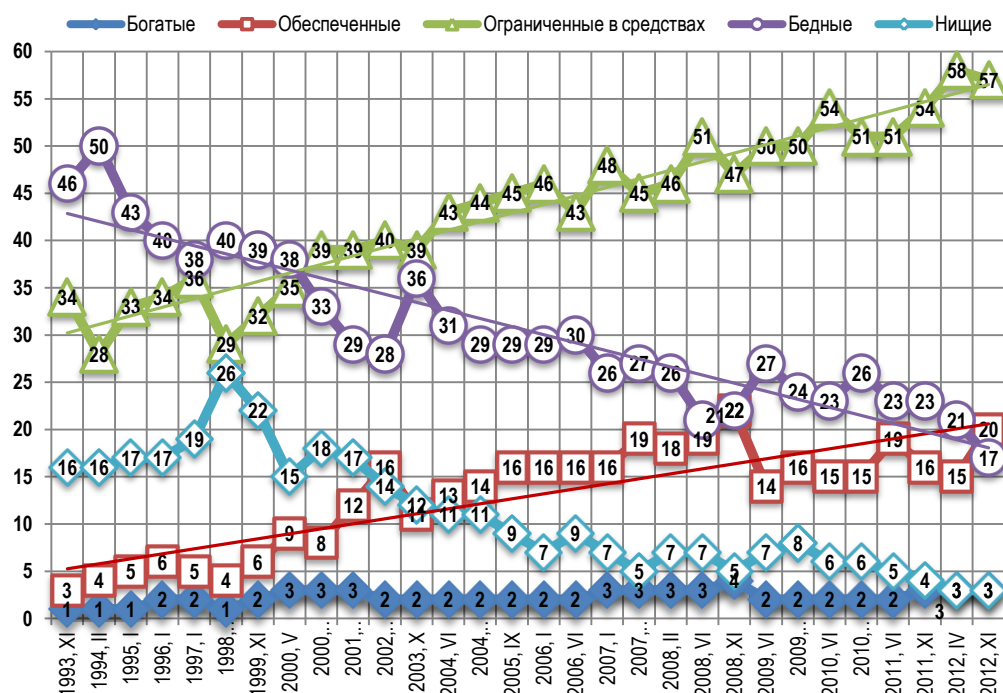

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Как часто за последние 12 месяцев Вашей семье приходилось ограничивать себя в следующем?», РФ, % от числа опрошенных

	Постоянно		Изредка		Никогда		Затрудняюсь ответить	
	2005, IX	2012, XI	2005, IX	2012, XI	2005, IX	2012, XI	2005, IX	2012, XI
В продуктах питания	20	9	35	34	41	54	4	3
В отдыхе	49	34	31	36	13	26	7	4
В одежде, обуви	29	16	46	44	21	37	4	3
В потреблении электричества	12	8	22	24	59	65	7	3
В поездках на транспорте, бензине для автомобиля	20	12	31	31	40	52	9	5
В медицинском обслуживании	22	16	34	36	36	41	8	7
В лекарствах	22	17	32	32	38	45	8	6
В ремонте жилья	47	35	28	33	15	26	9	6
В посещениях театра, кино	40	25	26	30	19	31	15	14
В газетах	20	13	25	21	40	47	15	19

По мнению граждан, в 2012 г. постоянно ограничивали себя в ремонте 35% респондентов, в отдыхе – 34%, в посещении театра и кино – 25%, в лекарствах – 17%, в одежде и обуви – 16%, в медицинском обслуживании – 16%, в газетах – 13%, в поездках на транспорте – 12%, в продуктах питания – 9%, в потреблении электричества – 8%. Отметим, что за прошедшие 7 лет доля россиян, постоянно ограничивающих себя в отдыхе, снизилась на 15 процентных пунктов, в посещениях театра и кино – на 15 процентных пунктов, в одежде – на 13 процентных пунктов, в ремонте жилья – на 12 процентных пунктов, в медицинском обслуживании – на 6 процентных пунктов, в лекарствах – на 5 процентных пунктов.

По данным исследования, за последние 12 месяцев изредка приходилось ограничивать себя россиянам в одежде и обуви (44%), в отдыхе (36%), в медицинском обслуживании (36%), в продуктах питания (34%), в ремонте жилья (33%), в лекарствах (32%), в поездках на транспорте (31%), в посещении театра и кино (30%), в потреблении электричества (24%), в газетах (21%). Данная группа респондентов в численности являлась наиболее стабильной. В 2012 г. никогда не приходилось ограничивать себя россиянам в потреблении электричества (65%), в продуктах питания (54%), в поездках на транспорте (52%), в газетах (47%), в лекарствах (45%), в медицинском обслуживании (41%), в одежде и обуви (37%), в посещении театра и кино (31%), в отдыхе (26%), в ремонте жилья (26%).

За прошедшие 7 лет число граждан, никогда не ограничивающих себя в одежде и обуви, увеличилось на 16 процентных пунктов, в продуктах питания – на 13 процентных пунктов, в отдыхе – на 13 процентных пунктов, в поездках на транспорте – на 12 процентных пунктов, в посещениях театра и кино – на 12 процентных пунктов, в ремонте жилья – на 11 процентных пунктов, в лекарствах – на 7 процентных пунктов, в газетах – на 7 процентных пунктов, в потреблении электричества – на 6 процентных пунктов, в медицинском обслуживании – на 5 процентных пунктов.

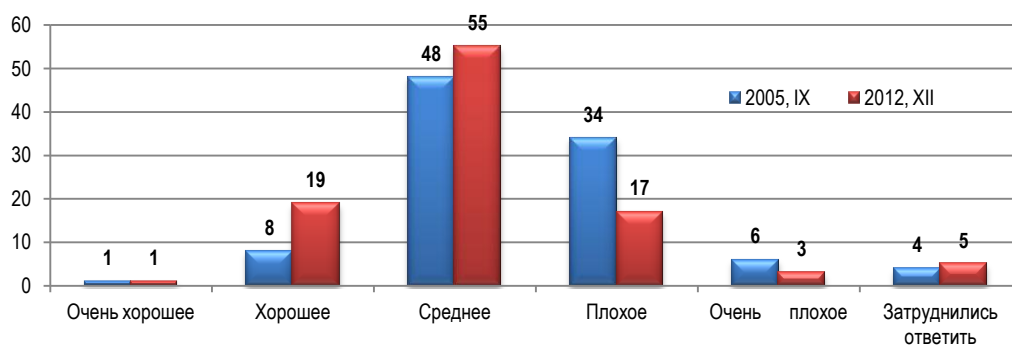
Из данных исследований 2005 г. и 2012 г. видно, что значительно уменьшилось число респондентов, вынужденных постоянно ограничивать себя во всех перечисленных потребностях. Если в 2005 г. постоянное ограничение было зафиксировано в отдыхе (49%), в ремонте жилья (47%), в посещении театра, кино (40%), в одежде и обуви (29%), и наименьшее в потреблении электричества (12%), то в 2012 г. были получены такие результаты. Постоянно ограничивают себя в ремонте жилья 35% респондентов, в отдыхе – 34%, посещении театра, кино – 25%. В наименьшей степени ограничивают себя: 9% респондентов в продуктах питания, 8% – в потреблении электричества. Структура постоянных ограничений потребностей за прошедшие семь лет изменилась незначительно. Первые три места «постоянных ограничений» остались прежними: ремонт жилья, отдых и посещение театра, кино. Группа граждан, постоянно ограничивающих себя в продуктах питания, сократилась с 20 до 9%.

В 2012 г. меньше всего ограничивали себя в потреблении электричества 65% респондентов, в продуктах питания – 54%, в поездках на транспорте, бензине для автомобиля – 52%. В 2005 г. эти три статьи расходов занимали те же места в бюджете семей респондентов, но в среднем были меньше на 12 процентных пунктов. Рассматривая категории ограничений, отметим, что граждане «никогда не ограничивают» себя в потреблении электричества, в продуктах питания, в поездках на транспорте, в лекарствах, в медицинском обслуживании, в посещениях театра и кино, в газетах. «Изредка ограничивают» себя в одежде и обуви, в отдыхе. «Постоянно ограничивают» себя граждане в ремонте.

Изменилась оценка россиянами материального положения своих семей. По состоянию на декабрь 2012 г. большинство граждан (55%) оценивали свое материальное положение как «среднее» (см. график 4).

График 4

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы оцениваете материальное положение вашей семьи в настоящее время?», РФ, % от числа опрошенных

Оценки гражданами материального положения своей семьи по шкале «очень хорошее/очень плохое» распределились в 2012 г. следующим образом: 1% – «очень хорошее», 19% – «хорошее», 55% – «среднее». 17% и 3% граждан, соответственно, поставили самые низкие оценки: «плохое» и «очень плохое». По сравнению с сентябрем 2005 г. самооценка россиянами материального положения своих семей претерпела положительные изменения. Число граждан, оценивших материальное положение как «хорошее», возросло на 11 процентных пунктов, «среднее» – на 7 процентных пунктов. В то же время произошло снижение на 17 процентных пунктов доли россиян, оценивших материальное положение как «плохое». Тем не менее через 5 лет значительного улучшения материального положения своих семей респонденты не ожидают (см. график 5).

График 5

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Каким, по Вашему мнению, будет материальное положение Вашей семьи через 5 лет?», РФ, % от числа опрошенных

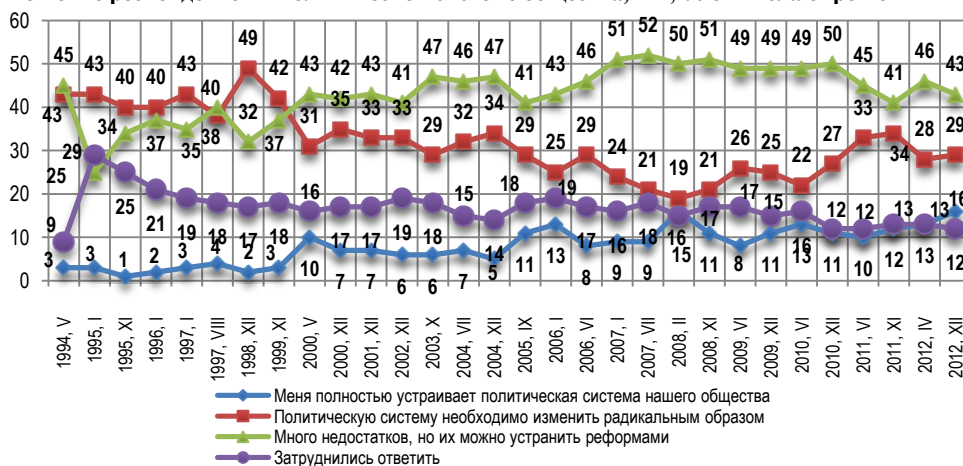

Согласно данным декабрьского исследования, значительного улучшения материального положения своей семьи через 5 лет ожидают только 4% россиян. Пятая часть респондентов (22%) рассчитывают на улучшение материального положения, 34% граждан считают, что материальное положение их семей останется без изменений. Ухудшение и существенное ухудшение прогнозируют, соответственно, 13% и 1% россиян. Четверть респондентов (26%) затруднилась ответить. В целом наметилась слабая положительная тенденция в отношении оценки будущего состояния материального положения семей россиян. Следует также отметить, что по сравнению с сентябрем 2005 г. на 11 процентных пунктов увеличилось число граждан, считавших, что материальное положение их семьи через 5 лет останется без изменений, а число затруднившихся ответить уменьшилось на 12 процентных пунктов.

Анализируя социально-экономическое положение граждан, можно сделать следующие выводы. Дороговизна жизни, произвол чиновников, повышение тарифов на услуги ЖКХ являлись доминирующими тревогами массового сознания. В целом к курсу проводимых экономических реформ положительно относятся более четверти (28%) российских граждан. К концу 2012 г. в России образовалось общество, в котором живет до 3% очень богатых людей и до 3% очень бедных – нищих. Пяту часть граждан по самооценке денежных доходов можно условно отнести к среднему по российским стандартам классу. Подавляющее большинство российских граждан (80%) испытывают денежные затруднения. За прошедшие 12 месяцев россияне в большинстве своем не ограничивали себя в потреблении электричества, в продуктах питания и в поездках на транспорте. Большинство граждан оценивали свое материальное положение как «среднее». Однако значительного улучшения материального положения своей семьи граждане в ближайшие пять лет не ожидают. Российские граждане считают, что вступление России во Всемирную торговую организацию не повлияет на их материальное положение. Экономическое состояние общества не может не сказываться на его отношении к политической системе общества (см. график 7).

График 7

Отношение респондентов к политической системе общества, РФ, % от числа опрошенных

Большая часть российских граждан считали, что политическую систему страны необходимо изменить радикальным образом (29%) или устранить многие недостатки реформами (43%). Около 16% граждан полностью устраивала политическая система российского общества, а затруднились ответить 12%. Отметим, что число россиян, которых полностью устраивает политическая система общества, возросло и приблизилось к наибольшим значениям. Динамика, характер и структура отношений респондентов к политическим и социальным институтам и структурам существенных изменений не претерпела (см. табл. 3).

Таблица 3

Динамика отношений респондентов к политическим и социальным институтам и структурам, вариант ответа: «Доверяю», РФ, % от числа опрошенных

	Президент РФ	Правительство РФ	Совет Федерации	Государственная Дума	Администрация Президента РФ	Совет Безопасности	Общественная палата	Милиция, суд, прокуратура	Армия	Профсоюзы	Церковь	Партии, политические движения	Общественные организации	Руководители регионов	Средства массовой информации	Банковские, предпринимательские круги
1995, I	9	8	7	10	-	-	-	16	35	18	-	6	-	11	21	6
1997, I	17	14	10	14	9	10	-	10	36	11	33	11	-	28	20	8
1998, XII	6	11	8	13	3	9	-	11	27	17	33	13	-	23	18	5
1999, XI	4	18	14	14	3	14	-	12	38	15	26	7	-	23	12	5
2000, V	41	20	13	12	14	17	-	13	43	21	35	16	-	20	17	8
2000, XII	43	23	9	12	10	19	-	15	41	19	28	17	-	21	16	11
2001, XII	49	23	15	12	16	21	-	12	39	17	33	12	-	17	12	10
2002, XII	44	18	10	10	15	17	-	10	31	13	33	15	-	23	17	11
2003, X	57	20	13	9	19	22	-	11	36	15	36	8	-	20	17	12
2004, VI	53	23	13	10	20	23	-	9	30	17	38	9	-	16	20	10
2004, XII	49	17	11	6	19	21	-	9	27	16	35	5	-	15	19	12
2005, IX	48	20	14	10	19	23	-	12	31	12	35	7	-	21	23	12
2006, I	46	20	13	10	20	20	-	11	30	14	35	9	-	19	22	11
2006, VI	51	18	12	10	20	21	-	11	30	15	37	8	-	18	23	10
2007, I	63	26	15	12	26	31	17	11	39	19	46	9	20	17	21	16
2007, VII	63	28	17	13	26	29	16	9	30	17	42	13	20	22	20	12
2008, II	70	39	25	18	34	30	20	11	41	20	43	13	20	24	22	15
2008, VI	57	38	21	16	31	28	21	11	47	23	51	10	20	24	22	15
2008, XI	60	46	22	17	35	34	18	13	43	18	47	13	22	26	23	13
2009, VI	56	42	20	19	30	29	17	15	40	18	47	11	20	24	23	10
2009, XII	58	45	26	19	32	32	23	13	41	24	45	19	25	25	27	15
2010, VI	59	44	25	22	31	30	21	15	46	24	50	21	30	35	26	16
2010, XII	55	43	26	18	32	31	21	11	40	18	49	17	27	34	26	15
2011, VI	49	38	21	16	24	27	16	12	40	19	46	16	23	23	26	12
2011, XI	47	39	22	19	28	28	21	14	41	20	49	20	28	28	24	13
2012, IV	51	37	24	19	27	32	21	13	48	23	55	22	32	24	23	14
2012, XII	47	35	27	21	28	32	23	18	47	21	52	22	31	29	26	16

Примечание: (-) – отсутствие позиции в инструментарии.

В декабре 2012 г. структура доверия политическим институтам в порядке убывания выглядела следующим образом: Президент РФ (47%), армия (47%), Правительство РФ (35%), Совет Безопасности (32%), руководители регионов (29%), Администрация Президента РФ (28%), Совет Федерации (27%), Государственная Дума (21%), милиция, суд, прокуратура (18%).

Среди институтов гражданского общества наибольшим доверием у граждан пользовались: церковь (52%), общественные организации (31%), СМИ (26%), профсоюзы (21%), партии, Общественная палата (23%), политические движения (22%), банковские, предпринимательские круги (16%).

По сравнению с апрелем 2012 г., через 9 месяцев после президентских выборов снижение доверия отмечалось к Президенту РФ (4 процентных пунктов). Рост доверия за данный период наблюдался к милиции, суду и прокуратуре (5 процентных пунктов), к руководителям регионов (5 процентных пунктов). Существенных изменений в динамике доверия россиян другим политическим и социальным институтам не произошло.

Рейтинг «недоверия» с некоторыми исключениями отразил вышеуказанные тенденции (см. табл. 4).

По данным мониторинга, в декабре 2012 г. по наибольшим значениям недоверия лидировали милиция, суд, прокуратура (66%), Государственная Дума (55%), банковские и предпринимательские круги (56%), партии и политические движения (52%). По сравнению с апрелем 2012 г. усилилось недоверие к Президенту РФ – с 34% до 38%, Правительству РФ – с 44% до 48%, церкви – с 24% до 28%. Уровень недоверия снизился к милиции, суду и прокуратуре – с 74% до 66%, к СМИ – с 53% до 47%, к банковским и предпринимательским кругам – с 61% до 56%.

Политические взгляды структурировались следующим образом (см. табл. 5).

Более четверти опрошенных (28%) затруднились определить свои политические взгляды, 28% – указали на демократические, 19% – патриотические, 9% – либеральные, 9% – социалистические, 8% – коммунистические, 6% – консервативные, 5% – социал-демократические, 3% – националистические взгляды.

Владимир Путин оставался, по мнению граждан, главным политическим лидером страны, способным вывести Россию из кризиса (38%) (см. табл. 6).

Измерение отношения граждан к политическим партиям, движениям, блокам показывает, что к настоящему моменту в нашей стране не сложилась сбалансированная партийно-политическая система (см. график 8).

Около 37% россиян не поддерживали ни одну из существующих партий, а 8% – затрудняются ответить на вопрос. Партия «Единая Россия» теряет своих сторонников: с конца 2010 г. наблюдается устойчивая тенденция снижения уровня ее поддержки с 35 до 27%. В декабре 2012 г. «Единую Россию» поддерживали 27% граждан. Рейтинги КПРФ и ЛДПР на момент опроса составляли, соответственно, 11% и 6%. Далее следует «Справедливая Россия» (4%). Значения рейтинга всех остальных политических партий незначительны.

Таблица 4

Динамика отношений респондентов к политическим и социальным институтам и структурам
 Вариант ответа: «Не доверяю», РФ, % от числа опрошенных

	Президент РФ	Правительство РФ	Совет Федерации	Государственная Дума	Администрация Президента РФ	Совет Безопасности	Общественная палата	Милиция, суд, прокуратура	Армия	Профсоюзы	Церковь	Партии, политические движения	Общественные организации	Руководители регионов	Средства массовой информации	Банковские, предпринимательские круги
1995, I	74	69	60	61	*	*	-	59	40	52	-	63	-	59	53	65
1997, I	73	72	65	64	74	66	-	66	50	62	48	65	-	62	60	74
1998, XII	85	66	67	69	83	65	-	74	46	62	39	61	-	39	62	78
1999, XI	88	60	54	62	82	58	-	70	44	61	48	64	-	51	66	78
2000, V	39	48	52	62	57	51	-	72	37	54	41	60	-	54	59	70
2000, XII	42	57	60	66	59	47	-	70	44	55	46	57	-	57	63	70
2001, XII	35	53	51	63	57	43	-	70	39	56	38	58	-	55	66	68
2002, XII	36	57	53	67	50	45	-	68	39	53	38	57	-	52	56	58
2003, X	28	55	52	66	49	43	-	73	43	56	36	71	-	56	60	63
2004, VI	31	51	52	63	46	42	-	72	47	55	34	63	-	57	55	64
2004, XII	33	59	55	69	50	48	-	72	48	56	37	68	-	60	57	62
2005, IX	28	49	41	57	42	34	-	64	39	45	26	58	-	47	45	52
2006, I	36	56	49	65	48	44	-	71	46	56	37	65	-	53	56	62
2006, VI	34	57	48	68	46	40	-	76	49	54	36	68	-	54	56	59
2007, I	23	52	47	65	38	34	42	75	43	49	29	64	47	56	53	58
2007, VII	28	51	48	61	42	40	45	75	48	54	35	63	46	55	56	64
2008, II	21	41	41	59	36	38	42	73	41	52	31	60	45	52	56	58
2008, VI	18	34	37	51	28	27	32	74	31	44	21	58	41	44	47	54
2008, XI	17	31	35	52	27	24	33	69	34	45	21	56	36	44	49	52
2009, VI	25	35	35	51	33	30	33	68	34	40	22	58	38	51	48	60
2009, XII	25	32	34	50	32	29	33	69	36	37	23	51	34	49	45	54
2010, VI	22	33	34	44	31	28	31	68	30	36	24	50	32	38	46	59
2010, XII	24	33	34	48	32	27	32	68	33	43	22	50	35	39	45	56
2011, VI	32	41	43	55	43	37	44	72	35	44	25	56	40	58	47	65
2011, XI	34	42	41	49	38	34	36	71	35	41	24	51	33	46	47	57
2012, IV	34	44	41	52	42	34	36	74	28	41	24	53	32	32	53	61
2012, XII	38	48	43	55	42	35	39	66	30	43	28	52	35	42	47	56

Примечание: (-) – отсутствие позиции в инструментарии.

I. Современная социальная реальность России

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «Как бы Вы определили свои политические взгляды?», РФ, % от числа опрошенных

	Демократические	Патриотические	Либеральные	Коммунистические	Социалистические	Консервативные	Социал-демократические	Националистические	Затрудняюсь ответить
2002, XII	16	17	4	7	9	3	1	1	17
2003, X	28	21	8	13	9	3	4	3	30
2004, VI	26	18	10	8	12	7	5	5	29
2004, XII	33	19	8	7	7	4	5	3	30
2005, IX	23	24	6	8	9	5	4	4	32
2006, I	26	21	7	7	10	5	6	5	31
2006, VI	23	26	9	7	8	6	5	2	33
2007, I	26	22	10	10	7	6	5	4	29
2007, VII	26	25	10	7	8	6	4	4	29
2008, II	28	21	9	8	11	5	6	3	27
2008, VI	30	20	10	9	7	5	4	2	29
2008, XI	36	22	9	8	7	5	5	3	24
2009, VI	24	22	11	9	13	5	7	3	26
2009, XII	29	22	10	8	6	7	7	2	27
2010, VI	32	21	10	9	7	6	6	2	25
2010, XII	33	21	9	7	8	6	7	2	24
2011, VI	27	20	9	8	14	5	10	2	24
2011, XI	30	19	9	12	7	4	6	2	27
2012, IV	30	17	9	9	11	5	8	2	26
2012, XII	28	19	9	8	9	6	5	3	28

Таблица 6

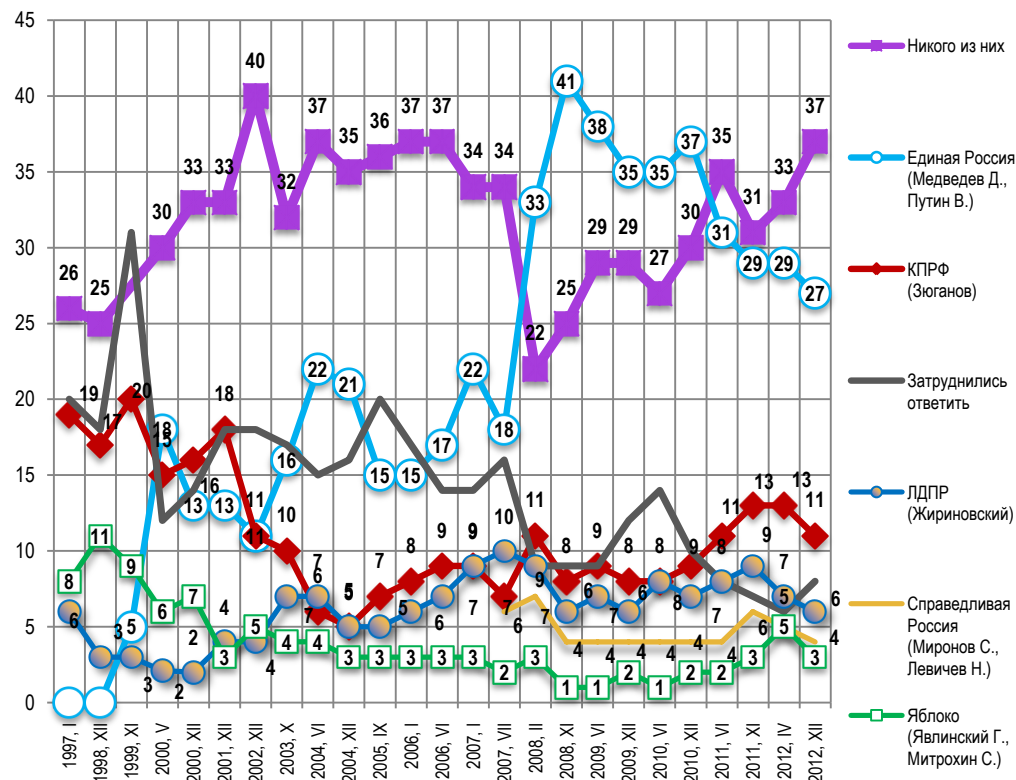
Рейтинг политиков и партийных лидеров РФ. Распределение ответов на вопрос: «Кто из перечисленных лидеров, по Вашему мнению, способен вывести Россию из кризиса?», РФ, % от числа опрошенных

	2000, XII	2001, XII	2002, XII	2003, X	2004, VI	2004, XII	2005, IX	2006, I	2006, VI	2007, I	2007, VII	2008, II	2008, XI	2009, VI	2009, XII	2010, VI	2010, XII	2011, VI	2011, XI	2012, IV	2012, XII
В.Путин	34	42	31	41	42	38	31	33	36	42	46	45	58	51	45	41	43	39	36	42	38
Нет такого лидера	39	31	48	37	38	35	42	32	33	27	32	24	20	27	31	31	31	31	29	25	28
М.Прохоров	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	5	15	11
Д.Медведев	-	-	-	-	-	-	-	1	4	11	9	29	36	28	25	28	27	24	18	14	14
Г.Зюганов	16	18	8	7	4	4	6	6	6	8	6	11	7	7	7	7	8	10	13	12	11
С.Шойгу	6	9	7	10	10	12	8	10	11	10	11	11	11	8	9	8	7	9	6	10	14
В.Жириновский	3	6	4	9	8	8	8	11	9	11	11	11	9	9	8	10	8	11	11	9	7
А.Лукашенко	9	11	5	3	2	4	5	7	8	7	5	4	8	6	7	4	5	6	4	7	6
С.Миронов	-	-	-	1	1	1	1	1	2	3	6	4	5	3	3	3	3	5	6	6	5
М.Ходорковский	-	-	-	2	2	3	3	2	4	3	3	3	2	3	2	4	3	5	4	5	3
Патриарх Кирилл	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	5	4	4	4	4
Г.Явлинский	8	4	6	5	3	3	2	4	2	2	2	3	2	2	1	1	2	2	3	4	3
С.Собянин	-	-	-	-	-	-	-	5	5	4	2	0	3	1	1	2	5	4	5	3	4
А.Навальный	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3	2
А.Кудрин	-	-	-	-	-	1	0	1	1	0	-	-	-	1	0	1	1	2	3	3	4
Г.Каспаров	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1	1	1	2	1	1	0	1	1	1
М.Касьянов	2	5	5	3	-	-	2	1	2	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Г.Гудков	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
А.Чубайс	5	2	3	1	1	1	2	1	1	1	-	-	1	0	1	0	0	1	0	0	1

Примечание: (-) – отсутствие позиции в инструментарии; сумма ответов превышает 100%, так как респонденты могли отметить несколько позиций.

График 8

Уровень поддержки респондентами политических партий, движений, блоков, РФ, % от числа опрошенных

Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Приблизительно четверть респондентов (28%) не отдают предпочтения никому из политиков. Далее следуют Д.Медведев (14%), С.Шойгу (14%), М.Прохоров (11%), Г.Зюганов (11%) и затем на четыре процентных пункта ниже В.Жириновский (7%), А.Лукашенко (6%), С.Миронов (5%). В динамике с апреля 2012 г. рейтинг В.Путина как антикризисного лидера снизился на 4 процентных пункта (с 42 до 38%), М.Прохорова – на 4 процентных пункта (с 15 до 11%). Рейтинг С.Шойгу вырос на 4 процентных пункта (с 10 до 14%).

Доверие В.Путину как антикризисному лидеру более чем в 2,5 раза выше, чем Д.Медведеву (см. график 9).

В.Путин и Д.Медведев остаются лидерами общественного мнения. Оценка их деятельности на государственных постах остается относительно стабильной (см. график 10).

График 9

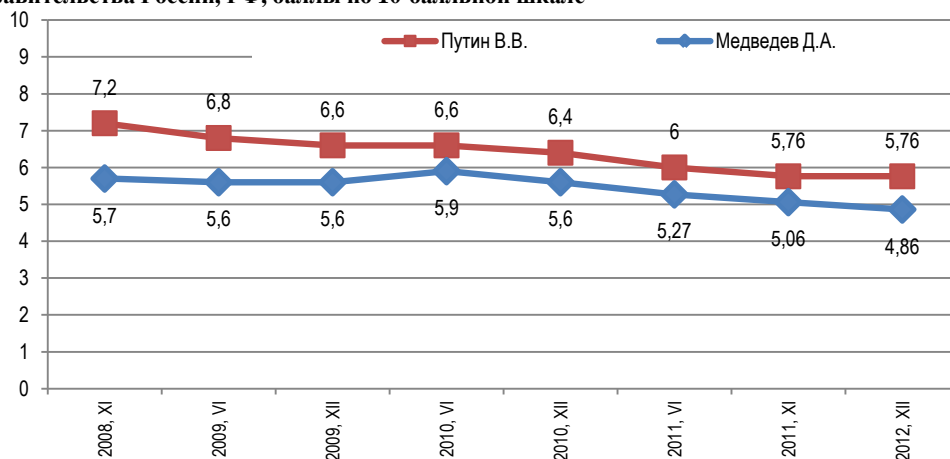
Рейтинг политиков и партийных лидеров России, РФ, % от числа опрошенных

Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

График 10

Оценка деятельности Путина В.В. и Медведева Д.А. на постах Президента и Председателя Правительства России, РФ, баллы по 10-балльной шкале

По 10-балльной шкале деятельность Путина В.В. на посту Президента России оценивается выше (5,76 баллов), чем деятельность Медведева Д.А. на посту Председателя Правительства (4,86 баллов). По сравнению с предыдущими измерениями оба лидера теряют свои позиции, оценка гражданами их деятельности падает. Отметим, что в декабре 2012 г. наблюдается наименьшее значение оценки деятельности обоих лидеров за все годы мониторинга.

Итак, в конце 2012 г. большая часть российских граждан считали, что политическую систему страны необходимо изменить радикальным образом или устранить многие недостатки реформами. При этом число россиян, которых полностью устраивает политическая система общества, постепенно росло. Не претерпела существенных изменений структура отношений респондентов к политическим и социальным институтам и структурам. Более трети россиян доверяли следующим государственным институтам: Президенту РФ, армии, Правительству РФ, Совету Безопасности. К структурам гражданского общества, пользующимся у граждан наибольшим доверием, можно отнести церковь и общественные организации.

В России не сложилась сбалансированная партийно-политическая система. Более четверти опрошенных затруднились определить свои политические взгляды. Столько же по численности россиян считали себя демократами. Однако наибольшее количество граждан не поддерживали ни одну из существующих партий. По-прежнему В.Путин оставался главным политическим лидером страны, способным вывести Россию из кризиса. Анализ оценок деятельности Путина В.В. и Медведева Д.А. на постах Президента РФ и Председателя Правительства показывает устойчивую тенденцию к их снижению, причем деятельность Путина В.В. оценивается выше, чем деятельность Медведева Д.А.

Существующее социально-политическое противоречие между результатами политической практики государства и актуальными и коренными интересами общества остается главной движущей силой конфликта в стране, который обостряется или затухает по мере складывающейся конъюнктуры. Очередное обострение отношений между государством и частью гражданского общества произошло во время выборов. Объективные экономические индикаторы накануне выборов показывали, что российская экономика начала выходить из кризиса. Социологические измерения зафиксировали по отдельным позициям сдвиг настроений в позитивную сторону. Однако базовые социально-политические противоречия не были устранены.

Государство так и не дало ясных сигналов обществу о своих намерениях проводить реформы в интересах большинства членов общества. Во всяком случае в многочисленных заявлениях официальных лиц общество так и не нашло ответов когда и как будет улучшаться положение большинства граждан, продолжающих испытывать материальные трудности. Накануне выборов власть повысила заработную плату военнослужащим, полиции и правоохранительным органам. За бортом остались работники социальной сферы, образования, просвещения, науки, культуры, многих предприятий оборонно-промышленного комплекса, заработная плата которых формируется за счет средств государственного бюджета и государственных заказов. По многим своим базовым социальным характеристикам: образование, квалификация, самооценка положения в обществе они относят себя к среднему классу. Но отсутствие работы или работа не по специальности, низкая зарплата создает в этой социальной группе острое чувство неудовлетворенности своим положением и заставляет их выдвигать требования проведения политики социальной справедливости. совме-

стно с пострадавшим от кризиса низшим звеном бизнес-класса они и составили основной массив протестующих горожан, вышедших на площади с требованиями проведения честных выборов. Требование честных выборов явилось императивным условием будущих перемен и надежд к лучшей жизни.

Напомним, что накануне выборов индикаторы протестной активности не показывали резкого роста значений, хотя каждый десятый гражданин был готов в случае необходимости взять в руки оружие, а треть респондентов в своих ответах указали, что они готовы к активным гражданским действиям в защиту своих интересов. Конечно, трудно было ожидать радикального снижения критических настроений граждан на фоне роста напряженности на рынке труда, оттока капитала из страны и сообщений об удвоении состояния «золотой сотни» – богатейших предпринимателей России. Что касается структуры основных социальных и политических ценностей, то она на протяжении многих лет в российском обществе и накануне выборов оставалась неизменной и характеризовалась ярко выраженным дефицитом социальных целей, гарантий и стандартов, а также политических норм и свобод, адекватных развивающемуся гражданскому обществу России.

Правящая партия не смогла найти креативных возможностей проведения предвыборной пропагандистской кампании, в основе которой лежала бы привлекательная рациональная картина будущего, как результата её политики. Общество так и не услышало ответа на вопрос: «Какое общество строит “Единая Россия”»? Практически вся пропагандистская кампания была построена на эксплуатации эмоциональных механизмов страха, трансляции «страшилок» результатов деятельности провальных реформаторов нулевых годов или «злодеяний» коммунистов в прошлом веке. Партия-фаворит не смогла позвать избирателей в понятное будущее и создать позитивную мотивацию политического выбора для подавляющего числа граждан. Концептуальная ошибка заключалась в ставке не на консолидацию общества вокруг вечных фундаментальных общероссийских национальных целей, а на политическую конкуренцию и ставку только на новый средний класс и либеральный электорат, который в условиях кризиса съёжился и критически радикализировался.

Другим концептуальным просчетом явился созданный на ровном месте, как это неоднократно бывало в нашем Отечестве в силу властного чванства, догматизма и невежества, конфликт с так называемой «несистемной оппозицией». Негибкая, социально перекошенная, жестко построенная партийно-политическая система к началу выборов не отражала весь спектр вызревших в гражданском обществе политических интересов. Новая волна молодых политиков слева и справа не могла войти в публичное политическое пространство и постепенно радикализировалась в своих действиях по мере тщетности попыток самореализации. Изменяющаяся реальность требует от государства проведения постоянного открытого диалога с растущим гражданским обществом, но жестко скроенная, негибкая, лишенная механизмов саморазвития политическая система не чувствует этих вызовов.

Публичный, открытый мониторинг и канализация гражданских инициатив, их социальная экспертиза и правовая оценка являются стандартными процедурами общественно-политической жизни современного гражданского общества. С помощью этих инструментов создается преемственность и устойчивость развития общества и государства по вертикали и горизонтали. Выборы показали косность и несовершенство политической системы, необходимость её ревизии и адекватной вызовам времени модернизации. Последовавшие

в ходе и после выборов массовые гражданские акции протеста выдвинули требования создания в избирательной системе механизмов гарантий и процедур проведения демократических, честных, прозрачных выборов. По результатам выборов уровень критических настроений граждан в отношении работы избирательной системы остается очень высоким (см. диаграммы 1–4).

До 45% граждан считают, что не всем кандидатам в Президенты РФ в ходе предвыборной кампании были предоставлены равные возможности. Только 40% граждан считают, что кандидаты были в равных условиях, а 15% – затруднились ответить. Такое распределение мнений создало предпосылки для возникновения сомнений в честности и легитимности прошедших выборов (см. диаграмму 2).

Мнения граждан о честности и легитимности прошедших выборов Президента РФ распределились в похожей предыдущему распределению пропорции: 38% считают выборы честными и легитимными, 44% имеют обратное мнение и 18% – затруднились ответить на вопрос. Критическое отношение к итогам прошедших выборов не могло не сказаться на общем уровне оптимистических настроений граждан (см. диаграмму 3).

Только треть граждан страны считают, что избранному на выборах 2012 г. Президенту РФ удастся изменить ситуацию в стране в лучшую сторону. 37% так не считают и 30% граждан затрудняются ответить на вопрос. В очередной раз в состоянии общественного дискомфорта и аномии общество раскалывается на три приблизительно равные части: пессимистов, оптимистов и затруднившихся определить своё отношение к будущему. Общество, живущее по модели «трёх третей», явно испытывает дефицит социальной и политической солидарности. Наполнить социум созидательным морально-этическим смыслом и создать в нем условия для декриминализации общественных отношений и возникновению высокой трудовой мотивации – задача нового Президента и Правительства РФ. Отметим, что по результатам опросов, проведенных после выборов, Путин В.В. остаются публично легитимным политическим лидером в стране. Распределение ответов на вопрос о том, за кого голосовали граждане на прошедших выборах Президента РФ, подтверждает этот социологический факт (см. диаграмму 4).

Структура ответов показывает, что 37% голосовали на прошедших выборах за В.В.Путина, 24% не участвовали в выборах, 15% проголосовали за Г.А.Зюганова, 13% за М.Д.Прохорова, 7% за В.В.Жириновского и 4% за С.М.Миронова. Как видно из представленных социологических данных в общественном сознании существует противоречие между мнениями граждан о легитимности выборов Президента РФ и высоком доверии к В.В.Путину. Ликвидировать это и другие социально-политические противоречия предстоит в ближайшем будущем, иначе и так не очень большой кредит доверия общества к существующей власти может быть окончательно потерян. Снять накопившиеся острые противоречия социально-политической сферы жизни общества предстоит с помощью ревизии и реформы существующей политической системы, а также с помощью мер широкого гражданского политического информирования, обучения и практического участия. В конечном итоге усилия государства должны привести к созданию в обществе политической культуры нового качества, которая сможет обеспечить в нашей стране функционирование социального государства.

Диаграмма 1

Распределение ответов на вопрос: «Всем ли кандидатам в президенты РФ в ходе предвыборной кампании были предоставлены равные возможности?», РФ, апрель 2012 г., N = 1795, % от числа опрошенных

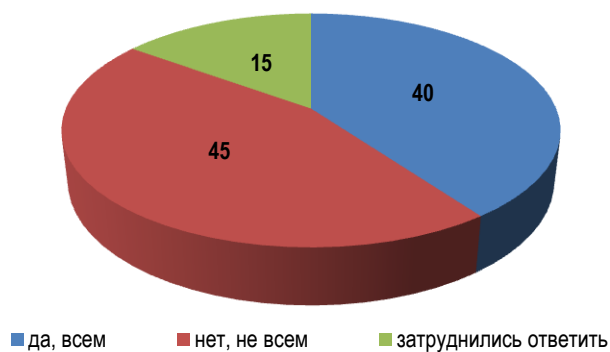

Диаграмма 2

Распределение ответов на вопрос: «Считаете ли Вы, что выборы Президента РФ прошли честно и их результат является легитимным?», РФ, апрель 2012 г., N = 1795, % от числа опрошенных

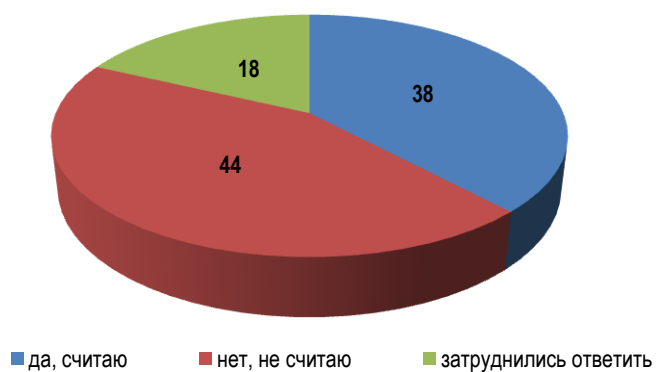

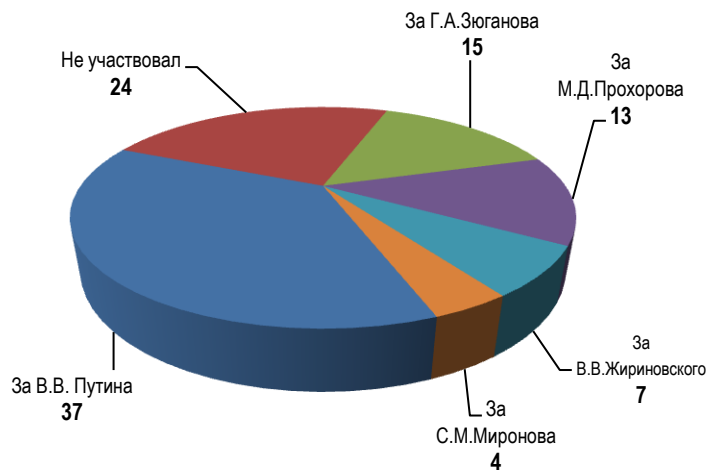
Диаграмма 3

Распределение ответов на вопрос: «Считаете ли Вы, что Президенту РФ, избранному на выборах 2012 г., удастся изменить ситуацию в стране в лучшую сторону?», РФ, апрель 2012 г., N = 1795, % от числа опрошенных

Диаграмма 4

Распределение ответов на вопрос: «За кого Вы голосовали на президентских выборах 4 марта 2012 г.?», РФ, апрель 2012 г., N = 1795, % от числа опрошенных

В целом результаты парламентских и президентских выборов показали, что в мире и в российском обществе на фоне кризиса сформировалась новая социально-политическая реальность, важной чертой которой является неудовлетворенность граждан социальными эффектами проводимой политики. Общество недовольно своим положением и в подавляющем большинстве выступает за перемены и ждет этих перемен от вновь избранных Президента и Правительства РФ. Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. «О долгосрочной государственной экономической политике» обозначил основные направления, меры и показатели развития «в целях повышения темпов и обеспечения устойчивости экономического роста, увеличения реальных доходов граждан Российской Федерации, достижения технологического лидерства российской экономики». Выбор сделан, часы включены – будут ли перемены успешны и своевременны, или нам всем предстоит стать участниками трагикомедии? Продолжая испытывать влияние мирового экономического кризиса, российское общество и государство в ходе выборов получили еще один урок жизни и усваивают новые знания, которые могут избавить их от иллюзий и миражей на вечной дороге к гражданскому обществу в меняющемся новом глобальном мире.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ

Гражданское общество является предметом активных междисциплинарных дискуссий: философы, политологи, политики, экономисты, социологи пытаются определить его роль и место в структуре национальных и межнациональных отношений. Одни при этом видят в гражданском обществе ключ к политическому, экономическому и социальному успеху, другие – критически оценивают его, справедливо заявляя, что люди в любом обществе могут объединяться и направлять совместные усилия на достижение, как достойных, так и низких целей.

Исторический опыт подтверждает это, свидетельствуя также о трансформации самого понятия «гражданское общество». Философы древней Греции практически отождествляли его с государством. В эпоху Просвещения гражданское общество рассматривалось как параллельная государству, но отдельная от него сфера, где граждане создают объединения и ассоциации согласно собственным интересам и потребностям. К середине XIX в. термин

«гражданское общество» практически выходит из употребления, и вспоминают о нем лишь после Второй мировой войны, причем становление «социального государства» во многом обусловлено именно уровнем развития и активностью гражданского общества, обеспечившего к середине XX в. такое равновесие сил различных социальных групп, которое посредством форм представительной и прямой демократии предоставило им возможность влиять на решения, принимаемые на государственном уровне. Один из ведущих зарубежных экспертов в области исследований гражданского общества Лестер М. Саламон (Lester M. Salamon), профессор университета Джона Хопкинса (the Johns Hopkins University's Institute for Policy Studies, USA), отмечал, что XVIII в. дал начало представительной власти, XIX в. стал веком бюрократии, а открытием второй половины XX в. явился некоммерческий сектор¹³.

90-е гг. прошедшего столетия стали периодом особенно острых дискуссий и пристальному вниманию к гражданскому обществу, одни исследователи воспринимали его едва ли не надеждой современного развития, другие оценивали глубину его кризиса. Однако очевидным было то, что разрушение старой системы мироустройства, глобализация экономики, интернационализация демократических институтов, информационная революция расширили возможности развития гражданского общества, позволив ему выйти за рамки национальных границ. На международной арене появился новый актер, который уже не могли игнорировать межправительственные структуры и существующие международные организации. Начался новый этап становления диалога между теми, кому реально принадлежит власть, и теми, кто выражает интересы различных групп граждан, объединенных неправительственными организациями, профессиональными союзами, торговыми палатами, этическими ассоциациями и иными общественными институтами.

Сложность института гражданского общества и разнообразие взглядов на его роль в социально – экономической жизни в отдельных странах и на международной арене, обуславливают разнообразие его дефиниций. В наиболее общем виде *гражданское общество можно определить как совокупность общественных институтов, действующих вне структур государства и бизнеса, и позволяющих гражданам посредством их объединений представлять и отстаивать свои интересы, реально участвуя в решении социально-экономических и иных проблем.*

Нередко гражданское общество называют также «третьим сектором», существующим отдельно от государства и бизнеса. Этот термин имеет политическое, экономическое и юридическое измерения. Об экономическом смысле термина «третий сектор» будет сказано чуть ниже. Что же касается политического измерения, то в этих координатах гражданское общество в каком-то смысле близко к так называемым «институтам посредничества» (*intermediary institutions*), таким, как профессиональные ассоциации, религиозные группы, профсоюзы, адвокатские корпорации, которые имеют влияние в различных секторах общественной жизни и способствуют расширению непосредственного участия общественности в осуществлении демократии.

¹³ Global Civil Society: Dimensions of the Nonprofit Sector. The Johns Hopkins Comparative Nonprofit Sector Project, 1999. P.51.

Формально гражданское общество представляет собой совокупность неправительственных и некоммерческих организаций (*non-governmental organisations (NGOs); non-profit organisations (NPOs)*) и институтов, которые представляют интересы и волю граждан. Очень часто добровольный характер участия (волонтерство) является одним из наиболее характерных признаков организаций, составляющих гражданское общество. Важно отметить, что гражданское общество не следует сужать до одних лишь организаций. Любой человек с активной гражданской позицией априори является частью гражданского общества, для этого ему не обязательно становиться членом той или иной общественной организации.

Основываясь на международных сопоставлениях, с организационно-экономической точки зрения *организации гражданского общества* характеризуются рядом общих черт:

- имеют институционально закреплённую структуру;
- отделены от государства;
- не распределяют прибыль среди своих учредителей или руководителей;
- самоуправляемы;
- добровольны (закон не требует обязательного членства, участия в них);
- их деятельность в определенной мере зависит от добровольных пожертвований или волонтерского труда)¹⁴.

Далеко не во всех странах существует юридически определенное и закреплённое в законодательстве понятие неправительственной некоммерческой организации. Чаще оно встречается в странах континентального (кодифицированного) права, реже характерно для стран прецедентного права. Эта особенность существенно отличает гражданское общество как субъект социальной ответственности от государства. Основой его деятельности являются не конституционные и иные законодательно закреплённые обязательства, а самостоятельное, добровольное коллективное решение. Существенным с точки зрения права является то, что деятельность самоорганизующихся структур гражданского общества не должна противоречить конституционным основам конкретного государства. Кстати в данном случае не рассматриваются объединения граждан, ставящих перед собой политические цели, например, завоевание власти, что является характерной особенностью партий. Объединяющим фактором в данном случае выступает конкретный интерес определенных групп граждан, поэтому сфера их социальной ответственности существенно уже, чем у государства, и более конкретна.

Широкий спектр интересов организаций гражданского общества находит отражение в структуре видов деятельности различных неправительственных и некоммерческих организаций. Эта деятельность чрезвычайно разнообразна и нередко имеет страновые особенности, отражая специфику экономического и социального развития конкретной страны, ее культурную идентичность. Тем не менее, как свидетельствуют международные сопоставления, видовая структура некоммерческого сектора представлена, прежде всего, социальными, практическими видами деятельности. Это благотворительность, образование, наука, культура, экология, правозащитная тематика, профессиональные и иные вопросы, непосредственно связанные с жизнью людей.

¹⁴ Ibidem. P.115.

Что касается страновых отличий, то, например, основной сферой деятельности американских НПО традиционно является здравоохранение, французских и итальянских – благотворительность, венгерских – культура и т.д. Разумеется, на приоритеты гражданского общества оказывают влияние особенности территории их функционирования, а также конкретные требования, обусловленные временными рамками.

Разветвленная структура видов деятельности некоммерческого сектора является основой для выявления функций общественных институтов. Практика их деятельности свидетельствует о том, что доминирующей является *социальная функция*. Однако она приобретает определенную специфику, изначально формируясь там, где «не хватает» государства, а рыночные механизмы не способны обеспечить систему распределения, включающую те социальные группы населения, которые в силу различных причин не выдерживают конкуренции на рынке труда и становятся жертвой социального отторжения.

Следующей по значимости является *экономическая функция* гражданского общества. Роль этой функции в последние годы существенно возрастает, что позволяет рассматривать некоммерческий сектор в качестве самостоятельного субъекта экономической деятельности, причем не только в рамках национальных государств, но и в системе международных экономических отношений. К концу XX в. по итогам международных обследований суммарный вклад некоммерческого сектора, определенный на основе данных национальной статистики 35 стран Европы, Азии, Северной Америки, Латинской Америки, Ближнего Востока и Африки, составляет 1,3 трлн долл.¹⁵

Как отмечалось в отчете, подготовленном в 2003 г. американским Центром исследований гражданского общества¹⁶ по проекту «Глобальное гражданское общество», некоммерческий сектор стал одним из крупнейших работодателей, а также действенным механизмом мобилизации общественных ресурсов. По экспертным оценкам, в деятельности некоммерческих организаций (НКО) участвуют почти 40 млн человек. Это 4,4% или каждый двадцатый в экономически активном населении. Из них 22,7 млн человек или 57% работают на условиях оплачиваемой занятости, а 18,8 млн человек или 43% – волонтеры. Высокий уровень добровольного труда в деятельности НКО доказывает, что эти организации способны привлечь к реализации социально значимой деятельности огромный общественный потенциал¹⁷.

Таким образом, участвуя в формировании рынка труда путем обеспечения занятости и самозанятости, способствуя увеличению совокупного спроса и предложения, некоммерческий сектор закрывает зачастую коммерчески неприбыльные сегменты рынка, способствуя тем самым социальной стабильности, что в конечном итоге имеет значение для экономической стабильности в целом.

Кроме того, третий сектор способствует повышению эффективности и государственного сектора экономики, оказывающего социальные услуги гражданам, так как создает для государственных и муниципальных структур своего рода конкуренцию. Как показывают специальные исследования, деятельность некоммерческих организаций помогает улуч-

¹⁵ См. Гражданское общество и государство. М., 2005. С.71.

¹⁶ The Johns Hopkins University, Institute for Policy Studies. Center for Civil Society Studies.

¹⁷ Salamon L.M., Sokolowski W., List R. Global Civil Society: An Overview. The Johns Hopkins Comparative Nonprofit Sector Project, 2003.

шить показатели уровня образования и здоровья нации, что, в свою очередь, увеличивает эффективность экономики и обеспечивает более высокие темпы экономического роста¹⁸.

Таким образом, некоммерческий сектор вносит вклад не только в удовлетворение потребностей населения, но и в создание благоприятного делового климата, стабильность экономического развития и политической системы, основанной на принципах демократии, прозрачности и ответственности.

Значимость экономики некоммерческого сектора не случайно позиционирует его как *самостоятельный – третий сектор экономики*. И хотя, как отмечалось, трактовка понятия «третий сектор» отличается большим разнообразием, с юридической точки зрения выделение организаций гражданского общества в сфере экономики не составляет труда. В странах с рыночной экономикой все множество юридических лиц по типу собственности и характеру деятельности принято подразделять на три составляющие. Первая группа или сектор объединяет все организации, находящиеся в государственной или муниципальной собственности вне зависимости от целей функционирования. Второй сектор составляют частные организации, основной целью деятельности которых является извлечение прибыли или бизнес. И, наконец, организации, имущество которых находится в частной (негосударственной) собственности, а получение и распределение прибыли между участниками не является основной целью деятельности, образуют третий сектор. Именно совокупность негосударственных некоммерческих структур и рассматривается как третий сектор экономики, завоевывающий сегодня свою экономическую нишу.

Расширение зоны активного действия гражданского общества, повышение эффективности его деятельности, а самое главное, его открытость и публичность привлекают все большее количество участников различных социальных акций, создавая мультипликативный эффект, содействуя развитию действующих и появлению новых форм взаимодействия субъектов социальной ответственности. Данный вид деятельности гражданского общества также можно рассматривать как его *особую функцию, обеспечивающую просвещение и привлечение граждан, повышение их социальной ответственности и активизацию гражданской позиции*. Реализации данной функции гражданского общества способствует *сетевая система* его организации.

И, наконец, специфической, имманентно присущей именно институтам гражданского общества, является *функция общественного контроля*, которая, в свою очередь, является неотъемлемой частью *системы общественного регулирования и социального контроля* в целом.

Необходимо различать социальный и общественный контроль.

Социальный контроль – это способ саморегуляции *социальной* системы, обеспечивающий упорядоченное и согласованное функционирование ее элементов и воспроизведение ее существенных структур¹⁹. Социальный контроль как продукт осмысленной челове-

¹⁸ Mankiw N.G., Romer D., Weil D.N. A Contribution to the Empirics of Economic Growth. The Quarterly Journal of Economics, May 1992 (education); Hamoudi A.A., Sachs J.D. Economic Consequences of Health Status: A Review of the Evidence. Center for International Development at Harvard University, Working Papers No30, December 1999.

¹⁹ Социология: основы общей теории. М., 2008. С.505.

ческой деятельности является неотъемлемым элементом социального бытия любого общества, принимающим конкретно-исторические формы, имманентные характеру и особенностям определенной модели социального организма, его политического, экономического и социокультурного устройства.

Социальный контроль имеет два аспекта: он осуществляется на основании включенных во внутренние структуры личности индивида в процессе социализации культурных целей, ценностей и норм (внутренний аспект) и с помощью позитивных и негативных санкций со стороны общества, к которому этот индивид принадлежит (внешний аспект). В социологии также различается *неформальный социальный контроль*, осуществляемый вне системы явно сформулированных правил на основе обычаев и традиционных норм, и *формальный социальный контроль*, осуществляемый государственными органами на основе писанных законов и инструкций²⁰. В обоих случаях целью социального контроля является предотвращение девиантного поведения, способного нарушить социальный порядок.

В современных обществах, где резко возросла роль знания и способностей к социальному действию, возникает противоречие, суть которого состоит в том, что, с одной стороны, все большие слои населения приобретают политические навыки, а с другой, способность государства и его органов диктовать свою волю индивидам уменьшается. Отсутствие в обществе ценностного консенсуса ведет к утрате властью легитимности в глазах многих социальных групп и, следовательно, к разрушению прежних механизмов социального контроля. В современном обществе разумность существующих форм, методов и объемов социального контроля уже не является для индивида аксиомой и требует весомых доказательств.

Направление поискам решения проблемы восстановления механизмов социального контроля может дать концепция коммуникативного действия немецкого философа и социолога Юргена Хабермаса (Jürgen Habermas), который внес существенный вклад в теоретико-философское осмысление проблем современного общества²¹. Центральным проблемным ядром концепции коммуникативного действия Хабермаса выступает проблема преодоления неадекватного (отчужденного) статуса интеллектуально активной и «политически функционирующей общественности». Для описания этой ситуации Хабермас вводит понятие «технологического», субъект-объектного взаимодействия, которое наиболее полно выражает себя в процедуре «овладения внешней природой» и экстраполирует эту парадигму природопользования на все возможные сферы отношений, включая отношения между людьми. Исследователь противопоставляет «стратегическое поведение» и «коммуникативное поведение». Первое ориентировано на достижение цели и прагматическое использование другого в качестве объекта (средства). Второе принципиально основано на субъект-субъектных отношениях, диалогичности, уважении и восприятии другого в качестве самодостаточной ценности. Радикальный поворот общества к свободе возможен, по мнению Хабермаса, только при условии смены субъект-объектно организованной «научно-

²⁰ Там же. С.510–511.

²¹ Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М., 1992; Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000; Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб., 2001.

технической рациональности» на принципиально новую «коммуникативную рациональность», в основу которой положена *субъект-субъектная структура*.

Эта субъект-субъектная структура предполагает, что *социальный контроль* государства и общества за индивидуумом должен «зеркально» сопровождаться *гражданским (общественным) контролем за деятельностью государства*.

С теоретической точки зрения, следует различать общественный контроль за деятельностью государства *в широком и узком смысле*. В широком смысле он представляет собой совокупность форм, принципов, методов и средств воздействия гражданского общества на государство (власть) для обеспечения со стороны последнего своих обязанностей перед обществом; в более узком смысловом значении – это деятельность соответствующих институтов гражданского общества по обеспечению реализации нормативно закрепленных параметров взаимодействия общества и государства посредством установления (выявления) фактического выполнения правовых норм органами государства и сдерживания выявляемых отклонений²². *Общественный контроль* за деятельностью государства в функциональном аспекте выступает средством обеспечения государством исполнения своих обязанностей перед обществом.

Общественный контроль – особая сфера социальной ответственности развитого гражданского общества. Граждане все больше осознают необходимость объединения усилий для *защиты общественных интересов в части, касающейся расходования средств налогоплательщиков и управления общенациональными ресурсами, для противодействия неэффективной деятельности государства и частных структур в социально-экономической сфере, для стимулирования повышения прозрачности, открытости и подконтрольности органов власти, создания климата, неблагоприятного для коррупции*. В современном мире не только политические элиты и партии, но также организации гражданского общества доказали свое право участвовать в определении целей, стратегии и тактики социально-экономического развития страны и, что немаловажно, *контролировать результаты* реализации принятых решений. Более того, подобный контроль просто необходим, поскольку в долгосрочных проектах развития, необходимы специальные и постоянные усилия, чтобы добиться максимального соответствия деятельности органов государственной власти публично заявленным и нормативно одобряемым целям. При этом важно минимизировать ущерб от повреждений, которые наносит системе влияние частных прагматических интересов чиновников. Проще говоря, необходимо создавать специальные внешние стимулы для того, чтобы заставить бюрократию эффективно работать для достижения социально значимых целей.

Как отмечал Нобелевский лауреат по экономике Фридрих Август фон Хайек (Friedrich August von Hayek), «Экономическая проблема возникает, как только различные цели начинают конкурировать за имеющиеся ресурсы»²³. Очевидно, что необходим специальный механизм согласования интересов власти и гражданского общества в целях *оптимизации*

²² См., напр., Федоров В.В. Общественный контроль за деятельностью уголовно-исполнительной системы как форма взаимодействия гражданского общества с государством. Диссертация к.ю.н. Владимир, 2006.

²³ Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. М., 2001. С.129.

социально-экономических решений государства в условиях объективной ограниченности общественных ресурсов. Одним из элементов такого механизма как раз и является *общественный контроль*. Однако реальный, действенный гражданский контроль способен возникнуть и превратиться в эффективный механизм лишь в обществе, которое не только на уровне идей и концепций, но и на уровне *внутренних убеждений* исходит из гуманистической парадигмы соотношения личности, государства и права. В общих чертах ее смысл состоит в следующей системе приоритетов:

- личность – высшая самооценность социума;
- свобода, независимость и развитие человека – высшая социальная цель;
- государство – механизм и основной гарант обеспечения этой цели посредством реализации единого, интегрального интереса;
- право – выражение и гарант свободы.

На практике естественным образом возникает вопрос: способны ли сложившиеся за долгое время социально-исторической эволюции «обычные» инструменты социального контроля, имеющиеся в распоряжении общества, действительно контролировать государство, а еще конкретнее – регулировать и направлять поведение бюрократа? Ведь бюрократия, которая в силу своего положения не связана непосредственно с избирателями и способна извлекать часть своих доходов из источников, не связанных с продажей результатов своей деятельности, обладает огромными возможностями для избегания контроля со стороны общества. Мораль, религия, общественные ценности, традиции, нормы перестают действовать на бюрократа, поскольку он способен психологически и фактически отгораживается от влияния социального контроля, причисляя себя к особой неприкосновенной касте, у которой существует «своя» мораль, «своя» религия, «свой» закон и даже «своя» экономика. Влияние механизмов внутреннего самоконтроля также проблематично, поскольку выживание в бюрократической среде подразумевает необходимость мимикрии в соответствии с принятыми там стандартами. Для поведения бюрократа характерно четкое разделение публичного, нормативного и скрытого, прагматичного уровней деятельности. Если на публичном уровне бюрократ правильно «озвучивает» социально одобряемые «мантры», то на прагматическом уровне он может действовать, как угодно, в том числе нарушая все и всяческие «общепринятые» нормы.

Фактически, немногими оставшимися инструментами, которые могут «достать» и реально поставить под контроль бюрократа являются общественное мнение и СМИ. Но они способны действовать эффективно лишь тогда, когда граждане имеют четко выраженную позицию и способны к активным солидарным действиям, а средствам массовой информации не свойственны болезни сервильности и самоцензуры. Таким образом, развитие институтов гражданского общества и степень их зрелости прямо влияет на уровень эффективности и саму возможность общественного контроля за бюрократией.

Если же трансформационный переход не завершен, гражданское общество недостаточно окрепло, а люди недостаточно ответственны и активны, временно взять на себя миссию общественного контроля могут особые конституционно установленные государственные институты, действующие независимо, публично и гласно на основе делегированных им избирателями полномочий. Такими институтами во всем мире являются *счетные*

*палаты*²⁴ – органы независимого внешнего финансового контроля (государственного аудита). Эффективно функционирующий государственный аудит способен не только замечать временное отсутствие развитых систем общественного контроля, но также способствовать становлению и развитию этой функции гражданского общества. Таким образом, общество в современных условиях может осуществлять внешний контроль за бюрократией как *непосредственно* (общественный контроль), так и *опосредованно* – через конституционный орган внешнего государственного аудита.

Механизмы внешнего общественного контроля призваны обеспечить должное согласование локально эффективной деятельности органов власти, *имеющих ограниченный срок legislatury, с долгосрочными интересами* общества и стратегическими целями общественного развития. Вместе с институтом государственного аудита (внешнего государственного финансового контроля) развитый общественный контроль способен играть роль объективного «зеркала» для государства, проводящего управляемые социально-экономические трансформации, и одновременно механизма обратной связи для социума в целом. Особенно это важно в современных условиях, когда социальный успех и конкурентоспособность стран все больше определяется не столько данными о валовом внутреннем продукте или темпах роста промышленного производства, сколько такими «неэкономическими» показателями, как степень удовлетворенности людей условиями своей жизни, эффективностью работы органов власти, уровнем развития свобод, состоянием экологии и др.

Объем и качество реализации этой функции зависит не только от уровня зрелости гражданского общества и степени развитости демократических институтов, но также от наличия эффективной системы права и *сильного государства*. Последнее утверждение отнюдь не противоречит идее развития гражданского общества.

Как еще раз наглядно подтвердил опыт последних десятилетий, реальная свобода возможна только при наличии эффективно работающего государства. Стремясь в начале 1990-х обеспечить необходимый для либеральных социально-экономических трансформаций «прирост свободы», реформаторы пошли по пути максимального сокращения функций государства. Потребовались годы потрясений для того, чтобы понять: любые реформы вне рамок четко работающих, сильных государственных институтов чаще всего проваливаются.

Важно понимать, что индивидуальная свобода и уровень социального развития не просто дополняют друг друга – между свободой и развитием существует сложная взаимосвязь и взаимозависимость. Безусловно, то, чего люди способны достичь, зависит от их экономических возможностей, политических свобод, развитости общественных движений и условий для получения медицинской помощи, базового образования, а также от социальной поддержки и стимулирования их деятельности²⁵. Но эти условия не возникают сами по себе и не существуют в безвоздушном пространстве. Для того чтобы их создавать, развивать и поддерживать, нужны сильные государственные институты и эффективная правовая система.

²⁴ В разных странах эти органы могут иметь различные названия.

²⁵ Сен А. Развитие как свобода. Пер. с англ. М., 2004. С.21–29.

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КАЧЕСТВА РОССИЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

В условиях сложившейся модели народного хозяйства современной России усиливается восприятие населения как ресурса производительных сил с определенным набором качественных свойств. Важнейшей детерминирующей характеристикой качества населения как ресурса является его способность к возобновлению, что обуславливается параметрами и тенденциями демографического развития.

Неспособность к самостоятельному восстановлению и сохранению человеческого потенциала страны выражена в низком уровне рождаемости, препятствующем равновеликой смене поколений, высокому уровню смертности, ограничивающему продолжительность жизни, распространению малодетности, сокращению трудоспособного контингента, ухудшению семейных и брачных структур.

По данным Федеральной службы государственной статистики, за 9 месяцев 2012 г. в России отмечается естественный прирост. Рождаемость превысила смертность на 0,8 тыс. человек. Такой положительный эффект необходимо не только закрепить, но и преумножить. Угроза депопуляции все еще остается реальной. Поэтому современная семейная и демографическая политика должна быть ориентирована на увеличение численности семей с тремя и более детьми. По сути, для устойчивого достижения демографической безопасности, а значит и сохранения фундаментальной основы российского государства необходим качественный переход к семейной структуре, с высокой долей трехдетных семей.

В настоящее время численность многодетных семей невелика. Они составляют только 6,6% от численности всех домохозяйств, имеющих детей. При этом в сельской местности их доля среди всех домохозяйств составляет 5,5%, а в городах – 1,7%. Распределение многодетных семей по числу детей показывает преобладание трехдетных семей, которые составляют три четверти всех многодетных. С точки зрения демографической классификации, это скорее среднедетность, чем многодетность. Семьи с пятью и более детьми составляют меньше 8%. Многодетные семьи преимущественно являются полными, т.е. семьями с двумя родителями. Неполные многодетные семьи составляют 15,6% от всех многодетных семей (18% в городах и 13% в сельской местности). Среди них 13,9% – матери с детьми, и 1,7% – отцы с детьми.

Таким образом, представленные данные показывают, что доля семей с тремя и более детьми чрезвычайно мала. Такая ситуация крайне негативно сказывается на экономической, демографической и национальной безопасности страны. Стимулирование рождаемости и увеличение численности семей с тремя и более детьми является важнейшей задачей

государственной семейной и демографической политики. Вместе с тем государство должно заботиться не только о стабилизации численности населения, т.е. о количественных показателях, но и о качестве населения. К сожалению, в настоящее время многодетность в России ассоциируется с резким падением социально-экономического статуса. Средний класс, являющийся основой стабильного и благополучного общества, не содержит, как определяющий качественный признак, число детей, а обуславливается имущественными, доходными и жилищными обстоятельствами. Напротив, в США типичная семья, относящаяся к среднему классу, кроме обладания средним доходом, автомобилем, домом и другими атрибутами, содержала и обязательный признак – наличие трех детей. Поэтому численность и социально-экономическое положение многодетных семей являются важнейшими показателями качества населения страны.

ООН и другие международные организации при определении качества населения той или иной страны особое внимание обращают на состояние здоровья населения. Поэтому для нашего исследования важно определение уровня здоровья членов многодетных семей. Многодетность двояко влияет на состояние здоровья членов семьи. С одной стороны существует взаимосвязь между очередностью рождения и заболеваемостью детей. Так, дети, рожденные четвертыми и последующими, имеют в два раза более крепкое здоровье по сравнению с первенцами. С другой стороны, здоровье матерей после каждого рождения ухудшается. Особенно заметной эта тенденция становится после рождения девятого ребенка. При этом, несмотря на ухудшение здоровья, женщины продолжают рожать здоровых детей.

Отдельного внимания заслуживает психическое здоровье членов многодетных семей. Так, малолетние женщины более психически неуравновешенны, склонны к нарциссизму, часто страдают неврозами и истерией. Многие из них не только не хотят, но и не могут иметь детей. Многодетная же мать отличается совершенно иными психическими и духовными качествами: уравновешенностью, любовью к детям и мужу, заботливостью по отношению к семье. У детей из многодетных семей развито чувство альтруизма и взаимной помощи, выражена потребность в физическом труде, самостоятельность, настойчивость в достижении поставленной цели, волевые качества. В начальной школе они отстают от единственных детей в семье, но, благодаря трудолюбию и любознательности, догоняют их в старших классах, а в вузах достигают намного лучших показателей в учёбе²⁶.

Еще одним важным показателем качества населения является уровень образования. Члены многодетных семей отличаются низким уровнем образования. Так, в 2011 г. 35,9% членов многодетных семей среди лиц, имеющих детей до 16 лет, не имели профессионального образования или специальности. При этом 1,2% членов семей с тремя и более детьми имели послевузовское образование, что является наибольшим показателем среди остальных категорий лиц, имеющих детей. Вместе с тем среди членов многодетных семей нет лиц, имеющих неоконченное высшее профессиональное образование. Многодетные отцы имеют более высокий уровень образования, чем матери: 71,0% мужчин и 58,5% женщин, имеющих трех и более детей, имеют профессиональное образование или специаль-

²⁶ *Лулундин В.М.* Здоровье детей в многодетной семье: природа не останавливается на четвёртом ребёнке // <http://www.semya.org.ru>.

ность. Низкий уровень образования определяет уязвимость членов многодетных семей на рынке труда. Только 68,3% лиц, имеющих трех и более детей, работают по специальности. Кроме того, среди членов многодетных семей, имеющих основную работу, не соответствующую полеченной специальности, 79,5% не проходили специальной профессиональной подготовки или переобучения. При этом 22,2% многодетных отцов и 39% многодетных мам имеют профессию, не подтвержденную дипломом. Работы, на которых преимущественно заняты члены многодетных семей, относятся к тяжелым и работам средней степени тяжести (68,6%). Часто это работа на открытом воздухе, поэтому люди постоянно испытывают холод, сырость и т.д. Реже члены многодетных семей заняты на вредных производствах. Кроме того, 23,4% членов многодетных семей среди лиц, имеющих детей до 16 лет, имеют дополнительную работу, причем выполняют ее, как правило, в выходные и праздничные дни (19,4%). Дополнительную работу имеют, в основном, мужчины (29,9% против 13,6% женщин).

Члены многодетных семей, как и другие категории лиц, имеющих детей, не вполне удовлетворены размером своей заработной платы (46,3%). Вместе с тем они вполне удовлетворены выполняемыми обязанностями, режимом работы, условиями труда, удаленностью работы, психологическим климатом в коллективе. Многодетные семьи в 2011 г. испытывали стесненность жилых помещениях (71,4%). В среднем на одного члена домохозяйства приходилось 9,41 м² жилой площади, в то время, как в среднем по стране эта цифра составляла 17,2 м². Улучшают свои жилищные условия только 5,8% многодетных семей среди всех домохозяйств. При этом чаще всего они используют для этих целей средства материнского капитала (41,5%).

Таким образом, многодетные семьи отличаются в худшую сторону от других семей по всем показателям социально-экономического статуса. Данный факт позволяет делать вывод, что качество российского населения в контексте современного положения многодетных семей требует адекватного государственного внимания. В связи с этим, государственная политика, направленная на стабилизацию демографической ситуации, должна содержать меры не только по стимулированию рождаемости, увеличению численности многодетных семей и числа детей в них, но и улучшению их социально-экономического положения и формированию положительного образа семьи с большим числом детей.

Одной из самых важных социально-демографических характеристик качества населения является способность к воспроизводству здорового, способного к обучению и социальной адаптации поколения. В данном аспекте студенческая молодежь представляет особый интерес для исследования, являясь одновременно репродуктивным, образовательным и трудовым потенциалом для России.

Если говорить о матримониальном поведении молодежи, то следует заметить, что привлекательность традиционного зарегистрированного брака в студенческой среде уменьшается, рождение детей откладывается «до лучших времен». Чуть более 8% студентов Москвы состоят в зарегистрированном браке, из них только 5% имеют детей. Недостаточность государственной поддержки для удовлетворения элементарных потребностей человека вынуждает студенческую молодежь совмещать учебу с работой, что оказывает негативное влияние на качество подготовки специалистов, уменьшает рентабельность инвестиций в

образовательную деятельность. Недельная нагрузка студентов в вузах страны в соответствии с Федеральными образовательными стандартами высшего профессионального образования равна 54 часам. Превышение предельной нагрузки за счет совмещения учебы с работой приводит к ухудшению здоровья молодежи, их будущих детей и последующих поколений.

Получение высшего образования в России у молодежи все в большей степени становится «брендом», количество студентов неуклонно растет и в настоящее время оно достигло 7513,1 тыс. человек или 22,3% численности населения 14–30 лет. Доля высшего образования в структуре профессиональной подготовки молодежи увеличивается с каждым годом, в 2009/2010-м учебном году составила 66%. В то же время наблюдается резкое снижение доли лиц, получающих начальное профессиональное образование, вызывая дефицит квалифицированных рабочих на рынке труда. Получение среднего профессионального образования для многих является лишь ступенью для продолжения обучения в высших учебных заведениях, тактическим приемом для получения высшего профессионального образования без сдачи единого государственного экзамена (ЕГЭ). Таким образом, количество лиц с высшим профессиональным образованием растет, качество получаемого образования падает в первую очередь за счет расширения практики негосударственных образовательных учреждений.

Негативные тенденции брачного поведения молодежи России, характеризующиеся ростом количества незарегистрированных партнерских союзов, которые в большинстве своем не заканчиваются официальной регистрацией брака, повторных незарегистрированных союзов и частоты их образования, официальной и неофициальной разводимости, особенно ярко проявляются в студенческой среде.

По данным социологического опроса, проведенного в 2009 г. среди студентов высших учебных заведений Москвы, 21% молодых людей проживает в незарегистрированных союзах. Более половины студентов (59%) рассматривают незарегистрированный брак, как подготовку к будущему браку, пробный брак; 28% студентов незарегистрированный брак рассматривается в качестве альтернативы зарегистрированному браку. Примерно 87% студентов и 92% студентов вузов Москвы допускают проживание в незарегистрированных союзах. Такой либеральный подход к браку среди молодежи будет способствовать дальнейшему увеличению количества незарегистрированных союзов. Данное предположение подтверждается результатами Всероссийской переписи населения 2010 г., согласно которым количество лиц, проживающих в незарегистрированных браках, увеличилось на 3,4% в сравнении с 2002 г.

Юридически зарегистрированные союзы становятся все менее популярными среди студенческой молодежи Москвы. Работы социологов 80-х гг. XX в., посвященные студенческим семьям, обосновывая значимость «студенческих браков» для воспроизводства качественного человеческого потенциала в СССР, утверждали о распространенности подобных союзов среди студентов и прогнозировали их дальнейший рост. По их подсчетам, более 33% студентов к выпускному курсу состоят в браке и имеют детей или собираются в ближайшем будущем родить ребенка.

Студенческая молодежь в современном обществе представляет собой одну из самых социально незащищенных частей населения. Доходы студентов высших учебных заведе-

ний, гарантированные государством в главе 3 Федерального Закона РФ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании», равны 1 тыс. 100 руб., что составляет 1/9 части прожиточного минимума для населения соответствующей возрастной группы.

Таким образом, существующее законодательство в области предоставления образовательных услуг является препятствием для вступления в брак и реализации репродуктивных установок студенческой молодежи. Это создает угрозы снижения социально-демографического статуса именно молодого поколения в общей структуре российского населения. Молодежь и, особенно, студенческая молодежь в сложившихся условиях не имеет возможности стать «локомотивом», изменяющем качество российского населения к лучшему.

Все более значимыми для снижения качества населения России становятся явления, генезис которых основан на социальной природе. Витальность (жизнестойкость) российского общества подвергается угрозам под влиянием распространения таких феноменов как беспризорность, алкоголизация и наркоманизация, преступность и суицид, трансформация «ролевых функций» мужчины, матери, родителей, «атомизация» социума и др.

Наиболее «шокирующим» социально-демографическим трендом новейшей России является распространение суицидальных смертей, которые становятся все моложе. В целом, суициды входят в десять ведущих причин смерти населения во всех странах, а для молодежи в возрасте 15–34 лет – в тройку. К 2020 г. суицид выйдет на второе место в мире как причина смерти, обойдя рак и уступая только сердечно-сосудистым заболеваниям.

Для России проблема самоубийств является особо актуальной, поскольку и по общему уровню смертности от суицидов, и особенно по показателям для подростков наша страна входит в число самых неблагоприятных стран мира. В начале нового века Россия входила в число стран с наивысшими уровнями самоубийств, наряду с Литвой и Беларусью. Российские подростки также чаще своих сверстников из других стран добровольно расстаются с жизнью. Десятилетие назад Россия занимала лидирующее положение по уровню завершенных подростковых суицидов – 22 самоубийства среди подростков 15–19 лет на 100 тыс. соответствующего населения, сейчас уступила первенство Казахстану и Беларуси. По росту суицидов с 90-х гг. прошлого века Россия и в целом страны бывшего СССР выделяются на фоне остальных в Европе и мире, что связано с общественными социально-экономическими катаклизмами. В качестве основной гипотезы, объясняющей сохраняющийся высокий уровень суицидального поведения в странах «постсоветского пространства», в большинстве научных публикаций рассматривается дезадаптация населения к новым социально-экономическим и социально-культурным условиям, сложившимся в результате распада Советского Союза. Произошла ломка в действиях и поведении людей, многие из которых не смогли вписаться в новые реалии. Резкий слом устоявшегося атеистического мировоззрения привел к социальной и идеологической дезадаптации, поскольку большая часть населения страны оторвана от корней религии как интеграционного фактора. Исследователи подчеркивали повышение суицидальной активности у мужчин в предпенсионном возрасте, а также у детей и подростков.

По мнению российских специалистов, профилактика самоубийств в стране мало эффективна, отличается недостаточной превентивной направленностью, ограничениями программного финансирования и слабо координируется. Вместе с тем, если проанализировать список основных проблем, требующих, по мнению российских суицидологов, своего раз-

решения в текущих условиях, то они в основном сводятся к работе с группами риска или семьями и подростками, оказавшимися в трудной жизненной ситуации.

Вместе с тем, как свидетельствует опыт стран, добившихся заметных успехов в сокращении уровня подростковых самоубийств, система профилактической работы должна строиться в двух направлениях – общая и частная профилактика, поскольку под самоубийством понимается как индивидуальный поступок личности, так и социально-психологическое явление. Основным содержанием общей профилактики является ослабление и устранение социальных и социально-психологических причин и условий, способствующих формированию и проявлению суицидального поведения личности. Частная профилактика направлена на своевременное выявление людей, находящихся в суицидоопасном состоянии, и оказание им психологической помощи. Общая профилактика помогает человеку на стадии развития суицидальной тенденции, частная – на стадии обратимой фазы внешнего суицидального поведения.

Таким образом, высокие уровни самоубийств у подростков России аккумулируют два взаимосвязанных процесса: с одной стороны, более выраженные факторы риска в сравнении с европейскими странами, с другой – практическое отсутствие антисуицидальных барьеров на популяционном и индивидуальном уровнях. И это предопределяет необходимость формирования специальной программы с мероприятиями широкого спектра, направленной на сохранение молодого поколения России и вырабатывающей «жизнеутверждающие» модели поведения и практики реализации позитивных жизненных целей.

Если рассматривать одно из требований к качеству населения – воспроизводимость трудоспособного населения, то следует отметить, что в этом аспекте потенциал России серьезно уязвим. В последние годы в России существенно изменяется возрастная структура населения. После 2007 г. сокращается доля населения трудоспособного возраста. В ближайшие годы эти процессы еще более активизируются. Достигать трудоспособного возраста будут значительно более малочисленные поколения (родившиеся во второй половине 1990-х гг. и в начале XXI в.), чем те, кто будет выходить за границы трудоспособного возраста (мужчины 1950-х гг. рождения и женщины конца 1950-х гг. и первой половины 1960-х гг.). Если в конце 1950-х гг. в России рождалось 2,8 млн детей в год, то во второй половине 1990-х гг. в 2 с лишним раза меньше – 1,3 млн (в 1999 г. – 1,2 млн). Даже с учетом относительно низких показателей дожития до окончания трудоспособного возраста (особенно, у мужчин) численность входящих в трудоспособный возраст будет заметно меньше по сравнению с теми, кто из него выходит. Например, на начало 2011 г. доля населения, достигшего пенсионного возраста (60 лет у мужчин и 55 лет у женщин), на треть (33,2%²⁷) больше тех, кому исполнилось 16 лет.

Важной характеристикой воспроизводства трудоспособного населения в России в современный период является наличие существенных региональных различий. Их анализ позволяет выделить специфику трудоспособного потенциала, требующую учета в предстоящих решениях по социально-экономическому развитию территорий. Для их оценки по всем субъектам Российской Федерации был сделан перспективный (до 2025 г.) расчет ме-

²⁷ Этот и все последующие расчеты основаны на оценочных данных без учета результатов переписи населения 2010 г.

тодом передвижки возрастов при условии сохранения неизменных (на уровне 2010 г.) возрастных параметров рождаемости, смертности и миграционного прироста.

Результаты расчетов показали, что доля населения трудоспособного возраста будет сокращаться во всех без исключения регионах. Однако масштабы этого сокращения будут различны. В наибольшей мере они произойдут в Республике Калмыкия и Ханты-Мансийском автономном округе – Югре. Здесь в 2025 г. по сравнению с началом 2011 г. доля населения трудоспособного возраста сократится более чем на 10 процентных пунктов. В несколько меньшей степени, но тоже весьма существенно (от 8 до 10 процентных пунктов) она уменьшится в Республиках Башкортостан, Кабардино-Балкарской, Марий Эл, Мордовия, Удмуртской и Чувашской, в Тюменской и Ульяновской областях, в Ненецком и Ямало-Ненецком автономных округах, в Москве. Напротив, наименьшее (менее, чем на 5 процентных пунктов) сокращение доли населения трудоспособного возраста в этот период произойдет в Ивановской, Московской, Тверской и Тульской областях, в Камчатском крае и в Еврейской автономной области. Примерно поровну регионов тех, в которых наиболее значительное сокращение доли населения трудоспособного возраста будет происходить в 2015–2019 гг. и тех, в которых в 2011–2014 гг. величина этого показателя уменьшится в большей степени, чем в последующее пятилетие.

В 2020–2024 гг. доля населения трудоспособного возраста будет сокращаться в меньшей мере, чем в 2011–2014 и 2015–2019 гг. (исключение составляют Республики Ингушетия, Дагестан и Кабардино-Балкарская). Более того, в 9 регионах (Республика Алтай, Забайкальский край, Амурская, Кемеровская, Магаданская, Сахалинская, Тверская и Томская области, Еврейская автономная область) величина этого показателя на начало 2025 г. будет несколько большей, чем на начало 2020 г. В Республике Бурятия, в Камчатском и Хабаровском краях, в Московской области доля населения трудоспособного возраста на две эти даты будет одинаковой.

На начало 2025 г. самая низкая доля населения трудоспособного возраста будет, видимо (согласно проведенным расчетам) в Чеченской Республике, немного больше – в Республике Калмыкия и Курганской области. Причем если в Чеченской Республике и Курганской области величина этого показателя и сейчас ниже, чем в большинстве российских регионов, то в Республике Калмыкия сейчас доля населения трудоспособного возраста выше, чем в среднем по России, но в ближайшие годы она может очень существенно сократиться.

С другой стороны, наибольшая доля населения трудоспособного возраста к началу 2025 г. будет иметь место в Камчатском крае, в Мурманской области и в Ямало-Ненецком автономном округе.

По ожидаемой величине этого показателя к началу 2025 г. все субъекты федерации можно разделить на три группы:

1-я группа – низкая перспективная доля населения трудоспособного возраста – регионы, в которых величина этого показателя на начало 2025 г. будет заметно (на 1 процентный пункт и более) ниже, чем в целом по России²⁸ (54,3% и менее);

²⁸ Для обеспечения сопоставимости с региональными показателями в качестве среднероссийской величины доли населения трудоспособного возраста на начало 2025 г. берется та, которая получена, как и по регионам, на основе перспективного расчета методом передвижки возрастов при усло-

2-я группа – средняя перспективная доля населения трудоспособного возраста – регионы, в которых величина этого показателя на начало 2025 г. будет отличаться от среднероссийского уровня в большую или меньшую сторону менее, чем на 1 процентный пункт (от 54,4% до 56,2%);

3-я группа – высокая перспективная доля населения трудоспособного возраста – регионы, в которых величина этого показателя на начало 2025 г. будет заметно (на 1 процентный пункт и более) выше, чем в целом по России (56,3% и более).

В первую группу входят 26 субъектов Российской Федерации. Значительная часть этих регионов относится к Центральному (10 регионов) и Приволжскому (8) федеральным округам. В большинстве регионов этой группы и сейчас доля населения трудоспособного возраста ниже, чем в среднем по стране (в 14 регионах ниже на 1 процентный пункт и более). Однако в ряде регионов (Республики Башкортостан, Калмыкия, Марий Эл, Мордовия, Татарстан и Удмуртская, Ульяновская область, Москва) этот показатель сейчас выше среднероссийского уровня, и в период до 2025 г. его величина существенно снизится (на 8 процентных пунктов и более, кроме Республики Татарстан, где доля населения трудоспособного возраста снизится в несколько меньшей степени). Почти во всех регионах этой группы наибольшее снижение доли населения трудоспособного возраста будет происходить в 2015–2019 гг. Только в 5 регионах (Удмуртская Республика, Кировская, Костромская, Курганская и Новгородская области) в 2011–2014 гг. величина этого показателя уменьшится в большей степени, чем в последующее пятилетие. Почти в половине регионов (12 из 26) в 2020–2024 гг. доля населения трудоспособного возраста сократится на 1 процентный пункт и более. Для сравнения во второй группе таких регионов только 4 (из 36), а в третьей – 5 (из 21).

Во вторую группу входят 36 субъектов Российской Федерации. В большинстве регионов этой группы снижение доли населения трудоспособного возраста к началу 2025 г. по сравнению с 2011 г. ожидается несколько меньшим, чем в первой группе. Уменьшение величины этого показателя на 7 процентных пунктов и более ожидается только в каждом пятом регионе (7 из 36), тогда как в первой группе – в половине регионов (13 из 26). С другой стороны, в 16 регионах этой группы предполагаемое снижение доли населения трудоспособного возраста за рассматриваемый период времени составит менее 6 процентных пунктов, а в первой группе – только в трех регионах.

В то же время и сейчас (на начало 2011 г.) в регионах этой группы доля населения трудоспособного возраста, в среднем, выше, чем в регионах первой группы (61,3% против 60,8%). Таким образом, то, что в регионах этой группы доля населения трудоспособного возраста на начало 2025 г. ожидается примерно на среднероссийском уровне, а не заметно ниже его, определяется как относительно (по сравнению с регионами первой группы) более высокой нынешней величиной этого показателя, так и несколько меньшими размерами ее сокращения.

вии сохранения неизменных (на уровне 2010 г.) возрастных параметров рождаемости, смертности и миграционного прироста (55,3%), а не та, которая имеет место в среднем варианте прогноза Росстата (54,7%).

Если, как отмечалось выше, среди 26 регионов первой группы только в 5 регионах в 2011–2014 гг. величина этого показателя уменьшится в большей степени, чем в последующее пятилетие, то среди 36 регионов второй группы, т.е. со средней перспективной долей населения трудоспособного возраста, таковых регионов 20. Таким образом, в отличие от регионов с низкой долей населения трудоспособного возраста в большинстве регионов второй группы в первые годы рассматриваемого периода снижение величины этого показателя будет большим, чем в 2015–2019 гг. В трех регионах (Республика Алтай, Кемеровская и Тверская области) в 2020–2024 гг. доля населения трудоспособного возраста уже немного повысится. В первой группе этого нет ни в одном регионе.

В третью группу входит 21 субъект Российской Федерации. В число регионов третьей группы, т.е. тех, в которых ожидается в начале 2025 г. относительно высокая доля населения трудоспособного возраста, входят все 9 субъектов Федерации Дальневосточного федерального округа, 3 из 6 регионов Уральского федерального округа, по 3 региона из Северо-Западного и Сибирского федеральных округов. Регионы этой группы сейчас отличаются более высокой долей населения трудоспособного возраста. Только в одном (Московская область) из них величина этого показателя на начало 2011 г. немного меньше 62%. Для сравнения, среди 26 регионов первой группы только в 6 регионах доля населения трудоспособного возраста сейчас равна или больше 62%. Среди регионов второй группы таковых 9 из 36.

В то же время можно говорить об относительно (по сравнению с регионами второй группы) большем снижении доли населения трудоспособного возраста в регионах третьей группы к началу 2025 г. по сравнению с 2011 г. Уменьшение величины этого показателя на 7 процентных пунктов и более ожидается в 6 регионах из 21, тогда как во второй группе только в каждом пятом регионе (7 из 36). В еще большей степени, чем применительно к регионам второй группы, здесь можно говорить о несколько большем снижении доли населения трудоспособного возраста в 2011–2014 гг., чем в 2015–2019 гг. Такая ситуация предполагается в 2/3 регионов (14 из 21; во второй группе – 20 из 36). В то же время в Республиках Дагестан и Ингушетия в 2015–2019 гг. снижение доли населения трудоспособного возраста будет значительно большим, чем в 2011–2014 гг. (в этот период в Ингушетии доля населения трудоспособного возраста вообще не уменьшится). В 2020–2024 гг. в двух этих регионах величина этого показателя снизится в большей мере, чем в 2011–2014 гг., а в Республике Ингушетия – даже больше, чем в 2015–2019 гг. В шести регионах (Забайкальский край, Амурская, Магаданская, Сахалинская и Томская области, Еврейская автономная область) в 2020–2024 гг. доля населения трудоспособного возраста уже немного повысится, а в трех (Камчатский и Хабаровский края, Московская область) – останется неизменной.

Характерными особенностями качества населения в контексте изучения динамических и структурных изменений старших возрастных групп являются возрастающая их доля в составе российского населения, снижение потенциала здоровья, существенная гендерная и региональная диспропорция, сужение возможностей трудовой, профессиональной и социальной реализации. Формирование устойчивого тренда старения населения усиливает негативные аспекты качества человеческого потенциала современной России. Эта характеристика обуславливает необходимость существенных сдвигов в социальном обслуживании все возрастающей части населения за пределами трудоспособного возраста, применении новых (более гибких) условий ее использования в экономической сфере, трансформации здраво-

охранительной системы с учетом специфики возрастания медицинских услуг для этой категории населения и ряд других изменений. Несмотря на заметное улучшение демографической ситуации в последние годы, процессы старения в России в ближайшие 10 лет будут нарастать. Доля населения старше трудоспособного возраста возрастет к началу 2025 г. по сравнению с 2011 г. во всех субъектах Российской Федерации. Напротив, наименьшее (меньше, чем на 3 процентных пункта) увеличение доли населения старше трудоспособного возраста в этот период произойдет в Московской и Тверской областях, в Санкт-Петербурге. В большинстве регионов наиболее значительное увеличение доли населения старше трудоспособного возраста будет происходить в 2015–2019 гг. В 2020–2024 гг. доля населения старше трудоспособного возраста будет расти в меньшей мере, чем в 2015–2019 гг. (исключения составляют Республики Дагестан и Тыва).

На начало 2025 г. самая низкая доля населения старше трудоспособного возраста ожидается в Чеченской Республике и Республике Тыва (в этих двух регионах самый высокий в России уровень рождаемости). Сейчас величина этого показателя в Республике Ингушетия и Ямало-Ненецком автономном округе ниже, чем в Республике Тыва, но в предстоящие годы в этих двух регионах, на основании расчетов, предполагается значительно больший прирост доли населения старше трудоспособного возраста, чем в Республике Тыва.

Наибольшая доля населения старше трудоспособного возраста на начало 2025 г. ожидается в Республике Мордовия, Белгородской, Липецкой, Орловской, Пензенской, Псковской, Рязанской, Смоленской, Тамбовской, Тульской и Ульяновской областях, в Москве. Здесь величина этого показателя превысит 30%. Сейчас она выше всего в Рязанской и Тульской областях, но в этих регионах предполагается относительно небольшое ее увеличение к 2025 г.

По ожидаемой величине этого показателя к началу 2025 г. все субъекты федерации можно разделить на три группы:

1-я группа – низкая перспективная доля населения старше трудоспособного возраста – регионы, в которых величина этого показателя на начало 2025 г. будет заметно (на 1 процентный пункт и более) ниже, чем в целом по России²⁹ (25,6% и менее);

2-я группа – средняя перспективная доля населения старше трудоспособного возраста – регионы, в которых величина этого показателя на начало 2025 г. будет отличаться от среднероссийского уровня в большую или меньшую сторону менее, чем на 1 процентный пункт (от 25,7% до 27,5%);

3-я группа – высокая перспективная доля населения старше трудоспособного возраста – регионы, в которых величина этого показателя на начало 2025 г. будет заметно (на 1 процентный пункт и более) выше, чем в целом по России (27,6% и более).

²⁹ Для обеспечения сопоставимости с региональными показателями в качестве среднероссийской величины доли населения старше трудоспособного возраста на начало 2025 г. берется та, которая получена, как и по регионам, на основе перспективного расчета методом передвижки возрастов при условии сохранения неизменных (на уровне 2010 г.) возрастных параметров рождаемости, смертности и миграционного прироста (26,6%), а не та, которая имеет место в среднем варианте прогноза Росстата (27,4%).

Грядущие изменения возрастной структуры населения негативно повлияют на демографическую динамику. Рост доли пожилого населения будет способствовать увеличению числа умерших, а сокращение доли женщин репродуктивного возраста – уменьшению числа родившихся. В целом это обусловит увеличению масштабов депопуляции в России в целом и в большинстве ее регионов.

В связи с этой характерной особенностью воспроизводства населения в «третьем возрасте» возникает необходимость более рационального использования этой группы населения в социально-экономическом развитии. Этому способствуют некоторые качественные свойства российского населения, находящегося в старшем трудоспособном возрасте. Во-первых, если рассматривать экономическую активность данной группы, то можно свидетельствовать о ее росте даже в условиях кризисного периода. Об этом свидетельствует возрастание среднего возраста занятого населения, который в настоящее время составляет 40 лет против 39 лет в 2000 г., тенденция увеличения уровня занятости в возрастах старше 50 лет и рост занятого населения в возрастах 60–72 года.

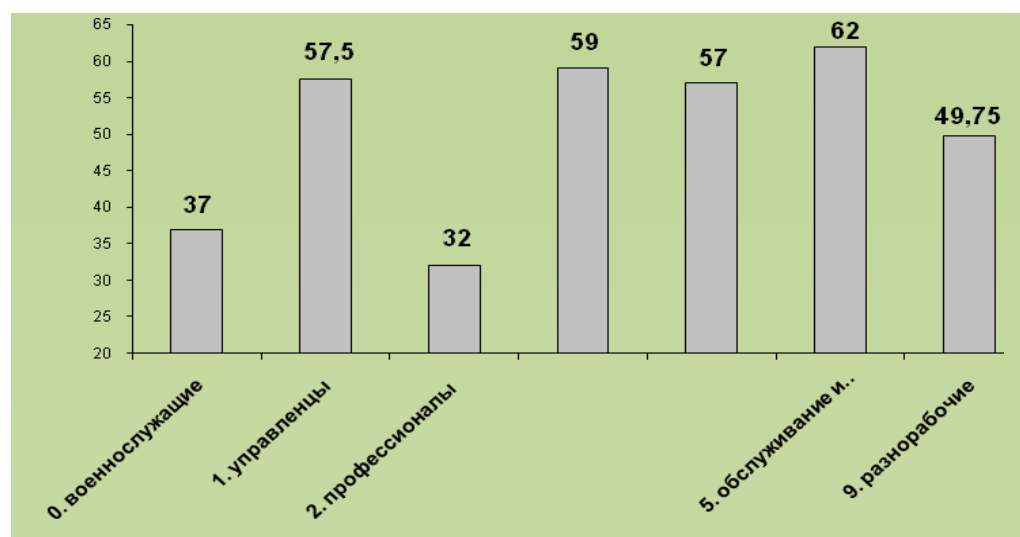
Во-вторых, в России сложились региональные различия в уровне занятости пожилых людей. Гипотетически это может иметь следующие объяснения: в федеральных округах разное соотношение мужчин и женщин в возрасте старше трудоспособного, дифференцированный уровень безработицы, различия в структуре и технологическом уровне производства. Вместе с тем занятость пожилых людей может зависеть и от иных факторов, например, уровня образования данной возрастной группы. Четко прослеживается связь занятости и уровня образования пожилых людей. В стране на время исследования работал каждый 10-й в данной возрастной группе. Почти каждый 2-й (46,7%) пожилой специалист с послевузовским образованием работает. Среди людей, имеющих высшее образование, работает каждый 3-й (29,2%); каждый 5-й (16,5%) со средним специальным образованием. Меньше заняты в экономике лица с начальным профессиональным образованием – работает лишь каждый 10-й (9,7%). Тенденция такова: чем выше уровень образования человека, тем больше вероятность, что он продолжит профессиональное занятие в пенсионном возрасте.

Необходимо отметить, что пожилые специалисты, как правило, не конкурируют с молодежью. При росте сферы услуг они могут более активно включаться в рынок труда, например в таком его сегменте, как уход, оказание помощи ровесникам, нуждающимся в этом, более активно работать с молодежью. В этом направлении интересные данные получены В.Аникиным. Используя данные RLMS за 2008 г. была определена граница возраста, которая показывает уменьшение шансов для занятия позиций профессионалов по сравнению с промышленными рабочими (рис. 1).

Это связано с различием усилий, которые необходимо прилагать работникам, чтобы сохранить за собой рабочее место соответствующего типа (при прочих равных). Чтобы остаться в числе профессионалов, человеку необходимо иметь основы карьерных заделов до 32 лет, в то время, как работники средней квалификации и физического труда могут позволить себе не «беспокоиться» на рабочих местах (при прочих равных) до 50–60 лет. В первом случае речь идет «о более жесткой конкуренции, которая связана не только с возрастом (и другими социально-демографическими факторами), но и с другими типами ресурсов, например, человеческим капиталом, в то время как на позициях физического труда, а также средней и низкой квалификации нефизического труда, речь идет скорее о простой способности к труду.

График 1

Граница возраста, после которой уменьшается вероятность занятия позиций профессионалов по сравнению с рабочими местами промышленных рабочих, 2008 г., репрезентативная выборка RLMS³⁰

Если так, то можно предположить, что для лиц физического труда человеческий капитал будет крайне незначим как актив, а для профессионалов, наоборот, будет представлять большую ценность».

По мнению ряда ведущих менеджеров, ЕСЛИ еще 10 лет назад работодатели с предубеждением относились к кандидатам пенсионного возраста, то сейчас при поиске кандидатов все реже ставится ограничение «не старше 55 лет». Во-первых, в условиях дефицита кадров гораздо большее значение имеет опыт работы, а не возраст. А во-вторых, люди, прошедшие закалку лихими 1990-ми гг., ценятся дорого. «Те, кому сейчас по 55 лет, получили качественное советское образование и начали делать карьеру в 1990-е, т.е. эти люди очень активны, – перечисляет М.Торчинский. – Если они смогли закрепиться в бизнесе в те годы, они обладают гибкостью и большим практическим опытом». Большим плюсом для соискателя пенсионного возраста является непрерывный стаж работы, что свидетельствует о том, что человек активен и умеет перестраиваться в зависимости от обстоятельств. По исследованию КОМКОН в 2008 г., личный доход россиян в группе 55–64 лет на 18% меньше среднего дохода взрослого населения в целом. Опрошенные RB.ru рекрутеры признали, что при прочих равных люди пенсионного возраста чаще всего действительно «стоят дешевле», – но виной тому не жадность работодателя, а, скорее, скромность соискателей. «У лю-

³⁰ Аникин В.А. Динамика и социально-демографические особенности формирования профессиональной структуры российского населения в 1990–2000-е гг. Диссертация к.э.н. М., 2011. С.108.

дей старше 55 лет изначально проще запросы, – констатирует М.Торчинский. Видимо, потому, что у них нет такого количества кредитов. По мнению руководителей рекрутинговых фирм, «единственное, что может испортить карьеру пожилого человека – состояние его здоровья. Об этом не пишут в анкетах, но наличие серьезных заболеваний может существенно снизить цену кандидата на рынке труда»³¹. Обследование населения по проблемам занятости, которое регулярно проводит Федеральная служба государственной статистики, в 2011 г. показало, что из 70732 тыс. занятых – 2984 тыс. в возрасте 60–72 лет, к этому следует добавить 2747 тыс. работниц в возрасте 55–59 лет. Разрыв между показателями экономической активности и занятостью пенсионеров по возрасту в 2011 г. достигало 300 тыс. человек. Уровень занятости среди женщин 55–59 лет составлял 51,7%, а мужчин данной возрастной группы – 77,0%. В когортах 60–72 лет этот показатель для мужчин сокращается почти втрое, для женщин – в 3,2 раза. Чем старше человек, тем дольше время поиска работы, например, женщины в 60–72 лет искали работу более 9 месяцев. Помимо количественной характеристики важна структура занятости старшего поколения. Профессионально-должностной статус работающих пожилых показывает два полюса применения их человеческого потенциала. С одной стороны – это профессионалы, с другой – неквалифицированные работники. Точками локализации первой профессиональной группы выступают такие отрасли, как наука, культура, образование и здравоохранение, а второй – сфера обслуживания. При этом значим квалификационный ресурс, который включает как уровень образования, так и способность к освоению инновационных практик. Среди работников 60–64 лет лица с высшим профессиональным образованием составляли наибольшее число – 622 тыс. человек. Их в 2011 г. было в полтора раза больше, чем имеющих среднее (полное) общее и в 56,5 раз больше, чем не имеющих основного общего образования в числе занятых в этом возрасте. Рынок труда может оказаться недоступным, если у человека плохое здоровье, каковым оно является у абсолютного большинства пенсионеров. Статистические данные показывают, что 50% из них испытывают затруднения при ходьбе и подъему по лестнице, 31% – при самообслуживании, 8% – вовсе не выходят из своих квартир и 5% – не покидают постели. 74% пожилых людей употребляют лекарственные средства и два-три раза в месяц нуждаются в вызове скорой помощи.

В «стареющем» обществе возрастающая роль принадлежит социальным институтам, адаптированным как к демографической динамике, так и вызовам постиндустриальной эпохи. Пожилое население может стать существенным фактором модернизации России. Вероятно, планировать изменения пенсионного или трудового законодательства следует с учетом демографической динамики, трансформации рынка труда и качественных характеристик населения, в первую очередь состояния здоровья и образования. Рассматривая при этом как минимум три блока проблем, в том числе: структуру рабочих мест для стареющей рабочей силы и ее увязку с социально-экономической модернизацией страны (по сферам деятельности, отраслям, региональному размещению); систему поддержки и улучшения человеческого потенциала (с его трансформацией в человеческий капитал) стареющего населения нашей страны, иными словами – это направление по увеличению численности людей

³¹ http://orenburg.rabota.ru/research/lenta_novostej/na_rynok_truda_vozvrashajutsja_ljudi_starshego_vozrasta.html?action=print.

«третьего возраста, Young old, молодых стариков» как категории пожилых, обладающих «двумя ресурсами: уже есть деньги и еще есть силы». По нашему подходу, – это представители старшего поколения, сохранившие ресурсный потенциал, имеющий многокомпонентную структуру; комплекс программ по преодолению дискриминации по возрасту и полу, в том числе с учетом растущей доли пожилых женщин.

В условиях современной глобализации и жесточайшей конкуренции за человеческий капитал перспективы России не могут ориентироваться на «заемное» население путем миграционного привлечения, так как его социально-демографические и ментальные особенности будут способствовать еще большему снижению качественных параметров российского населения. Государственная политика в области социально-демографического развития должна быть существенно дополнена аспектами, направленными на профилактику развития социальных «болезней» общества, на формирование и распространение устойчивых позитивных моделей репродуктивного, самосохранительного и социального поведения.

Исследование выявило снижение качества учета демографических событий, которое не компенсируется данными переписей населения, также имеющими значительные недостатки. В связи с необходимостью повысить качество учета населения и тем самым улучшить информацию о реальных параметрах и структурах населения следует сформировать и своевременно обновлять системы реестров населения (региональных и общероссийских), особенно в отношении категорий, требующих дополнительной социальной поддержки государства: многодетных семей, неполных семей, семей с приемными детьми, инвалидов, пожилых одиноких людей и др.

Учитывая относительно благоприятную общую динамику по стабилизации количественных параметров российского населения в настоящий период, следует сделать акцент в демографической политике на сохранении («сбережении») наиболее уязвимых в отношении самосохранительного поведения группах населения: детского, подросткового и молодого населения. Это обуславливает необходимость разработки системы комплексной профилактики в отношении угроз социальных «болезней», свойственных этим группам населения: суициду, алкоголизации, наркомании, девиантного поведения и др.

Региональная дифференциация динамики трудоспособного населения, в частности, характеризующая качество трудового потенциала, вызывает необходимость предусмотреть и дифференциацию политики в сфере занятости, которая должно для отдельных классов территорий строиться с учетом особенностей региона и популяционного здоровья когорты населения. Ресурсный потенциал старших возрастных групп в регионах с высоким уровнем «постарения населения» может быть использован на основе создания специальной «биржи» труда для старшего и пенсионного населения при формировании системы курсов переобучения. В регионах, характеризующихся «молодым населением», предусмотреть развитие сфер занятости, не требующих трудового опыта. С целью передачи профессионально-квалификационных навыков от старшего поколения младшему важным является развитие и законодательное закрепление профессии «наставника».

Потребность во внешней рабочей силе продолжает формироваться исходя из «заявительного» принципа, что слабо соответствует задачам модернизации российской экономики, росту производительности труда в условиях кризиса, а также снижает качество населения, повышает уровень смертности из-за несоблюдения требуемых стандартов безопасно-

сти труда и усиливает конфликтогенность миграционных процессов. В данном случае необходимым является существенный рост ответственности работодателей, закрепленный законодательно, за образовательно-профессиональные качества привлекаемой из-за рубежа рабочей силы и ее соответствию российским требованиям техники безопасности.

В целом же можно сказать, что предстоящие сокращение количественных параметров производительного потенциала России, возможно, позволит иначе взглянуть на проблемы качества российского населения, которые также требуют своевременного государственного реагирования.

СНИЖЕНИЕ ДЕФИЦИТА ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ И ПОТРЕБНОСТИ В ИНОСТРАННОЙ РАБОЧЕЙ СИЛЕ В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ НА ОСНОВЕ СТИМУЛИРОВАНИЯ РОСТА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА

Российская Федерация оказывает значительное воздействие на формирование евразийской миграционной системы и является главным полюсом притяжения трудовых мигрантов на постсоветском пространстве. Данные о привлечении иностранных работников (общее количество зарубежных трудовых мигрантов, денежные переводы мигрантов за рубеж) ставят Россию в один ряд с такими странами как США, Германия, Великобритания, Канада, Франция, Австралия и т.д. (рис. 1).

Более того, в результате этого сопоставления, а также схожести ряда демографических тенденций, многими экспертами делается вывод, о том, что Россия будет вынуждена стимулировать масштабную иммиграцию иностранной рабочей силы, увеличивать число привлекаемых мигрантов в средне- и долгосрочной перспективе. Также отстаивается точка зрения, согласно которой альтернативы этому пути не существует, и внутренних резервов нет, особенно в условиях резкого сокращения численности населения РФ в трудоспособном возрасте.

Рисунок 1

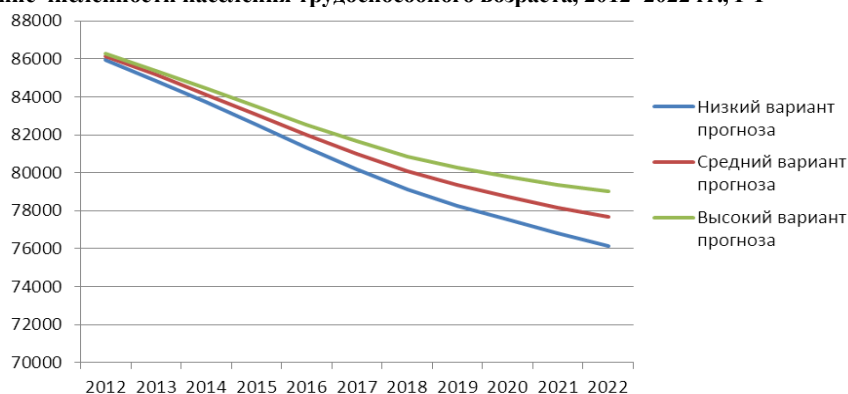
Показатели миграции и денежных переводов мигрантов в странах-лидерах

Действительно, в период до 2022 г. населения Россия потеряет (в соответствии со средним прогнозом ФСГС) около 8,5 млн человек трудоспособного возраста (рис. 2). Причем среднегодовая убыль за данный период в соответствии с низким вариантом прогноза составит около одного миллиона человек. Снижение темпов сокращения ожидается только после 2017 г. Кроме того, население России начнет стремительно стареть, особенно после 2015 г. Доля трудоспособного населения за рассматриваемый период сократится с 61 до 55%, а доля населения старше трудоспособного населения возрастет на 4,4%, что, помимо изменения на рынке труда страны, вызовет и дополнительную нагрузку на социальные статьи бюджета РФ.

Рисунок 2

Изменение численности населения трудоспособного возраста, 2012–2022 гг., РФ

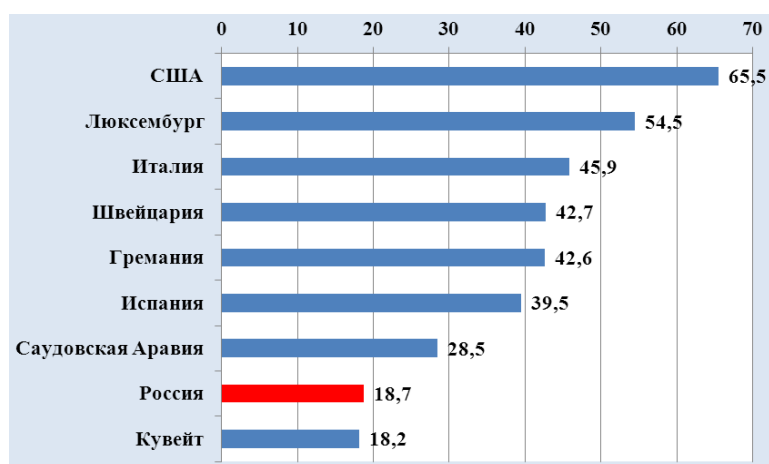
Источник: Федеральная служба государственной статистики РФ

Приведенные цифры говорят о том, что без стимулирования внешней трудовой миграции развитие российской экономики будет крайне затруднительным, особенно в течение следующих трех-пяти лет. Консервативная («изоляционная») модель миграционной политики в сложившейся ситуации не жизнеспособна. Однако практически все эксперты сходятся во мнении, что привлечение новых миллионов трудовых мигрантов несет в себе целый ряд рисков, в том числе и для отечественной экономики. В этой связи возникает вопрос: есть ли альтернативы внешней трудовой иммиграции в средне- и долгосрочной перспективе (10–15 лет)? Анализ внутренних ресурсов позволяет с уверенностью говорить о наличии резервов для замещения прогнозируемого дефицита рабочих рук. В первую очередь в данном контексте речь должна идти о развитии экономики и рынка труда на основе форсированного увеличения производительности.

Вернемся к статистике. Среди стран лидеров по числу отправленных денежных переводов Россия стоит особняком. Несмотря на то, что имеется ряд схожих тенденций в воспроизводстве населения, в особенности со странами Европейского союза, в области экономического и социального развития Российская Федерация значительно отстает. В первую очередь следует остановиться на показателях производительности труда. Из рис. 3 мы видим, что отечественная экономика крайне трудоёмка и сравнима по этому показателю с экономикой Кувейта.

Рисунок 3

Производительность труда в экономиках стран-лидеров по объемам денежных переводов работающих в них мигрантов

Уровень производительности труда в Российской Федерации является крайне низким как в сравнении с развитыми странами, так и в сравнении с развивающимися. Так, данные Международной организации труда свидетельствуют о том, что отечественный показатель производительности труда (ВВП на одного занятого в экономике) составляет 26,8% от показателя Соединенных Штатов Америки, 40% от показателя Японии и Германии, 33,3% – от

показателя Франции, 36% – от показателя Швеции. Особую тревогу вызывает тот факт, что Россия отстает и от таких стран, как Аргентина, Венгрия, Мексика, Польша, Словакия, Словения, Турция и т.д. Более того, целый ряд бывших советских республик опережает Россию: Армения, Беларусь, Эстония, Латвия, Литва, Казахстан. Нельзя не отметить и показательное отставание в темпах роста производительности труда России от показателей стран-партнеров по БРИК. Согласно данным Росстата, в 2010 г. в производительность труда выросла в целом по экономике на 3%³², в то время, как в Китае – на 8,5%, в Индии – на 5,5%, в Бразилии – на 4%³³.

Мировая практика показывает, столь низкая отечественная производительность труда характерна странам-экспортерам рабочих рук. Можно с уверенностью утверждать, что существующая интенсивность российских миграционных потоков, как внутренних, так и внешних, не соответствует реалиям экономического развития. Активная форсированная модернизация экономики вместе с ростом производительности труда может привести к высвобождению рабочих рук, увеличению объемов внутренней миграции и, как следствие, к сокращению дефицита трудовых ресурсов.

В настоящее время в России наблюдается колоссальное отставание по показателям производительности труда от развитых стран мира во всех отраслях экономики. Причем, этот разрыв имеет место и в сверхдоходных сырьевых секторах. Приведем наглядный пример. Крупнейшая российская нефтяная компания «Роснефть» в 2009 г. добыла 108,9 млн т нефти и получила выручку в 46,8 млрд долл., тогда как British Petroleum добыла 202,6 млн т и заработала 239,2 млрд долл. При этом в «Роснефти» работали 161,9 тыс. человек, а в BP – 80,3 тыс.³⁴.

Производительность труда на АвтоВАЗе как минимум в 2,5 раза ниже, чем на заводах немецких автоконцернов. Так, 107000 его рабочих в успешном 2007 г. произвели товарной продукции на 6,1 млрд долл., собрав 734000 машин. С тем же по численности коллективом BMW выпустила 1,54 млн автомобилей, выручив 78,9 млрд долл. И даже Skoda с 28000 работников произвела в 2007 г. машин на 16,2 млрд долл.³⁵. Рост эффективности однозначно приведет к увольнениям, так как в ближайшие 10 лет АвтоВАЗу вряд ли удастся расширить свой сегмент рынка. То, чего пытаются избежать власти во время кризиса, а именно масштабных сокращений на производстве, определенно придется осуществить в период развития. В этой связи Правительство РФ уже сейчас разрабатывает программы по строительству нескольких крупных предприятий в Тольятти для создания новых рабочих мест.

Еще одним примером является Сясьский целлюлозно-бумажный комбинат, на котором трудятся более 2,5 тыс. сотрудников. Аналогичные зарубежные целлюлозно-бумаж-

³² Федеральная служба государственной статистики РФ // <http://www.fsgs.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/account/#>.

³³ Productivity Brief – Key Findings. The Conference Board. 2011. P.4 // https://www.conference-board.org/pdf_free/economics/TED.pdf.

³⁴ *Иноземцев В.Л.* Почему так работаем? // <http://www.lgz.ru/article/13770/>.

³⁵ *Голубович А.Д., Идрисов А.Б., Иноземцев В.Л., Титов Б.Ю., Шнигель М.М.* Выход из кризиса: отказ от сырьевой модели. Новая индустриализация. Ежегодный экономический доклад Общероссийской общественной организации «Деловая Россия». М., 2009. С.18.

ные комбинаты при схожих объемах выработки и новом оборудовании имеют около 700 человек персонала. Сейчас комбинат начинает модернизировать своё производство, что в течение следующих нескольких лет необратимо приведет к сокращениям.

Российский розничный банковский сектор по производительности труда отстает от американского показателя в 3,2 раза, даже несмотря на то, что это сравнительно новый вид деятельности, не отягощенный советским прошлым. Численность занятых в розничном банковском бизнесе России в расчете на душу населения сравнима с уровнем США и ряда других развитых стран. В секторе работает немногим более 400 тыс. человек – примерно 0,6% занятых в экономике. Это чуть меньше, чем в США, Испании и Нидерландах, и примерно столько же, сколько в Польше и Швеции. Соотношение численности работников розничного и корпоративного банковского бизнеса в России также близко к показателям других стран: в России 34% банковских сотрудников занято в корпоративном секторе и 66% в розничном, в США – 30% и 70%, соответственно. Однако производительность труда в розничном банковском секторе России крайне низка – она составляет всего 11% от уровня США в номинальном выражении, или 23%, если устранить эффект различия в уровне доходов населения. В Швеции, где банковский сектор – один из самых эффективных в мире, производительность труда в 12 с лишним раз выше, чем в России, а в Польше – в два с лишним раза. При этом в России низким уровнем производительности отличаются практически все категории услуг – от кредитования (4% от уровня США) до платежных транзакций (13% от уровня США)³⁶. Российский банковский сектор пытается повышать эффективность. Стратегия Сбербанка предусматривает сокращение персонала до 2014 г.: банку нужно ежегодно сокращать порядка 3–5% сотрудников до общей численности в 210 тыс. Общее сокращение составит около 30 тыс. человек³⁷.

Показатель производительности труда в сталелитейной промышленности в разы уступает странам-лидерам. Для примера сравним производительность труда в одном из мировых лидеров сталелитейной промышленности – европейском «Арселор» и отечественном лидере Череповецком металлургическом комбинате (ЧерМК) ОАО «Северсталь». Так, «Арселор» в 2006 г., имея численность персонала немногим менее 104 тыс. человек, произвел 50 млн т продукции, выручив 53,6 млрд долл. «ЧерМК» в 2008 г., имея численность персонала 61,3 тыс. человек, произвел 11,6 млн т продукции. Выручка составила 12 млрд долл. Таким образом, на одного сотрудника в «Арселор» приходится 480 т продукции, в то время, как в ОАО «Северсталь» – 189 т или в 2,5 раза меньше³⁸. Причем ОАО «Северсталь» является одним из лидеров российского сталелитейного бизнеса, в целом же по отрасли производительность труда в 3 раза меньше показателя США.

В электроэнергетике производительность труда составляет 15% от американского показателя³⁹. В самой передовой российской генерирующей компании (МосЭнерго) на то,

³⁶ Бакатина Д., Дювьесар Ж.-П., Клиңцов В., Крогманн К., Ремес Я., Солженицын Е., Швакман И. Эффективная Россия: производительность как фундамент роста. McKinsey Global Institute, 2009. С.108.

³⁷ Климентьев Г. Банки поджали косты // <http://www.gazeta.ru/financial/2011/09/27/3783090.shtml>.

³⁸ Данные Key Partner // <http://key-partner.ru/>.

³⁹ Бакатина Д., Дювьесар Ж.-П., Клиңцов В., Крогманн К., Ремес Я., Солженицын Е., Швакман И. Эффективная Россия: производительность как фундамент роста. McKinsey Global Institute, 2009.

чтобы произвести 1МВт мощности, требуется 0,45 человек. В то время, как средний показатель по развитым странам составляет 0,28 человека на 1 МВт. То есть лидирующая в данной отрасли российская компания заметно отстает от средних мировых показателей⁴⁰.

Еще одним примером является цементная отрасль. В 1990–2008 гг. объем производства в ней снизился с 82,5 млн т до менее чем 40 млн т. При этом численность занятых в отрасли сократилась незначительно: с 48000 до 45500 человек. В итоге производительность, в 1990 г. составлявшая 23% от уровня США, упала до 9%. В ЕС немногим большее число работников – 52800 – обеспечили в 2008 г. выпуск 269 млн т цемента – в 7 раз больше, чем в России. Но в Европе персонал среднего завода – 165 человек, а у нас – более 700. Сокращение не менее половины работников отрасли – очевидная необходимость⁴¹.

В производстве молочной продукции Россия отстает по производительности труда в 1,5–2,5 раза в зависимости от направления. Исследование на нескольких предприятиях Ставропольского края показало, что внедрение новых технологий в пищевую промышленность дает вместе с ростом производительности труда высвобождение до 50% персонала.

Производительность труда в сфере розничной торговли в России составляет 31% от уровня США и т.д. В розничной торговле невысокая (35%) распространенность современных форматов дает 44% отставания от США. Но и в современных форматах не все хорошо: по оценке McKinsey, там задействовано втрое больше сотрудников на 1 м², чем в США⁴². Однако даже в тех сетях («Техносила»), где то же количество сотрудников на 1 м², что и в американских сетях, производительность труда заметно ниже. Это объясняется низким уровнем бизнес-процессов, а также подготовки персонала.

Отдельно стоит остановиться на сельском хозяйстве. Данные сопоставления показателей России и лидеров мирового сельскохозяйственного рынка выглядят удручающе. Сравним долю экономически активного населения занятого в сельском хозяйстве в общей численности населения в России и в ряде иностранных государств (табл. 1).

В России доля экономически активного населения, занятого в сельском хозяйстве, составляет 8% от общей численности экономически активного населения, что в 4 раза выше показателей США, Франции, Германии, Канады, Швеции, Израиля. В абсолютных цифрах разрыв еще больше. Количество экономически активного населения, работающего в сельском хозяйстве в России в 2,7 раза больше, чем в США, в 9,3 раза больше чем в Германии, в 10,7 больше, чем во Франции, причем производит российское сельское хозяйство продукции в стоимостном выражении меньше, чем любая из взятых для сравнения стран. В результате производительность труда в отечественной отрасли уступает показателям в развитых странах (рис. 4). Причем отставания колоссальные. Показатель производства на душу занятого России в 12 раз меньше, чем в США.

⁴⁰ Шохина Е. Работать не хочется // «Эксперт» // <http://expert.ru/2011/04/1/rabotat-ne-hochetsya/>.

⁴¹ Голубович А.Д., Идрисов А.Б., Иноземцев В.Л., Титов Б.Ю., Шпигель М.М. Выход из кризиса: отказ от сырьевой модели. Новая индустриализация. Ежегодный экономический доклад Общероссийской общественной организации «Деловая Россия». М., 2009. С.18.

⁴² Бакатина Д., Дювьесар Ж.-П., Клиңцов В., Крогманн К., Ремес Я., Солженицын Е., Швакман И. Эффективная Россия: производительность как фундамент роста. McKinsey Global Institute, 2009. С.85.

Таблица 1

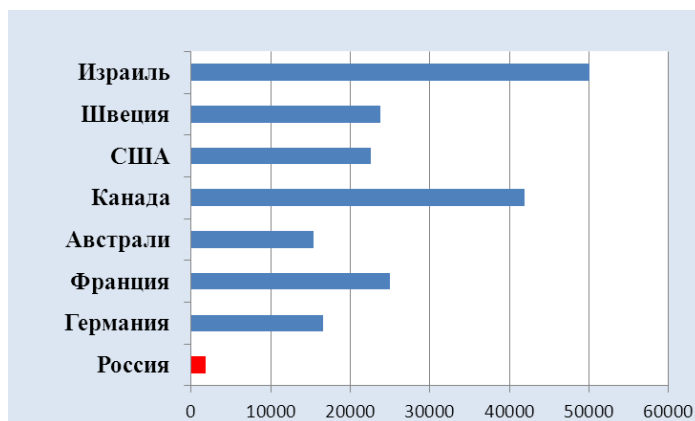
Занятость и производительность труда в сельском хозяйстве некоторых стран мира, 2010 г.

Страна	Численность экономически активного населения, занятого в сельском хозяйстве, тыс. человек	Доля экономически активного населения, занятого в сельском хозяйстве, %	Производство сельского хозяйства, млн долл.
Россия	6131	8	21757
Германия	660	2	22415
Франция	572	2	33185
Австралия	441	4	3650
Канада	331	2	26400 (2010)
США	2268	2	123900 (2008)
Швеция	114	2	5792
Израиль	51	2	6615 (2008)

Источник: FAO Statistic yearbook-2012.

Рисунок 4

Производительность труда в сельском хозяйстве, долл. США

Отдельного рассмотрения заслуживает динамика занятости. Во всех странах, взятых для сравнения, наблюдается значительное снижение количества занятых в сельском хозяйстве. В первую очередь это вызвано активным внедрением в сельскохозяйственное производство нового оборудования, новых технологий. Особенно следует обратить внимание на такие страны как Швеция и Израиль. В настоящее время по технологическому уровню, в частности, животноводства, эти страны являются одними из мировых лидеров, активно продвигая свои технологии на мировом рынке. Например, в Швеции сейчас повсеместно внедряется технология роботизированного доения коров, которая практически полностью вытесняет человека из этого процесса. Соотношение рабочего персонала к поголовью коров на таких фермах составляет 1 к 100 с учетом административного состава. В Израиле же стимулирование применения инновационных технологий в сельском хозяйстве возведено практически в национальный приоритет.

В результате активного внедрения высокотехнологичного оборудования в сельское хозяйство численность экономически активного населения, занятого в нем в 1999–2010 гг. снизилась в Германии на 34,9%, во Франции – на 35%, в Швеции – на 21,4% и т.д. (табл. 2). В России численность занятых также значительно упала, однако вызвано это, по большей мере, продолжающимся кризисом сельского хозяйства.

Таблица 2

Снижение численности экономически активного населения, занятого в сельском хозяйстве, 1999–2010 гг.

Страна	Годы		Снижение численности занятых в 2001–2010
	1999–2001	2010	
Россия	7637	6131	19,7%
Германия	1014	660	34,9%
Франция	880	572	35,0%
Австралия	441	441	0,0%
Канада	382	331	13,4%
США	3145	2568	18,3%
Швеция	145	114	21,4%
Израиль	62	51	17,7%

Источник: FAO Statistic yearbook-2012.

Более того, несмотря на все заявления руководства страны о выходе отечественного сельского хозяйства из кризиса, мы наблюдаем процессы откровенных демеханизации и деиндустриализации этой отрасли. В 2000–2010 гг. произошло кардинальное сокращение используемой техники (табл. 4). Конечно, в первую очередь, выходит из использования устаревшая техника еще советского производства, и в хозяйствах закупаются новые образцы, имеющие в разы большую производительность. Однако процесс замещения кардинально отстает от процесса устаревания. За указанный период количество тракторов сократилось в 2,4 раза, зерноуборочных комбайнов в 2,5 раза, доильных установок и агрегатов в 2,8 раза и т.д. В результате низкая эффективность в сельском хозяйстве приводит к неконкурентоспособности отечественной продукции, что вызывает особую тревогу в условиях вступления России во Всемирную торговую организацию. Высокие трудозатраты, низкая энергоэффективность, использование экстенсивного принципа развития приводят к тому, что затраты материальных ресурсов на производство единицы сельхозпродукции в России в среднем составляют 70% себестоимости, расходы топлива в 1,5–2,5 раза, а кормов – в 1,5–2 раза больше, чем в развитых странах⁴³.

Высокопроизводительная и энергоэффективная техника (широкозахватные машины в растениеводстве, новые доильные установки и т.д.) кардинально снижают трудозатраты, вместе с тем предъявляя и новые требования персоналу. В этой связи следует ожидать изменения ситуации на рынке труда в сельской местности. С одной стороны, будет постепенно и устойчиво снижаться потребность в низкоквалифицированной рабочей силе, с другой – будет расти спрос на квалифицированных специалистов, способных управлять автоматизированными комплексами, новыми видами техники, способными осваивать новые

⁴³ Жертвы ВТО. Минэкономразвития обещает компенсировать потери отраслей от снижения импортных пошлин // «Московские новости». 2012, 1 марта, №228.

передовые технологии. Резко возрастет спрос и к уровню менеджмента. Все это приведет к усилению внутренней миграции между городом и селом со значительным отрицательным сальдо для сельской местности.

Таблица 4

Динамика парка некоторых видов техники в сельскохозяйственных организациях, тыс. штук

Вид техники	Годы		Снижение
	2000	2010	
Тракторы	746,7	310,3	58,4%
Плуги	237,6	87,7	63,1%
Сеялки	314,9	134	57,4%
Зерноуборочные комбайны	198,7	80,7	59,4%
Доильные установки и агрегаты	88,7	31,4	64,6%

Источник: Росстат.

Для выработки действенной государственной политики в области стимулирования роста производительности труда, как фактора снижения дефицита трудовых ресурсов, необходимо определить причины столь значительного отставания отечественной экономики от экономик развитых стран. К основным следует отнести, **во-первых**, изношенность и устаревание отечественных производственных мощностей. Об этом красноречиво свидетельствуют показатели износа основных фондов (табл. 5). Несмотря на то, что по отдельным видам экономической деятельности износ основных фондов снижается, в целом в 2004–2010 гг. этот показатель вырос на 3,6% – с 43,5% до 47,1%.

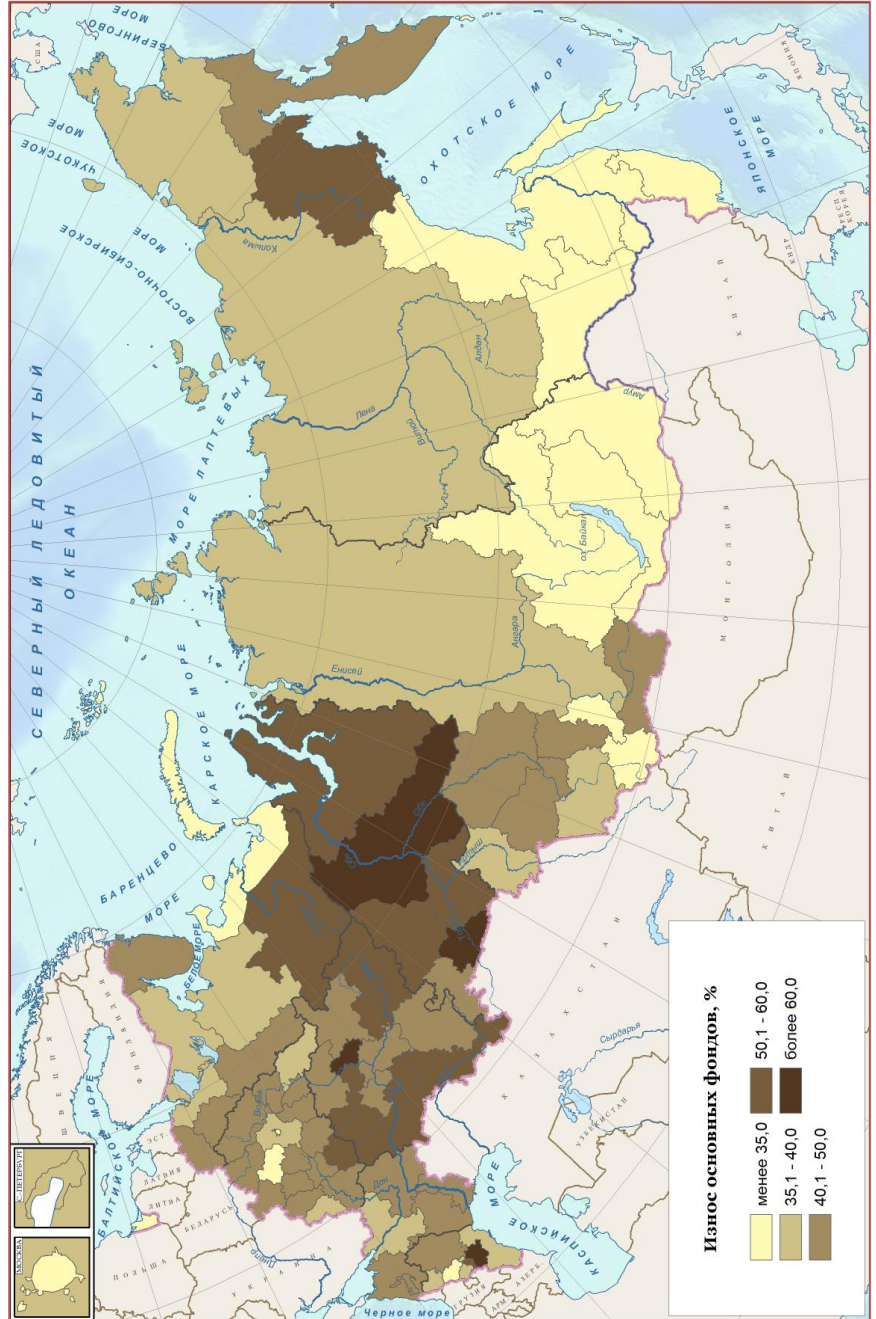
Таблица 5

Степень износа основных фондов по видам экономической деятельности, %

	2004	2010
Все основные фонды	43,5	47,1
По видам экономической деятельности:		
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	46,3	42,1
Рыболовство, рыбоводство	57,4	64,7
Добыча полезных ископаемых	54,8	51,1
Обрабатывающие производства	47,8	46,1
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	55,6	51,1
Строительство	42,3	48,3
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	40,9	33,6
Гостиницы и рестораны	40,1	41,2
Транспорт и связь	51,4	56,4
Финансовая деятельность	37,8	38,6
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	26,7	35,3
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	39,4	50,2
Образование	37	53,2
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	45,2	53,3
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	42,9	44,5

Источник: Российский статистический ежегодник-2011. Стат. сб. Росстат. М., 2011. С.334.

Рисунок 5
Показатель износа основных фондов в регионах Российской Федерации

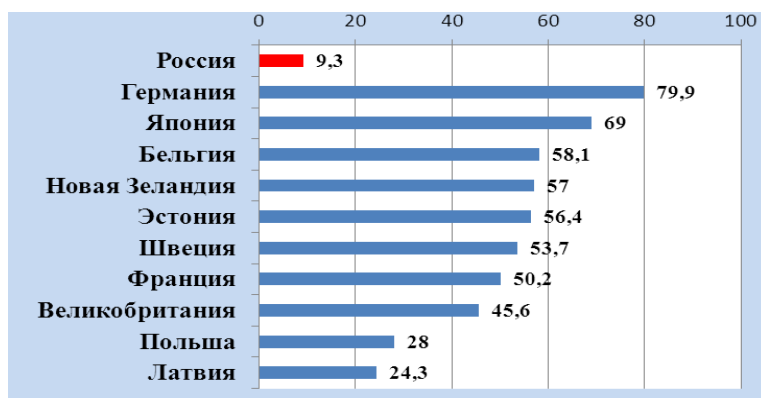

В региональном разрезе мы можем увидеть, что регионы Сибири и Дальнего Востока имеют менее изношенные основные фонды по сравнению с Центральной Россией и Уралом (рис. 5).

Во-вторых, низкие доля инновационных секторов экономики и уровень инновационной активности хозяйствующих субъектов. Наибольшая добавленная стоимость и высокие показатели производительности труда, как правило, наблюдаются в инновационных секторах экономики, а также в секторах, активно внедряющих передовые технологии в свое производство. Согласно данным McKinsey Global Institute, доля высокотехнологичных отраслей промышленности в добавленной стоимости в России составляет 2%, что в 2 раза ниже, чем в США, в 4 раза ниже, чем в Китае, и в 5,5 раз ниже, чем в Южной Корее⁴⁴. Высокая степень монополизации, наличие крупных государственных игроков на рынке, обладающих мощным административным ресурсом, снижают конкуренцию, что тормозит внедрение инноваций в производство и, как следствие, рост производительности труда. Отдельного рассмотрения заслуживает инновационная активность предприятий, напрямую зависящая от уровня конкуренции в отраслях. Сложившаяся в экономике ситуация приводит к тому, что Россия по показателю совокупного уровня инновационной активности организаций⁴⁵ значительно отстает от развитых стран (рис. 6).

Рисунок 6

Совокупный уровень инновационной активности организаций, %

Более того, экономический кризис привел к падению удельного веса организаций, осуществляющих технологические инновации. В 2006–2009 гг. этот показатель сократился на 0,9 процентных пункта с 8,6% до 7,7%⁴⁶. Также на низкий уровень внедрения новых тех-

⁴⁴ How to Compete and Grow: a Sector Guide to Policy. McKinsey Global Institute, 2010. P.20.

⁴⁵ Совокупный уровень инновационной активности определяется как отношение числа организаций, осуществляющих инновации (технологические, организационные, маркетинговые) к общему числу обследуемых за определенный период времени организаций.

⁴⁶ Индикаторы инновационной деятельности-2011. Стат. сб. М., 2011. С.430–432.

нологий, как и на высокие показатели изношенности основных фондов, определенное воздействие оказывает и высокая стоимость заемных средств для организаций.

В-третьих, низкая инвестиционная привлекательность отечественной экономики тормозит внедрение новых производственных технологий и управленческих практик. Согласно индексному рейтингу инвестиционной привлекательности стран НРА⁴⁷ Россия находится на 130-м месте. В рейтинге Всемирного Банка “Doing business-2012” Россия занимает 124-ю позицию⁴⁸. Барьеры на пути инвестиций оборачиваются барьерами для повышения эффективности экономики и роста производительности труда.

В-четвертых, избыточное регулирование со стороны государства бизнес и производственных процессов. Яркий пример – банковская деятельность. Отдельные инструкции Центрального банка РФ приводят к тому, что для выполнения определенных операций (снятие денег, платежи, открытие счета, одобрение кредитного лимита) российские банки вынуждены использовать больше сотрудников, чем западные, тратить большее количество времени. Созданная в России бюрократическая система, особенно, в части контрольно-надзорной и разрешительной деятельности, тормозит развитие экономики, препятствуя росту производительности труда.

В-пятых, низкая стоимость труда, которая характерна как для локальной рабочей силы, так для внешней трудовой иммиграции. Дешевый труд является фактором, сдерживающим техническое перевооружение, рост производительности труда, стимулирующим отток высококвалифицированных кадров за рубеж. В докризисный период доля зарплаты в ВВП в России составляла менее одной трети (во Франции и Германии – 50%, в Швеции – 58%, в США – 60%). В отдельных крупных компаниях фонд оплаты труда составляет 15% валового дохода. По энергетическим компаниям этот показатель равен 5%⁴⁹.

Воздействие «дешевой» иностранной трудовой иммиграции, оцениваемой различными источниками в 10–12 млн человек, из которых более половины работает нелегально, также не однозначно. В этой связи Россия рискует стать полигоном «дожития» устаревших технологий, ввиду отсутствия стимулов (а также средств, о чем говорилось выше) к повышению производительности труда через техническое и технологическое перевооружение. При этом рост заработной платы в России опережает рост производительности труда, что усугубляет низкую конкурентоспособность отечественной экономики. Об этом свидетельствуют показатели роста удельных трудовых издержек (ULC). В результате, увеличение оплаты труда может стимулироваться только в неразрывной связке с форсированным перевооружением экономики и ростом эффективности.

В-шестых, устаревшее трудовое законодательство и административное давление на предприятия. Жесткое трудовое законодательство формирует на рынке труда модель с крайне неэластичной занятостью и консервирует экономическую неэффективность. В осо-

⁴⁷ Национальное рейтинговое агентство // <http://www.ra-national.ru/ratings/world-ratings/index-rating/>.

⁴⁸ Ведение бизнеса в условиях большей прозрачности. Международный банк реконструкции и развития/Всемирный банк, 2012.

⁴⁹ Социально-трудовые отношения в Российской Федерации: состояние и проблемы правового регулирования. Доклад Комиссии Общественной палаты Российской Федерации по трудовым отношениям и пенсионному обеспечению. М., 2008.

бенности от этого страдает малый и средний бизнес, который в большей степени зависит от внешней конъюнктуры и должен иметь возможность оперативно реагировать на изменения внешней среды, сокращая издержки.

Особенно остро эти проблемы проявились в субъектах РФ в период кризиса. Оказавшись в тяжелой ситуации, предприятия не могли своевременно сокращать издержки, повышать эффективность. Все это приводит к тому, что там, где в развитых странах Запада предприниматели сократили бы рабочих, а государство попыталось бы создать для них рабочие места в других регионах или отраслях, российское правительство сохраняет существующую структуру занятости, как правило, неэффективную. В качестве примера приведем следующие цифры. В 2009 г. ВВП России, по официальным данным, упал на 7,9%, а безработица выросла всего на 2,2%. В США, для сравнения, ВВП снизился на 2,4%, а безработица подскочила на 3,9%. То есть в Америке кризис был использован для дальнейшего наращивания производительности, а у нас она упала ещё больше.

В-седьмых, низкая доля населения, проживающего в городах-«миллионниках», по сравнению с развитыми странами, сокращает возможности для роста производительности труда. В среднем на предприятиях в пределах агломерации производительность труда на 46% выше, чем в поселениях за их пределами⁵⁰. Причиной этому является наличие в крупных городах большего количества потребителей, емкого рынка. В результате, чем больше региональный рынок, тем выше производительность благодаря эффекту масштаба. Чем меньше населенный пункт в России, тем ниже в среднем производительность предприятий.

У данной зависимости есть целый ряд негативных последствий для российских малых и средних городов. Локальные производители, ориентированные на местный рынок не выдерживают конкуренции с крупным бизнесом, опирающимся на национальный или международный рынок, что приводит к их закрытию и росту безработицы в регионе. В то же время в городах, «защищенных» от конкуренции расстояниями, плохими дорогами и бедностью, неэффективные предприятия годами могут долго держаться на плаву, что консервирует низкую производительность труда. Особенно это проявляется в моногородах.

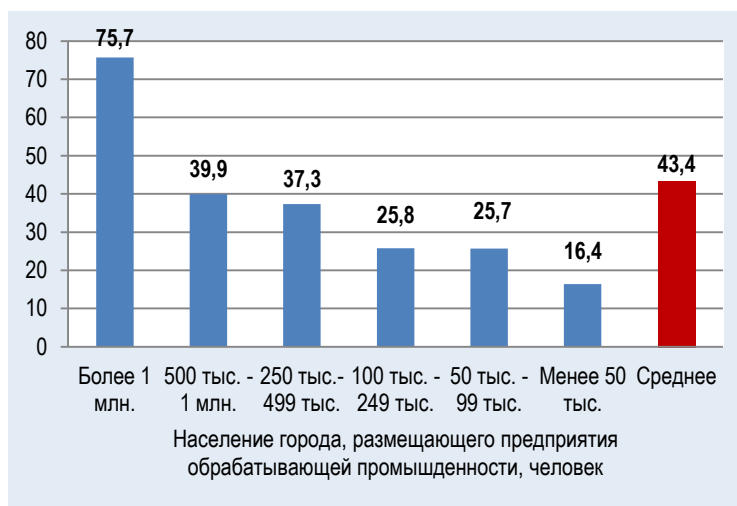
Малые города отличаются низкой плотностью экономической активности, о чем свидетельствует показатель количества предприятий на 1000 человек населения (рис. 7). Это неизбежно снижает способность таких поселений абсорбировать высвобождаемую рабочую силу, а также ограничивает маневр предприятий по оптимизации производственной структуры, переходу к аутсорсингу непрофильных и вспомогательных функций, что приводит к сохранению «натурального хозяйства»⁵¹.

⁵⁰ Дмитриев М., Хомякова Т. Перспективы роста производительности труда в России. Презентация. 2010 // www.csr.ru/docs/category.

⁵¹ Предприятия и рынки в 2005–2009 гг.: итоги двух раундов обследования российской обрабатывающей промышленности. Доклад к XI Международной научной конференции Государственного университета–Высшей школы экономики по проблемам развития экономики и общества, Москва, 6–8 апреля 2010 г. М., 2010. С.37

Рисунок 7

Плотность экономической активности в разрезе размерных групп городов, в которых размещены предприятия, число зарегистрированных предприятий на 1000 человек

По данным Всемирного банка, доля населения в городах-«миллионниках» в России в общей численности населения более чем в 2,5 раза ниже, чем в странах с высоким уровнем доходов, что свидетельствует о высоком потенциале внутренней миграции из малых городов в крупные агломерации⁵². Все это должна учитывать государственная миграционная политика. Рост производительности труда должен быть обеспечен увеличением пространственной мобильности населения за счет развития национальной транспортной инфраструктуры и доступности жилья в крупных городах и агломерациях.

Исходя из приведенных выше показателей производительности труда в отечественной экономике, их сравнения с показателями развитых стран, а также определения основных причин низкой эффективности необходимо оценить возможности высвобождения части занятых для трудоустройства вследствие модернизации экономики и снижения трудозатратности. Данная задача является сложной, ввиду необходимости учета целой группы сопутствующих факторов, таких как доступность финансовых инструментов для хозяйствующих субъектов, инвестиционная привлекательность страны, регионов, отраслей, эффективность государственной экономической политики, наличие кадров, обладающих современными навыками и компетенциями и т.д.

С одной стороны, потенциал для роста производительности труда огромен. По данным Академии народного хозяйства при Правительстве России, в настоящее время в «негосударственном несырьевом секторе», который обеспечивает наибольший спрос на рабочую

⁵² Дмитриев М., Хомякова Т. Перспективы роста производительности труда в России. Презентация. 2010 // www.csr.ru/docs/category.

силу, занято 51,7 млн человек, а производительность труда в нем в среднем в 3,9 раза ниже, чем по странам Европейского союза. Это означает, что если бы производительность труда выросла до среднеевропейского уровня, то в негосударственном несырьевом секторе экономики осталось бы без работы 38 млн человек⁵³.

С другой стороны, российская экономика имеет целый ряд внутренних сдерживающих факторов, тормозящих рост ее эффективности. Так, согласно ряду исследований, при условии удвоения ВВП и росте производительности труда в 4% России необходимо к 2020 г. 20 млн трудовых мигрантов, а при темпах роста 6% – 10 млн. Полное отсутствие спроса на трудовых мигрантов может иметь место при росте производительности труда в 8% в год⁵⁴. Многие эксперты считают цифру в 6% малореальной, а 8-процентный рост производительности труда в российских экономических реалиях – «фантастическим». Однако в этом вопросе не нужно впадать в крайности. Удвоение ВВП в условиях возможной серьезной экономической рецессии в Европейском союзе, нестабильной конъюнктуры на рынке углеводородов также находится под большим вопросом.

Опыт Китая показывает, что рост производительности труда в 6% при правильной государственной политике стимулирования вполне достижимый показатель. Более того, целый ряд российских примеров говорят о большом потенциале увеличения эффективности. В первую очередь следует сказать об уже имеющемся опыте модернизации производств. Как показывают исследования Общероссийской общественной организации «Деловая Россия» технологическое и техническое перевооружение производств ведет к росту производительности труда в среднем от 3 до 5 раз⁵⁵. Эти показатели наблюдаются по всем отраслям. Наглядным примером потенциала такого роста является и дифференциация между предприятиями внутри отраслей (рис. 8).

Диаграмма демонстрирует нам существование двух разных уровней промышленности в России. Верхний уровень – группа предприятий с обновленной производственной базой, обладающих высокой производительностью труда. Нижний уровень – низкоэффективные предприятия, как правило, специализирующиеся на региональных рынках с низкой конкуренцией, высокой долей монополизации и сильным влиянием бюрократического аппарата. Именно на эти низкоэффективные хозяйствующие субъекты и должна в первую очередь быть направлена государственная модернизационная политика.

Исходя из приведенных выше данных, построим три прогнозных варианта (оптимистический, умеренный и стагнационный) роста производительности труда и влияния этого процесса на ситуацию на рынке труда. За основу оптимистического сценария взяты показатели роста производительности в 6%, умеренного – 4% и стагнационного – 3%.

⁵³ Галушка А., Голубович А., Идрисов А., Осипов А., Титов Б., Шпигель М., Юрьев Е. Модернизация экономики России. Кардинальное улучшение инвестиционного климата. Ежегодный экономический доклад Общероссийской общественной организации «Деловая Россия». М., 2010.

⁵⁴ ФМС готова открыть рынок труда // Стратегия-2020 (официальный портал) // <http://2020strategy.ru/news/29158620.html>.

⁵⁵ Галушка А., Голубович А., Идрисов А., Осипов А., Титов Б., Шпигель М., Юрьев Е. Модернизация экономики России. Кардинальное улучшение инвестиционного климата. Ежегодный экономический доклад Общероссийской общественной организации «Деловая Россия». М., 2010. С.17.

Рисунок 8

Разрыв в производительности труда между верхним и нижним квинтилями по отраслям, разы⁵⁶

Изначально следует обратить внимание, что современные прогнозы строятся в основном на данных Росстата, о предполагаемой численности населения трудоспособного возраста. Эти цифры приведены в начале статьи. Однако брать их как характеристику возможного уровня занятых в экономике не корректно. В рассматриваемом периоде до 2022 г. мы можем с уверенностью говорить, о росте числа занятых среди лиц старше трудоспособного возраста. Во-первых, как уже говорилось, их общая численность будет расти. Во-вторых, стоит ожидать и увеличение доли занятых в этой когорте с сегодняшних 17,3% до 20–22%. Тогда при убыли численности трудоспособного населения в 8,5 млн человек количество занятых сократится не более, чем на 5,5 млн человек (63668 тыс. человек занятых в 2022 г. против 69804 тыс. в 2010 г.).

Рассчитаем дефицит рабочей силы при росте производительности труда в 3%, 4%, 6% в год и **росте ВВП в 4,4% в год** согласно инновационному сценарию Министерства экономического развития РФ⁵⁷. При этом 2012, 2013, 2014 и 2015 гг. рассматриваются в качестве подготовительного периода, в рамках которого Правительство РФ разработает и воплотит в жизнь комплекс мер по стимулированию роста производительности труда и модернизации производств. В этом периоде темп прироста производительности труда будет заложен на уровне 2011 г. – 3,8% (табл. 5).

⁵⁶ Ясин Е.Г. Конкурентоспособность российской экономики. Лекция. 2011 // www.hse.ru.

⁵⁷ Финанс // <http://www.finam.ru/news/headline0001000EC2/default.asp>.

Таблица 5

Модель динамики экономических показателей, 2015–2025 гг.

	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
ВВП, млрд руб.	64845,56	67698,8	70677,51	73787,32	77033,97	80423,46	83962,1	87656,43	91513,31	95539,89	99743,65
Производительность труда (рост 3% в год), руб.	901591,5	928639,3	956498,4	985193,4	1014749	1045192	1076547	1108844	1142109	1176372	1211664
Производительность труда (рост 4% в год), руб.	901591,5	937655,2	975161,4	1014168	1054735	1096924	1140801	1186433	1233890	1283246	1334576
Производительность труда (рост 6% в год), руб.	901591,5	955687	1013028	1073810	1138239	1206533	1278925	1355660	1437000	1523220	1614613
Прогнозируемая потребность в рабочей силе при росте ПТ в 3% в год, тыс. человек	71923,4	72901,0	73891,9	74896,3	75914,3	76946,1	77992,0	79052,1	80126,6	81215,7	82319,6
Прогнозируемая потребность в рабочей силе при росте ПТ в 4% в год, тыс. человек	71923,4	72200,1	72477,8	72756,5	73036,4	73317,3	73599,3	73882,3	74166,5	74451,7	74738,1
Прогнозируемая потребность в рабочей силе при росте ПТ в 6% в год, тыс. человек	71923,4	70837,8	69768,6	68715,4	67678,2	66656,7	65650,5	64659,6	63683,6	62722,3	61775,6

Источник: расчеты авторов.

Как мы видим из табл. 5, наибольшая потребность в рабочей силе при инновационном развитии экономики будет формироваться в условиях низких темпов роста производительности труда (3%). При таком сценарии численность занятых в 2025 г. должна составлять более 82 млн человек, что практически невозможно без массового (на уровне 20–25 млн человек) привлечения мигрантов из-за рубежа. Практически во всех сферах будет наблюдаться нехватка квалифицированных специалистов, так как качество миграционных потоков, будет удовлетворять только ниши, использующие низкоквалифицированные рабочие руки. Помимо негативных экономических последствий данная ситуация способна привести к эскалации социально-политической напряженности в стране.

При 6-процентном росте производительности труда численность занятых должна составить к 2025 г. не менее 61 млн человек для удовлетворения инновационного роста. Данная величина вполне достижима, исходя из использования главным образом внутренних трудовых ресурсов. Для моделирования этой ситуации, используя данные Федеральной службы государственной статистики РФ о предполагаемой численности населения России, рассчитаем предположительную численность занятых в экономике до 2025 г. исходя из экстраполяции современных показателей занятости у населения трудоспособного и старше трудоспособного возрастов (табл. 6).

Данные, приведенные в табл. 6, свидетельствуют о том, что при сохранении существующих показателей занятости среди населения трудоспособного и старше трудоспособного

возраста внутренние ресурсы могут покрыть необходимость в рабочих руках только при значительном росте производительности труда на уровне 5,5% – 6,5% в год. Более того, при таких темпах роста к 2025 г. внутренние ресурсы будут превышать потребность в рабочих руках (рис. 9).

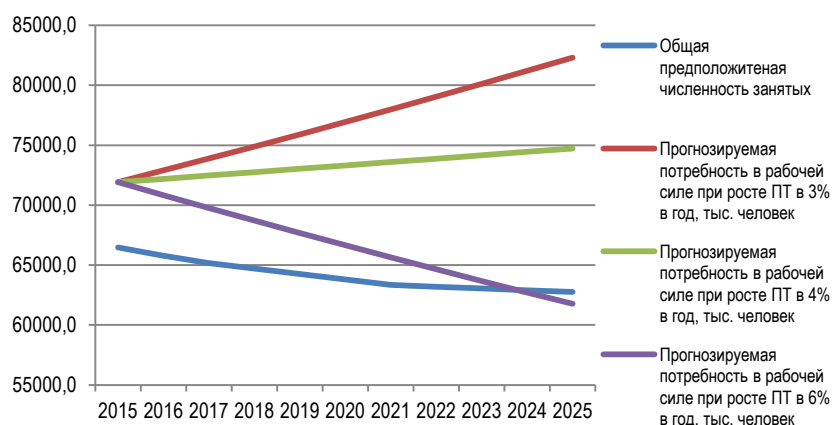
Таблица 6

Модель динамики трудовых ресурсов и уровня занятости, 2015–2025 гг.

	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Численность населения в трудоспособном возрасте, тыс. человек	83612,2	82494,7	81472,3	80714	79956	79198	78440,3	78172,3	77904,3	77636,3	77368,3
Численность населения в возрасте старше трудоспособного, тыс. человек	33849,0	34579,0	35239,6	35784,5	36329,5	36874,4	37419,3	37708,4	37997,5	38286,7	38575,8
Предположительная численность занятых в трудоспособном возрасте, тыс. человек	60618,8	59808,7	59067,4	58517,7	57968,1	57418,6	56869,2	56674,9	56480,6	56286,3	56092,0
Предположительная численность занятых в возрасте старше трудоспособного, тыс. человек	5855,9	5982,2	6096,5	6190,7	6285,0	6379,3	6473,5	6523,6	6573,6	6623,6	6673,6
Общая предположительная численность занятых, тыс. человек	66474,7	65790,8	65163,9	64708,4	64253,1	63797,8	63342,8	63198,5	63054,2	62909,9	62765,6

Рисунок 9

Прогноз потребности в рабочей силе в 2015–2025 гг. при темпах роста ВВП 4,4% в год, согласно инновационному сценарию Министерства экономического развития РФ

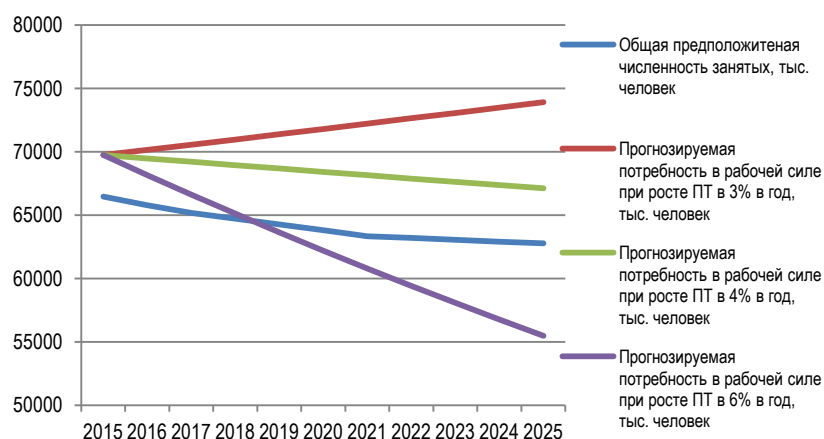

В то же время прогноз высокого 6-процентного роста производительности труда в РФ является весьма оптимистическим и возможен, только при форсированной модернизации отечественной экономики. В случае низких темпов роста производительности на уровне 4% в год дефицит рабочих рук составит не менее 12 млн человек.

Однако при **замедлении темпов роста ВВП России до 3,5–3,7% в год**, что прогнозируется многими экспертами, потребность в рабочей силе также сократится и будет варьироваться от примерно 12 млн человек (рост ПТ 3% в год) до 4 млн человек (рост ПТ 4% в год). В то же время при ежегодном 6-процентном росте производительности труда уже к 2018 г. дефицит трудовых ресурсов перестанет иметь место, и в дальнейшем будет наблюдаться превышение предложения рабочих рук над спросом (рис. 10).

Рисунок 10

Прогноз потребности в рабочей силе в 2015–2025 гг. при темпах роста ВВП 3,6% в год

Следует также отметить, что помимо внешней трудовой иммиграции, существуют и внутренние резервы предложения на рынке труда, которые могут формироваться и при активной государственной социальной политике и политике в области занятости. К ним необходимо отнести: увеличение доли занятых среди инвалидов, увеличение доли занятых среди лиц пенсионного возраста, снижение уровня смертности в трудоспособном возрасте, противодействие наркомании и алкоголизму, сокращение численности государственного аппарата, прежде всего, контролирующих структур и МВД, распространение дистанционной занятости и т.д. Эти направления, как показывают наши исследования⁵⁸, позволяют дополнительно сгенерировать около 5 млн рабочих рук.

⁵⁸ Гребенюк А.А. Снижение прогнозируемого дефицита рабочих рук в России посредством активной государственной социальной политики // «Научное обозрение». Серия 2 «Гуманитарные науки». 2011, №4.

Выводы.

Полученные результаты говорят о том, что при правильной государственной политике в области стимулирования роста производительности труда существует возможность замещения прогнозируемого дефицита рабочих рук внутренними трудовыми ресурсами, с постепенным сокращением использования зарубежной низкоквалифицированной рабочей силы.

Также данное исследование позволяет сделать прогноз о двух волнах внутренней миграции, которые следует ожидать в течение следующих 10 лет. Первая волна – «село–город». Данные о производительности труда в сельском хозяйстве показывают, что российский показатель более чем в 12 раз меньше американского. Внедрение новых технологий в сельском хозяйстве, однозначно приведет к высвобождению рабочих рук и новой волне урбанизации.

Вторая волна – «малые города – крупные агломерации». Низкая доля населения, проживающего в городах-«миллионниках», по сравнению с развитыми странами сокращает возможности для роста производительности труда. В среднем на предприятиях в пределах агломерации производительность труда на 46% выше, чем в поселениях за их пределами⁵⁹.

Со временем это приведет к снижению рентабельности предприятий малых городов, к дальнейшему росту дифференциации доходов населения и к усилению интенсивности эмиграционных потоков из моногородов, районных и небольших областных центров.

Государству необходимо использовать эти тенденции для создания новых «точек роста» в Сибири и Дальнем Востоке, для реализации крупных инфраструктурных проектов в восточной части страны, на основе управления внутренними миграционными потоками.

СОЦИАЛЬНАЯ БОЛЬ РОССИИ: БОМЖИ И БРОДЯГИ

На примере Москвы

Почему в социальной системе оказываются «дыры», в которые выпадают те, кого постигло какое-то несчастье или кому не хватило силы воли противостоять трудным обстоятельствам? По каким «люкам» человек опускается на «дно», так что порой он не только ломает все скрепы с регулярным общественным существованием, но как будто уже забывает, что

⁵⁹ *Дмитриев М., Хомякова Т.* Перспективы роста производительности труда в России. Презентация. 2010 // www.csr.ru/docs/category.

такое стыд – за свою физическую нечистоту, за то, что прохожие торопятся пройти мимо, а соседи по вагону метро – спешат в его дальний конец? А ведь стыд, быть может, одна из важнейших характеристик человеческого способа существования.

Мы должны говорить здесь о десоциализации человека, заходящей очень далеко – вплоть до повреждения органичной мотивационной структуры личности. Говоря попросту, человеку перестает хотеться не только того, что бы его украсило – в своих или чужих глазах, но уже и того, что задает сам контур человеческого существования. В годовом докладе Уполномоченного по правам человека г. Москвы за 2011 г. приведены данные социологического исследования, в котором установлен рейтинг конкретных видов социальной помощи, о желании получить которую заявили попавшие в фокус исследования московские бродяги и бездомные. Мы также приведем эти данные, поскольку они позволяют наглядным образом представить себе психологический портрет нынешнего среднего московского бродяги.

Таблица 1
В %

Вид помощи	2007	2008	2010
Ночлег	85	83	69
Горячее питание	78	87	55
Трудоустройство	72	62	42
Одежда, обувь	71	74	52
Денежная помощь	70	65	34
Оформление паспорта	68	62	44
Стирка белья, одежды	60	65	36
Получение медицинского полиса	52	57	19
Прием врача	42	49	35
Юридические консультации	36	32	9
Принять душ, помыться	36	77	46
Помощь в проезде домой (покупка билета)	36	36	19
Санитарная обработка	34	53	27
Получение постоянного места жительства	30	25	11
Психологическая поддержка	30	24	6
Направление в больницу	19	10	13
Регистрация по месту пребывания (временная)	18	18	14
Оформление пенсии	16	9	7
Установление группы инвалидности	15	9	6
Протезирование	11	0	0
Регистрация по месту жительства (прописка)	10	14	6
Направление в дом-интернат	9	1	3
Восстановление родственных связей	9	6	4

В своем докладе московский омбудсмен отмечает снижение показателей по всем позициям, за исключением запроса на возможность госпитализации. Динамика некоторых показателей не просто поражает, но и заставляет всерьез задуматься. Например, столь резкое, воистину «обвальное» угасание желания иметь медицинский полис. Это может показаться странным, учитывая то, что типичный бездомный или бродяга страдает множеством

заболеваний той или иной степени тяжести. И для странности этой, по-видимому, не найти иного объяснения, помимо того, что в ментальном поле бродяги доминирующей, всецело преобладающей, стала идея *ухода*. Бродяга будто бы заслоняется рукой от окружающего его мира, «задерживает штору», разделяющую его выморочную «приватность» и все более чуждую ему социальную действительность. Можно сказать, что его «горизонт планирования» сжался до нужд единого дня. Это какое-то непрерывное «сегодня», когда надежды и желания не решаются переступить порог сегодняшнего дня. Разумеется, речь идет лишь о тенденции сжатия временной перспективы и о тенденции социального и смыслового обеднения желаний. Однако тенденции эти слишком определенны и их жизненный итог слишком выразителен и отчетлив.

Анализ всех других показателей, идущих по резко нисходящей линии, показывает ту же «уходящую», и одновременно – «нисходящую», жизненную стратегию типичного бомжа.

В то же время не следует все-таки забывать: в социальном взаимодействии, сколь бы ни было оно ослаблено, как бы далеко оно ни отклонялось от нормальных, устоявшихся и введенных в правовое русло форм, – всегда две стороны. И если взглянуть на упомянутую пьесу Горького под углом зрения ее основного содержания, отображающего одну из коллизий, воспроизводящуюся на протяжении большей части человеческой истории, то в ней мы увидим два главных действующих лица: ушедший за рамки социальных связей человек и – само общество, с той или иной мерой «спокойствия» наблюдающее этот порой роковой и непоправимый по своим последствиям уход.

Осознание нетерпимости этой ситуации, немислимости для общества сохранять такую «наблюдательную» позицию, просто занимаясь статистической регистрацией наличной динамики данного явления, – именно такая активная позиция должна лечь в основу общественной реакции на него. Речь, конечно, не идет о насильственном «перевоспитании» бомжей. В то же время нельзя рассматривать столь массовый феномен бродяжничества как какое-то чуть не природное зло, которое приходится просто принять и стараться минимизировать его вредные последствия.

Прежде всего, это явление нужно изучать для того, чтобы выявить его внутренние закономерности, определить их связь с общественными процессами различных временных масштабов. Нужен целостный взгляд, вписывающий данный феномен, являющийся подлинной социальной болью, в максимально широкий контекст актуального состояния социума.

Стоит, например, серьезно задуматься над тем, что, как указано в упомянутом выше ежегодном докладе московского омбудсмена, большая часть (62%) московских бродяг имеют жилье, а потому их нельзя отнести к категории бездомных. Нельзя также считать типичного бродягу за выходца из «социальных низов», неспособного, в силу отсутствия профессиональных навыков и адекватного культурного багажа, адаптироваться к условиям современного общества. Об этом просто не может быть и речи, коль скоро подавляющее большинство бродяг (72,3%) имеет среднее и среднее специальное образование. Тот же факт, что более 13% из них получили в свое время диплом о высшем образовании, окончательно закрывает вопрос об особой «забитости» столичного бродяги.

Здесь, однако, можно ожидать возражение: не ломитесь ли вы в открытую дверь, стараясь доказать и так понятное? Разве не хорошо известно, что бродяжничество во все времена было тесно связано с неким, условно говоря, «романтическим» подходом к жизни, ко-

торым заражались вовсе не самые худшие в нравственном и интеллектуальном отношении люди?

В современном обществе бродяжничество никогда не соотносится с каким-либо личностным служением (религиозным или культурным). Это всегда – только личная трагедия, тут перед нами предстает бессмысленное, не находящее никакого оправдания изгойство. Бродяжничество в наши дни всегда и всюду находится на *линии поражения*. В нем все более явственным образом проступает угроза неотвратимой деградации личности. В этой связи, весьма симптоматичным выглядит то, что общая поведенческая установка московских бомжей все определеннее задается приоритетом открытого иждивенчества. Результаты социологического исследования проблемы московских бомжей, проводимого на протяжении 2006–2010 гг. Департаментом социальной защиты населения, свидетельствуют об этом неуклонном сдвиге. Если ранее основным источником существования для бродяг было соби́рательство и временные подработки, то в последние годы все большее их число занимается попрошайничеством.

С тем же сдвигом личностной стратегии значительной части московских бомжей связано и такое, на первый взгляд, труднообъяснимое обстоятельство, что бродяги очень часто игнорируют возможность обратиться в учреждения социальной помощи, обходя стороной так называемые «ночлежки». Стоит отметить, что эти учреждения в современной Москве очень далеки от образа, возникающего при чтении драмы Горького: здесь можно не только переночевать, помыться, но и поговорить с психологом, найти себе книгу по вкусу и т.д. В чем же причина их неприятия многими бродягами? Ответ прост: пребывание в таком учреждении влечет за собой подбор рабочего места с обеспечением определенного преимущества при приеме работу, а такая перспектива не лежит в русле актуальной жизненной стратегии многих бомжей.

Мы назвали бродяжничество, когда оно становится закоренелым (что выражается в резком сужении поля индивидуальной социальной надежды, в существенном повреждении мотивационной структуры) – личностным поражением. Как таковое, оно является острой социальной болью, поскольку поражение тут затрагивает не только индивидуальную судьбу. В этой искореженной судьбе нам следует видеть общественное поражение. Вопрос, таким образом, наполняется очень серьезным социальным содержанием. Более того, он приобретает политическое звучание.

В России многие люди готовы к бескорыстному и крайне тяжелому социальному служению. Они становятся волонтерами, несут бремя милосердия, трудясь в различных церковных организациях, например, проект «Автобус “Милосердие”», руководимый диаконом Олегом Вышинским. Участники этого проекта с наступлением холодов переходят на круглосуточный режим работы, стремясь спасти бомжей от лютой смерти на промерзших московских улицах. Или врач – Доктор Лиза, возглавляющая благотворительную организацию «Справедливая помощь». На протяжении ряда лет ее волонтеры приходят к бомжам, «прописавшимся» у Павелецкого вокзала, прилагая все свои силы, чтобы их накормить и оказать им медицинскую помощь. Потерявшим документы даются юридические консультации. Тем же, кто твердо изъявляет желание вернуться домой, для того чтобы положить конец бродяжничеству, волонтеры на собственные средства приобретают проездные билеты. В 2011 г. эта благотворительная организация оказала реальную помощь более чем 14 тыс. че-

ловек. Ее сотрудники всегда готовы откликнуться на просьбу о поддержке, и число этих обращений множится, ведь добрая слава этого сообщества подлинного милосердия расходуется все шире.

Становление и развитие волонтерского движения – неотъемлемая составляющая процесса укрепления и усложнения гражданского общества.

В то же время общественная реакция на явление бродяжничества не может сводиться лишь к этим волонтерским формам. Волонтерство – это, прежде всего личный энтузиазм и личная решимость идти навстречу трудным, порой пугающим, сторонам социальной жизни. Оно должно служить органичным дополнением к институализированным формам, имеющим в своем распоряжении организационную структуру соответствующих звеньев исполнительной власти и необходимую финансовую обеспеченность. Заметим, что противопоставление этих двух равноправных форм общественной реакции на социальную боль лишено какого-либо смысла. Здесь не нужно бороться за первенство и выявлять, кто лучше работает и достигает более значительного результата. В нормальной ситуации, здесь должно быть отношение сотрудничества, работа двух рук, взаимодополняющих друг друга.

Однако признание важности личной реакции человека на социальный недуг, побуждающий его действовать «здесь и сейчас», ни в коем случае не отменяет важности и существенности иной формы общественного реагирования – посредством организационных структур исполнительной власти. Здесь, повторим, работают две руки, дополняющие друг друга. Государственные органы имеют в своем распоряжении средства воздействия с большим социальным радиусом действия и, что еще более существенно, с большой глубиной проникновения в природу такого острого социального заболевания как массовое бродяжничество.

Действительно, нужно отдавать себе отчет: бродяжничество – это социальное зло, имеющее свои социальные причины. Выявление этих причин представляет собой научную проблему, подлежащую междисциплинарному исследованию. Какие факторы в большей мере ответственны за усугубление или временное расширение этого явления? Как изменения социально-экономических параметров сказывается на динамике его объема и на его структурных характеристиках, выражающихся в половозрастных, образовательных и т.д. определениях? От ответов на эти вопросы зависит формирование государственной стратегии по его преодолению или же, по крайней мере, минимизации его негативных социальных последствий. Необходим поэтому постоянный мониторинг актуального состояния структуры групп лиц, чей образ жизни связан с бродяжничеством. Нужно установить систему личной мотивации, склоняющей человека к такому образу жизни, представляющему собой, по существу, выход за рамки общественных связей. Такая работа уже на протяжении ряда лет проводится мэрией Москвы, и сделанные на ее основе заключения учитываются при разработке и уточнении программы конкретных действий.

Ни для кого не секрет: в столице проблема бомжей и бродяг встает с особой остротой и наглядностью. Предельная степень урбанизированности, развитая транспортная сеть, со всем своим техническим обеспечением, высокий средний достаток москвичей, богатая зеленая зона – все это делает столицу особо «привлекательной» для людей, волей или неволей попавших на эту «нулевую ступень» социальной лестницы.

В своем подавляющем большинстве они лишены каких-либо финансовых средств. Более того, три четверти иногородних россиян, бродяжничающих в Москве, не имеют ника-

ких документов, удостоверяющих их личность. Поэтому при всем своем желании они не в силах покинуть столицу. Даже если проснувшееся чувство социального долга, ответственности перед близкими, наконец, осознание ужаса своего положения побудят их вернуться в родные места, – сделать это будет для них практически невозможно. Именно поэтому уже с 2004 г. Департаментом социальной защиты населения города Москвы принимаются меры по возвращению иногородних россиян, бродяжничающих в Москве, в места их прежнего проживания. За счет средств городского бюджета бродягам приобретаются билеты на поезд.

Так сколько же бродяг свои дни и ночи проводят на улицах Москвы? В 2008 г. для ответа на этот вопрос около 2000 сотрудников столичного Департамента социальной защиты населения вышли на улицы города. Эта акция получила название «Социальный патруль». Ее целью было не только дать численную оценку величины данного социального бедствия. Работники мэрии пытались также оказать бомжам посильную помощь: накормить, отвезти помыться, снабдить нужными лекарствами. На основе проведенной «переписи», дополненной другими статданными, был сделан вывод, что общая численность московских бомжей заключена в пределах от 10 до 30 тыс. человек. Заметим, что служба «Социальный патруль» в системе Департамента социальной защиты населения продолжила работу и в последующем. Она функционирует в круглосуточном режиме, имея в своем распоряжении 10 автомашин с бригадами специалистов.

Нужно признать: точный учет числа московских бродяг сильно затруднен в силу целого ряда причин. Отсюда значительные расхождения в приводимых числах. Достаточно сказать, что неофициальные источники называют величины, находящиеся в очень широких пределах: от 10 до 100 тыс. человек. Если же взять за основу оценки данные о количестве бездомных, находящихся в учреждениях социальной помощи, то получится восходящая линия: на начало 2009 г. зарегистрировано примерно 5,5 тыс. человек, на начало 2010 г. – около 10 тыс., а на соответствующий срок 2011 г. – уже около 13 тыс. Эти показатели позволяют московскому Уполномоченному по правам человека сделать вывод о неуклонном росте числа приезжих, пополнявших в столице страны «полк» ее бродяг.

Надо сказать, что можно встретить и оценки, даваемые людьми, непосредственно связанными с этой социальной бедой в своей ежедневной деятельности, более позитивные по своему содержанию и более оптимистические. Так, диакон Олег Вышинский считает, что за последние 5 лет число бездомных, ночующих на улицах Москвы, сократилось более чем в 6 раз. Эта позитивная перемена, по мнению диакона, в значительной степени связана с успешной работой Департамента социальной защиты населения г. Москвы⁶⁰. Такое расхождение в оценках лишний раз свидетельствует о крайней сложности и запутанности данной проблемы. Заметим, что социальные службы и правительственные органы других государств также испытывают серьезные затруднения при подсчете количества бездомных и бродяг.

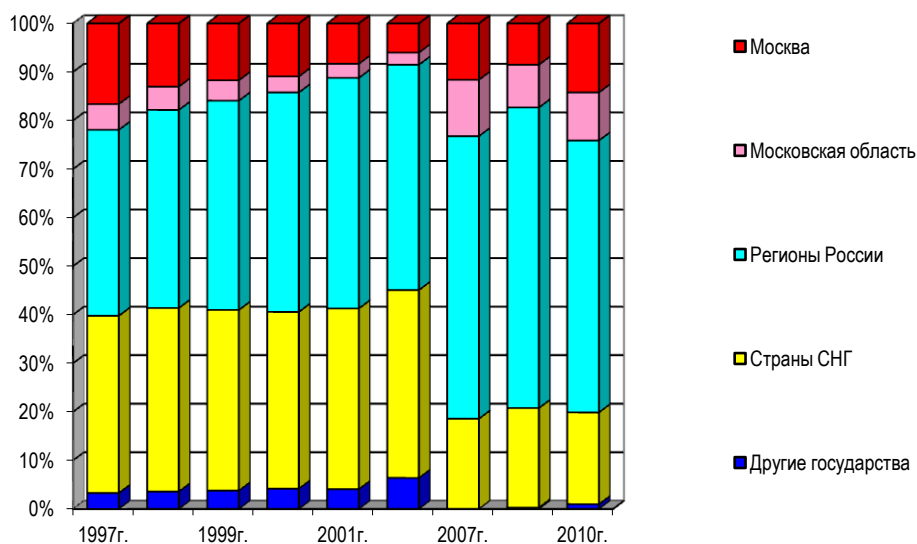
В структурном же отношении превалируют выходцы из других российских регионов, приехавшие в Москву на заработки и по тем или иным причинам лишившиеся источников существования, а очень часто и документов. Они в 2008 г. составляли 71% от общего числа московских бродяг. Еще 21% приходился на долю приезжих из ближнего зарубежья,

⁶⁰ <http://www.miloserdie.ru/index.php?ss=1&s=5&id=17938>.

главным образом, из Украины и Беларуси. И лишь в оставшиеся 8% входили потерявшие свое жилье москвичи⁶¹.

Заслуживает внимания тот факт, что в самые последние годы эта структура претерпевает определенные изменения. На приведенной в ежегодном докладе московского омбудсмена за 2011 г. диаграмме видна, с одной стороны, тенденция к уменьшению доли приезжих из стран СНГ, а с другой – довольно заметный скачок доли москвичей и жителей Московской области.

Диаграмма 1

Какие выводы можно сделать из анализа этих данных? Во-первых, заметное снижение доли выходцев из ближнего зарубежья в общем составе московских бродяг говорит о том, что недавнее упорядочение законодательства в области миграционной политики приносит определенные плоды. В то же время значительное увеличение за последние два-три года доли самих москвичей, произошло, как это видно из диаграммы, за счет падения доли приезжих из других регионов России. В какой-то мере это можно объяснить тем, что после завершения острой фазы кризиса 2008 г., поразившего не только отдельных граждан, но и целые региональные образования, экономическая ситуация в регионах стала выправляться. Появление новых рабочих мест явилось обстоятельством, удерживающим людей от не всегда продуманного решения отправиться «за удачей» в Москву.

⁶¹ <http://www.kp.ru/daily/24166/379144/>.

Вместе с тем в увеличении «столичной прослойки» в общем составе московских бомжей можно увидеть и весьма тревожный сигнал. В самом деле, не говорит ли это о том, что бродяжничество («бомжевание») для определенной группы жителей Москвы и Московской области начинает выступать в качестве некой жизненной альтернативы, к которой можно прибегнуть, когда давление обстоятельств кажется непереносимым и человек отчаивается найти выход из трудной и запутанной ситуации иным, более социально приемлемым образом? В таком случае мы видим здесь симптом очень неблагоприятного изменения в массовой психологии.

В пользу этого предположения говорит уже упомянутый нами факт: среди бомжей, населяющих улицы Москвы, очень многие (куда больше половины!) в действительности не лишены жилья. Бездомность вовсе не является более необходимой предпосылкой бродяжничества. Иными словами, есть определенная (пока еще не слишком выраженная) тенденция: бродяжничество начинает рассматриваться как некая жизненная возможность. Этот чудовищный по своему социальному смыслу образ жизни как будто лишается своего пугающего облика. Не становится ли он даже «привлекательным» для каких-то категорий лиц, особенно тех, чья психическая конституция отмечена определенными чертами девиантности? Разумеется, индивид может не замечать сам своего постепенного, но в то же время неуклонного скольжения, приводящего на «дно». Он может также заниматься самовнушением, убеждая себя, что «это так, временно, пока». Однако чаще всего его успокоительные резоны оказываются не более чем самообманом: «линия поражения» обладает строгой логикой своего нисхождения, ультимативным образом навязывая человеку программу сдачи всех социальных и культурных позиций.

Основания для беспокойств остаются, даже если само по себе число «бомжующих» москвичей и не растет. Дело в том, что в структуру идентичности типичного москвича входит некая гордость за свое московское происхождение. Факт этот абсолютно естественный, вполне совместимый и с обычными механизмами человеческой психологии, и с достаточно устойчивыми социокультурными реалиями и предрасположениями, наблюдаемыми всюду, во все времена и во всех исторических и культурных эпохах. Эта идентичность должна бы формировать некий внутренний кодекс, задающий границы, за которые субъект не может позволить себе выйти без решительного повреждения своего внутреннего смыслового ядра, своего личностного образа. В этом смысле для москвича вполне правомерным было бы считать бомжевание «завозным недугом». Его чувству «московской гордости» должна бы претить мысль о существовании ниже определенной планки. Он должен бы дорожить уверенностью, что для того, чтобы при встрече просто подать ему руку, другому не нужно ни быть лишенным какого-либо из пяти добрых чувств, ни стоять близко к святости.

Итак, мы должны с тревогой заключить: для возрастающей части числа жителей Москвы «образ москвича», о котором мы вправе говорить как об осязаемой и действенной социокультурной реалии, начинает словно бы размываться. Причину тому нужно в социальных процессах, порой непонятных человеку или же возмущающих его чувство социальной справедливости. Сюда нужно, прежде всего, отнести закрепление неравенства, часто не оправданного ничем, помимо особой коррупционной «искусности»; корпоративную замкнутость части чиновничьего корпуса, сталкиваясь с которой, человек приобретает недобрый навык «расшибать себе лоб» и т.д. Эти процессы, порождающие у индивида чувство

чуждости социальной среды, приводят к подрыву представления о единой «московской общности», рассогласованию надежд и ожиданий, повреждению единого для всех образа будущего и к медленному угасанию чувства «внутригородской солидарности».

Таким образом, мы видим, что вдумчивое отношение к такой, на первый взгляд, частной проблеме, как проблема бродяг, подводит нас к вопросам самого общего социального звучания. В этом нет ничего удивительного, ведь человек практически ни в одной части своей сознательной жизни не выпадает из поля действия «больших социальных сил». Наличие того, что в социологии и политологии принято называть «социальным контрактом», является первейшим фактором, придающим обществу устойчивость и мобильность. Принятие этого «контракта» на уровне индивидуального сознания является ключевой предпосылкой пресечения десоциализирующих тенденций. Человек в этом случае прилагает все свои силы, чтобы остаться внутри общественных связей, вопреки давлению обстоятельств, внушающих ему желание довести свою жизненную неудачу «до градуса» неразрешимой трагедии, а все симптомы своего противостояния обществу суммировать в завершённой самоизоляции.

Именно в этой плоскости мы можем установить связь между такими явлениями как бродяжничество и алкоголизм. Тут не просто «соседство» двух форм асоциальности. В их фактической взаимосвязи мы находим два типологически однородных способа ухода индивида в «параллельный мир». В то же время возрастающее пристрастие к спиртному является самым коротким путем на социальное «дно». В этой связи, борьба с расширением алкогольной зависимости, по существу, поставленная руководством России на передний план актуальной политической повестки, есть в то же время и противодействие явлению массового бродяжничества. С другой стороны, в деятельности благотворительных организаций, в ширящемся волонтерском движении, мы с полным доверием и надеждой можем угадывать стремление многих людей (и очень часто – молодых!) найти новую платформу социальной солидарности.

Нравственная атмосфера в обществе, конечно, напрямую сказывается на всех тенденциях изменений в многообразии социальных сцеплений, имеющих непосредственное отношение к проблеме бродяжничества. Влияние всех других факторов осуществляется с этой поправкой на «моральный коэффициент». Причем его весовая характеристика может быть весьма значительной.

Примером тому служит состояние семейного уклада. Статистка показывает устойчивую закономерность: примерно треть от общего числа бродяг, не являющихся в строгом смысле бездомными, ушли на улицу по причине затяжного семейного конфликта. Еще около четверти и вовсе потеряли жилье. Таким образом, здесь профилактика бродяжничества прямо исходит из задач и целей семейного образования, которое должно являться составной частью воспитания молодого человека в школе и в доме его родителей. Семья как значимая и высоко поставленная ценность – такое представление, усвоенное в юные годы, в дальнейшей жизни остановит многих и не даст семейному раздору принять «военный» характер, когда человек, с не слишком сильной волей и неустойчивой психикой, готов идти «куда глаза глядят».

С другой стороны, нравственный компонент общественной жизни имеет тесную связь с состоянием ее правовой атмосферы, с тем, насколько ценится само понятие права, каким авторитетом оно обладает в делах большого и малого социального масштаба. Здесь связь с

вопросом о бродяжничестве дана со всей очевидностью, просто потому, что падение авторитета права – синоним для обострения криминальной ситуации, а значимость криминального аспекта темы бродяжничества доказывать никому не нужно. Достаточно сказать, что, по данным московской мэрии, около 40% московских бомжей имеют хотя бы одну судимость, а их средний «тюремный стаж» составляет шесть лет.

Имеется еще один аспект связи криминальной темы с вопросом о бродяжничестве. Каждый третий случай потери жилья является следствием пребывания в местах лишения свободы. Человек, отбывающий наказание, и так уже в значительной мере отчуждается от реальной социальной жизни. Условия нашей пенитенциарной системе в последние годы последовательно гуманизируются: улучшается быт осужденных, повышается доступности для них книг и средств массовой информации. Не секрет, однако, что этот позитивный процесс протекает не всегда ровно. Да и, в конце концов, нельзя отменить действия немалого времени: освободившийся из мест заключения человек нередко обнаруживает, что квартира, в которой он некогда жил, продана его родственниками, либо же он утратил право проживания в ней вследствие их смерти и перехода жилья в другие руки.

Этот жизненный удар может резко усугубить неблагоприятный психологический фон, сопровождающий встречу бывшего заключенного с порой малопонятной ему социальной реальностью. Стремительные социальные изменения привели к тому, что знакомые ему формы социальной жизни ушли в прошлое, на их место пришли другие, освоение которых требует времени, волевых усилий, каких-то знаний и культурных навыков, которых у человека может и не оказаться.

Таким образом, задача профилактики бродяжничества настоятельно требует совершенствование работы государственных органов, ответственных за учет и распределение жилья. Нужно добиваться максимальной прозрачности всех сделок с недвижимостью. В противном случае, «армия» наших бомжей будет непрерывно пополняться «новобранцами». И это касается далеко не только лиц, вернувшихся из заключения. Обман при продаже или покупке квартиры является одной из самых распространенных причин того, что человек лишается какого-либо пристанища. По данным московской мэрии, от 15 до 20% бродяг в Москве оказались на улице вследствие мошенничества в жилищной сфере.

Такое положение дел является абсолютно неприемлемым. Оно требует разработки комплексной программы мер, исключающих это позорное явление из жизни нашего города. Усилия законодателей должны быть дополнены более тщательно продуманной деятельностью органов, ответственных за регистрацию сделок с недвижимостью. Ну и, разумеется, в эту работу обязаны с максимальной энергией включаться правоохранные органы столицы.

Можно ли, например, примириться с тем, что в некоторых московских клиниках отказываются принимать на срок более трех суток больных, не имеющих документа об обязательном медицинском страховании?⁶² Конечно, общегосударственные решения обязательны для всех. Но ведь государство не устанавливает того, что бездомный *должен умереть*. Оно лишь предписывает обязательность страхования для всех граждан России. В тех край-

⁶² <http://www.miloserdie.ru/index.php?ss=1&s=5&id=17938>.

них ситуациях, когда речь идет об оказании медицинской помощи бродяге, часто уже не способному совершать ответственные социальные действия, вопрос должен решаться во взаимодействии лечебных учреждений и органов социальной защиты.

КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ОЦЕНКА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

В первые годы реформ для нашего общественного сознания был характерен «экономический детерминизм» – восприятие и объяснение происходящего в социуме как детерминированного преимущественно экономическими причинами. Практически все основные цели, которые ставились перед нашим обществом, – построение рыночной экономики, рост ВВП, укрепление рубля, снижение инфляции и т.п. – носили чисто экономический характер. Такие проблемы, как острейшая социальная несправедливость, криминализация, коррупция, деградация морали, социальная и физическая незащищенность граждан, хотя и не были обделены вниманием властных структур и СМИ, все же рассматривались в качестве второстепенных. Разумеется, было бы абсурдным отрицать чрезвычайную важность перечисленных экономических целей, но их достижение само по себе не обеспечивает главной задачи любых реформ – *повышения благополучия граждан*, а, например, вопрос о том, можно ли считать благополучной страну, где ВВП растет, а численность населения ежегодно сокращается, принадлежит к числу риторических.

Несмотря на очевидные недостатки «экономического детерминизма», который А.Токвилль подвергает в своих работах⁶³ разрушительной критике, К.Полани называет «экономическим заблуждением»⁶⁴, а М.Рац – «отрыжкой марксизма», подчеркивая производительность «упертости в экономику» от марксистского разделения общества на экономический базис и, в общем-то, менее важную социальную надстройку⁶⁵, подобный стиль мышления

⁶³ *Toqueville*, 1955.

⁶⁴ *Polanyi*, 1957.

⁶⁵ *Рац*, 1997.

и объяснения происходящего в обществе не преодолен до сих пор, причем нашим экономистам-либералам, формально отвергнувшим марксизм, он свойственен не меньше, чем его правоверным адептам, свидетельством чему может служить, например, книга Е.Т.Гайдара⁶⁶.

Сложилась очевидная необходимость более разностороннего, многомерного видения общества и многопланового рассмотрения факторов, влияющих на перспективы его развития⁶⁷. Новой для социогуманитарных наук тенденцией, синхронно проявляющейся в различных научных дисциплинах, является *количественная*, основанная на применении различных индексов, оценка характеристик общества, которые традиционно оценивались лишь качественно. Различные *социальные индикаторы*⁶⁸ вычисляются такими авторитетными международными организациями, как ООН, Статистическое бюро европейского союза (Eurostat), ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития), Всемирный банк, Европейская комиссия, применяются практически всеми европейскими странами, а также США, Канадой, Японией, Австралией, государствами Латинской Америки и Южной Африки.

В структуре социальных индикаторов важное место принадлежит *психологическим* компонентам. Как отмечает Г.В.Осипов, «традиционный подход был дополнен субъективным, учитывающим психологическое благополучие людей, появились концепции качества жизни и функциональных способностей (*sarabilities*)»⁶⁹. Социологи вычисляют индексы социальных настроений, социального оптимизма, удовлетворенности жизнью, социального самочувствия населения и др., обладающие ярко выраженной психологической составляющей. Демографы подсчитывают такие индексы, как коэффициент витальности страны⁷⁰, тоже во многом имеющие психологический смысл. Широкое распространение получили исследования качества жизни, а также близких ему явлений – субъективного благополучия и др., в изучении которых активное участие принимают психологи⁷¹. Разработаны Индекс счастливой жизни, Индекс счастливой планеты, Индекс валового национального счастья (введенный четвертым королем Бутана и используемый в этой стране *вместо* показателя ВВП), которые позволяют количественно оценивать, казалось бы, совсем неисчислимое – счастье⁷².

Подчеркнем, что подобные интенции родились не в психологической, а в *экономической* науке, где сложились такие направления, как «экономика счастья» и т.п. В частности, «Неудовлетворенность экономистов объяснительным потенциалом постулата максимиза-

⁶⁶ Гайдар, 2006.

⁶⁷ Журавлев, 1998.

⁶⁸ Термин «социальные индикаторы» появился в США в начале 1960-х гг. по инициативе Американской академии искусств и науки, которая выполняла заказ NASA. В 1970-е гг. Правительство США стало регулярно публиковать соответствующие данные, был создан журнал *Social Indicators Research*, аналогичный подход был взят на вооружение международными организациями, такими, как ООН и ОЭСР. Затем – в 1980-е гг. – произошел некоторый спад интереса к ним, но в 1990-е гг. началось его возрождение. Это случилось вследствие принятия международным сообществом программы устойчивого развития, а на смену разрозненным социальным индикатором пришли агрегированные индексы (Степаншин, 2008).

⁶⁹ Осипов, 2011. С.6.

⁷⁰ Сулакшин, 2006.

⁷¹ Videman, 1970; Keltner et al., 1993.

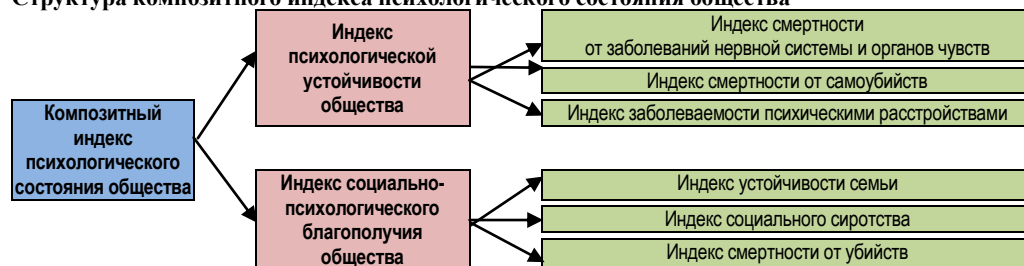
⁷² см. Степаншин, 2008.

ции прибыли привела к выдвигению в качестве цели экономической деятельности понятия “благополучия”, которое заменило в этой функции понятие “богатства”⁷³.

«Экономика счастья» во многом переворачивает традиционную логику экономических и социальных оценок, делая акцент на субъективном благополучии и *через* него оценивая качество объективных условий жизни людей. А основное отличие так называемой «вторичной» модернизации от «первичной» принято усматривать в том, что главной задачей является уже не просто развитие экономики ради удовлетворения материальных потребностей людей, а повышение качества жизни во имя удовлетворения их потребностей в счастье и самовыражении⁷⁴. В русле традиции вычисления социальных индикаторов Институтом психологии РАН был разработан *композитный индекс психологического состояния общества*, объединяющий два вторичных индекса – индекс психологической устойчивости общества и индекс его социально-психологического благополучия, каждый из которых в свою очередь интегрирует три первичных индекса (рис. 1)⁷⁵.

Рисунок 1

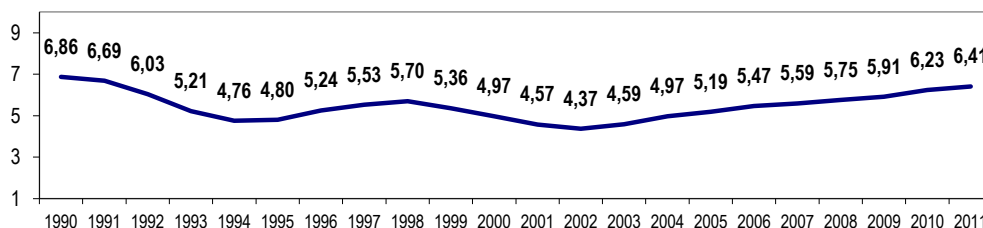
Структура композитного индекса психологического состояния общества

Использование композитного индекса позволяет дать количественную оценку динамики психологического состояния российского общества в годы реформ (рис. 2).

Рисунок 2

Динамика композитного индекса психологического состояния российского общества, 1990–2011 гг., баллы

Источник: расчеты авторов.

⁷³ Осипов, 2011. С.39.

⁷⁴ Обзорный доклад... 2011.

⁷⁵ Более подробное описание индекса и логики его построения см. Юревич, Ушаков, Цапенко, 2007.

Как видно на рис. 2, психологическое состояние российского общества, оцененное с помощью композитного индекса, постоянно ухудшалось в 1991–1994 гг., затем ежегодно улучшалось до 1998 г., впоследствии вновь ухудшалось до 2002 г., после чего обнаружило тенденцию к улучшению (значение индекса за последние два года не вычислено, ввиду того, что необходимые первичные статистические данные пока отсутствуют).

Подобную динамику несложно объяснить исходя из общих тенденций в развитии российского общества и их преломления в психологическом состоянии населения. Радикальные социально-политические реформы, переход к рыночной экономике, «шоковая терапия» и т.п. вызвали дезадаптированность основной части населения к новому общественному устройству, приводя к ежегодному ухудшению его психологического состояния.

Широко распространены такие характеристики первых лет реформ: «Попытки вторгнуться в источники мотиваций человека, навязывая ему иные, чуждые цивилизационные накопления, пытаясь насильственно ассимилировать российскую цивилизацию в западную, подменить ценностные и поведенческие матрицы приводят только к стрессу, сопротивлению, психологическому дискомфорту»⁷⁶. Симптоматично и то, что в эти годы широкое распространение получил такой тип социальной идентификации наших сограждан, как «жертва реформ»⁷⁷. Приведем в данной связи и сделанный не психологом, а экономистом, вывод о том, что «устойчивость социально-экономической системы обусловлена гомеостазом общества, достигаемым в процессе удовлетворения базовых человеческих инстинктов – самосохранения, самовоспроизводства (продолжения рода) и самореализации (самовыражения)»⁷⁸. Показательно и то, что наивысшими ценностями россиян в эти годы были социальная защищенность и возможность получить квалифицированную медицинскую помощь⁷⁹, соответствующие потребностям в безопасности в иерархии потребностей, разработанной Маслоу.

К 1994 г. произошла психологическая адаптация значительной части наших сограждан к реформам, что выразилось в тенденции к улучшению его психологического состояния⁸⁰, выявляемой и в других исследованиях. Например, применение семантического дифференциала продемонстрировало, что «после падения оценки по фактору *«осмысленность бытия»*, пришедшегося на четыре предыдущих года, 1995 г. характеризуется некоторым подъемом по этому измерению»⁸¹. «Можно полагать, – пишет В.Ф.Петренко, – что ощущения

⁷⁶ Сулакишин, 2006. С.46.

⁷⁷ Гундаров, 2001.

⁷⁸ Балацкий, 2005. С.43–44.

⁷⁹ Петренко, 2005.

⁸⁰ Есть основания предположить, что либо психологическая адаптация явилась следствием экономической и социально-политической адаптации, либо носила самостоятельный характер (можно психологически адаптироваться, привыкать к реалиям, к которым трудно адаптироваться экономически), либо, и, скорее всего, имело место и то, и другое. Следует также отметить, что, как показывают исследования, «ведущей компонентой адаптированности является не столько сегодняшнее позитивное самочувствие, сколько ощущение перспективности, «продолженности» благополучия» (Дудченко, Мытль, 2001. С.615), т.е. жизненная перспектива человека.

⁸¹ Петренко, 2005. С.387–388.

уныния и апатии, вызванные ломкой сложившегося уклада жизни и системы ценностей, постепенно сменяется адаптацией к условиям жизни и открытием новых возможностей для значительной части наших испытуемых (хочется верить – значительной части населения). Если эта тенденция верна, то возможен перелом (по крайней мере, психологический) в осмыслении людьми собственной жизни в постперестроечный период»⁸².

Но в 1998 г. разразился дефолт, повлекший за собой ухудшение материального положения значительной части населения, а также нарастание недоверия к власти, массовое ощущение социальной нестабильности и др.⁸³, и породивший новую волну ухудшения психологического состояния российского общества. Как пишут О.Н.Дудченко и А.В.Мытиль, «наметившаяся стабилизация, ставшая результатом завершения первой адаптационной волны, этим кризисом была разрушена. Общество в очередной раз встало перед проблемой реадaptации»⁸⁴. Ухудшение психологического состояния нашего общества продолжалось до 2002 г., когда ситуация в стране более или менее стабилизировалась, и сформировались новые механизмы адаптации, после чего оно вновь стало улучшаться. Таким образом, психологическое состояние российского общества, измеряемое с помощью композитного индекса, чутко реагировало на происходящие в стране изменения, вместе с тем обнаруживая некоторое отставание от экономических и социально-политических событий, требующих времени для адаптации к ним и их психологического «усвоения» населением.

Несмотря на некоторое улучшение ситуации в стране в последние годы, именуемое словом «стабилизация», основные причины, вызывавшие тревогу россиян в 1990-е гг., сохраняются и поныне. В результате, хотя и наметилась тенденция к улучшению психологического состояния нашего общества в последнее время, оно остается далеко не удовлетворительным и уступает психологическому состоянию ряда других стран, в том числе и таких, как Украина и Республика Беларусь (рис. 3).

Соотнесение России с двумя упомянутыми странами СНГ, близкими нам по менталитету и другим характеристикам, свидетельствует о том, что психологическое состояние общества не является линейной функцией его экономического состояния. Так, например, уровень жизни в России выше, чем в этих странах, однако их граждане не гибнут от терактов, живут в менее криминализованных условиях и т.д., что, наряду с рядом других неэкономических факторов, обуславливает лучшее психологическое состояние⁸⁵.

Отсутствие линейной связи между экономическим и психологическим состоянием общества обнаруживается также при соотнесении динамики соответствующих индексов (рис. 4).

⁸² Там же. С.388.

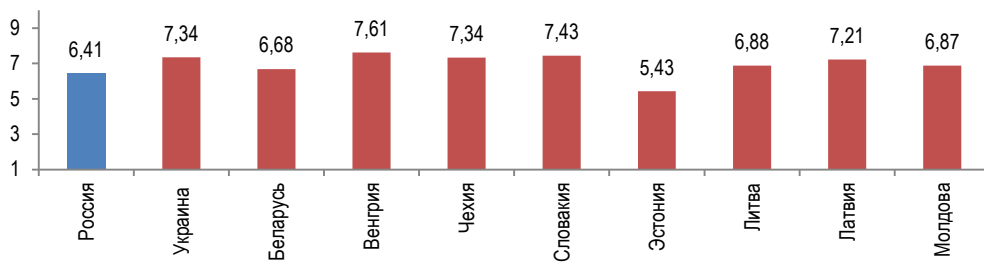
⁸³ Вследствие всего этого дефолт, в результате которого значительная часть наших сограждан потеряла не только деньги, но и веру в начавшуюся стабилизацию, было бы неверным считать чисто экономическим событием, что иногда делается. Его социальные и психологические последствия были ничуть не меньшими, чем экономические.

⁸⁴ Дудченко, Мытиль, 2001. С.620.

⁸⁵ В случае Беларуси, регулярно обвиняемой в недостатке демократии, очевидно, сказывается и большая стабильность существующего там социально-политического режима, что демонстрирует непрямую связь между уровнем демократии и психологическим благополучием граждан.

Рисунок 3

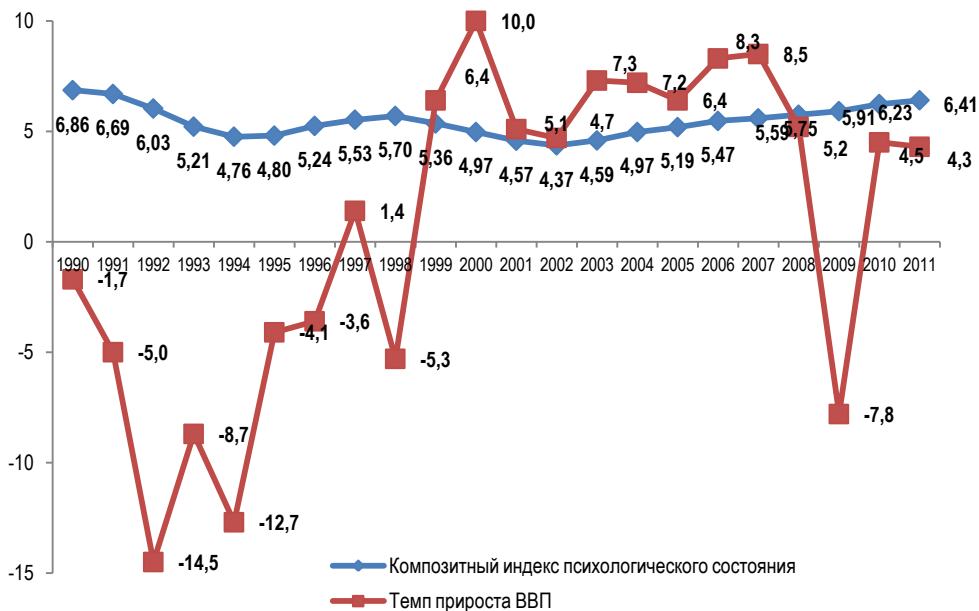
Композитный индекс психологического состояния, Россия, 2011 г., зарубежные страны, 2010 г., баллы

Источник: расчеты авторов.

Рисунок 4

Композитный индекс психологического состояния российского общества в соотношении с темпами прироста/снижения ВВП

Источник: расчеты авторов.

Как видно на рис. 4, сопоставляемые индексы обнаруживают существенно различную динамику. Так, в 1992–1993 гг. увеличение значения нормализованного индекса прироста ВВП (не путать с фактическим темпом прироста ВВП) сочеталось со снижением индекса психологического состояния общества, то же самое происходило в 1998–2000 гг., а в 1997–1998 гг. и в 2008–2009 гг. наблюдалась обратная картина. Это служит очередным опровержением «экономического детерминизма», а также свидетельствует о том, что, во-первых, рост макроэкономических показателей далеко не всегда сказывается на жизни основной части населения, во-вторых, экономические улучшения в обществе не сразу вызывают позитивные социальные и психологические изменения, в-третьих, психологическое состояние общества отражает не только его экономическое состояние, но и многое другое.

Известно, что «экономические последствия, как показывает опыт западных стран, нивелируются гораздо быстрее, чем последствия социальной дезадаптации личности»⁸⁶. В результате трудно ожидать высокой жизнеспособности и психологического благополучия общества, демонстрирующего ежегодный рост ВВП, однако живущего в условиях криминализации, экономической и политической нестабильности, социальной и физической незащищенности большинства граждан, деградации морали и т.п.

Трудно не согласиться и с тем, что «ранее свойственное большинству ощущение стабильности у многих сменилось чувством безысходности, угнетения, некой социальной отверженности»⁸⁷. А исследование основных страхов и тревог россиян демонстрирует, что среди таковых первые места занимают не только страх нищеты, но и тревоги, порождаемые беззаконием, криминализацией, национальными конфликтами и др.⁸⁸.

Очень непростую и нелинейную связь между психологическим состоянием общества, в частности тем, насколько счастливы его представители, и экономическими показателями, демонстрируют также данные, относящиеся к другим странам⁸⁹. Так, среди стран, занимающих первые места по Индексу счастья, находятся Нигерия, Мексика, Венесуэла, в то время как богатые западноевропейские страны имеют куда более скромные показатели⁹⁰.

Впрочем, было бы неверным умалать значимость макроэкономических показателей и их влияния на психологическое состояние общества. В частности, обнаружилась очень высокая и имеющая очевидный социальный смысл отрицательная корреляция ($r = -0,91$) между этим состоянием и коэффициентом Джини (табл. 2), выражающим различия в уровне доходов десяти самых богатых и десяти самых бедных процентов населения. То есть, если сами темпы прироста «общего пирога» – ВВП – мало влияют на психологическое состояние основной части населения, то способы и результаты его распределения оказывают очень значительное влияние, и, чем больше диспропорция в уровне доходов, тем хуже психологическое состояние общества.

⁸⁶ Журавлева, 2001. С.509.

⁸⁷ Козырева и др., 2001. С.245.

⁸⁸ Шубкин, Иванова, 2001.

⁸⁹ Степашин, 2008.

⁹⁰ Там же.

Таблица 2

Коэффициенты корреляции (Пирсона) композитного индекса психологического состояния российского общества с его социальными и экономическими показателями

Социальные и экономические показатели	Коэффициент корреляции
Естественный прирост населения	0,958***
Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов)	-0,907***
Число зарегистрированных преступлений	-0,740**
Темпы прироста/снижения ВВП	-0,415*
Ожидаемая продолжительность жизни	0,943***
Численность больных алкоголизмом, зарегистрированных с диагнозом, установленным впервые	-0,963***

Примечание: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Источник: расчеты авторов.

Представленные в табл. 2 данные демонстрируют также тесную связь психологического состояния общества с естественным приростом населения, ожидаемой продолжительностью жизни, преступностью и алкоголизмом, т.е. с основными социально-демографическими проблемами современной России. Достаточно известна и тесная связь между психологическим состоянием общества и различными заболеваниями, особенно имеющими психогенную природу⁹¹.

Таким образом, несмотря на некоторое улучшение в последние годы, психологическое состояние нашего общества, влияющее на самые различные стороны его жизни, остается неудовлетворительным, что подтверждается и другими данными. А улучшение экономических показателей и такие предпринимаемые властными органами меры, как национальные проекты, пока недостаточно сказываются на нем. Отсутствие радикального улучшения психологического состояния наших сограждан неизбежно повлечет за собой возрастание массовой аномии, социально-политической пассивности, недоверия к власти, а также нарастание алкоголизма, наркомании, дальнейшее сокращение численности населения и т.п. Для того, чтобы переломить подобные тенденции, самого по себе экономического роста явно недостаточно. Необходимы радикальные и эффективные меры по улучшению психологического состояния россиян и целенаправленное воздействие на факторы, его ухудшающие. Очевидно, пришло время признать неадекватность «экономического детерминизма», существенно изменить лежавшие в основе наших реформ представления об обществе и разворачивающихся в нем социальных процессах. Опыт этих реформ убедительно продемонстрировал, что «кажущиеся выгоды курса на достижение экономической эффективности любой ценой закладывают мины замедленного действия под долгосрочные перспективы развития»⁹². А более адекватная стратегическая цель – «создание жизнеспособного общества в жизнеспособной, экологически устойчивой среде»⁹³ – предполагает признание важности психологического состояния общества.

⁹¹ Зараковский, 2009.

⁹² Вебер, Галкин, Красин, 2001. С.196.

⁹³ Там же.

В настоящее время чувствуется острая необходимость расширения *основных ориентиров развития* России, а также большего внимания к социальной сфере, психологическому и нравственному состоянию населения. Радикальное улучшение ситуации в этих областях предполагает устранение слишком явной социальной несправедливости в распределении доходов, декриминализацию общества, возрождение его нравственных устоев и т.д.⁹⁴. Следует признать и то, что одной из главных социальных проблем современной России является не дефицит свободы (в чём нашу страну регулярно обвиняют на Западе), а прямо противоположное – *дефицит контроля*, как внешнего, являющегося основной функцией государства и социума, так и внутреннего, основанного на интернализированных личностью нравственных запретах. Есть основания предполагать, что в ближайшее время основным вектором развития российского общества станет превращение разнузданной, нецивилизованной свободы – одного из главных «завоеваний» начала 1990-х – в свободу цивилизованную, предполагающую разумные ограничения – как внешние, обеспечиваемые законами, так и внутренние, налагаемые нравственными принципами.

УРОВЕНЬ РЕЛИГИОЗНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В Г. БЕЛГОРОДЕ И ОТНОШЕНИЕ БЕЛГОРОДЦЕВ К ВВЕДЕНИЮ УЧЕБНОГО КУРСА «ОСНОВЫ РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТУР И СВЕТСКОЙ ЭТИКИ»

В ноябре 2010 г. Отделом социологии религии ИСПИ РАН был проведен опрос религиозности населения в г. Белгороде. Целью опроса была, с одной стороны, апробация анкеты, которую отдел социологии религии ИСПИ РАН готовит для всероссийского опроса, с другой стороны, получение представления о религиозной ситуации в г. Белгороде, которая интересна для социологов религии тем, что в городе действует Семинария по подготовке миссионеров для всей РПЦ и установлены хорошие и тесные церковно-государственные отношения⁹⁵.

⁹⁴ Юревич, 2008; Журавлев, Юревич, 2012.

⁹⁵ Исследование проводилось при поддержке гранта РГНФ №10-03-00185а. Опрос проводился в г. Белгороде по квотно-пропорциональной выборке, N = 602.

Исследование проводилось в основном по методике В.Ф.Чесноковой, с включением определения показателя активного суеверного поведения респондентов (методика разработана Отделом социологии религии ИСПИ РАН). В анкету впервые были введены очень важные, на наш взгляд, вопросы о важности в жизни россиян религии, об участии в приходской жизни, а также был разработан блок вопросов по изучению отношения россиян к введению в среднюю общеобразовательную школу Основ православной культуры. Сегодня в российском обществе продолжают споры о том, в каком виде Основы православной культуры должны быть представлены в средней школе. Есть два альтернативных проекта – программа ОПК, подготовленная РПЦ (существует в разных вариантах) и программа Министерства образования – комплексный учебный курс «Основы религиозных культур и светской этики», в рамках которого есть предмет ОПК, который существенным образом отличается от первого и вызывает отрицательную реакцию у РПЦ. Проект Министерства образования был недавно включен в учебную программу 20 регионов РФ. Белгород не входит в число выбранных для эксперимента регионов. Для нас было важно понять, видят ли россияне разницу между этими двумя проектами. Поэтому Белгород в этом отношении был выбран неслучайно, а как город, в котором давно ведется преподавание предмета ОПК, разработанного в РПЦ, накоплен большой опыт по преподаванию этого предмета. Белгород в определенном смысле можно рассматривать как полигон миссионерской деятельности РПЦ, именно поэтому данные, полученные в этом городе, представляют большой интерес.

Согласно полученным данным доля респондентов, относящих себя к православию, составляет в Белгороде 84%, при этом доля верующих составляет 66%, неверующие составили около 10% (см. табл. 1, 2). Для сравнения, по данным всероссийского исследования 2007 г. (рук. – Локосов В.В., Шульц В.Л., 2007 г., N = 7119), доля православных по самоидентификации респондентов составляет 68%, а доля верующих – 53% опрошенных, неверующие составили 18,5%. По данным всероссийского исследования отдела социологии религии 2004 г., к православию себя относят 76% опрошенных, верующие составляют 59% опрошенных, неверующие – 16% (грант РГНФ, 2004 г., N = 1794). Очевидно, что показатели конфессиональной и религиозной принадлежности в Белгороде превышают средний уровень по стране.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Верите ли вы в Бога?», % от числа опрошенных, г. Белгород, 2010 г.

Верю	66,2
Колеблюсь между верой и неверием	18,5
Не верю	9,7
Верю в сверхъестественные силы, но ни к какому вероисповеданию не принадлежу	1,8
Затрудняюсь ответить	3,8

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «К какому вероисповеданию Вы себя относите?», % от числа опрошенных, г. Белгород, 2010 г.

Православие	84,3
Старообрядчество	0,3
Католицизм	0,3
Протестантизм	0,3
Ислам	1,2
Язычество	0,2
Другое	1,5
Ни к какому	7,9
Затрудняюсь ответить	4,0

Представляет интерес сопоставление данных исследования в Белгороде с данными, полученными в Ярославле в 2003 г. (РГНФ, 2003 N = 1600): православные по самоидентификации составляют 77%, верующие – 58%, неверующие – 13%. Ярославль, как и Белгород, мононациональный город, относящийся к Центральному региону России. С нашей точки зрения, эти данные позволяют говорить об определенной динамике роста уровня религиозности населения в ЦР России.

Разрыв в 18% между православными по самоидентификации и верующими (84% – православные, 66% – верующие) в очередной раз подтверждает существование феномена православия по культурной самоидентификации и показывает, что доля таких православных практически не меняется за последние 10 лет. Следует также заметить, что доля колеблющихся между верой и неверием в Бога как раз составляет 18%. В данном исследовании мы сочли возможным несколько изменить подход к формированию группы православные. В предшествующих исследованиях (2003, 2004, 2006) мы включали группу «колеблющиеся» в состав «православных», исходя из того, что респонденты не отвечали отрицательно на вопрос о вере в Бога, а также в соответствии с советской традицией исследования религиозности населения. С нашей точки зрения, настало время, когда все же следует выделять группу «колеблющиеся» отдельно, поскольку с момента отказа от политики атеизации населения прошло достаточно времени, чтобы определиться в своем отношении к вере в Бога. И сейчас такой ответ означает не попытку уйти от ответа, как это было в Советском Союзе, или ситуацию выбора в новой ситуации, а действительно определенную мировоззренческую позицию.

Заслуживающим особого внимания, нам представляется вопрос о важности религии в жизни людей. Мы получили следующие данные (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Насколько важна религия в Вашей жизни?», % от числа опрошенных, г. Белгород, 2010 г.

Очень важна	21,2
Довольно важна	37,7
Не очень важна	22,0
Совсем не важна	10,7
Затрудняюсь ответить	8,5

С нашей точки зрения – это достаточно высокие показатели, которые говорят о том, что религия важна почти для 60% верующих. Этот вопрос ставится практически во всех европейских и американских исследованиях религиозности населения и является важным индикатором значимости религии для общества.

Еще одним важным показателем религиозной жизни является принадлежность к приходу или религиозной общине (см. табл. 4).

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «Являетесь ли Вы членом какой-либо религиозной общины (прихода)?», % от числа опрошенных, г. Белгород, 2010 г.

	Массив в целом	Православные верующие
Да	4,8	6,6
Нет, но иногда участвую в приходской жизни	7,5	10,1
Нет, но хотел бы	3,5	4,5
Нет	81,9	76,6
Затрудняюсь ответить	2,3	2,1

Данные исследования показывают, что доля респондентов так или иначе участвующих в приходской жизни составляет 12% опрошенных по массиву в целом и 17% среди православных. При этом доля тех, кто не относит себя к какому-либо приходу, но желающих участвовать в приходской жизни мизерна. Подавляющее большинство православных респондентов не участвуют в приходской жизни (более трех четвертей опрошенных).

Рассмотрим показатели уровня воцерковленности респондентов в г. Белгороде. С уверенностью можно констатировать, что по посещаемости храма, совершению молитвы и причастия жители Белгорода демонстрируют более высокие показатели, чем в среднем по массиву (по данным 2006 г.).

По уровню воцерковленности православные верующие распределились так, как показано в табл. 6. Результаты опроса в Белгороде резко контрастируют со среднероссийскими данными, что, с одной стороны, объясняется тем, что мы ужесточили критерий прохода в группу православные, а с другой – действительно более высокими показателями уровня воцерковленности населения в Белгороде. Следует отметить, что поскольку группа верующие православные все же невелика по размеру, поэтому дальнейший анализ группы не представляется статистически достоверным. Данные исследования показывают, что в Белгороде треть верующих православных попадает в воцерковленную группу, а более 2/3 в полувоцерковленную группу, доля же невоцерковленных православных находится в пределах статистической погрешности.

Таблица 5

Показатели уровня воцерковленности респондентов, % от числа опрошенных,
г. Белгород, 2010 г., РФ, 2006 г.

Посещение храма	Массив Белгород, 2010	Верующие православные Белгород, 2010	Верующие православные РФ, 2006
Никогда не был	12,0	3,7	8
Редко, не каждый год	24,6	16,5	27
Раз в год обязательно	14,3	14,1	16
Несколько раз в год	28,0	38,8	34,5
Раз в месяц и чаще	15,0	22,6	12
Затрудняюсь ответить	6,2	4,3	2
Чтение Евангелия			
Никогда не читал	36,2	27,7	35
Когда-то читал, давно	39,6	42,6	37
Читал (или перечитывал) недавно	8,2	11,7	13
Читаю Евангелие регулярно	5,3	6,4	7
Регулярно читаю Евангелие и другие положенные тексты	3,2	5,1	4
Затрудняюсь ответить	7,5	6,6	4
Молитва			
Не молюсь вообще	27,4	10,4	18
Иногда, чаще своими молитвами	39,9	46,9	47
Иногда, чаще церковными молитвами	13,9	17,6	16
Молюсь церковными молитвами почти каждый день	10,9	17,1	11
Читаю утреннее и вечернее правило или др. ежедневно	3,5	5,1	4
Затрудняюсь ответить	4,5	2,9	3
Причастие			
Никогда в сознательном возрасте не причащался	44,1	30,5	54
Редко, раз в несколько лет	25,0	30,7	23
Раз в год обязательно	10,1	14,7	8
Несколько раз в год	8,9	13,6	7
Раз в месяц и чаще	2,0	3,2	2
Затрудняюсь ответить	9,9	7,2	5
Пост			
Не соблюдаю постов	66,2	53,7	66
Иногда пощусь, но нерегулярно	18,8	26,3	20
Некоторые посты соблюдаю, другие – нет	6,2	8,0	5,5
Стараюсь соблюдать все большие посты	4,5	6,9	4
Соблюдаю все большие посты, стараюсь держать среду и пятницу	2,7	3,7	3
Затрудняюсь ответить	1,7	1,3	1

Таблица 6

Уровень воцерковленности православных верующих, % от числа опрошенных, г. Белгород, % от числа опрошенных

Типологическая группа	
Воцерковленные	29,3
Полувоцерковленные	68,6
Начинающие	1,6
Невоцерковленные	0,5

Другой важной темой нашего исследования является анализ отношения населения к введению в школьную программу предмета «Основы религиозных культур и светской этики». Около половины жителей Белгорода предпочли бы ввести в школы предмет Основы православной культуры, 17% предпочли бы ввести предмет «Основы мировых религиозных культур», «Основы светской этики» выбрали бы около 9% опрошенных и 14% респондентов не хотели бы, чтобы какой-либо из предложенных курсов был введен в школьную программу.

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос: «Какой предмет из курса “Основы религиозных культур и светской этики” Вы бы выбрали для своего ребенка?», % от числа опрошенных

«Основы православной культуры»	49,1
«Основы мусульманской культуры»	0,8
«Основы буддистской культуры»	0,5
«Основы иудейской культуры»	0,2
«Основы мировых религиозных культур»	17,0
«Основы светской этики»	8,6
Не выбрал бы никакой из этих предметов	13,8
Затрудняюсь ответить	10,0

В целом положительно относятся к введению учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики» более половины опрошенных, около 19% – безразлично и около 14% – отрицательно.

Таблица 8

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы относитесь к введению учебного курса “Основы религиозных культур и светской этики” в обязательную школьную программу?», % от числа опрошенных

Положительно	52,1
Безразлично	18,6
Отрицательно	14,1
Затрудняюсь ответить	15,2

Большинство респондентов все же считает, что знания о религиозной культуре дети должны получать дома (около 59%), 38% респондентов считают, что такие знания можно получать в школе, 18% – в религиозной организации, а 11% – что ребенку знания о религиозной культуре вообще не нужны.

Таблица 9

Распределение ответов на вопрос: «Где ребенку надо получать знания о религиозной культуре?», % от числа опрошенных

В семье	58,6
В школе	38,1
В религиозной организации (воскресной школе)	17,7
Путем самообразования (из книг, телепередач и Интернета)	10,4
Ребенку знания о религиозной культуре не нужны	11,2
Затрудняюсь ответить	8,4

Большинство респондентов считают, что новый учебный курс должен быть факультативным предметом, за обязательный предмет выступают только 20% респондентов и против введения предметов, рассказывающих о религии, выступили 12% опрошенных.

Таблица 10

Распределение ответов на вопрос: «Учебный курс “Основы религиозных культур и светской этики” должен быть...», % от числа опрошенных

Обязательным	19,7
Факультативным	56,0
В школе не надо вводить любые предметы, рассказывающие о религии	11,7
Затрудняюсь ответить	12,6

Белгород не вошел в экспериментальную программу Министерства образования РФ по введению в школьную программу нового предмета, но в Белгороде уже более 10 лет введен в школьную программу предмет ОПК, и нам было важно проанализировать отношение населения г. Белгорода к предмету ОПК и понять, какие на сегодняшний день существуют плюсы и минусы от введения этого курса, как он воспринимается родителями и учащимися. Около половины респондентов, участвующих в нашем исследовании либо сами посещали предметы ОПК (21,6%), либо этот курс был в школьной программе у детей или внуков опрошенных (24,7%). Мы получили следующие результаты.

Таблица 11

Распределение ответов на вопрос: «Удовлетворены ли Вы тем, как ведется преподавание в школе предмета «Православная культура»?», % от числа опрошенных

В основном удовлетворен	51,6
В основном не удовлетворен	29,5
Затрудняюсь ответить	19,0

Чуть более половины респондентов, сталкивающихся с предметом ОПК, в целом удовлетворены предложенным курсом, но около 30% опрошенных в основном не удовлетворены тем, как ведется преподавание в школе предмета «Православная культура». При этом доля затруднившихся ответить довольно значительна – почти 20%.

Большинство учащихся (51%) относится к ОПК так же, как и к другим предметам. С удовольствием посещают предмет ОПК 20% опрошенных, не хотят посещать эти уроки 17% опрошенных.

Таблица 12

Распределение ответов на вопрос: «Как Ваш ребенок (внук или Вы сами, когда учились в школе) относится к урокам ПК?», % от числа опрошенных

Посещает (посещал) с удовольствием	20,7
Не хочет (не хотел) посещать эти уроки	16,9
Относится к ним так же, как и к другим предметам	50,9
Иной вариант	1,7
Затрудняюсь ответить	9,8

Более половины респондентов считают, что никаких изменений в поведении и мировоззрении детей после изучения ПК не произошло. Считают, что ребенок стал более компетентным в вопросах религии около 20% опрошенных, 12% считают, что дети заинтересовались историей и культурой своего народа, 8% – что – лучше стали понимать, что такое добро и зло, 6% – стали задумываться о смысле жизни, 5% – стали добрее и милосерднее. Негативные изменения произошли у 1% опрошенных. Особенно важным, с нашей точки зрения, являются данные о том, что после введения ОПК верующими стали около 2%.

Таблица 13

Распределение ответов на вопрос: «Произошли ли изменения после изучения ПК?», % от числа опрошенных

Не произошло никаких изменений	56,4
Ребенок стал более компетентным в вопросах религии	19,7
Заинтересовался историей и культурой своего народа	12,1
Стал добрее, более милосердным	4,8
Стал более дисциплинированным	3,7
Стал задумываться о смысле жизни	5,9
Стал лучше понимать, что такое добро и зло	7,9
Стал верующим	1,7
Произошли изменения в худшую сторону	1,0

В результате исследования религиозности населения в г. Белгороде и отношения к введению в средней школе курса ОПК мы пришли к следующим выводам.

- В Белгороде в силу определенных причин уровень религиозности населения выше, чем в среднем по России, здесь выше доля верующих и выше доля православных по конфессионально самоидентификации.
- Уровень воцерковленности у белгородцев также существенно выше, чем в среднем по России (по крайней мере, по данным 2006 г.).
- Большинство респондентов предпочитают видеть основы религиозных культур и светской этики в качестве факультативного предмета, при этом предпочтение отдается предмету Основы Православной Культуры.
- Более половины респондентов удовлетворены уровнем преподаванием ОПК в школе, однако почти треть респондентов не довольны тем, как ведется преподавание этого предмета.
- Более половины респондентов не видит каких-то последствий от введения ОПК в школе, от 6% до 20% указывают на положительные изменения в поведении детей. При этом только около 2% респондентов указывают на то, что ребенок в результате посещения уроков ОПК стал религиозным. С нашей точки зрения, эти данные опровергают опасения многих религиоведов, социологов и общественных деятелей, что целью введения ОПК в школы является клерикализация общества и воцерковление населения.

СПЕЦИФИКА РАЗВИТИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РЕГИОНАХ РФ

Как констатируют социологические исследования, проводимые сотрудниками ИСПИ РАН, исторически традиционные связи конфессий с определенной нацией, этносом продолжают оставаться тесными, несмотря на то, что в настоящее время религиозные верования не в полной мере определяются национальной принадлежностью и очертить географические границы распространения в России той или иной веры затруднительно. Тем не менее, с нашей точки зрения, необходимо продолжать изучение религиозных процессов в контексте с этническими.

Логика развития любого **этноконфессионального конфликта**: бурный расцвет религиозной жизни, сопровождаемый одновременно общественно-национальными движениями, способствует укреплению национального и религиозного самосознания (национальной и религиозной идентичностей), осознанию достоинств собственной нации, ее вклада в общегосударственное и культурное развитие.

В то же время эти позитивные стремления часто сопровождаются побуждением отделиться, выделить свою «особенность», противопоставляя «своих» и «чужих». **Конфессиональная и национальная исключительность** становятся специфическими чертами, укрепляющими как религиозную, так и этническую идентичности.

В России в силу многонационального состава и многоконфессиональности и продолжающихся проявляться тенденций регионального сепаратизма, национального экстремизма и религиозного прозелитизма – **толерантность** имеет особое значение. Проблемы федеративной и социально-политической стабильности, укрепление интегративных процессов во многом зависят от характера складывающихся отношений в этой сфере, развития толерантности между различными этническими и конфессиональными группами.

Поэтому мониторинговое изучение проблем конфликтности этих отношений рассматривается в контексте специфики развития межэтнического и этноконфессионального взаимодействия в полиэтнических регионах.

В первую очередь, для анализа развитости толерантности в межнациональных, межконфессиональных и этноконфессиональных отношениях, определялся уровень межнациональной напряженности и уровень десекуляризации населения регионов РФ.

Межнациональные отношения. Социологические данные общенационального уровня, полученные в ИСПИ РАН, выделили следующие тенденции⁹⁶. Во-первых, применительно к 2007–2009 гг. средние показатели межнациональной напряженности оказываются достаточно умеренными. Согласно исследованию, оценивая состояние межнациональных отношений в местах своего проживания, более 60% респондентов рассматривали их как нормальные или доброжелательные. Во-вторых, в 2009–2011 гг. рост тревожности в оценках населения межнациональных отношений незначителен, тем не менее идет существенное уменьшение числа респондентов, оценивающих межнациональные отношения как доброжелательные и нормальные. Параллельно с этим наблюдается рост доли тех, кто затруднился ответить (см. табл. 1, диаграмму 1).

Таблица 1

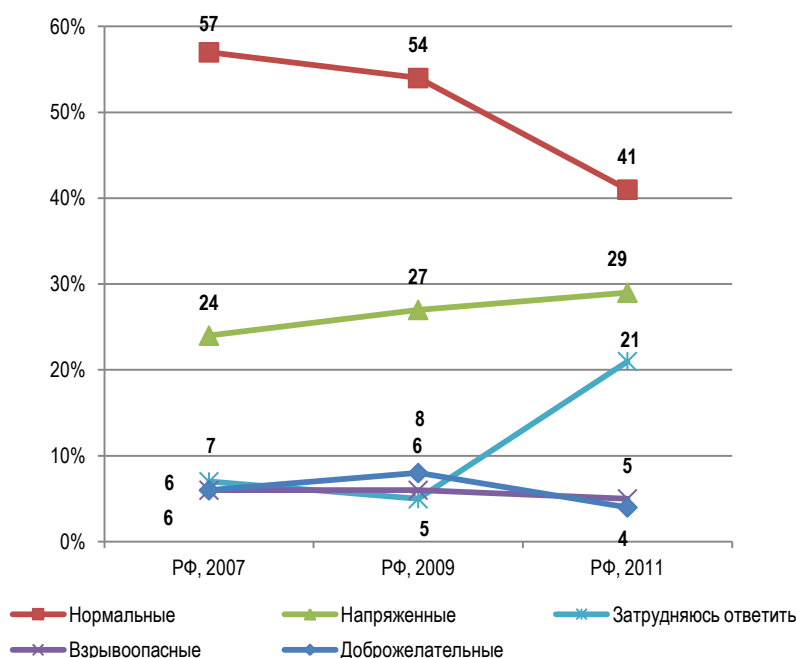
Распределение ответов на вопрос: «Как Вы оцениваете в месте Вашего проживания отношения между людьми разных национальностей?», % от числа опрошенных

	РФ, 2007	РФ, 2009	РФ, 2011
Доброжелательные	6,4	8,3	3,7
Нормальные	57	53,8	41,0
Напряженные	23,8	26,6	29,4
Взрывоопасные	5,9	6,4	5,4
Затрудняюсь ответить	6,9	4,9	20,5

⁹⁶ Репрезентативное для населения РФ социологическое исследование проводилось под руководством чл.-корр. РАН Шульца В.Л., д.социол.н. Локосова В.В.

Диаграмма 1

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы оцениваете в месте Вашего проживания отношения между людьми разных национальностей?», % от числа опрошенных

В-третьих, применительно к отдельным регионам РФ состояние межнациональных отношений является достаточно неоднородным, так как на межнациональный климат оказывает влияние комплекс проблем, имеющих различные под собой основания: исторические, социальные, языково-культурные и др.

Постоянный рост межнациональной напряженности выявлен в тех полиэтнических регионах России, где ассимиляционные возможности находятся на пределе. Именно об этом говорят многолетние мониторинговые исследования института социально-политических исследований Российской академии наук (ИСПИ РАН).

Результаты социологических исследований последнего десятилетия позволяют выделить несколько этноконфессиональных факторов, способных дестабилизировать социально-политическую ситуацию в современном обществе, провоцировать рост межнациональной напряженности в том или ином регионе:

– резкое изменение этнической структуры, сложившегося этнического баланса в регионе приводит к несовместимости этнокультурных и конфессиональных традиций и обычаев соседствующих «коренных» и «приезжих» этнических групп;

– постепенно, но неуклонно идет трансформирование этнической структуры населения с тенденцией к сокращению доли русского населения в России (низкая рождаемость, вынужденная миграция из национальных республик и т.д.);

– формирование устойчивых негативных взглядов у значительной части коренных народов в отношении некоторых народов-«пришельцев» Северного Кавказа, ближнего и дальнего зарубежья за последнее десятилетие;

– уровень протестного потенциала населения, готового отстаивать интересы своей национальной или религиозной групп, не имеет тенденции к снижению;

– продолжение роста уровня и степени религиозности населения с укреплением конфессиональной самоидентификации.

Проанализируем три варианта развития характера межнациональных отношений в полиэтнических регионах РФ на примере двух республик Северного Кавказа (**Северной Осетии–Алании, Карачаево-Черкесии**), республики Центральной России (**Мордовии**) и столичного мегаполиса (**Москва**). Выбранные для социологического анализа субъекты федерации – достаточно велики по территории и численности населения, неоднородны по социально-экономическому статусу, этническому, конфессиональному и социокультурному составу населения⁹⁷.

Изучение уровня и степени конфликтности межнациональных отношений осуществлялось через использование ряда индикаторов и показателей, определявших насколько состояние межнациональных отношений в регионах, обладает достаточно выраженным конфликтным потенциалом. Последние опросы населения показали, что состояние межнациональных отношений в этих регионах обладает конфликтным потенциалом, но с разной степенью межнациональной напряженности (см. табл. 2, 3, 4, 5 и диаграммы 2, 3, 4, 5).

Анализ специфики межэтнического взаимодействия в республиках Северокавказского региона, необходимо рассматривать с учетом его геополитического положения после распада Советского Союза. Северный Кавказ стал зоной нескольких крупных этнических конфликтов и военных действий, пограничных с ним государств, что неизменно сопровождалось усиленными потоками беженцев и переселенцев. Геополитические изменения привели к формированию и других устойчивых миграционных тенденций. Удельный вес русских в общей численности населения национальных республик значительно сократился: За 20 лет (1979–1999) с 29,3% до 19%, в то же время доля титульных народов за тот же период времени выросла с 60,4% до 70,6%. В настоящее время численность русского населения про-

⁹⁷ Применительно к Москве используются данные трех репрезентативных исследований: «Как живешь, Москва?» и «Москва и москвичи на старте века». Проект выполнен в 2007, 2008 и 2010 гг. совместно с Московским институтом социально-культурных программ. Объем выборочной совокупности в каждом исследовании – до 1000 ед. Метод сбора информации – самозаполняемый опросник (рук. исследования – чл.-корр. Иванов В.Н., к.ф.н. Кублицкая Е.А, к.социол.н. Сергеев В.В.). Социологические исследования, проведенные в 2011–2012 гг. в Республиках Мордовии, Северной Осетии–Алании, Карачаево-Черкесии, осуществлены при поддержке гранта РГНФ №11-03-00676а «Этноконфессиональные составляющие социальной напряженности и протеста (система показателей, состояние в регионах)» (рук. исследования – чл.-корр. Иванов В.Н., д.п.н. Назаров М.М., к.ф.н. Кублицкая Е.А.).

должает неуклонно сокращаться. По официальным данным, в общем миграционном потоке из северокавказских республик доля русских к 2002 г. составила примерно 73%. **Миграция русского населения из этого региона не столько проблема сегодняшнего дня, сколько продолжение достаточно долгосрочной тенденции.** Столь масштабный и интенсивный миграционный отток русскоязычного населения из республик Северокавказского региона неизбежно ведет к замедлению их социально-экономического развития и свертыванию целых отраслей экономики.

Кроме того, в условиях политической дестабилизации в Российской Федерации тех лет на территории Северного Кавказа за 1993–2002 гг. было совершено не менее 140 крупных террористических актов, погибло более тысячи человек и до 2 тыс. раненых. Несмотря на то, что большинство из них произошли на территории Чеченской Республики, многие близлежащие регионы испытали все тягостные последствия на себе.

Согласно данным наших социологических опросов 2012 г., в северокавказских республиках, 79% опрошенных среди населения Северной Осетии–Алании и 51% – в Карачаево-Черкесии считают, что на Северном Кавказе «имеется межнациональная напряженность» или «сильная межнациональная напряженность, возможны конфликты».

Северная Осетия–Алания – представляет собой один из самых урбанизированных субъектов Северокавказского федерального округа – удельный вес городского населения – 64,3%. Половина населения Республики (48%) проживает во Владикавказе. Согласно последней переписи населения в РСО-А проживают представители более 108 национальностей и этнических групп. Доминирующей этнической группой являются осетины⁹⁸.

Анализ этнодемографической ситуации показывает, что в течение многих лет, вплоть до 2002 г., в Северной Осетии имела место естественная убыль населения среди осетин, русских, украинцев, белорусов, армян, грузин, евреев и т.д. Интенсивным естественным приростом в Республике характеризовались этнические группы азербайджанцев, кумыков, чеченцев, ингушей.

Процесс депопуляции населения Северной Осетии продолжался в 1990–2006 гг. и явился следствием неблагоприятных демографических процессов, во многом детерминированных социально-экономическими процессами, протекавшими в этот период в Российской Федерации. В 2006 г. впервые за предшествующие 15 лет был отмечен естественный прирост населения Республики. До 2001 г. рост численности населения Северной Осетии обеспечивался за счет миграционного прироста, но следует отметить, что отрицательное сальдо миграции в Республике наблюдается с 1991 г. и по настоящее время.

В миграционный отток из Северной Осетии вовлечены практически представители всех этнических групп, проживающих в Северной Осетии, но **в силу ряда экономических и этнополитических причин активнее всего уезжали и уезжают из Республики русские.** В Северной Осетии согласно последней переписи населения доля русских не превышает 23%.

⁹⁸ Стат. сб. территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Северная Осетия–Алания-2009; Каберти Н.Г. Внешняя миграция населения Северной Осетии – потенциальный источник репатриации в Южную Осетию // «Вестник университета (ГУУ)». 2009, №32; Федосова Е.В. Этнополитические процессы в Северной Осетии // Северный Кавказ: этнополитические процессы и отношения республик с федеральной властью. М., 2011.

Однако необходимо отметить, что социально-экономические и политические тенденции последних десятилетий способствовали миграционному оттоку и определённой части осетинского населения, особенно молодежи. Поступая на учебу в высшие учебные заведения за пределами Северной Осетии, прежде всего, в Москве и Санкт-Петербурге, осетинская молодежь, после окончания учебы, чаще всего уже не возвращается в Республику. Уезжает из Северной Осетии и молодежь, получившая высшее образование в Республике, надеясь найти для себя наиболее приемлемые условия работы. За 1991–2008 гг. в Северную Осетию прибыло 64,2 тыс. человек, а выбыло – 106,5 тыс. человек, отрицательное сальдо миграции составило 42,3 тыс. человек.

Самые масштабные миграционные связи Республика имеет с регионами Южного Федерального округа (51,5% всего миграционного оборота населения Северной Осетии). Более 45% межрегионального миграционного оттока пришлось на Москву и Московскую область⁹⁹.

По данным наших социологических опросов 2012 г., **в Республике фиксируется высокий уровень межнациональной напряженности среди населения и составляет 50%**. Тем не менее, по сравнению с 2005 г., он снизился на 20 процентных пунктов и «вернулся» к показателю десятилетней давности 2003 г. (см. табл. 2, сводную диаграмму 2). С учетом постоянного роста отрицательного сальдо миграции это вполне закономерно.

Исторически сложившийся «коллапс» во взаимоотношениях коренных национальностей: осетин и ингушей, пока не носит объемный характер, так как численность ингушей, несмотря на постоянный прирост, не превышает 3% населения. Однако следует отметить, что 90% опрошенных ингушей отмечают межнациональную напряженность в Республике.

Таблица 2

Динамика уровня межнациональной напряженности в Северной Осетии–Алании в оценках населения, % от числа опрошенных

Оценка	2003	2004	2005	2008	2012
Межнациональные отношения стабильны	39	28	11	27	37
Имеется межнациональная напряженность	37	49	47	40	38
Сильная межнациональная напряженность, возможны конфликты	12	12	24	18	12
Затрудняюсь ответить	10	10	28	14	13

Источник: сектор социальных индикаторов и показателей федеративных и национальных отношений ИСПИ РАН.

Карачаево-Черкесия – республика аграрно-индустриального типа. Земли сельскохозяйственного назначения составляют 47% земельного фонда Республики. Доля КРЧ в объеме промышленного производства российской федерации составляет 0,1%, в валовой продукции сельского хозяйства РФ – 0,4%. Наиболее острой проблемой остается нехватка электроэнергии, более 98% ее Карачаево-Черкесия получает из других регионов. Респуб-

⁹⁹ Дзадзиев А.Б. Северная Осетия // Этническая ситуация и конфликты в государствах СНГ и Балтии. Ежегодный доклад. 2006 г. М., 2007. С.222.

лика – одна из наиболее высокодотационных регионов России. Министр финансов Рустам Эльканов на пресс-конференции (в конце 2012 г.) заявил, что 60% бюджета Республики – это перечисления из федерального бюджета.

Карачаево-Черкесия является многонациональной республикой: её территорию населяют представители более 80 национальностей и этнических групп. Коренными национальностями считаются карачаевцы, черкесы, русские, абазины, ногайцы. Тем не менее доминирующей этнической группой являются карачаевцы. Кроме этого на территории Республики проживают украинцы, осетины, чеченцы, татары, армяне, кабардинцы. В регионе этносы сравнительно компактно расселены по районам. Карачаевцы – в трех районах Республики (Карачаевском, Малокарачаевском, Усть-Джегутинском), в г. Карачаевске. Зеленчукский и Урупский районы сложились как районы с доминирующим русским населением (большинство которого причисляют себя к кубанскому казачеству), Хабезский район – черкесским и абазинским, Адыге-Хабльский – ногайским и черкесским, Прикубанский – со смешанным населением.

Этнодемографическая ситуация показывает, что вплоть до 90-х гг. Республика характеризовалась высокой рождаемостью среди карачаевцев и отрицательным приростом у черкесов, абазин и русских. Причем русское население, находясь в напряжении от тлеющего этнического конфликта, покидали и покидают Республику. В миграционный отток также вовлечены представители этнических групп черкесов и абазин. Тем не менее, как и в Северной Осетии–Алании, активнее всего уезжают из Республики русские по экономическим и этнополитическим причинам.

Карачаево-Черкесию можно отнести к «депрессивным» в демографическом отношении регионам, так как все показатели прироста населения имеют отрицательные значения. То есть *по показателям динамики численности населения – это регион «абсолютного» сокращения показателей общего, миграционного и естественного прироста.*

Как показывают социологические исследования ИСПИ РАН 2006–2012 гг. уровень межнациональной напряженности в Карачаево-Черкесии падает. Динамика отрицательная. В 2006 г. четверть опрошенных считали, что «межнациональные отношения в Республике стабильны», а через 7 лет, так посчитало уже треть населения. На 20 процентных пунктов снизились эмпирические данные, характеризующие ту или иную степень межнациональной напряженности. На это указывают 39% опрошенных (см. табл. 3, сводную диаграмму 2). Только русские среди коренных национальностей считают более высокой межнациональную напряженность в Республике (50%). Тем не менее в 2006 г. этот показатель фиксировался на отметке 68%. Эскалация межэтнических конфликтов в Республике маловероятна.

Таблица 3

Динамика уровня межнациональной напряженности в Карачаево-Черкесии в оценках населения, % от числа опрошенных

Оценка	2006	2012
Межнациональные отношения стабильны	24	32
Имеется межнациональная напряженность	44	28
Сильная межнациональная напряженность, возможны конфликты	16	11
Затрудняюсь ответить	16	20

Источник: сектор социальных индикаторов и показателей федеративных и национальных отношений ИСПИ РАН.

Республика Мордовия – полиэтничный регион Центральной России, в котором эмпирические данные наших исследований практически неизменно, на протяжении десятилетий фиксировали **низкий уровень межнациональной напряженности среди населения в целом (без конкретизации по национальностям)**. К 2012 г. он спустился к отметке 17% (см. табл. 4, сводную диаграмму 2). Данный показатель складывается из двух индикаторов: «Имеется межнациональная напряженность» – 14% и «Сильная межнациональная напряженность, возможны конфликты» – 3%. Миграционный отток из Мордовии так же, как и в Осетии в большинстве случаев имеет подоплеку социально-экономического характера: закрыты многие промышленные предприятия, не хватает рабочих мест «профильного содержания». Молодые специалисты уезжают в крупные промышленные центры и в основном в мегаполисы. Учащаяся молодежь также отдает предпочтение учебе в столичных вузах и зачастую остается там.

Таблица 4

Динамика уровня межнациональной напряженности в Мордовии в оценках населения, % от числа опрошенных

Оценка	2003	2004	2005	2006	2008	2011–2012
Межнациональные отношения стабильны	75	74	56	60	60	72
Имеется межнациональная напряженность	13	15	16	16	34	14
Сильная межнациональная напряженность, возможны конфликты	8	2	3	6	3	3
Затрудняюсь ответить	15	9	25	18	3	11

Источник: сектор социальных индикаторов и показателей федеративных и национальных отношений ИСПИ РАН.

Тем не менее следует отметить, что в Республике ведется грамотная региональная политика в отношении иммигрантов. Несмотря на малое число привлекаемых гастарбайтеров, за ними ведется четкий контроль соответствующих организаций: регистрация, место проживания, рабочие места и т.п. С учетом толерантных отношений верующих традиционных конфессий (исторически они давно «притерлись» друг к другу), результаты социологических опросов населения в целом не вызывают сомнений.

Отметим также, что в региональных СМИ ведется работа по возрождению интернациональных традиций народов России. Так, например, в 2012 г. активно пропагандировалось в печати, телевидении и интернете празднование 1000-летия вхождения мордовского народа в состав России, широко освещались связанные с этим мероприятия. Следует все-таки отметить, что русское население отмечает более высокий уровень межнациональной напряженности в Республике (21%) по сравнению с другими национальностями.

Москва – столица России. Москва – исторически является культурно-образовательным, научным и политическим центром России и всего мирового сообщества.

Москву называли «матерью городов русских». После объединения феодальных княжеств в единую Русь, здесь проходила коронация всех русских царей. На протяжении многих веков Москва была православной столицей и ее называли «третьим Римом». За Москвой укрепилась слава верной хранительницы исконно русских традиций. Именно в столи-

це России находятся самые главные особо чтимые народом святыни «**достопамятности**»: Кремль, соборы, церкви, монастыри, архитектурные памятники, иконы, картинные галереи, музеи, старинные усадьбы и т.п.

Москва многонациональная как столица должна оставаться «культурной витриной» Российской Федерации, несущей бремя ответственности за сохранение государственного национально-культурного суверенитета и обеспечения культурных и духовно-нравственных традиций. Два предшествующих десятилетия социально-политических трансформаций в России – целая эпоха «утрат» и «приобретений» в историческом и культурном облике столицы.

Москва в новых условиях продолжает восприниматься жителями России как политический, экономический и культурный центр государства. Тем не менее диалектика взаимодействия культуры и общественных процессов такова, что социально-культурную ситуацию в мегаполисе нельзя охарактеризовать как благополучную. Это связано, прежде всего, с характером межнациональных отношений, которые продолжают оставаться напряженными.

Как свидетельствуют данные последних трех исследований (2007, 2008, 2010) ИСПИ РАН и МИСКП¹⁰⁰ в мегаполисе этническая структура мегаполиса серьезно усложнилась. В настоящее время в Москве проживает до 150 национальностей и этносов России, представителей этносов дальнего и ближнего зарубежья. Идет резкая интенсификация притока переселенцев при одновременном естественном сокращении численности коренных жителей. По подсчетам экспертов, в Москве и Московской области находится более половины всех иммигрантов (на Центральный федеральный округ приходится примерно 68%)¹⁰¹.

Демографическая проблема с увеличением нерусского населения вышла в разряд наиболее актуальных. Быстрое изменение национального состава за счет легальных, а по большей части нелегальных мигрантов неизбежно привело к утрате интернациональных и толерантных отношений со стороны коренных национальностей.

Опрошенные москвичи считают, что вследствие увеличения интенсивности неуправляемых миграционных потоков ухудшается весь спектр жизнедеятельности местных народов: социально-бытовые условия, трудоустройство, сфера обслуживания, образование, здравоохранение, транспортные передвижения, и, конечно, культурно-духовные запросы населения. Социокультурные ассимиляционные возможности мегаполиса находятся на пределе.

Рост межнациональной напряженности идет через отражение в массовом сознании москвичей реалий их повседневной жизни. Мы согласны с точкой зрения известного социолога-демографа Л.Л.Рыбаковского, *что в столице России к концу XXI в. поколения коренных жителей, сохраняющих культурно-бытовые, исторические традиции города, возможно, практически не останется.*

¹⁰⁰ Совместный научно-исследовательский коллектив Московского Института социально-культурных программ при правительстве Москвы и сектора федеративных и региональных отношений Института социально-политических исследований РАН (чл.-корр. Иванов, д.п.н. Назаров М.М., к.ф.н. Кублицкая Е.А., к.социол.н. Сергеев В.В., Мекаева Ю.Ю.).

¹⁰¹ Дезэскалация конфликтов как путь стабилизации региональных социумов // Социальные факторы консолидации российского общества. М., 2010. С.212.

Москва продолжает оставаться лидером межнациональной напряженности в сравнении с исследуемыми субъектами федерации. **Уровень межнациональной напряженности в 2010 г. равен 68%**. С 1992 г. крайняя степень напряженности, определяющаяся показателем: «налицо сильная межнациональная напряженность, возможны конфликты» увеличилась более чем на 10 процентных пунктов (с 17% до 28%). Обратим внимание, что почти третья часть всех респондентов считает, что возможны близкие межнациональные конфликты. Таким образом, 19-летний мониторинг фиксирует **динамику роста межнациональной напряженности в мегаполисе** (см. табл. 5, сводную диаграмму 2).

Таблица 5

Динамика уровня межнациональной напряженности в Москве в оценках населения, % от числа опрошенных

Показатели уровня межнациональной напряженности	1992	1993	1994	1995	1996	1998	2001	2003	2007	2008	2010
Межнациональные отношения стабильны	32	19	19	14	14	17	15	5	10	8	12
Имеется определенная межнациональная напряженность	34	46	49	51	52	59	48	54	42	46	40
Налицо межнациональная напряженность, возможны конфликты	17	22	17	17	16	13	25	33	29	29	28
Затрудняюсь ответить	17	13	13	17	17	11	11	8	19	14	16

Источник: Московский Институт социально-культурных программ, сектор социологии федеративных и региональных отношений ИСПИ РАН.

Сравнивая социально-демографические группы, испытывающие крайнюю степень недовольства сложившейся ситуацией в сфере межнациональных отношений, можно констатировать, что таких респондентов больше среди коренных жителей столицы, по сравнению с приезжими; среди мужчин, по сравнению с женщинами, в группе молодых, по сравнению с пожилыми людьми. С учетом этноконфессиональной принадлежности, вполне логично, что наиболее критично межнациональные отношения в мегаполисе оценивают русские и православные.

На диаграмме 2 показана динамика уровня межнациональной напряженности четырех полиэтнических регионов РФ за последние десять лет. В диаграмме 3 сравнивается уровень межнациональной напряженности в полиэтнических регионах за последние годы.

На основании вышеизложенных данных, можно уверенно констатировать, что основной причиной межнациональной напряженности в мегаполисе является, прежде всего, нарушение сложившихся норм и традиций проживания со стороны мигрантов, нежели чем «врожденное» чувство национальной нетерпимости коренных жителей.

Диаграмма 2

Динамика уровня межнациональной напряженности в четырех полиэтнических регионах РФ за 10 лет, 2003–2012 гг., % от числа опрошенных

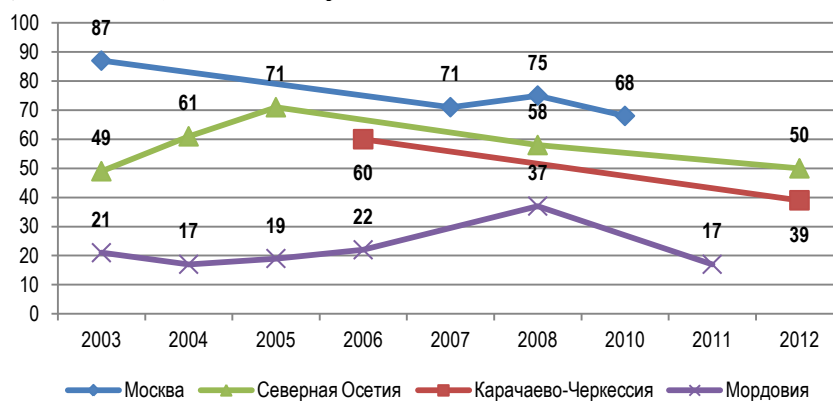
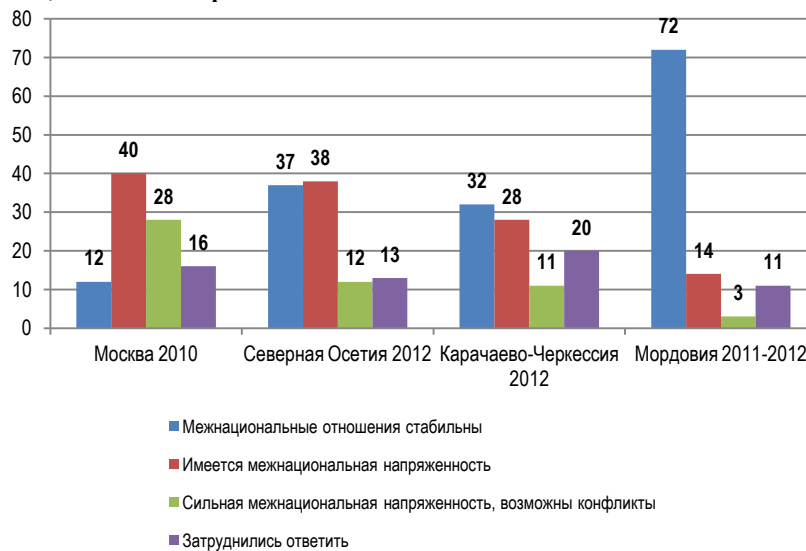

Диаграмма 3

Сравнение уровня межнациональной напряженности в полиэтнических регионах, РФ, 2010–2012 гг., % от числа опрошенных

Источник: сектор социальных индикаторов и показателей федеративных и национальных отношений ИСПИ РАН.

Процесс десекуляризации в полиэтнических регионах России. Предложенный ракурс выявления проблем конфликтности этноконфессионального взаимодействия в исследуемых регионах рассматривался также в контексте социологического анализа направленности, динамики десекуляризации процесса и строился, прежде всего, на определении уровня религиозности и атеистичности населения (см. сводную табл. 6)¹⁰². Вряд ли можно говорить о «стабилизации» религиозности в Республиках Северной Осетии, Карачаево-Черкесии и Мордовии. В Северной Осетии уровень религиозности населения Республики в 2012 г. зафиксирован на отметке 79%, т.е. за последние десять лет он вырос на 24 процентных пункта. Отметим, что более 40% из них – воцерковленные верующие (соблюдающие религиозные обряды и включенные в мотивированную культовую практику). Уровень религиозности населения в Карачаево-Черкесии за 7 лет вырос на 8% и к 2012 г. составил 62%. Из них – почти половина убежденные воцерковленные верующие. В Мордовии за 10 лет уровень религиозности вырос на 16 процентных пунктов (уровень религиозности – 75%, воцерковленных верующих – 25%).

В мегаполисе уровень религиозности москвичей к 2010 г. определился на отметке 56%. За 15 лет он вырос на 6 процентных пунктов, а уровень воцерковленности религиозного населения составил 45%.

Количественные показатели групп колеблющихся между верой и неверием в Москве остаются на отметке 20%. В национальных республиках «колеблющихся» значительно меньше: от 10 до 15%.

Уровень атеистичности крайне низок во всех субъектах федерации. В Москве за эти годы он снизился в 2 раза. Нерелигиозное население мегаполиса составляет 10%. Среди них выявлено лишь 4% убежденных неверующих (атеистов). Доля нерелигиозного населения в Северной Осетии – 6%, в Карачаево-Черкесии – 9%, в Мордовии – 13%.

Таким образом, мониторинговые исследования фиксируют непрекращающийся рост не только уровня религиозности, но и степени религиозности населения, за счет увеличения доли воцерковленных групп (убежденных верующих).

В рейтинговом соотношении религиозного и нерелигиозного населения к 2010–2012 гг. места примерно распределились следующим образом: Москва – 6:1; Карачаево-Черкесия – 6:1; Мордовия – 7:1; Северная Осетия–Алания – 8:1 (см. диаграмму 4).

¹⁰² Социологические исследования 2011–2012 гг., проведенные в Мордовии, Северной Осетии–Алании, Карачаево-Черкесии, осуществлены при поддержке гранта РГНФ 11-03-00676а «Этноконфессиональные составляющие социальной напряженности и протеста (система показателей, состояние в регионах)».

Таблица 6

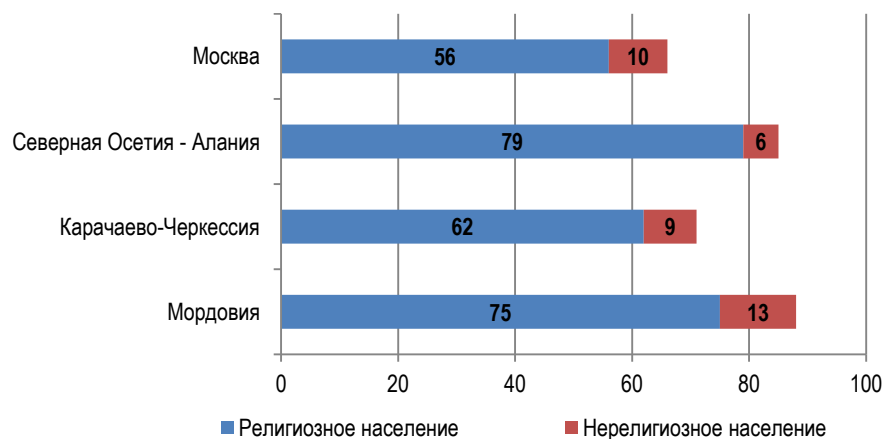
Динамика уровня религиозности и атеистичности населения в субъектах РФ, % от числа опрошенных в регионах РФ

Типологические группы		Москва				Северная Осетия					Карачаево-Черкесия		Мордовия					
		1996	1998	2008	2010	2003	2004	2005	2008	2012	2006	2012	2003	2004	2005	2006	2008	2012
Религиозное население	Верующие	50	54	62	56	55	64	74	76	79	56	62	59	59	66	61	58	75
	Коллеблющиеся между верой и неверием	20	24	20	20	21	16	20	11	13	21	10	21	24	19	24	26	12
Нерелигиозное население	Неверующие	28	22	4	6	9	7	6	5	4	8	3	10	8	6	8	9	8
	Атеисты	-	-	6	4	6	3	0	4	2	7	6	3	1	2	4	4	5
	Неверующие + атеисты	28	22	10	10	15	10	6	9	6	15	9	13	9	8	12	13	13

Источник: сектор социальных индикаторов и показателей федеративных и национальных отношений ИСПИ РАН.

Диаграмма 4

Религиозное и нерелигиозное население в субъектах РФ, % от числа опрошенных, 2010–2012 гг.

Источник: сектор социальных индикаторов и показателей федеративных и национальных отношений ИСПИ РАН.

Соотношение религиозного и нерелигиозного населения в большой степени зависит во многом от комплекса социально-экономических, территориальных, социополитических, исторических, конфессиональных и этнических факторов. **В целом по России это соотношение составляет примерно 6,5:1**¹⁰³. Оно совпадает с Центральным, Северо-Западным, Уральским, и Сибирским федеральными округами.

Социально-демографические характеристики религиозного населения становятся все более размытыми. Нет четкой зависимости уровня религиозности от возраста, национальности, социального положения, места жительства, образования, уровня дохода. Из предложенных семи социальных характеристик населения, *только пол и местожительство (город–село) респондентов оказывается определяющим при выявлении религиозности населения регионов РФ*. Тем не менее социальный портрет нерелигиозного населения имеет более четкие проявления закономерности, так как они прослеживаются во всех исследованных субъектах федерации по пяти позициям.

В группах «неверующих» и «атеистов» чаще всего оказывается городской житель, мужчина из возрастных групп до 29 лет и 40–49 лет, инженерно-технический работник или студент со средним или низким уровнем материального достатка.

Доминирующие характеристики *социального портрета верующего* в разных регионах имеют свои особенности (см. табл. 7).

В Северной Осетии – это молодая женщина 18–29 лет со средним специальным образованием из числа работников сельского хозяйства и домохозяйек, проживающая в сельской местности в осетинской семье с высоким уровнем материального достатка или в ингушской семье с самым низким уровнем материального дохода.

В Карачаево-Черкесии – это женщина-карачаевка, 60 лет и старше, со средним специальным образованием, из рабочей среды, а также из группы интеллигенции, проживающих в сельской местности с самым низким уровнем материального дохода.

В Мордовии – это женщина, мордовка с высоким уровнем материального дохода или русская из группы «малоимущих», 30–39 лет, со средним специальным образованием, служащая или пенсионерка, проживающая в сельской местности.

В Москве – это женщина-татарка, 30–39 лет, со средним специальным образованием, служащая или пенсионерка, с самым низким уровнем материального дохода.

Подводя некоторые итоги, можно сказать, что в условиях повышения уровня и степени религиозности, доминирования религиозного населения, активизации религиозной жизни, продолжается процесс десекуляризации российского общества.

¹⁰³ Всероссийское социологическое исследование, проведенное в 2011 г., осуществлено при поддержке гранта РГНФ №10-03-00185а «Духовно-нравственные основы традиционных конфессий как фактор консолидации российского общества» (рук. – д.социол.н. Синелина Ю.Ю.).

Таблица 7

Религиозное население в социальных группах (поло-возрастных, социально-профессиональных, территориальных, национальных и материального достатка), % от числа опрошенных в социальных группах регионов РФ, 2010–2012 гг.

Социальные группы		Москва 2010	Северная Осетия 2012	Карачаево- Черкесия 2012	Мордовия 2011
Пол	1. Мужской	44	64	55	69
	2. Женский	58	79	67	85
Возраст	1. 18–29 лет	45	82	62	74
	2. 30–39 лет	59	77	49	79
	3. 40–49 лет	53	75	53	77
	4. 50–59 лет	58	68	67	76
	5. 60 лет и старше	46	60	69	82
Образование	1. Неполное среднее, среднее	40	66	60	76
	2. Среднее специальное	57	77	65	80
	3. Неполное высшее, высшее	50	70	60	75
Род занятий	1. Рабочий	46	77	71	78
	2. Работник сельского хозяйства	-	79	60	80
	3. ИТР	37	56	47	67
	4. Служащий	57	68	61	83
	5. Интеллигенция, не занятая на производстве	50	64	72	79
	6. Студент	46	73	64	73
	7. Пенсионер	56	63	65	81
	8. Безработный, домохозяйка	50	80	35	79
Место жительства	1. Город	56	71	60	75
	2. Село	-	77	63	82
Материальное положение	1. «Обеспеченные»	51	80	62	81
	2. «Малообеспеченные»	52	50	67	78
	3. «Малоимущие»	50	73	58	81
	4. «Бедные»	62	77	66	74
Национальность	1. Русские	51	76	43	78
	2. Мордва	-	-	-	78
	3. Татары	58	-	-	72
	4. Осетины	-	67	-	-
	5. Ингуши	-	100	-	-
	6. Карачаевцы	-	-	81	-
	7. Черкесы	-	-	68	-
	8. Абазины	-	-	56	-

Источник: сектор социальных индикаторов и показателей федеративных и национальных отношений ИСПИ РАН.

Характер этноконфессионального взаимодействия. Уровень толерантности. Развитие толерантных отношений в наибольшей степени зависит от уровня терпимости населения к различным национальностям, конфессиям, религиозным взглядам и т.д.

Для изучения характеристик и уровня конфессиональной и национальной толерантности брались показатели:

- отношение к религии и религиозным организациям (конфессиям);
- отношение к национальностям;
- рейтинг факторов, препятствующих развитию толерантных отношений;
- согласие с рядом тезисов «национального ущемления»;
- уровень протестного потенциала в сфере национальных отношений.

В сводной табл. 8, диаграммах 5 и 6 отражены данные, характеризующие уровень межконфессиональной и межнациональной толерантности населения и социальных групп.

1. Население изучаемых субъектов федерации продолжает оставаться достаточно терпимым к различным религиозным взглядам и религиям. Анализ социологических данных 2010 г. и 2012 г. указывает на снижение показателей религиозной неприязни. Уровень межконфессиональной толерантности населения за четыре года вырос на 20 процентных пунктов и более в Мордовии (90%), в Северной Осетии (87%), в Карачаево-Черкесии (88%). Только в столице он остался в пределах 75%. Это высокий, оптимистичный показатель индифферентизма и терпимости. Все-таки отметим, что «испытывают неприязнь к некоторым религиям и религиозным организациям» 25% опрошенных в столице, 13% респондентов Северной Осетии–Алании, 12% – в Карачаево-Черкесии и 9% – в Мордовии. Тем не менее внутри социальных групп можно фиксировать значительное различие по степени религиозной толерантности. Например, показатель толерантности по отношению к религии во всех регионах, самый высокий среди русских женщин в возрасте 14–18 лет и 25–29 лет. Менее толерантны к религии и религиозным организациям мужчины, в возрастных группах 19–24 лет, 30–39 лет, 50–59 лет.

Продолжает оставаться высоким уровень толерантности между религиозным населением, исповедующим православие и ислам. В то же время при анализе традиционных конфессиональных групп населения регионов отмечается несколько большая нетерпимость православных верующих по сравнению с мусульманами в отношении некоторых религиозных организаций. Это касается, прежде всего, нетрадиционных религиозных течений, некоторых религий протестантского направления и радикальных исламских группировок. Вполне закономерно, что и национальности, исповедующие православие, чуть более непримиримы к другим религиям. Это – русские, осетины и мордва (см. табл. 8).

На сегодняшний момент можно фиксировать, что в поликонфессиональных субъектах РФ **характер межконфессионального взаимодействия в межличностных отношениях имеет достаточно высокий уровень религиозной терпимости.**

2. Что касается *уровня межнациональной напряженности в межэтническом взаимодействии*, то здесь выявлена менее оптимистичная картина. Можно согласиться с этнопсихологом Панеш Э.Х.¹⁰⁴, что в основании устойчивых стереотипов в межэтническом

¹⁰⁴ Панеш Э.Х. Этническая психология и межнациональные стереотипы: взаимодействие и особенности эволюции (на примере Западного Кавказа). СПб., 1996. С.17.

взаимодействии лежит формирование «сопоставлений–противопоставлений» в рамках основных исторических факторов. Из предложенных автором факторов, на наш взгляд, первостепенное значение имеют: территориальная принадлежность (зоны контактного проживания), численное соотношение.

Таблица 8

Уровень межконфессиональной и межнациональной толерантности населения, национальностей и конфессиональных групп, % от числа опрошенных в регионах РФ

Отношение к национальностям, религиям и религиозным организациям	Москва 2010				Северная Осетия–Алания 2012					Карачаево-Черкесия 2012					Мордовия 2011–2012									
	Население	Русские	Татары	Православные	Мусульмане	Население	Русские	Осетины	Ингуши	Православные	Мусульмане	Население	Русские	Карачаевцы	Черкесы	Абазыны	Православные	Мусульмане	Население	Русские	Мордва	Татары	Православные	Мусульмане
1. Да, есть национальности, к которым я испытываю неприязнь	31	33	21	32	25	40	40	46	27	46	30	15	20	13	15	20	23	14	23	25	24	12	24	8
2. Да, есть религии и религиозные организации, к которым я испытываю неприязнь	25	26	20	26	21	13	13	17	0	13	10	12	15	12	13	7	14	12	9	9	9	2	10	-

Источник: сектор социальных индикаторов и показателей федеративных и национальных отношений ИСПИ РАН.

Диаграмма 5

Уровень неприязненного отношения к религиям и религиозным организациям, % от числа опрошенных, 2010–2012 гг.

Источник: сектор социальных индикаторов и показателей федеративных и национальных отношений ИСПИ РАН.

Диаграмма 6

Уровень неприязненного отношения к представителям другой национальности, % от числа опрошенных, 2010–2012 гг.

Источник: сектор социальных индикаторов и показателей федеративных и национальных отношений ИСПИ РАН.

А. В республиках Северокавказского региона сложилась уникальная миграционная ситуация, по которой можно изучать всевозможные формы миграционных процессов и источники их возникновения. Территориальные претензии друг к другу народов, проживающих на Северном Кавказе и их «историческая память» – являются основными «факторами риска» возникновения межэтнических конфликтов. Примером может служить «перманентное историческое развитие» осетино-ингушского и карачаево-черкесского конфликтов.

Так, исторически, территориальные претензии друг к другу, «кровная вражда» накладывают почти неустранимые препятствия в развитие добрососедских отношений между осетинами и ингушами в Северной Осетии–Алании, карачаевцами и черкесами в Карачаево-Черкесии.

Исторические корни конфликта этих национальностей лежат в депортации в Казахстан (1943–1944) ингушей, чеченцев, балкарцев и карачаевцев, обвиненных в коллаборационизме. После реабилитации этих кавказских народов в 1957 г., значительная их часть вернулась на родину (половина погибла от множества лишений, часть осталась жить в Казахстане и Киргизии). По мнению некоторых экспертов, пересмотр параграфов закона о реабилитации репрессированных народов (в части территориальной реабилитации) привел к дальнейшей эскалации напряженности во всем Северокавказском регионе.

В 90-х гг. XX столетия противоречия дошли до вооруженных конфликтов между ингушами и осетинами за территорию Пригородного района, вспыхнула цепь межэтнических противоречий в Карачаево-Черкесии, вызванная требованием карачаевцев восстановления своей автономии, в Дагестане – требованием чеченцев-аккинцев восстановить Ауховский район в границах 1944 г. В свою очередь обострение межэтнических противоречий

речий горских народов, радикализация требований национальных движений и, в конечном счете, суверенизация автономий, привели к обострению отношений между горцами и казаками, выдвинувшими также требование создания или восстановления казачьих республик: Зеленчукско-Урупской и Баталпаинской в Карачаево-Черкесии, Области войска Донского Сунженского Казачьего округа.

К развитию конфликтов на Северном Кавказе, естественно, привели также и другие политические и экономические причины, не рассматриваемые в данном контексте.

Социологические исследования ИСПИ РАН 2012 г. доказывают, что, несмотря на значительное снижение уровня межнациональной напряженности среди населения в изучаемых субъектах федерации, продолжает оставаться высоким процент нетерпимости между ингушами и осетинами в Северной Осетии (он превышает 60% с обеих сторон).

В настоящий момент сохраняется высокий уровень межнациональной напряженности и между карачаевцами и черкесами (до 50% в опрошенных в группах «испытывают неприязнь» в межэтническом взаимодействии). Объективные мотивы конфликта они «затушевывают», подменяя субъективными. Черкесы обвиняют карачаевцев в «ваххабизме и исламизме», карачаевцы указывают на «сепаратистские настроения» черкесов. Стереотипное восприятие друг друга карачаевцами и черкесами не позволяют им согласиться на доминирование противоположной стороны. Черкесы основанием для претензий на лидирующий статус считают свой более высокий уровень социально-экономического и культурного развития. Карачаевцы же полагают, что лидирующие позиции в политике и властных структурах предопределены их численным доминированием на территории. К сожалению, в Конституции КЧР отсутствует какое-либо упоминание о специфике этнического представительства во властных структурах (критики неоднократно указывали на то, что она выступает «слепком» Конституции РФ). Таким образом, в Карачаево-Черкесии был избран законодательный подход игнорирования этнического фактора в политике и проведение политики утверждения прав личности, а не этнической группы.

Следует отметить, что второе место по национальной неприязни коренные национальности обеих Республик отдают лицам еврейской национальности.

Б. Несмотря на то, что в **Мордовии** общий уровень национальной нетерпимости населения снизился на 10% по сравнению с 2008 г. и не превышает 17%, в то же время между татарами и мордвой – коренными жителями, он остаётся прежним, на уровне 30%. Кроме этого, в Мордовии все коренные национальности (мордва, татары, русские) на одно из первых мест по национальной неприязни ставят евреев и кавказские народы (32%).

В. Москва. Основными объектами национальной неприязни коренных москвичей являются приезжие из Северокавказского региона. Если в 2003 г. уровень вербальной конфликтности по отношению к национальностям Северного Кавказа составлял 37%¹⁰⁵, то к 2010 г. этот уровень повысился более чем на 30%.

Обратимся к представлениям населения о повседневной практике межнациональных отношений, негативных проявлениях в этой области.

¹⁰⁵ Кублицкая Е.А. и Кузнецова А.В. Москвичи об актуальных проблемах города. М., 2003. С.10.

В табл. 9 представлены значимые факторы, препятствующие развитию национальной толерантности. Респонденты оценивали перечень из одиннадцати позиций, начиная от «назначения на руководящие или престижные должности по национальному признаку» до «использования религии и чувств верующих для возбуждения вражды между людьми разных национальностей». На рейтинг факторов влиял целый комплекс причин социально-политического и социально-экономического характера. С учетом вышеизложенного, вполне закономерно, что в национальных республиках основное препятствие развитию толерантного межнационального взаимодействия оказывает «назначение на руководящие или престижные должности по национальному признаку» (45% опрошенных в Карачаево-Черкесии, 31% – в Северной Осетии, 22% – в Мордовии). В Карачаево-Черкесии одним из главных факторов является и «прием на работу (учебу) по национальному признаку» (48% от опрошенных). Около 60% русских респондентов, 54% опрошенных осетин и 46% опрошенных черкесов согласны с этими тезисами.

Таблица 9

Факторы, препятствующие развитию толерантных отношений в межнациональной сфере, 2010–2012 гг., % от числа опрошенных

	Москва 2010	Северная Осетия 2012	Карачаево-Черкесия 2012	Мордовия 2011–2012
Назначение на руководящие или престижные должности по национальному признаку	15	31	45	22
Распределение жилой площади, премий и других материальных благ в зависимости от национальности людей.	-	11	18	5
Неприязненное отношение к людям других национальностей на Вашем предприятии, учреждении, фирме и т.д.	-	20	17	7
Неуважительное отношение мигрантов к нормам и культурным традициям нашего региона	54	39	16	22
Прием на работу (учебу) по национальному признаку	15	23	48	12
Неприязненное отношение к мигрантам, приезжающим на работу и постоянное место жительства в наш регион.	33	13	6	14
Хулиганские действия и другие нарушения общественного порядка на национальной почве, которые вносят напряженность в национальные отношения	38	40	34	19
Отсутствие представительства в местных органах власти некоторых национальностей, проживающих в Республике	-	21	14	5
Националистическая пропаганда в СМИ	12	25	14	12
Вытеснение коренных жителей с рабочих мест	30	16	11	5
Использование религии и чувств верующих для возбуждения вражды между людьми других национальностей	14	22	21	8
Ни с какими из вышеперечисленных факторов сталкиваться не приходилось	8	13	16	42

Источник: сектор социальных индикаторов и показателей федеративных и национальных отношений ИСПИ РАН.

Наибольшее число номинаций собрали также следующие позиции:

– «неуважительное отношение мигрантов к нормам и культурным традициям нашего региона» (Москва – 54%, Северная Осетия – 39%, Мордовия – 22%);

– «хулиганские действия и другие нарушения общественного порядка на национальной почве» (Северная Осетия – 40%, Москва – 38%, Карачаево-Черкесия – 34%; Мордовия – 19%);

– «неприязненное отношение к мигрантам, приезжающим на работу и постоянное место жительства в регион» и «вытеснение коренных жителей с рабочих мест» – значимые факторы для москвичей (так считают 33% и 30% опрошенных, соответственно);

– «факты использования религии и чувств верующих для возбуждения вражды между людьми других национальностей» оказались значимыми для населения республик Северокавказского региона (так считают 22% респондентов Северной Осетии и 21% респондентов Карачаево-Черкесии).

Эмпирические результаты социологических исследований доказывают, что проблема «русского вопроса» продолжает оставаться одной из самых актуальных в межнациональных отношениях.

Русское население все чаще встречается со случаями пренебрежительного или неуважительного отношения к представителям своей национальности. Мониторинговые исследования последних лет (2010–2012) показали увеличение утвердительных ответов на вопрос: «Считаете ли Вы, что в настоящее время идет ущемление прав некоторых национальностей за счет расширения прав других национальностей?» «Да, считаю», – ответили около 40% респондентов в Москве, 35% опрошенных в Мордовии, 45% – в Карачаево-Черкесии и 51% – в Северной Осетии–Алании. Особенно ярко положительная динамика утвердительных ответов проявляется при анализе опрошенных национальностей на Северном Кавказе. Например, в Карачаево-Черкесии. Коренные национальности отмечают, что за семь прошедших лет национальная политика все больше способствует нарастанию межнациональной напряженности. В 2006 г. 34% русских респондентов посчитали, что ущемляются права некоторых национальностей, а в 2012 г. с этой точкой зрения согласились уже 51% русских. Среди черкесов динамика ответов такова: 37% и 46%, соответственно; среди абазин – 24% и 41%, соответственно; среди карачаевцев – 15% и 35%, соответственно. Во всех четырех субъектах РФ возрастные категории населения моложе 60 лет значительно чаще, чем старшее поколение стоят на точке зрения неравных прав среди национальностей.

После конкретизации вопроса: «Если идет ущемление прав, то каких именно национальностей?» – значимые показатели «ущемления» оказались, в первую очередь, у русской нации. Примечательно, что представители всех групп национальностей, участвующие в опросах, продолжают называть русскую нацию главным объектом «ущемления». Например, осетины и карачаевцы, мордва и русские отметили только одну «ущемленную» национальность – русских. У черкесов – в рейтинге ответов: русские и черкесы. У татар – в рейтинге ответов: русские и татары. Ингуши и абазин в рейтинге «ущемленных» выставили в первую очередь свою национальность, а затем – русских.

Таким образом, специфика взаимодействия конфессионального и национального, напрямую связана с ущемлением прав какой-либо национальности, с очевидной угрозой ее национальной самобытности и риска уничтожения культурного менталитета: традиций и обычаев ее народа.

С точки зрения обеспечения социально-территориальной стабильности страны одним из важных моментов является изучение протестного потенциала, в том числе в разрезе межнациональных отношений.

Очевидно, что рост национальной нетерпимости в оценках и представлениях населения ведет в целом к росту конфликтного потенциала массового сознания.

Вербальная «расстановка сил» на участие в национальных конфликтах среди населения, конфессиональных общностей и изучаемых национальностей, проживающих на территории регионов, показана в сводной табл. 10.

Согласно данным опроса, установки на участие в конфликте в интересах своей национальной группы выражены в ответах респондентов довольно четко. Готовы участвовать в такого рода конфликтах «безусловно» и «в зависимости от обстоятельств» 47% респондентов Мордовии, 58% респондентов Москвы, 59% – в Северной Осетии и 71% – в Карачаево-Черкесии (см. диаграмму 7). В то же время позиции в социально-типологических группах имеют существенные различия. Так, если половозрастные особенности респондента предполагают, что мужчины в мобильном зрелом возрасте занимают более активную жизненную позицию, то вполне закономерно, что они чаще, чем женщины готовы включиться в конфликтную ситуацию. Кроме этого, анализ эмпирических данных указывает, что в ярко выраженную «конфликтную группу» в мегаполисе также попадают, прежде всего: некоренные жители столицы, татары (71%) и лица, исповедующие ислам (63%).

В Мордовии – «конфликтная группа»: мужчины – татары (58%) и мусульмане (54%). В Северной Осетии – мужчины – осетины (63%) и мусульмане (61%). В Карачаево-Черкесии – мужчины – абазин (94%), черкесы (78%) и мусульмане (74%). Следует выделить этническую группу абазин. По мнению респондентов, среди коренных национальностей Карачаево-Черкесии, они принадлежат к самым бедным слоям населения. Анализ индикаторов национальных конфликтов определяет группу абазин, как наиболее готовых к активным протестным действиям. Так, около 40% из них, «безусловно, готовы принять участие в национальных конфликтах».

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что карачаевцы, мордва, а также русские, оказавшиеся «главным объектом ущемления» в исследуемых регионах, имеют меньший «конфликтный заряд», более толерантны, терпимы к другим национальностям.

Результаты проведенных исследований дают основание полагать, что уровень конфессиональной нетерпимости в межличностных отношениях в своем большинстве не ведет к росту конфликтного потенциала в религиозной сфере. Очаги напряженности в области этноконфессиональных отношений касаются, прежде всего, межнациональных отношений.

Таким образом, говоря о толерантности этноконфессиональных отношений, мы далеки от того, чтобы подавать ситуацию в «розовом цвете».

Нельзя не учитывать невысокую культуру толерантности межэтнического взаимодействия в целом. Причины, детерминирующие негативное отношение представителей одних национальностей к представителям других национальностей многоплановы, как и пути разрешения этнических конфликтов. Специфика взаимодействия религиозных, конфессиональных и национальных групп населения отражается во всех сферах жизнедеятельности общества.

Диаграмма 7

Вербальная готовность населения регионов участвовать в национальных конфликтах, % от числа опрошенных, 2010–2012 гг.

Источник: сектор социальных индикаторов и показателей федеративных и национальных отношений ИСПИ РАН.

В условиях непродуманной миграционной политики в стране и в регионах РФ невозможно строить дальше структуры по оптимизации национальной политики государства России. Механизмы реализации государственной национальной политики должны формироваться, прежде всего, на перспективном экономическом и социальном развитии, как малых народов Российской Федерации, так и экономической и культурологической

Поставленные проблемы должны не только выявлять степень напряженности и конфликтности в межнациональном и межконфессиональном взаимодействии, но и анализировать существующие стереотипы мышления представителей разных национальностей и конфессий в этом направлении.

Теоретическая модель этноконфессиональных и религиозных показателей состояния отдельных регионов в РФ даст возможность:

- определять содержание, направленность и иерархию факторов, влияющих на межэтническую и межконфессиональную напряженность, конфликтность массового сознания;

- фиксировать особенности межконфессионального, межэтнического и этноконфессионального взаимодействия в полиэтнических регионах и возможную положительную динамику.

Необходимо отметить причину субъективного характера, наносящую непоправимый вред нормализации межэтнического взаимодействия: это – продолжающая провокационная деятельность ряда средств массовой информации, начиная с газетных публикаций и кончая выступлениями в сети Интернета о, якобы, разрастающемся движении «фашизма с русским лицом». Расширение в СМИ националистической пропаганды фиксируется в исследованиях ИСПИ РАН с конца 90-х гг. XX столетия. Так, например, согласно последним данным проведенных исследований в регионах в 2010–2012 гг., от 12 до 25% респондентов убеждены в том, что СМИ играют негативную роль в провоцировании национальной неприязни (см. табл. 9).

С нашей точки зрения, нелепо приписывать русскому народу шовинизм, граничащий с этнофашизмом.

Непреложен общеизвестный исторический факт, что Россия – одна из немногих стран – сумела сохранить десятки народов с неизменно русской доминантой.

Единственную этнонаправленную теорию панславизма, которую развивали русские мыслители с середины XVIII в., с трудом можно назвать националистической. Идея славянского единения сегодня переросла в идею православного славянского братства, союза славянских государств, где особый акцент делается в конфессиональной вариации.

Романтические идеи панславизма давно вошли в русскую литературу и искусство. «Братья-славяне» (символ сообщества) – крылатый афоризм давно присутствует в русском разговорном языке.

«Братство народов» пропагандирует русский национализм. Какие еще теории «национализма» могут себе это позволить?

К сожалению, наметившаяся в последнее время оппозиция «русские и другие народы» свидетельствует о включенности России в общеевропейские процессы и проблемы.

Славянский мир сегодня равно, как романский и германский, составляющие основу европейской цивилизации, имеет сложные межгосударственные, межкультурные, межконфессиональные отношения. Франция, Англия, Германия и другие страны претерпевают значительные трудности на поле этноконфессиональных взаимодействий.

Титульные нации этих стран, стоящие на высоком культурном уровне испытывают чрезмерное миграционное давление со стороны других народов, плотно заселивших западную часть Евразии.

Высокая культура коренных национальностей неизбежно приходит к своему «пику», когда она не способна ассимилировать и бороться с «новой миграционной» культурой.

При катастрофическом упадке рождаемости в ведущих европейских странах нетрудно прогнозировать дальнейшее развитие европейских цивилизаций. Последние западные социологические исследования, к сожалению, подтверждают обратно пропорциональную зависимость уровня рождаемости от уровня образования.

Безусловно, что высококультурный русский народ, как часть европейской цивилизации, испытывает типичные трудности постиндустриальных государств и разделяет не только их «взлеты», но и «падения».

Таблица 10

Распределение ответов на вопрос: «Примете ли Вы участие в конфликте в интересах своей национальной группы?», % от числа опрошенных

	Москва 2010					Северная Осетия 2012					Карачаево-Черкесия 2012					Мордовия 2011–2012								
	Население	Русский	Татарин	Православный	Мусульманин	Население	Русский	Осетин	Ингуш	Православный	Мусульманин	Население	Русские	Карачаевцы	Черкесы	Абазинцы	Православные	Мусульмане	Население	Русский	Татарин	Мордва	Православный	Мусульманин
Да, безусловно	12	11	19	11	16	20	14	25	3	23	9	21	18	17	16	39	19	19	14	15	15	10	10	11
Это зависит от обстоятельств	46	46	52	45	47	39	39	38	41	38	42	50	43	47	62	55	49	55	33	34	42	29	29	43
Ни в коем случае	21	21	18	21	22	28	30	30	3	29	11	15	16	16	18	1	16	15	39	39	29	42	46	32
Затрудняюсь ответить	21	22	15	22	15	14	17	7	53	11	44	13	20	18	4	3	15	11	15	12	14	19	15	13

Источник: сектор социальных индикаторов и показателей федеративных и национальных отношений ИСПИ РАН.

**О перспективах включения
научного знания
в систему государственного управления**

**НАУКА КАК ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ.
ГЛОБАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
И МИРОВОЙ КРИЗИС**

Конец XX–начало XXI вв. характеризуются глобальными геополитическими трансформациями, в основе которых лежат:

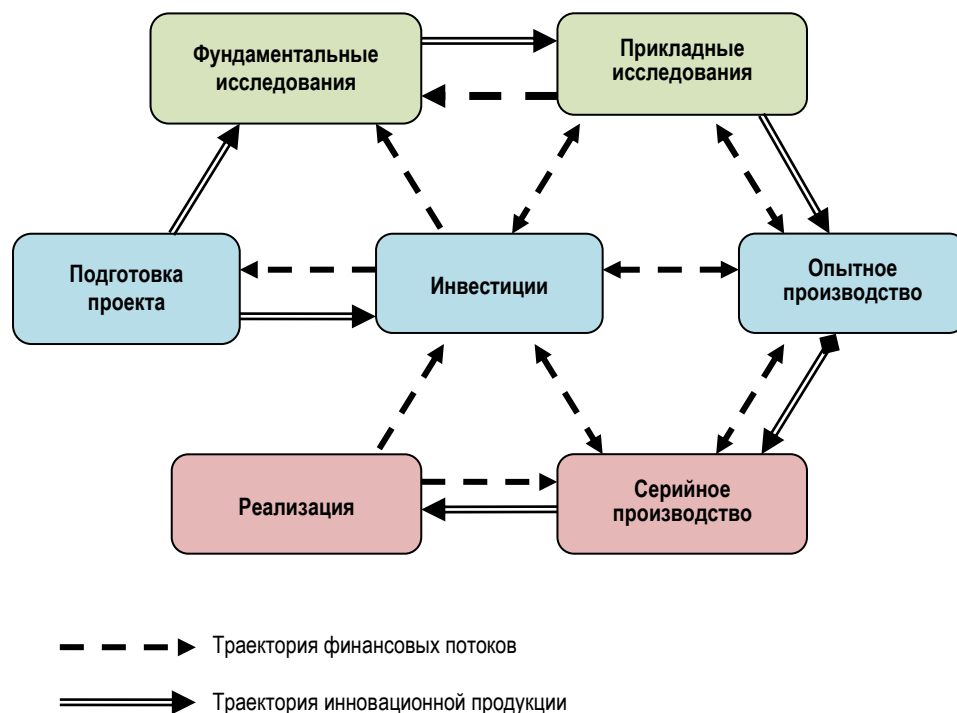
- исчерпание возможностей доминировавших в прошлом веке капиталистической и социалистической моделей развития
- понимание человеческой жизни как абсолютной ценности,
- осознание единства пространства обитания человека,
- стирание граней между государствами сходных типов развития,
- интенсивное технологическое развитие
- формирование единого процесса наука–образование–производство–потребление, известного как обобщенный инновационный цикл¹⁰⁶ (рис.1.), институциональную основу которого составляет национальная инновационная система¹⁰⁷.

Катализатором нарастания глобальных трансформационных процессов стал распад СССР. Разрушение СССР как оплота социалистической модели развития и последующий за этим крах мировой социалистической системы лишили капитализм реальной конкуренции, которая, как известно, является главным фактором развития.

¹⁰⁶ *Иванов В.В.* Инновационная парадигма-XXI. М., 2011.

¹⁰⁷ *Иванова Н.И.* Национальные инновационные системы. М., 2003; *Иванов В.В.* Национальная инновационная система как институциональная основа экономики постиндустриального общества // «Инновации». 2004, №5; *Иванов В.В.* Национальные инновационные системы: теория и практика формирования. М., 2004; *Голыченко О.Г.* Национальная инновационная система России: состояние и пути развития. М., 2006.

Рисунок 1
Обобщенный инновационный цикл

При этом и сама капиталистическая система претерпела значительные изменения. В начале прошлого века капитализм являлся прогрессивной силой, способствующей развитию и повышению благосостояния всего общества. Как отмечал Г.Форд¹⁰⁸: «Задача предприятия – производить для потребления, а не для наживы и спекуляции. А условие такого производства – выпуск доброкачественных и дешёвых продуктов, которые приносили бы пользу народу, а не только одному производителю... Стоит только народу сообразить, что производитель работает только на себя, – и конец его не далёк». Однако к началу текущего столетия суть капитализма свелась к безудержному накоплению капиталов достаточно узкой группой финансовых кланов при одновременном снижении уровня социальной ответственности бизнеса. Пожалуй, наиболее сильным ударом по капиталистической модели развития стал глобальный экономический кризис, начавшийся в августе 2007 г. Парадоксальным на первый взгляд является то обстоятельство, что кризис начался в США,

¹⁰⁸ Форд Г. Моя жизнь, мои достижения. Сегодня и завтра. Мн., 2003.

в финансовом секторе самой развитой экономики мира. При этом кризис не мог быть предсказан заранее, поскольку его причины и траектория развития лежат вне рамок современных экономических теорий.

Основные причины кризиса достаточно подробно проанализированы в литературе¹⁰⁹. По мнению многих исследователей, причиной кризиса послужили несовершенство финансовых институтов, выразившееся в непрозрачности финансовых компаний, сложность системы деривативов, неквалифицированное регулирование финансовых рынков, неадекватная политика государственных и финансовых властей и т.д. Соглашаясь с этим, выдвинем собственную гипотезу причин кризиса.

Рассматривая финансовые рынки необходимо отметить, что они по своей сути являются виртуальными, поскольку собственно деньги не имеют реальной материальной ценности, а представляют собой эквивалент труда, и составляют основу финансовой системы (финансового рынка) – виртуального института, действие которого регулируется набором соглашений, договоренностей, правил.

Изначально задачей финансовой системы являлось обслуживание экономики. Однако в последние десятилетия финансовая система превратилась из института обслуживания экономики в инструмент управления ею. Регуляторы финансовых рынков получили возможность не только объем денежной массы, но и регулировать процесс ценообразования. В результате в ряде случаев цена продукции реального сектора экономики и сектора услуг перестала соответствовать реальным затратам труда на ее выпуск, что послужило одной из причин формирования финансовых пузырей.

Изменилось и отношение к финансам – теперь они рассматриваются не как виртуальный показатель – эквивалент труда, а как реальная ценность, что тем более необъяснимо при отказе от единой меры ценностей – золотого паритета. Иначе говоря, виртуальному пространству был искусственно придан статус реального. Представляется, что такая подмена в конечном итоге и послужила не только причиной кризиса, но и поставила под сомнение возможности дальнейшего капиталистического развития на базе либеральных ценностей и подходов.

Таким образом, можно утверждать, что главной причиной кризиса являются не столько несовершенством финансовых институтов и инструментов, а сам факт их доминирования над реальным сектором экономики.

Очевидно, что специалисты в области экономики и финансов не могут оценить перспективность наукоемких проектов. Привлечение технических экспертов также не всегда позволяет снизить фактические риски. Минимизировать риски можно только вкладываясь в сектора, обеспечивающие как минимум возврат кредитов. К ним относятся сырьевые сектора экономики, а также раскрученные бренды реального сектора экономики¹¹⁰.

Но это, в свою очередь, препятствует выходу на рынок новых наукоемких и высокотехнологичных компаний. Если в обычных условиях такое положение компенсируется под-

¹⁰⁹ Мировой опыт антикризисной политики: уроки для России. М., 2009; Стратегия модернизации российской экономики. СПб., 2010; Кризис и структурная трансформация экономики России. М., 2010.

¹¹⁰ Модернизация России: социально-гуманитарные измерения. М. –СПб., 2011. С.234.

держкой государства и венчурными механизмами финансирования, то в кризисной ситуации объем венчурного финансирования существенно сокращается¹¹¹, и вся нагрузка по поддержке и поиску перспективных научных разработок ложится на государство.

Тем самым страны, не имеющие собственной науки, собственного наукоемкого производства, базирующегося на собственных разработках, оказываются отодвинутыми от магистрального пути научно-технологического прогресса и вынуждены играть второстепенные роли в формирующемся глобальном экономическом и технологическом пространстве.

В настоящее время можно выделить четыре типа государств:

- «Золотой миллиард» – постиндустриальные страны, пользующиеся всеми благами цивилизации, формирующие перспективный технологический уклад, определяющие функционирование мирового рынка, привлекающие внешние ресурсы для своего развития. Совокупный экономический, технологический, политический и военный потенциал этих стран позволяет определять правила игры на всем мировом пространстве, включая глобальный рынок.

- Индустриальные доноры – страны обеспечивающие мировой рынок технологиями и продукцией, базирующейся преимущественно на результатах исследований и разработок стран «золотого миллиарда» (индустриальные страны).

- Продуктово-ресурсные доноры – страны, обладающие значительными природными ресурсами, прежде всего углеводородными энергоносителями, и обеспечивающие свое развитие за счет их продажи на мировом рынке, а также за счет реализации собственной продукции, выпускаемой по «отверточной технологии» (индустриально-ресурсные страны).

- Страны низшего цивилизационного порядка – страны с низким уровнем жизни, неспособные к самостоятельному выходу на траекторию современного развития (доиндустриальные страны).

Задача модернизации заключается в определении своего места в складывающемся мировом порядке и выбор стратегии развития, позволяющей решить эту задачу. При этом заметим, что модернизация является вызовом объективным и ее необходимость не определяется политическими целями или декларациями. Политики и политика конкретных государств могут лишь направить страну по той или иной траектории.

Осознав эту ситуацию, правительства развитых стран приняли стратегию перехода к постиндустриальному обществу, а в качестве приоритетов экономического развития в кризисный период обозначили вклад в развитие науки, образования, наукоемких технологий¹¹². В то время как в России основное внимание было уделено сохранению стабильности финансовой сферы, поддержки некоторых крупных товаропроизводителей и стимулирование спроса. Однако трудно ставить это в упрек правительству, поскольку оно оказалось заложником деформационных процессов конца прошлого века, в результате которых Россия в значительной мере растеряла свои конкурентные преимущества в области науки

¹¹¹ Иванова Н.И., Данилин И.В. Влияние мирового кризиса на сектор высоких технологий и антикризисная политика в инновационной сфере // Мировой опыт антикризисной политики: уроки для России. М., 2009. С.1276–154.

¹¹² Обама: наука нужна, как никогда раньше // «Троицкий вариант». Вып. 10. 2009, 26 мая.

и наукоемкого производства, а проводимая в последние годы научно-техническая и инновационная политика не способствовала их восстановлению¹¹³.

И распад СССР, и глобальный кризис показывают, что доминирование «лириков» (профессиональных политиков, политологов, приверженцев ортодоксальных либеральных подходов, специалистов по истории экономических учений, науковедов-теоретиков, «эффективных менеджеров» и т.п.) над «физиками» (учеными, работающими в области естественнонаучных дисциплин, руководителями, инженерами, конструкторами и специалистами наукоемкого сектора экономики, неангажированными экономистами, социологами, философами) привело к глобальным катастрофам. Фактически подтверждается тезис Ч.Сноу о «пропасти двух культур»¹¹⁴ – разрыв между естественниками и гуманитариями не только тормозит процесс развития научного познания, но и ставит мир на грань глобальных катастроф.

Из чего следует, что современное устойчивое развитие возможно только на базе системного подхода, основу которого составляют базовые законы природы и потребности развития человека, с учетом закономерности развития общества в целом.

Применительно к России в сложившейся ситуации необходима выработка новой модели развития, опирающейся на уже имеющийся опыт и соответствующей современным вызовам и угрозам. В этой модели должны быть четко определены роли государства, бизнеса, общества и человека в решении главной задачи – повышение качества жизни. При этом очевидно, что ни тоталитарные (СССР в 1917–1991 гг.), ни ультралиберальные (Россия в 1991–1996 гг.) подходы уже не могут составить основу перспективной модели развития.

Если ставить задачу сохранения и укрепления позиций России в группе лидирующих стран, то представляется, что наиболее подходящей основой для выработки стратегии дальнейшего развития является концепция постиндустриального общества¹¹⁵. Согласно этой концепции, приоритетом является развитие человека, а экономический и технологический рост являются факторами, этот рост обеспечивающими. Опираясь на известный тезис К.Маркса о том, что наука должна стать реальной производительной силой, Д.Белл особое место отводит теоретическим знаниям как основе дальнейшего развития. При этом в концепции особо отмечается, что для перспективного развития не столь важны вопросы отношения собственности, сколько проблема обладания современными технологиями, возможности их разработки и использования.

Ретроспективный анализ геополитических и социально-экономических процессов прошлого века, позволяет сделать вывод о том, что наука оказала решающее влияние на темпы развития. Однако в тех случаях, когда амбиции отдельных политических лидеров, возглавляемых ими объединений (партий, движений и т.д.), а в ряде случаев и государств, отодвигали здравый смысл и научное знание на второй план, в мире проходили глобальные катаклизмы, крупнейшим из которых является Вторая мировая война (1939–1945), перешедшая в «холодную» (1945–1991), рецидивы которой наблюдаются и до настоящего времени.

¹¹³ Инновационная политика-2002–2012: Россия и мир. М., 2011.

¹¹⁴ *Малинецкий Г.Г.* Чтоб сказку сделать былью... Высокие технологии – путь России в будущее. М., 2012. С.186.

¹¹⁵ *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. Пер. с англ. М., 1999.

Роль науки в развитии человечества можно проследить на примере нескольких выдающихся открытий, которые привели не только к интенсивному технологическому росту, но и создали реальные предпосылки для формирования перспективного технологического уклада как основы качественно нового технологического пространства, обеспечивающего повышения качества жизни человека. При этом заметим, что благодаря этим открытиям существует весь современный реальный бизнес.

Таблица 1

Предпосылки перспективного технологического уклада

И.Ньютон	1643–1727	Методология науки, математика, механика, физика
М.В.Ломоносов	1711–1765	Методология науки, химия, физика, термодинамика, металлургия, геология, гуманитарные науки
М.Фарадей	1791–1867	Физика, химия, основы теории электромагнитного поля
Д.Максвелл	1831–1879	Электродинамика, кинетическая теория газов, оптика, математика, астрономия
В.Рентген	1841–1923	Физика. Открытие X-лучей (рентгеновское излучение). Первый нобелевский лауреат
П.Кюри	1859–1906	Физик (Нобелевская премия 1903)
М.Кюри	1867–1934	Физик, химик (Нобелевская премия 1903, 1911). Открытие радиоактивности
К.И.Циолковский	1857–1935	Основы теории освоения космического пространства
Н.Н.Басов А.М.Прохоров Ч.Таунс	1922–2001 1916–2002 род. 1915	Физики (Нобелевская премия 1964). Открытие лазера
Ж.И.Алферов	род. 1930	Физик (Нобелевская премия 2000). Исследования в области физики твердого тела

Однако наука живет не в изолированном пространстве и её достижения становятся достоянием не только прогрессивно мыслящих людей, но и политических сил, стремящихся закрепить если не господство, то, по крайней мере, обеспечить доминирование той социальной группы (политическую, религиозную, предпринимательскую), выходцами из которой они являются. Попытки воспрепятствовать распространению наиболее опасных в военном отношении технологий дают ограниченный результат. Так, например, несмотря на запрещение химического и бактериологического оружия, есть основания полагать, что в арсеналах ряда стран имеются соответствующие боеприпасы. Проблема ограничения распространения ядерного оружия поставлена в повестку дня вскоре после лишения США монополии на него. Тем не менее к настоящему времени количество стран, обладающих ядерными технологиями, существенно возросло, фактически ядерное оружие получило массовое распространение.

Кроме использования в военных целях создание новых технологий на базе современных научных достижений несет еще одну прямую угрозу человечеству. Проблема заключается в том, что, во-первых, технологии каждого нового поколения могут быть использованы без существенных переделок и в мирном и в военном назначении. Например, террористическая атака 11 сентября 2001 г. на здания WTC в Нью-Йорке была совершена путем использования гражданских самолетов в качестве боевых крылатых ракет. Во-вторых, в результате использования новых технологий создаются искусственные вещества, не существующие в природе. И, следовательно, у человечества отсутствует иммунитет против такого рода веществ, и их попадание в организм приведет к непредсказуемым последствиям.

Таким образом, бесконтрольное создание и распространение новейших технологий несет за собой опасность глобальных техногенных катастроф. В связи с этим необходимо применение специальных мер, обеспечивающих контроль над созданием и использованием новых технологий и материалов. В этом плане наряду с разработкой новых технологий выходит проблема экологии технологий, представляющей собой новое научное направление, обеспечивающее комплексное исследование влияния искусственно созданных объектов на жизнедеятельность человека и разработку механизмов планирования технологий¹¹⁶: Однако очевидно, что работы в этом направлении выходят за рамки одной страны и для эффективного решения задачи контроля и планирования технологий требуются усилия мирового сообщества, что становится возможным в условиях глобализации.

Перспективный технологический уклад. В основе теории технологических укладов¹¹⁷ лежит тот факт, что каждому уровню развития общества соответствует свой набор технологий. Причем этот набор технологий меняется по мере накопления знаний. Основу каждого технологического уклада составляет ядро, определяющее уровень технологического развития. Согласно принятой систематизации¹¹⁸ в настоящее время формируется шестой технологический уклад – VI ТУ (табл. 2).

Таблица 2

Смена технологических укладов

ТУ №	Базовые технологии	Эмбриональная фаза	Фаза роста	Фаза зрелости
I	Текстильные машины	с 1770 г.	с 1790 г.	с 1830 г.
II	Паровой двигатель	с 1830 г.	с 1847 г.	с 1880 г.
III	Электродвигатель	с 1880 г.	с 1897 г.	с 1930 г.
IV	Двигатель внутреннего сгорания	с 1930 г.	с 1943 г.	с 1970 г.
V	Микроэлектроника	с 1970 г.	с 1983 г.	с 2010 г.
VI	Нанотехнологии Гелио- и ядерная энергетика	с 2010 г.	с 2018 г.	с 2040 г.

Действительно, рассматривая конкретный период можно выделить в нем доминирующие технологии, владение которыми характеризует уровень развития. Однако, во-первых, это ещё не означает отказ от уже существующих технологий. Во многих случаях технологии ранних укладов необходимы для развития технологий последующих укладов. Так, например, в современной ядерной энергетике рабочим телом в турбине является пар, т.е. технология, вошедшая в фазу зрелости в 1880 г, согласно приведенной выше классификации.

¹¹⁶ Иванов В.В. Технологическое пространство и экология технологий // «Вестник РАН». 2011, №5. Т. 81. С.414–418, Иванов В.В. Инновационная парадигма-XXI. М., 2011.

¹¹⁷ Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М., 1993.

¹¹⁸ Глазьев С.Ю., Фетисов Г.Г. Новый курс: стратегия прорыва. Научный доклад // «Современные производительные силы». 2012, №1. С.7–39.

Кроме того предлагаемые структура и периоды конкретного технологического уклада не всегда очевидны и носят весьма условный характер. Так, например, считается, что ядро IV ТУ, сроки доминирования которого определяются с 1930 по 1980 гг., составляли автомобиль- и тракторостроение, цветная металлургия, производство товаров длительного пользования, синтетические материалы, органическая химия, производство и переработка нефти. Ключевыми факторами являлись двигатель внутреннего сгорания и переработка нефти. Однако, по-видимому, здесь необходимо внести некоторые уточнения: Так, например, к 1930 г. двигатели внутреннего сгорания уже прочно заняли свое место в автомобилестроении, авиации, в судостроении. По-видимому, «эмбриональная» стадия развития двигателей внутреннего сгорания (ДВС) закончилась в период появления в 1900 г. марки Мерседес¹¹⁹ и запуска в 1908 г. в серийное производство Модели «Т» – «Жестяной Лиззи» на заводах Форда.

Неоднозначна предлагаемая трактовка и применительно к VI ТУ. Так, вряд ли «эмбриональная» фаза этого уклада начинается в 2010 г., поскольку уже в 1954 г. в СССР была пущена первая АЭС в г. Обнинске. Нанотехнологии интенсивно развивались уже в 70-х гг. прошлого века. Так, например, в это время в СССР существовала государственная программа по ультрадисперсным материалам. Что касается альтернативных видов получения энергии, в том числе гелио-энергетики, то в этих направлениях (гидро-, гелио-, био-, приливная и т.д.) уже к началу текущего века были созданы значительные научно-технологические заделы, позволившие создать электрогенерирующие установки и устройства, не использующие углеводородные энергоносители. Дальнейшее развитие альтернативных источников энергии сдерживается, во-первых, недостаточностью результатов научных исследований и технологий, позволяющих снизить себестоимость одного киловатт-часа. Другим сдерживающим фактором развития альтернативных источников энергии являются естественные климатические и географические ограничения. Необходимо также учитывать, что ни один из альтернативных источников не может обеспечить базовый уровень потребления электроэнергии. Таким образом, эти технологии не смогут составить основу современного технологического уклада.

Отметим, что современные технологии, как правило, базируются на результатах фундаментальных исследований, полученных на стыке различных направлений науки. Все большее развитие получают интегрированные технологии, обеспечивающие проектирование и изготовление конечной продукции как единого целого, а не как сборку изготовленных независимо деталей, узлов и агрегатов. При этом широко используется модульный принцип, позволяющий использовать агрегаты, наиболее полно удовлетворяющие запросы заказчика. По сути, современные технологии позволяют создавать технологические платформы широкого назначения¹²⁰.

¹¹⁹ Заметим, что эмблема «Мерседес» – трехлучевая звезда – символизирует использование ДВС на земле, на воде и в небе.

¹²⁰ В данном случае речь идет о конкретном материальном результате, который имеет весьма отдаленное отношение к получившему в последнее время термину «технологическая платформа», подразумевающим создание площадки для дискуссий о перспективных технологических направлениях.

Развитие научных исследований позволило также создать технологии, основанные на различных принципах, но обеспечивающие решение сходных задач. Таким образом, основу перспективного технологического уклада (ПТУ) составляют не отдельные технологии, а технологические сектора, т.е. совокупность технологий, созданных на основе единых физических принципах, либо направленная на решение сходных задач, но различными методами, либо совокупность технологий созданных в результате конвергенции наук. При этом ключевым фактором становления ПТУ будут являться достижения фундаментальной науки в широком спектре областей.

При этом разрабатываемые технологии имеют ярко выраженный социально-гуманитарный характер, поскольку призваны, прежде всего, обеспечить жизнедеятельность и удовлетворение индивидуальных потребностей человека. Ядро ПТУ составят технологические сектора трёх типов.

Технологические сектора первого типа (ТС-1) представляют собой совокупность технологий, в основе которых лежат общие фундаментальные научные принципы. К ним относятся: ядерные технологии, лазерные технологии, нанотехнологии, биотехнологии. Так, например, в основе лазерных технологий лежит явление когерентного излучения, а собственно сектор лазерных технологий включает в себя широкий спектр: от медицинских инструментов для проведения микрохирургических операций до мощных технологических систем обработки материалов.

Основу ядерных технологий составляют результаты научных исследований в области ядерной физики, а собственно сектор ядерных технологий включает технологии получения атомной энергии, радиофармпрепаратов, радиационной обработки материалов и др.

Технологические сектора второго типа (ТС-2) представляют собой множество технологий, базирующихся на различных исходных законах природы, но направленных на решение одной задачи. Примерами ТС-2 являются: социальные технологии (здравоохранение, образование и т.д.), информационные технологии, нетрадиционные источники энергии.

Так, например, сектор медицинских технологий включает в себя и медицинскую аппаратуру, создаваемую на новых физических принципах, и фармацевтические препараты на основе достижений химии и биологии, и гуманитарные технологии, базирующиеся на достижениях психологии, социологии и др.

Наиболее интенсивно развиваются информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), которые вместе с энергетикой создают технологический фундамент постиндустриального общества.

Собственно энергетика представляет собой широкий спектр технологий – от добычи полезных ископаемых, до создания альтернативных источников энергии.

Технологический сектор третьего типа (ТС-3) представляет собой совокупность технологий, созданных на основе исследований проводимых на стыке наук. В настоящее время всё большее распространение получают нано-био-инфо-когнитивные технологии (NBIC)¹²¹.

¹²¹ Ковальчук М.В. Конвергенция наук и технологий – прорыв в будущее // «Российские нанотехнологии». 2011, №1–2.

Таблица 3

Структура перспективного технологического уклада (ПТУ).

Фундаментальные научные исследования

Приоритеты социально-экономического развития	Ядро технологического уклада	
	Технологический сектор	Базовые технологии
Безопасность Жильё и ЖКХ Здравоохранение Образование Продовольствие Транспорт Энергетика Экология Управление	ТС-1	Биотехнологии Лазерные технологии Нанотехнологии Ядерные технологии
	ТС-2	ИКТ Космические технологии Социальные технологии Технологии природопользования Энергетика
	ТС-3	NBIC-технологии

Главным риском перспективного технологического уклада является формирование недружелюбного технологического пространства как среды обитания человека, что представляет определенную угрозу для живых организмов, в виду отсутствия иммунитета к жизни в такой среде и, следовательно, отсутствию механизмов защиты от возможного негативного воздействия.

Догонять или опережать? Трансформация Советской социально-политической и экономической системы, проводимая без ясного понимания и формулирования целей развития^{122 123}. На всех уровнях власти уже признано и что инновационный путь развития является единственно приемлемым для России. Однако траектория инновационного развития, базовые подходы к этому до сих пор не имеют единых подходов и взглядов, общепринятых научным сообществом. При этом отметить, что до недавнего времени (практически до осени 2012 г.) никакие отступления от либеральной экономики не допускались и не обсуждались на правительственном уровне. Поэтому, как и в начале 90-х гг., при разработке¹²⁴ стратегических документов, прежде всего «Стратегии социально-экономического разви-

¹²² Ясин Е.Г. Российская экономика. Истоки и панорама рыночных реформ. Курс лекций. М., 2003.

¹²³ Что, кстати, невыгодно отличало российских реформаторов 90-х гг. от революционеров 1917 г., сразу четко и однозначно определивших стоявшие перед ними цели, что и позволило в конечном итоге взять контроль над страной. В отличие от большевиков, правивших страной 70 лет, реформаторы 90-х гг. продержались только 4 года (до 1996 г.), после чего в стране были полностью утеряны приоритеты и направления развития, а сама страна поставлена на грань распада, который удалось предотвратить только в начале XXI в. Тем не менее с середины 2012 г. со стороны отдельных государственных структур активизировался процесс разрушения образования и академической науки, и до настоящего времени сохраняющей потенциал, позволяющий проводить исследований и разработки мирового уровня.

¹²⁴ Отметим, что указанные документы разрабатывались под прямым или косвенным управлением группы специалистов, ориентированных на западные ценности и принципиально отрицающих использование отечественного научного потенциала в интересах развития страны.

тия-2020» и «Стратегии инновационного развития России», наука не рассматривалась как главный фактор выхода из кризиса и дальнейшего развития. В том или ином виде политика Минобрнауки России, проводимая с 2004 г., исходит из положения, что отечественная наука не будет играть хоть какую-то заметную роль в развитии страны до того момента, пока не будет ликвидирован академический сектор науки, а вузы не займут места в лидирующей группе международных рейтингов. Данная политика реализуется путем фактического «замораживания» финансирования академического сектора науки, доля которого в структуре расходной части бюджета и ВВП все время сокращается, а ежегодное повышение не покрывает инфляции.

Прямым подтверждением этого является тот факт, что ведущая научная организация России – Российская академия наук не присутствует среди официально объявленных институтов развития. Заметим, что такой подход не только ставит надежный заслон для перехода страны на инновационный путь развития, но и в принципе закрывает России возможность уже в недалекой перспективе занимать место не только среди стран G8, но и ставит под сомнение её правомерность присутствия в G20.

Другой подход, также поддерживаемый в определенных властных кругах, допускает развитие научно-технологического сектора страны на основе заимствования. При этом утверждается, что «задача заимствования проще и связана с меньшими издержками, чем разработка “принципиально нового”¹²⁵». Вместе с тем представляется, что возможность и масштабы применения данного подхода требуют дополнительного обсуждения. Действительно, если ставить задачей развития страны по траектории «индустриальный донор», то заимствование технологий способно дать в скором времени большой эффект. Так, в этом случае возможна поставка из-за границы технологий, разворачивание на этой базе производств и выпуск современной наукоемкой продукции. Однако тут есть большие риски, что в конечном итоге все сведется к «отверточной технологии», как это фактически произошло с российским автопромом. Несмотря на наличие новых автомобильных кластеров в Калужской, Ленинградской областях, Калининграде и Таганроге, обеспечивающих внутренний рынок легковыми автомобилями, российские инженеры не могут совершенствовать имеющиеся разработки, принимать участие в модернизации быстро устаревающих технологий и фактически отброшены на обочину мировой автомобильной промышленности. Кроме того, следует иметь в виду, что никакой производитель современной продукции не заинтересован в развитии конкурентных производств и, следовательно, не заинтересован в передаче новейших технологий. Это явно видно на примере того же автопрома, когда автомобили одного класса, выпускаемые в России и в стране – разработчике существенно отличаются и по качеству и по технической оснащенности [достаточно сравнить Renault Clio (Франция) и Renault Logan (Россия)].

В принципе выходом из этой ситуации может быть детальное изучение известных технологий и разработка на этой основе собственных. Это даст импульс к развитию, но в этом случае потребует явно больше затрат, чем при обычном заимствовании.

¹²⁵ Стратегия модернизации российской экономики. СПб., 2010. С.53.

Основные положения третьего подхода, условно называемого «Стратегия прорыва», в настоящее время находятся в стадии разработки¹²⁶.

Суть предлагаемой стратегии заключается в ориентации на приоритетное развитие человека, что соответствует мировым тенденциям и в последнее время все чаще выдвигается как приоритет развития руководителями страны.

При этом необходимо разделение сфер ответственности между обществом, государством и бизнесом. В первом приближении взаимодействие выглядит следующим образом.

Общество формирует запросы на развитие, а также контролирует их реализацию.

Государство создает условия для достижения в возможно короткие сроки уровня жизни населения страны на уровне современных стандартов.

Бизнес ориентирован на решение практических задач в этом направлении.

При этом достижение поставленных задач обеспечивается реализацией политики инновационного развития, формируемой с учетом современных достижений науки и техники, технологий и прогнозе их развития.

Таким образом, реализация задач модернизации, целью которой является восстановление России как глобально конкурентоспособной державы, возможна только при наличии стратегии, обеспечивающей переход к постиндустриальному обществу на основе новых достижений науки. От состояния науки и темпов её развития зависит и развитие бизнеса, и развитие общества и будущее страны¹²⁷.

¹²⁶ Глазьев С.Ю., Фетисов Г.Г. Новый курс: стратегия прорыва. Научный доклад // «Современные производительные силы». 2012, №1. С.7–39. Иванов В.В. Инновационная парадигма-XXI. М., 2011; Иванов В.В. Модернизация и политика инновационного развития // «Инновации». 2012, №9; Малинецкий Г.Г. Чтоб сказку сделать былью... Высокие технологии – путь России в будущее. М., 2012.

¹²⁷ Статья подготовлена в соответствии с планом работ по программе фундаментальных научных исследований Президиума РАН «Экономика и социология знаний» с использованием результатов, ранее полученных в ходе выполнения исследований по грантам РГНФ 11-02-00631а и РФФИ 12-06-00402.

О ВОЗМОЖНОСТЯХ ВКЛЮЧЕНИЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ В МЕХАНИЗМЫ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ НА ГОСУДАРСТВЕННОМ УРОВНЕ

В настоящее время в Российской Федерации не существует закона, посвященного интеграции научного знания в механизмы принятия решений на государственном уровне. «Нет норм, которые бы государство в целом или его органы обязывали использовать достижения науки при принятии своих решений, при формировании и реализации государственной политики в различных областях и отраслях»¹²⁸. Но поступательное движение в данном направлении есть.

Как правило, в случае необходимости, государственные органы сами используют уже имеющиеся научные разработки по рассматриваемой тематике закона, либо привлекают научное сообщество в качестве экспертов в работе над проектами законов, а также к проведению юридических методик.

Применение юридических методик на практике способствует закреплению научного знания в процессах принятия решений через научный анализ действующего федерального законодательства, нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и оценку практики правоприменения.

Как правило, включение научной компоненты отмечается в тех частях методики, где требуются конкретные научные данные по исследуемой проблеме и ее качественная аналитика. В рамках применяемой методики научные исследования, экспертные оценки позволяют принять адекватное решение не только по определению проблемных зон в нормативных правовых актах, но и внести в них научно обоснованные изменения.

К таким методикам можно отнести *мониторинг правоприменения, правовой мониторинг, оценку регулирующего воздействия*.

Мониторинг правоприменения служит информативной основой для анализа законодательных актов. Данная методика нацелена на изучение действия законодательства на практике, служит механизмом его корректировки, направлена на выявление недостатков и формулирование предложений по их устранению. Речь идет о том, что изучается и корректируется уже принятый закон, который действует и имеет влияние на определенные сферы общественной жизни.

Под мониторингом правоприменения понимается комплексная и плановая деятельность, осуществляемая федеральными органами исполнительной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации в пределах своих полномочий, по сбору,

¹²⁸ budgetrf.ru.

обобщению, анализу и оценке информации для обеспечения принятия (издания), изменения или признания утратившими силу нормативных правовых актов¹²⁹.

Анализ федеральных законодательных актов по данной методике осуществляется по следующим основным параметрам:

– *юридические недостатки законодательства*, включающие путаницу в терминологии, искажение смысла положений закона, коррупционных факторов, противоречие норм права и т.д.;

– *правоприменительные недостатки*, отражающие нарушения процесса правоприменения и выражающиеся в бездействии (действии) субъектов правоприменения (органы государственной власти, конкретные лица, принимающие решения и т.д.), искажение смысла закона при его применении, отсутствие единой практики применения закона и т.д.;

– *приобретенные в процессе действия закона количественные и качественные характеристики*, ориентированные на выявление его содержательного понимания гражданами, количества обращений по вопросам его разъяснения, количество предложений, жалоб по его применению, количество и характер нарушений в сфере действия данного закона и т.д.

Мониторинг правоприменения осуществляется в отношении широкого спектра нормативных правовых актов в сфере образования, транспорта, полиции и т.д. При его проведении используется различная информация из научных, общественных, правозащитных и иных организаций, письменные обращения от граждан, материалы СМИ. К процессу аналитики также привлекается разноотраслевая статистическая информация.

Особая роль в практике проведения мониторинга правоприменения отведена социологическому знанию и информации формируемой на основе конкретных социологических исследований.

Как правило, при анализе действия конкретного закона используют либо уже готовые результаты исследований, проведенные специализированными социологическими службами, холдингами, компаниями, либо осуществляется опрос населения и экспертного сообщества о состоянии той или иной сферы общества регулируемой конкретным законом.

Формы проведения опросов могут быть разными (Интернет-опросы, осуществляемые через специализированные omnibus, телефонные опросы и т.д.), но суть одна – выяснение восприятия обществом реализуемого закона через последствия его применения и соответствие общественным ожиданиям.

При рассмотрении материалов СМИ по реализации конкретного закона и его восприятию обществом активно используется метод контент-анализа.

По итогам проведения мониторинга правоприменения формируются соответствующие материалы для их последующего рассмотрения и принятия мер, направленных на «исправление» выявленных недочетов в части практического применения закона.

Если мониторинг правоприменения изучает действие закона на стадии уже правоприменения, то предложенный Институтом законодательства и сравнительного правоведения (ИЗиСП) научно-методологический подход – *правовой мониторинг* направлен на изучение закона на всех этапах его создания и применения.

¹²⁹ Право.ру.

Под *правовым мониторингом* понимается комплексный механизм анализа и оценки нормативного правового акта. Правовой мониторинг нацелен на оценку эффективности закона на всех уровнях его принятия и реализации. Он обеспечивает анализ законодательства в соответствии со стратегическими целями развития государства, осуществляет оценку качества правовых актов и эффективность их реализации, в соответствии с чем все изменения, вносимые в нормативные правовые акты, должны отвечать требованию научной обоснованности и критериям существенности вносимых в законодательство изменений¹³⁰.

К сожалению, большое количество принимаемых законов, так же как и частое внесение в них изменений, приводит не только к снижению их качества, но и к общей потере управляемости на государственном уровне, поскольку при частом внесении изменений в закон невозможно оценить эффективность его действия. Также большое количество законов не способствует их пониманию гражданами. Разобраться в их изобилии представляется возможным только профессионалу. Законов не должно быть много и любой закон должен быть ясен каждому человеку настолько, чтобы для понимания его текста не нужно было привлекать квалифицированных юристов.

Данная методология нацелена на выявление противоречий в действующем законодательстве, но при этом она не только вносит предложения по его изменению, а «следует за ними после их выработки органами власти и должностными лицами»¹³¹.

Для оценки действия законов используются различные источники информации, включающие доклады Совета Федерации о состоянии и развитии законодательства, Правительства РФ, материалы МВД, Счетной Палаты, данные статистики, рекомендации экспертного сообщества, социологических опросов и др.

Социологические опросы в данном случае призваны дать информативный срез и показать, насколько цели государственной политики и последовательность в реформировании конкретных сфер социальной, экономической, политической жизни понятны обществу и не противоречат его основным установкам.

Следующей методикой, включающей научное знание в процесс принятия решений, является привнесенная из западной законотворческой практики *Оценка регулирующего воздействия* (далее – ОРВ). ОРВ направлена на оценку эффективности законов, отдельных норм и правовых институтов.

«Основная роль ОРВ заключается в отсеиве необдуманных и нецелесообразных решений на этапе принятия того или иного нормативно-правового акта и оценке того, достигает ли регулирование поставленных целей, а также в оценке возможных последствий нового регулирования»¹³². ОРВ нацелена на выявление положений, вводящих избыточные административные ограничения и обязанности, необоснованные расходы как для субъектов предпринимательской деятельности, так и бюджетов всех уровней Российской Федерации.

¹³⁰ См. Хабриева Т.Я. Экономико-правовой анализ: методологический подход // «Журнал российского права». 2010, №12.

¹³¹ Там же.

¹³² Доклад о практике внедрения и дальнейшем развитии института оценки регулирующего воздействия в нормотворческой деятельности Правительства Российской Федерации и федеральных органов исполнительной власти. Министерство экономического развития Российской Федерации.

К сожалению, в настоящее время ОРВ проводится только в отношении нормативных правовых актов, регулирующих сферу экономики (производство, предпринимательство, строительство, транспортные перевозки и т.д.). При этом вне охвата остаются важные и социально значимые для общества сферы жизнедеятельности, такие как экология и вопросы охраны окружающей среды, здоровье россиян, миграционные процессы современной России, социально не защищенные категории граждан и др.

Кратко порядок проведения ОРВ можно представить следующим образом¹³³.

1. Формулировка и описание проблемы.
2. Обоснование необходимости проведения оценки.
3. Постановка целей оценки.
4. Описание возможных вариантов достижения поставленной цели.
5. Анализ представленных альтернатив (в том числе с помощью анализа издержек и выгод).
6. Консультации.
7. Выводы и результаты, представление рекомендуемого варианта (альтернативы), рекомендации по предпочтительной альтернативе.
8. Реализация выбранной альтернативы и последующий мониторинг. Обозначенные этапы ОРВ – это только первый шаг к качественной методике, так как в настоящее время отсутствуют устоявшиеся процедуры ее проведения.

Большая роль при проведении ОРВ отведена научному сообществу, которое формирует параметры (знания), по которым происходит оценивание нормативно-правового акта в части эффективности методов оценки, учета сопутствующих рисков и всестороннего взгляда на поставленную проблему.

Процесс ОРВ проводится по определенным стандартам и всегда предполагает участие в нем стороны, которая дает заключение о качестве приводимых обоснований по принятию нормативно-правового акта и оценку возможных последствий нового регулирования. По результатам проведения ОРВ также формируются материалы для их последующего рассмотрения и принятия решений в области формирования государственной политики.

Перед наукой стоит фундаментальная задача по созданию универсальной методики, интегрирующей научное знание в процесс принятия решений, и решать ее необходимо на междисциплинарном уровне. На перспективу целесообразно использование российских научных разработок, созданных институтами РАН, а также их дополнение лучшими западными исследованиями, что позволит создать адаптированную к современной российской социальной реальности юридическую методику.

Веление времени таково, что в методиках требуется смещение акцента с существующего познавательного-объяснительного аспекта при анализе законов на социально-конструирующий, предоставляющий возможность не только констатировать и анализировать проблемное поле, но и с помощью научного знания предложить оптимальные для общества пути решения проблемы. Любое значимое государственное решение необходимо при-

¹³³ Там же.

нимать только на основе всестороннего научного анализа и точных расчетов с последующим закреплением его на законодательном уровне.

Фундаментальная наука способна, с точки зрения научной обоснованности, давать экспертные заключения и рекомендации по различным государственным вопросам. Научное знание постоянно совершенствует свою методологию, например, на смену «прогнозированию» приходят новые методы: социальное проектирование и социальное конструирование, которые с математической точностью позволят обосновать конструктивность принятия закона и его социальных и экономических последствий для человека и общества.

Речь идет о возможности выхода с помощью научного знания на качественно новый уровень законотворческой, законодательной и законоприменительной практики, основанной на социальном конструировании и осуществляемом с его помощью научном управлении обществом.

Выстраивать новые методологические основы по включению научного знания в процесс принятия решений целесообразно на основе обобщения международной и отечественной практики, для этого желательно принять четкий регламент законотворческой деятельности¹³⁴. Это:

- научное изучение проблемы во всех ее аспектах (политических, социальных, экономических, гуманитарных и т.д.);
- постановка цели для решения конкретной проблемы;
- научное обоснование интеллектуальных и материальных средств, необходимых для последовательной реализации поставленной цели;
- использование математически выверенных данных о возможных экономических, социальных, политических и других последствиях и рисках, связанных с ее реализацией;
- определение конкретных властных структур, отвечающих за реализацию поставленной цели, и государственного органа, контролирующего внедрение в практику данного закона в целом;
- принятие закона;
- конкретные социальные исследования эффективности принятого закона с выделением данных как о качественном изменении социальной реальности, так и о качестве жизни людей.

Принятие данного регламента и его последующее использование позволит решить основные проблемы, на которые ссылаются при проведении обозначенных выше методик:

- предотвратить отсутствие методов моделирования юридических, экономических, социальных и других последствий регулятивного воздействия, что позволит осуществлять научно обоснованные и юридически значимые прогнозы;
- обеспечить обратную информационную связь, получаемую с помощью юридического и социологического мониторинга, что позволит проанализировать юридические, социальные, экономические и другие риски принятых решений;
- сформировать механизм необходимого учета мнения как бизнеса, так и гражданского общества при принятии законов.

¹³⁴ Регламент предложен академиком Г.В.Осиповым.

Также в практике работы с законом необходим учет зарубежного опыта, показывающего, что *наиболее эффективно осуществляется включение научного знания не на стадии правоприменения, а на всех этапах его создания*, охватывающих самую раннюю ступень правотворческого процесса.

Целесообразно также *на ранних стадиях законотворческой деятельности активное проведение экспертных консультаций с научным сообществом*.

Наиболее рационально на постоянной основе *привлекать ученых-экспертов к участию в работе над разрабатываемым законодательным актом*, так как предлагаемые экспертные заключения существенно повышают качество принимаемых решений в части устранения разночтений в законе, неясности в содержании, соответствия стратегическим целям развития государства и т.д.

Важно также *в обязательном порядке формально закрепить проведение научной экспертизы принимаемых законов*, в рамках которой и будут использованы научные знания.

Также разумно *в законодательном порядке оформить механизм взаимодействия ученых и законодательной власти при принятии отдельных норм и законов*. Речь идет о формировании налаженных взаимодействий между научным сообществом и законодательной властью.

Максимальная прозрачность – также основополагающее требование к качественной «работе» с законом. В случае если требуется проведение углубленной оценки, целесообразно проводить публичные консультации по проекту акта, а также важно иметь возможность запрашивать дополнительные сведения у разработчика и у иных федеральных органов исполнительной власти.

Подготовленные по результатам углубленной оценки заключения следует размещать на профильных сайтах в сети Интернет.

Постепенное включение научного знания в законотворческий процесс говорит о том, что идут процессы интеграции научного знания в механизмы принятия решений, и назрела настоятельная необходимость их формального законодательного закрепления, а, следовательно, закрепления новых принципов законотворчества, отвечающих современным социально-политическим, социально-экономическим реалиям, национальным особенностям и традициям России.

КОНСТИТУЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ В ПЕРИОД МАСШТАБНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПЕРЕМЕН

Отношение к Конституции как «саморазвивающемуся» акту и инструменту управления масштабными общественными трансформациями является достаточно новым для классического конституционного права. Однако такой подход вполне эффективно используется в политологии, теории общественного выбора, конституциональной экономике и других гуманитарных дисциплинах.

В последние годы в условиях кризиса так называемой «Вашингтонской гипотезы»¹³⁵ активно развиваются международные проекты, имеющие целью анализ взаимосвязи внутреннего устройства («дизайна») демократических конституций, их устойчивости и способности содействовать созданию и поддержанию нового социального порядка¹³⁶.

Кроме того, анализ нормативного облика «нового мира», изложенного в конституциях, сравнение конституционной модели с фактически созданным социальным порядком, а также исследование причин и факторов возможных расхождений позволяют не только по-новому взглянуть на роль конституций в жизни общества, но также эффективно соединить богатство и разнообразие данных эмпирической политологии и социологии с «объясняющими» политическими теориями. Подобный подход позволяет увидеть российскую Конституцию в действии, определить ее место и роль в масштабных системных трансформациях конца XX–начала XXI вв.

Одной из актуальных проблем, занимающих сегодня не только теоретиков, но и практиков, является определение внешних и внутренних факторов, от которых зависит срок жизни «саморазвивающихся» конституций. Современные американские исследователи проблем взаимосвязи «конституционного дизайна» и продолжительности жизни писаных конституций, с сожалением отмечают что «большинство демократических конституций не

¹³⁵ «Вашингтонская гипотеза» (своеобразное «политическое измерение» стандартного пакета макроэкономических реформ, известного под названием «Вашингтонский консенсус») – идея, предполагающая, что следствием глобального внедрения либеральной экономики является становление и развитие либеральной демократии. Подробнее см. *Яник А.А.* История современной России: истоки и уроки последней российской модернизации (1985–1999). М., 2012. С.214.

¹³⁶ См., например, американский «Компаративный конституционный проект» (Comparative Constitutions Project) // <http://www.comparativeconstitutionsproject.org/boardofadvisors.htm>. Ресурсы для конституционного дизайна (Resources for Constitutional Design. ConstitutionMaking.org) // <http://www.constitutionmaking.org>.

способны выжить. Средний период “полураспада” демократических конституций, принятых между 1789 г. и 2005 г., составляет всего 16 лет»¹³⁷.

Как известно, действующей российской Конституции в декабре 2013 г. исполняется уже 20 лет. На сегодняшний день она занимает второе место по «продолжительности жизни» среди всех российских конституций¹³⁸, но потенциал этого основополагающего акта далеко не исчерпан. Характерно также, что Конституция 1993 г. стала первым в истории нашей страны конституционным актом, который вопреки многочисленным инициативам не был изменен с приходом на президентский пост в 2000 г. нового лидера.

Как подчеркнул Президент РФ В.В.Путин на встрече с судьями Конституционного Суда РФ 12 декабря 2012 г.: «Основной закон... это живой инструмент, но в то же время нужно очень бережно относиться к его основам. Основной закон должен быть стабильным. В этом, в его стабильности, значительная часть стабильности самого государства и основных прав и свобод граждан Российской Федерации»¹³⁹.

Конституция как инструмент трансформации прежнего социального порядка. Роль конституций в целом и российской Конституции в частности трудно переоценить. Конституция – это основа легитимности власти, ядро правового сознания и опора гражданского общества. Устойчивость Основного закона является залогом политической стабильности и успешного развития любого государства.

Современная конституция определяет принципы отношений в системе Человек–Общество–Государство, закрепляет основы государственного строя, высшие правовые гарантии прав и свобод человека и гражданина, очерчивает функции государства, устанавливает структуру и взаимоотношения органов государственной власти и управления (форму правления). Но Конституция – это не абстрактные нормы, а живой, действующий документ, который не только непосредственно взаимодействует с общественно-политической действительностью, развивает свои положения в законодательстве и других нормативных правовых актах, но также самым непосредственным образом влияет на ход современной истории страны. Более того, *современная конституция является одним из наиболее эффективных инструментов общественно-политического и экономического управления.*

Как известно, действующая российская Конституция была принята в крайне сложный период отечественной истории. Однако тот факт, что этот документ не был плодом подлинного согласия элит, является в современном мире скорее нормой, чем отклонением. В любой стране, переживающей период масштабных социально-экономических трансформаций, происходит постоянная конкуренция различных, порой диаметрально противоположных представлений о целях преобразований, о желаемом будущем, о должном устройстве государ-

¹³⁷ *Alberts S., Warshaw Ch., Weingast B.R. Countermajoritarian Institutions and Constitutional Stability // http://www.law.yale.edu/documents/pdf/LEO/LEO_Weingast.pdf; Ginsburg T., Elkins Z., Melton J. The Lifespan of Written Constitutions // “Alumni Magazine”. Spring 2009 // <http://www.law.uchicago.edu/alumni/magazine/lifespan>.*

¹³⁸ Первое место по «долголетию» занимает Конституция РСФСР 1937 г. (существовала до 1978 г.).

¹³⁹ См. Выступление Президента РФ В.В.Путина на встрече с судьями Конституционного суда РФ 12 декабря 2012 г. // <http://www.kremlin.ru/news/17119>.

ства и общественных отношений, за которыми стоят различные политические силы. Однако значение имеет уровень ожесточенности этой конкуренции. К сожалению, в России начала 1990-х гг. противоборствующим сторонам не хватило терпения и мудрости в поисках возможных компромиссов, и в результате события, сопровождавшие принятие новой Конституции страны, оказались одной из самых драматических страниц современной отечественной истории.

В условиях эскалации политического и экономического кризиса на фоне торможения реформ из-за отсутствия единства по поводу стратегии и тактики необходимых изменений разработчикам Конституции 1993 г. необходимо было решить очень непростую задачу. Суть ее заключалась в ответе на вопрос: как в ситуации общественного раскола создать Конституцию, которая могла бы способствовать восстановлению общественного согласия и одновременно быть эффективным инструментом трансформации социально-экономической системы, иными словами – реально работать?

Новый национальный акт высшей юридической силы был просто жизненно необходим – прежде всего, как *ядро кристаллизации порядка из хаоса*. Нужна была прочная рамка, которая при погружении в перенасыщенный раствор дала бы основу для роста новой структуры. А чтобы обеспечить прочность Конституции, в ее «тело» были встроены специальные механизмы и конструктивные особенности, которые позволили этому документу сохранять устойчивость на протяжении долгого времени.

Во-первых, в Конституции был заложен целый *ряд идей и принципов, которые одинаково важны для всех граждан* независимо от их политических взглядов. Это признание высшей ценностью человека, его прав и свобод. Это политическая стабильность и территориальная целостность страны. Это социальный характер государства. Выборность органов власти и местное самоуправление. Уважение к культуре и традициям всех национальностей, составляющих многонациональный российский народ. Таким образом, Конституция одновременно сформировала необходимую *идеологическую базу для общественного согласия*, поскольку включила в себя те идеи и принципы, которые равным образом разделяют самые разные политические силы – и консерваторы, и коммунисты, и демократы.

Во-вторых, Конституция была написана как очень небольшой по объему и во многом *процедурный документ*. То есть она не содержит готовых ответов на вопросы, которые объективно появляются в ходе нового государственно-политического строительства, а описывает порядок и процедуры, которые следует применять для решения возникающих проблем. В частности, Конституция содержит правила и процедуры, которые применяются, если возник конфликт, например, между парламентом и президентом, между правительством и парламентом, либо между Центром и регионом.

В-третьих, и это, очевидно, самое важное, Основной закон создавался как *образ желаемого будущего*, а не как отражение ситуации, сложившейся на момент его принятия. Таким образом, с исторической точки зрения Конституция не была причиной перемен. Она выполнила роль организующего начала. С одной стороны, Конституция ограничила стихию общественного творчества жестким коридором реальных политических и правовых возможностей. С другой стороны, задала четкие векторы перемен, поставила стратегические цели развития общества и государства.

В результате с исторической и политической точки зрения новая Конституция стала не просто декларацией, но согласованным и, самое важное, юридически оформленным общенациональным проектом – проектом строительства новой России. Фактически Конституция показывала, какой станет Россия в случае реализации ее норм: какой будет новая система государственной власти, новая модель федерализма, экономики, общественных отношений.

Конституционные модели как нормативные ориентиры для социально-политического творчества. Несмотря на то, что, как уже отмечалось выше, Конституция 1993 г. не была плодом согласия элит, она, тем не менее, в полном смысле слова является плодом коллективного, вернее, общественного творчества. Она оказалась неразрывно связана со всем историческим наследием отечественного конституционализма. Поэтому многие модели, заложенные в Основном законе, сформулированы с опорой на российские традиции, учитывают историко-культурные особенности нашей страны.

Суть новой модели отношений *в сфере общества и государства* – это приоритет ценности человека и признание естественно-правового происхождения его прав и свобод. Впервые в российской истории в Конституции было установлено, что целый комплекс прав и свобод дан всем гражданам от рождения, а не дарован законодателем. Отсюда следует логический вывод о приоритете прав человека над интересами государства.

Конституционной моделью российской *экономики* является *экономика всеобщего благосостояния*, которая должна быть основана на концепции устойчивого развития и способна использовать инструменты как рыночного, так и государственного регулирования. Согласно ст. 7 Основного закона, целью такой экономики является *социальное государство (welfare state)*. Это подразумевает, что государство обязано построить такую систему распределения общественного богатства, которая обеспечит достойную жизнь и свободное развитие каждого гражданина. Кроме того, государство должно взять на себя заботу о социально незащищенных слоях населения.

В сфере *государственного устройства* новая российская Конституция закрепляет модель не «супер-президентской», как это часто принято считать, а *президентско-парламентской* республики. Более того, Конституция не содержит прямых запретов на политическое творчество и некоторые изменения в конфигурации и балансе ветвей власти. Например, Основному закону не противоречит переход к формированию правительства на основе парламентского большинства. Для того чтобы реализовать на практике эту идею, достаточно внести ряд изменений в Федеральный конституционный закон «О Правительстве РФ» и регламенты обеих палат Федерального Собрания.

В сфере *федеративных отношений* Конституция РФ закладывает модель так называемого «кооперативного» федерализма. Сущность этой модели состоит в развитии отношений координации и сотрудничества между федерацией и ее субъектами, для чего Конституцией создаются соответствующие правовые и институциональные условия. Главным признаком кооперативной модели является наличие значительной сферы совместного ведения федерации и ее субъектов, формирование механизмов совместного осуществления государственной власти федеральными и региональными органами, а также широкое ис-

пользование согласительных и переговорных процедур для разрешения споров между различными уровнями власти.

Наряду со структурами и процедурами, позволяющими сформировать эффективные институты государства, Конституция Российской Федерации содержит реальные механизмы, устанавливающие *эффективные «пределы бюрократии»*, постоянно стремящейся распространить свою экспансию на все сферы жизни общества. Одним из ключевых конституционных институтов, позволяющих поставить бюрократию под контроль общества, является Счетная палата РФ – независимый орган внешнего государственного финансового контроля.

Говоря об актуальности Основного закона, нельзя не назвать главный фактор его жизнеспособности: сама Конституция закрепила юридические формы решения возникающих проблем. Это конституционные законы, федеральные законы и решения Конституционного Суда РФ.

Кстати именно решения Конституционного Суда и сформулированные в них правовые позиции способствовали созданию в России элементов прецедентного права. В 1990-х гг. XX в., когда политически расколота Государственная Дума в течение почти десятилетия не принимала самых необходимых законов в области государственного устройства и федерализма, несколько десятков решений Конституционного Суда позволили заполнить этот правовой пробел.

Отсутствие консенсуса элит: как это влияет на фактическую реализацию конституционных моделей. Анализ степени реализации моделей, заложенных в Конституции Российской Федерации 1993 г., сравнение конституционного плана с фактом – тема отдельного исследования. Но очевидно, что далеко не все цели достигнуты, не все модели реализованы на сто процентов. Ключевая причина – конкуренция мировоззрений разных политических сил и недостаток правовой культуры в обществе и, к сожалению, среди элит, для которых понятие «диктатура права», «прямое действие конституции» еще не стали частью внутренней системы ценностей, хотя уже вошли в привычный политический дискурс. С этой точки зрения, показательные результаты дает анализ динамики принятия новых федеральных законов в развитие Конституции 1993 г. Наличие значительных задержек в реализации ряда значимых конституционных норм позволяют, образно говоря, картографировать проблемные зоны, которые стали камнем преткновения для законодателей. Причиной такого положения дел стали либо неразрешимые идейные противоречия между участниками законотворческого процесса, либо отсутствие согласия по вопросам стратегии и тактики практического воплощения предельно лаконичных, концентрированных конституционных максим.

В этих условиях очень неравномерно происходило и становление правовых основ новых институтов государственной власти. Самым первым был принят новый федеральный конституционный закон о Конституционном суде. Это произошло, как известно, в 1994 г. Последующая практика показала, что это было очень мудрое и эффективное решение, поскольку в этот период именно Конституционный суд принял на себя основную тяжесть работы по имплементации норм Основного закона. Фактически Конституционный суд

стимулировал активность законодателя, одновременно указывая ему направление движения и коридор правовых возможностей.

В 1995 г. была создана Счетная палата Российской Федерации – конституционный орган внешнего контроля за бюджетом и государственной собственностью. Также были приняты в соответствии с новой Конституцией законы о выборах Президента Российской Федерации, депутатов Государственной Думы и порядке формирования Совета Федерации. В 1996 г. вступило в силу законодательство о судебной системе в Российской Федерации.

И только спустя 4 года с момента принятия новой Конституции – в 1997 г. был принят федеральный конституционный закон о Правительстве Российской Федерации. При этом Конституционному суду пришлось рассмотреть немало споров между парламентом и президентом о том, кто, по большому счету оперативно контролирует деятельность Правительства, утверждает его структуру и состав, решает кадровые вопросы. А вот что касается *символов нового государства*, то соответствующие федеральные конституционные законы о гербе, флаге и гимне были приняты только в 2000 г., т.е. спустя 7 лет после принятия Основного закона страны.

В качестве более детального примера можно привести ситуацию с практической реализацией *конституционной модели федерализма* в России. Анализ соотношения «конституционного плана» с реальными формами правовой и институциональной реализации конституционной модели федерализма, а также исследование общего политического «вмещающего ландшафта», в котором происходит становление федеративных отношений, показывает, что главной причиной накопления негативного опыта «федерализации» и замедления темпов федеративного перехода является тот факт, что с начала 1990-х гг. XX в. и вплоть до настоящего времени на практике происходит конкурентная борьба сразу *трех моделей* российского федерализма.

Наряду с закреплённой в Конституции моделью *кооперативного федерализма* в стране существуют и борются за ресурсы и умы еще две модели: модель так называемого *«параллельного федерализма»* (главный признак которого – стремление к предельному сокращению (в идеале – ликвидации) сферы совместного ведения между федерацией и ее субъектами, к полному разграничению полномочий между разными уровнями государственной власти) и модель *«унитарного федерализма»*.

Если модель «параллельного федерализма» в российской действительности пытались и пытаются реализовывать главным образом субъекты федерации, которые усматривают в ней возможность создания необходимых условий для роста своей самостоятельности, повышения статуса вплоть до конфедеративных отношений с государством, то модель «унитарного федерализма» досталась федеральной власти в наследство от прежних советских времен. Для нее характерно стремление к централизации и даже унитаризму при сохранении внешних декоративных атрибутов федеративного государства. И даже спустя 20 лет после принятия Конституции РФ пока нельзя дать однозначный ответ, какая версия федерализма окончательно «победила» в реальной действительности.

Другой пример – из области экономической политики. Но он хорошо иллюстрирует, как отсутствие единства элит, конкуренция различных стратегий и интересов влияет на фактическую реализацию заявленных государством стратегических целей. На политиче-

ском уровне никто не отрицает необходимости перехода к инновационной модели развития. Более того, именно эта цель считается единственно возможной. Однако на практике сосуществуют и жестко конкурируют за ресурсы, за условия наибольшего благоприятствования, как минимум, *три* различные модели развития экономики страны: *экспортно-сырьевая; индустриальная высокотехнологичная и инновационная*. На данный момент, несмотря на предпринимаемые шаги, очевидные конкурентные преимущества имеет экспортно-ориентированная экономика.

Таким образом, какой бы совершенной и жизнеспособной ни была конституция сама по себе, противоборство конкурирующих представлений и выражающих их политических сторон в переходный период может привести к искажению «первозданной чистоты» конституционных моделей и даже к разрушению нового Основного закона. В результате возникает *опасность девальвации идей модернизации общества*, реставрации прежней системы отношений или создания нежизнеспособных, химерических социально-политических конструкций.

То, что эта опасность вполне реальна, свидетельствует тот факт, что с момента принятия Конституции 1993 г. и по сегодняшний день не смолкают дискуссии о необходимости ее изменения. Такие идеи циркулируют не только в экспертном сообществе, но и в общественном мнении. Многолетние социологические исследования демонстрируют примерно одни и те же показатели: меньше одной пятой населения читали Конституцию РФ, но при этом почти половина опрошенных уверены, что ее необходимо изменить¹⁴⁰.

Подобные настроения создают риски для Конституции и политической стабильности в целом, поскольку, как выразился на встрече с судьями Конституционного суда РФ Президент РФ Владимир Владимирович Путин, «размывание, расшатывание Основного закона, безусловно, означает предтечу к размыванию и расшатыванию самого государства»¹⁴¹. По большому счету, стремление считать единственным способом решения любых насущных вопросов – от борьбы с коррупцией до починки котельной – немедленное изменение Конституции свидетельствует, скорее, о «подростковом максимализме» общества, чем о несовершенстве Основного закона.

В отличие от общественности, чье мнение, скорее, основано на эмоциях, эксперты пытаются найти разного рода теоретические аргументы для своих попыток добиться конституционной реформы. Нередко приходится слышать, что сама возможность уместить практически любую современную реальность в рамки действующей Конституции как раз и является ее основным недостатком. Якобы в тексте Основного закона чересчур много «воздуха», т.е. слишком много свободы для политических импровизаций.

Уверен, что свободы «слишком много» не бывает. На самом деле любые попытки превратить Конституцию в бюрократическую инструкцию, которая бы детально регламентировала каждый шаг, свидетельствуют всего лишь о незрелости правящего класса и гражданского общества. Зрелые элиты в рамках развитой демократии умеют следовать прин-

¹⁴⁰ См., например: Конституция России: менять или не менять? Пресс-выпуск ВЦИОМ. 2012, декабрь, №2186 // <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=113463>.

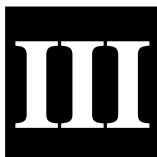
¹⁴¹ См. Выступление Президента РФ В.В.Путина на встрече с судьями Конституционного суда РФ 12 декабря 2012 г. // <http://www.kremlin.ru/news/17119>.

ципам и законам независимо от того, насколько суровы санкции за их невыполнение. Однако в условиях незавершенности системных трансформаций в обществе объективно требуется наличие *специальных государственных институтов, призванных охранять, защищать и разъяснять конституционные установления* и гарантирующих утверждение конституционной законности во всех сферах жизни общества. Такими институтами в современной истории России были и остаются *Конституционный суд и Президент Российской Федерации*.

Слагаемые успеха социального менеджмента: креативность общественно-политической практики и стабильность Основного закона. Опыт конституционного строительства в российскую «эпоху перемен» представляет интерес не только для истории или теории. Он актуален для практики управления общественными изменениями, как в период стабильности, так и в эпохи кризисов и потрясений. Конституционное право принципиально мертво, если оно ежесекундно не соприкасается с политической практикой и государственным управлением. Текстуальное знание статей Основного закона, безусловно, полезно, но это мало что дает в каждодневной деятельности, если специалист в области государственного или экономического управления не знает, как устроена и работает Конституция; почему она выглядит так, а не иначе; какой потенциал в ней содержится, и как использовать этот инструмент для управления масштабными изменениями, для модернизации страны и перехода к новому уровню развития.

Как известно, необходимым условием перехода к постиндустриальному обществу и экономике, основанной на знаниях, является пробуждение в людях внутреннего стремления к максимальной реализации своего творческого потенциала. Включение этого механизма творческого саморазвития возможно только в условиях свободы, обеспечить которую способны лишь эффективно работающее государство, «диктатура права» и жизнеспособная, «саморазвивающаяся» и при этом стабильная Конституция.

Сегодня практически во всех успешно развивающихся странах *адаптивность* правовой системы и *креативность* политической практики сочетаются с *неизменностью* действующего Основного закона. Гуманитарные науки могут и должны оказать необходимое содействие государству и обществу в эффективном использовании творческого потенциала действующей Конституции РФ.

**Новые сферы современной
социальной реальности
как основа для научного управления**

**НОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ:
ЗАПРОС НА СМЕНУ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ**

Парламентские и президентские выборы, состоявшиеся, соответственно, в декабре 2011 г. и марте 2012 г., массовые протестные выступления, прошедшие под лозунгом «За честные выборы» обозначили в стране новый этап в развитии России.

Истоки этого этапа во многом были predeterminedены в 2008 г. переходом В.Путина с поста Президента РФ на пост главы правительства, появлением в стране дуумвирата. Такой поворот в высшем эшелоне власти не мог не привести к разобщению внутри политической и хозяйственно-экономической элиты, к обострению в обществе конкурирующих подходов к развитию страны, различных моделей видения её будущего. Все это и проявилось в современный период. Вновь возник фундаментальный социально-политический вопрос о доверии общества к государству, к его элите.

Что отличает новый этап в развитии страны от предшествующих?

Во-первых, изменилась атмосфера внутри общества. Пропал страх перед властью. Трагедия октябрьских событий 1993 г., расстрел российского парламента в лице существовавшего Верховного Совета нанес тогда серьезную психологическую травму обществу, реанимировав опасения гражданской войны. Эта угроза серьезно испугала в то время 19% опрошенных в ходе социологических исследований горожан, а в отдельных городах до 30% респондентов опасались угрозы гражданской войны¹⁴².

Во-вторых, ушло в прошлое признание значительной частью населения наличия в стране в лице В.Путина единого общенационального лидера, подававшегося ранее общественному мнению в качестве выразителя и защитника интересов всего общества. К концу 2011 г. стало ясно, что В.В.Путин из неформального общенационального лидера страны перешел в ранг политического деятеля, вынужденного бороться с другими политиками за высший пост в структуре политической власти страны по общим правилам для всех.

¹⁴² Российское общество и радикальные реформы. Мониторинг социальных и социально-политических индикаторов. М., 2001. С.329–330.

Вектор политических предпочтений населения зафиксировал серьезную отчужденность общества от В.В.Путина. Если в 2000–2008 гг. социологические исследования четко фиксировали значимость в структуре политической власти консолидирующей роли В.В.Путина в качестве Президента РФ и кристаллизирующегося вокруг него ядра властной вертикали, ориентированной на укрепление российской государственности, то митинги протеста и движение «За честные выборы» стали свидетельством того, что эпоха превращения В.В.Путина в ключевую фигуру политического пространства России, не может продолжаться в неизменном виде. Возникла потребность в повышении политической роли других институтов властной вертикали (Госдумы, Совета Федерации, губернаторов) через избрание их населением, общественных институтов гражданского общества.

В-третьих, пожалуй, самое главное, новая политическая реальность проявилась в том, что в сферу политической жизни включилось новое поколение российских граждан, сформировавшееся после крушения советской системы, шоковых гайдаровских реформ и развала экономики в ельцинский период. Новое поколение не отягощено стереотипами идей социализма, кризисным восприятием реформ 90-х гг. Социологические исследования свидетельствуют, что **в стране сложились слои и группы населения, олицетворяющие собой «новую Россию»**. Отличительной её особенностью является то, что входящие в нее социальные субъекты перестали перекладывать ответственность за свое социальное благополучие на государство, а все свои надежды начинают связывать с собственной инициативой, личной устремленностью на изменение своего социального положения. Апатия, инфантильность, патернализм сменяются социальной энергией, готовностью защищать свои интересы. **Наряду с этим идет осознание того, что в обществе появились возможности для использования труда как способа достижения своего материального благополучия**. На протяжении 10 лет доля тех, кто был уверен, что «сколько ни работай, материального благополучия себе и своей семье не обеспечишь» преобладала. И только в последние годы ситуация стала меняться, что подтверждается данными всероссийских социологических исследований (см. табл. 1.)

Из приведенных в табл. 1 данных видно, что если в 1998 г. число тех, кто рассчитывал на свои собственные силы, намного уступало тем, кто не верил в свои собственные силы (13% против 68%), то к 2008 г. их число практически утроилось, но самое главное состоит в том, что **начиная с 2002 г. наблюдается устойчивый рост числа респондентов, уверенных в своих силах и полагающих, что «каждый, кто хочет и может работать, способен обеспечить свое материальное благополучие»**. Данные всероссийских социологических опросов подтверждают также и данные локальных социологических исследований, проведенных в российских регионах. Из ответов респондентов на вопрос анкеты «Что Вы готовы сделать, чтобы улучшить свое материальное положение?» до 40% считают возможным заняться подработкой, до 20% сменить место своей работы, до 14% респондентов готовы повысить уровень своей квалификации, а 10% готовы открыть свое дело, заняться предпринимательской деятельностью¹⁴³.

¹⁴³ Подробнее см. Материалы социологических исследований в г. Рязани (апрель 2009 г., N = 1385), в г. Красноярске (ноябрь 2010 г., N = 1260), в г. Березники Пермского края (январь 2012 г., N = 1133). *Источник:* ИСПИ РАН.

Таблица 1

Изменения в отношении респондентов к суждениям о возможности трудом обеспечить свое материальное благополучие¹⁴⁴, РФ, % от числа опрошенных

Годы проведения мониторинга	Направленность содержания суждений	
	Сейчас каждый, кто хочет и может работать, способен обеспечить свое материальное благополучие	Сколько ни работай, материального благополучия себе не обеспечишь
1998	13	68
1999	18	65
2000	26	55
2001	26	57
2002	30	42
2003	40	39
2004	40	48
2005	38	43
2006	37	45
2007	38	45
2008	41	45
2009	37	44
2010	41	29
2011	38	47
2012	43	42

Все это свидетельствует о перманентном росте числа тех, кто для улучшения своего материального положения ориентирован не на поддержку государства, а на свои собственные силы. Именно они и составляют ту социальную базу, которая заинтересована в социальных переменных в обществе, в укреплении в стране рыночной экономики. От них, в первую очередь, исходит посыл на необходимость отлаживания системы экономических и политических отношений, обеспечивающих экономические и политические лифты, способствующие реализации ими своего потенциала, повышению их социального статуса в обществе.

Обращает на себя внимание, что расчёт на собственные силы в обеспечении своего материального благополучия присущ, прежде всего, социальным группам в возрасте 18–24 лет (так считают 66% респондентов этой возрастной группы), 25–29 лет (63%), 30–39 лет (59%). По мере увеличения возраста респондентов ставка их на собственный труд в достижении материальной обеспеченности ослабевает.

Отличает наиболее активную часть населения, рассчитывающую на свои силы и их отношение к власти. По многим индикаторам шкалы отчуждения органы власти рассматриваются ими в качестве «жесткого партнера», на которого следует воздействовать не

¹⁴⁴ См. «Как живешь, Россия?». XXXVI этап социологического мониторинга, апрель 2012 г. М., 2012. С.7.

столько уговорами, прошениями, сколько силой. Это ведет к сплочению тех, кто считает, что «власть понимает только язык силы». Доля респондентов не согласных с этим утверждением составляет лишь 26%¹⁴⁵.

Все это ставит вопрос о необходимости новой модели во взаимоотношениях власти и общества, основанной на консолидационной концепции, предполагающей отход от негативной консолидации, в основе которой объединение «против кого-то» по принципу «свой–чужой», в сторону позитивной консолидации, основанной на партнерстве и сотрудничестве. Средством реализации такой консолидации мог бы стать «национальный мегапроект», в котором выразится образ будущего, отвечающий народным представлениям о благой жизни и вызовам XXI в., в котором использование социальной энергии примет характер общего дела. **Главное сейчас преодолеть разобщенность в обществе, деление на тех, кто «за Путина» и тех, кто «против Путина». Отсюда самый серьёзный вызов, на который должен ответить Президент России, – это не допустить раскола в обществе, сплотить и консолидировать его вокруг общенациональных интересов.**

Без консолидации всех ветвей власти и интеллектуально-духовной элиты, а так же социально-активных слоев населения, олицетворяющих собой «новую Россию» не может быть успешным развитие страны. Если раскол между обществом и властью будет углубляться, не помогут никакие модернизационные проекты. Поэтому **весьма актуальной становится необходимость качественного изменения общественного сознания, направление его в русло позитивных изменений.** Для большинства граждан реальным стимулом для консолидации становится достижение характеристик качества жизни, которые **свойственны среднему классу.** Это относительно высокий уровень материальной обеспеченности, высокий социально-профессиональный статус (в основе которого профессиональная компетентность, основанная на качественном высшем и среднем профессиональном образовании), самоидентификация в качестве успешного человека (предполагающая ощущение самодостаточности, принадлежности к активной части российского общества, к креативному классу. Это обуславливает необходимость решения в качестве первоочередных двух важнейших социальных проблем. Первое – формирование у всех слоев населения социально положительных потребностей, ценностей и целей, ориентирующих на достижение комфортных условий жизнедеятельности человека.

Второе – создание реальных и равных условий для реализации индивидом своего потенциала как личности.

В целом новая политическая реальность есть свидетельство того, что в обществе сформировался запрос на серьёзные перемены в системе политических отношений, во взаимоотношениях власти и общества, запрос на смену экономического курса, обеспечивающего сегодня главным образом интересы крупного олигархического бизнеса и связанной с ним коррумпированной части чиновничьего аппарата.

Страна вновь оказалась на развилке, связанной с выбором пути развития.

¹⁴⁵ См. *Локосов В.В.* Потенциал социальной активности и протеста населения // Россия: субъективные и объективные факторы в преодолении кризиса. М., 2010. С.57.

СОЦИАЛЬНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПОДГОТОВКИ ВЫСОККВАЛИФИЦИРОВАННЫХ КАДРОВ ЧЕРЕЗ СИСТЕМУ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Эффективность их использования. Качество подготовки соответствию специальности. Второй этап

Признанным критерием эффективности подготовки высококвалифицированных кадров является соответствие фактически выполняемой работы приобретенной специальности в вузе. Его обоснование, эмпирическая верификация и содержательная интерпретация явились результатом первого этапа исследования, итоги которого опубликованы в годовом сборнике института¹⁴⁶. Было показано, что молодые специалисты, работа которых полностью соответствует полученной специальности, отличаются более высоким уровнем профессиональной подготовки по сравнению с работающими по другой специальности. На это указывает более высокий уровень связи терминальной ценности образования, знаний, отношения к труду с работой по специальности.

Вместе с тем в результате анализа было выявлено, что за последнее десятилетие доля выпускников вузов, работающих по специальности, уменьшилась. Одновременно значительно выросла доля работающих по близкой, схожей специальности. А каждый третий работает по совершенно другой специальности. В этих тенденциях отразились как невысокая эффективность подготовки кадров в высшей школе, так и влияние конъюнктуры рынка труда. Причем следует учитывать, что влияние рынка на молодых специалистов и на тех, кто уже приобрел достаточно высокий профессиональный статус, принципиально различается. Для молодого специалиста работа по специальности является необходимым условием завершения, начатой в вузе профессиональной социализации. В противном случае он утрачивает знания и навыки, полученные в процессе обучения. Лишь, приобретя необходимый опыт и устойчивый профессиональный статус, он может чувствовать себя достаточно уверенно для более выгодного предложения своей рабочей силы на рынке труда. Поэтому изменение профессии и места работы как формы социального продвижения в условиях рынка, получившей распространение во всем мире и в современной России, предполагает наличие высокой квалификации и опыта, и никак не относится к молодым специалистам, вынужденным работать по совершенно другой специальности.

¹⁴⁶ *Зубок Ю.А., Чупров В.И.* Факторы совершенствования подготовки профессиональных кадров в высшей школе и эффективности их использования // Россия: модернизация системы управления обществом. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2011 г. М., 2012. С.187–209.

Продолжая анализ¹⁴⁷, рассмотрим, в какой степени влияют на работу молодых специалистов различные факторы, связанные как системой подготовки кадров, так и с коллизиями, происходящими на рынке труда. Выделим три группы респондентов: первая группа – работа, которых в полной мере соответствует полученной специальности; вторая группа – работающих по близкой, схожей специальности; третья группа – работающих по совершенно другой специальности. Проанализируем, как оценивают представители этих групп возможности самореализации в сфере труда – в поиске работы, в повышении квалификации и заработной платы, в продвижении по службе (в карьере), в защите своих прав, в предпринимательской деятельности (табл. 1).

Таблица 1

Связь соответствия работы полученной специальности с возможностями самореализации в сфере труда

Соответствие работы полученной специальности	Оценка возможностей, К					
	В поиске работы	В повышении квалификации	В повышении зарплаты	В служебном продвижении	В правовой защите	В бизнесе
Работа в полном соответствии с полученной специальностью	4,87	5,01	4,33	4,54	4,83	2,95
Работа по близкой, схожей специальности	4,30	4,80	4,07	4,22	4,57	2,89
Работа по совершенно другой специальности	4,08	4,64	4,17	4,32	4,58	3,63

Примечание: К – средневзвешенный коэффициент по 7-балльной шкале оценок.

Анализ табл. 1 указывает на невысокие значения оценок респондентами своих возможностей в сфере труда. Во всех группах они не превышают 5 баллов по 7-балльной шкале. Это свидетельствует о неудовлетворенности значительной части молодых специалистов условиями, предоставляемыми современным рынком труда, что негативно отражается на их профессиональном становлении. Наименьшие возможности молодые специалисты видят в служебном продвижении (в карьере), в перспективе повышения заработной платы, в занятиях бизнесом. Вместе с тем четко прослеживается прямая зависимость оценок всех возможностей от работы по специальности. Так, оценка возможности найти работу находится в 1-й группе на 2-м месте (К = 4,87), перемещаясь во второй и третьей группах на 3-ю и 5-ю позиции (К = соответственно, 4,30 и 4,08). В процентном выражении высоко оценивают (5-я, 6-я и 7-я позиции) возможности в поиске работы, соответственно, 60,3%, 45,6% и 45,3% молодых специалистов в этих группах. По другим показателям (повышение квалификации, заработной платы, служебного продвижения, правовой защищенности) оценки возможностей в группе молодых специалистов, работающих в полном соответствии с полученной специальностью заметно выше, по сравнению с оценками работающих по близкой и другой специальности. Исключение составляет лишь более высокая оценка возможности в бизнесе среди молодых специалистов, работающих по совершенно другой специальности. Видимо, не найдя работу по специальности, они занялись предпринимательской деятельностью. Тем

¹⁴⁷ Анализ проводится на основе результатов исследования «Отношение к социальной реальности», проведенного в 2011 г. в 13 регионах РФ, в 67 населенных пунктах среди населения в возрасте старше 18 лет, N = 1301 человек (рук. – д.социол.н., проф. В.И.Чупров и д.социол.н., проф. Ю.А.Зубок). Опрос проводился методом личного интервью «ИОМ» «Квалитас».

III. Новые сферы современной социальной системы общества как основа для научного управления

самым подтверждается сделанный ранее вывод, что *работа по специальности зависит не только от конъюнктуры рынка труда, но и от профессиональных качеств молодого специалиста, приобретенных в вузе.*

Рассмотрим, насколько влияют на работу по специальности различные характеристики самого труда, его разделения по характеру трудовой деятельности и по формам собственности предприятий (табл. 2).

Таблица 2

Связь соответствия работы полученной специальности с характером труда и формами собственности, %

Соответствие работы полученной специальности	Оценки связи с характером труда и формами собственности			
	Характер труда		Формы собственности	
	Умственный	Физический	Государственная	Негосударственная
Работа в полном соответствии с полученной специальностью	63,5	36,5	40,3	43,5
Работа по близкой, схожей специальности	67,4	32,6	40,0	51,1
Работа по совершенно другой специальности	40,7	59,3	21,8	70,9

Данные табл. 2 подтверждают наличие такой связи. Работа молодых специалистов, занятых преимущественно умственным трудом, а также на предприятиях в сфере государственной собственности, значительно чаще соответствует специальности, приобретенной в вузах. Две трети (63,5%) из них заняты умственным трудом, хотя многие вынуждены осваивать профессии, относящиеся к физическому труду (36,5%). Нередко это связано с более высокой оплатой. В условиях ограниченных возможностей трудоустройства по специальности, а также в поисках более высоких заработков, большинство выпускников вузов (70,9%) обращаются в негосударственный сектор, довольствуясь при этом любой работой, в том числе и физической (59,3%). Совершенно очевидно, что работая не по специальности, выпускник утрачивает многие из приобретенных знаний, вынужден зачастую переучиваться, что может надолго задержать его становление как профессионала. Учитывая масштаб, который приобрела подобная ситуация, *необходимо принять неотложные меры по приведению в соответствие направленности профессиональной подготовки в системе высшего образования структуре и реальным потребностям рынка труда.*

Еще более конкретизируются условия, влияющие на работу по специальности в отраслевом разрезе (табл. 3).

Таблица 3

Соответствие работы, полученной специальности в различных сферах (отраслях) производства, %

Соответствие работы полученной специальности	Оценки связи со сферами (отраслями) производства				
	Материальное производство	Духовное производство	Социальное обслуживание	Распределение и обмен	Управление
Работа в полном соответствии с полученной специальностью	36,5	20,6	23,8	11,1	8,0
Работа по близкой, схожей специальности	37,0	19,6	19,6	21,7	2,1
Работа по совершенно другой специальности	50,8	1,7	15,3	28,8	3,4

Из анализа табл. 3 следует, что среди работающих в полном соответствии со специальностью наибольшая доля (36,5%) приходится на материальное производство (промышленность, сельское и лесное хозяйство, строительство, транспорт, включая ремонт и обслуживание). Каждый 4-й (23,8%) занят в сфере обслуживания (здравоохранение, физическая культура, экология, нотариат, юриспруденция, правоохранительная деятельность, ЖКХ, социальное обеспечение, страхование). Каждый 5-й – в духовном производстве (культура, искусство, наука, образование, литература, связь, информация, включая СМИ). Каждый 10-й (11,1%) – в сфере распределения и обмена (финансово-банковская, посредническая деятельность, оказание услуг, торговля, материально-техническое снабжение). Наименьшая доля (8%) отмечается в сфере управления (госаппарат, хозяйственное управление, аппарат политических и общественных организаций). Аналогично распределяются по сферам производства выпускники, работающие по близкой специальности, за исключением сферы распределения и обмена. Но картина заметно меняется в группе работающих по другой, смежной специальности. Здесь занятость концентрируется в основном в материальном производстве (50,8%) и в сфере распределения (28,8%).

Видимо, нужна координация усилий для регулирования этих процессов на межотраслевом уровне, для чего необходимо предусмотреть поправки в действующее законодательство, а также систему мер по стимулированию использования молодых специалистов.

В условиях неодинаковой оплаты труда в государственном и негосударственном секторах экономики, а также в различных сферах (отраслях) производства, значимым фактором выбора работы становится материальное положение. Рассмотрим, в какой степени оно влияет на предпочтение молодыми специалистами работы по специальности. Материальное положение оценивалось по ответам на вопрос: «К какой из групп по уровню жизни Вы себя относите?», исходя из следующих альтернатив.

1. «Я едва свожу концы с концами. Заработанных денег мне с трудом хватает на питание», «Мне хватает денег на питание и недорогую одежду. Покупка всех остальных вещей за пределами моих возможностей» – малообеспеченные.

2. «Моих доходов хватает только на то, чтобы прилично одеваться. Дорогие вещи мне не по карману» – обеспеченные ниже среднего уровня.

3. «Мне хватает денег и на хорошую одежду, и на некоторые недорогие вещи длительного пользования» – среднеобеспеченные.

4. «Я могу себе позволить некоторые достаточно дорогие вещи для обустройства быта. Однако покупку автомобиля или отдых за рубежом мне не осилить» – обеспеченные выше среднего уровня.

5. «Я могу позволить себе скромный отдых за рубежом и недорогой автомобиль, но покупка собственной квартиры для меня проблема», «У меня нет никаких материальных проблем. «Я могу позволить себе практически все, включая покупку квартиры, дорогой машины и многое другое» – высокообеспеченные.

Проанализируем связь работы по специальности с материальным положением (табл. 4). Анализ табл. 4 отражает в целом невысокий уровень материального положения молодых специалистов даже по российским стандартам. Каждый 2-й молодой специалист, работа которого полностью соответствует полученной в вузе специальности, относится к категории малообеспеченных (20,5%), либо обеспеченных ниже среднего уровня (30,2%).

III. Новые сферы современной социальной системы общества как основа для научного управления

Таблица 4

Связь соответствия работы полученной специальности с уровнем материального положения, %

Соответствие работы полученной специальности	Оценки связи с материальным положением				
	Малообеспеченные	Обеспеченные ниже среднего уровня	Среднеобеспеченные	Обеспеченные выше среднего уровня	Высокообеспеченные
Работа в полном соответствии с полученной специальностью	20,5	30,2	27,0	17,5	4,8
Работа по близкой, схожей специальности	26,0	37,0	17,4	17,5	2,1
Работа по совершенно другой специальности	30,5	37,3	23,7	5,1	3,4

Учитывая, что, по данным «РОМИР», доля желающих эмигрировать среди молодежи в возрасте 18–24 лет достигла 48%, *не трудно прогнозировать дальнейший рост «утечки мозгов».*

Низким уровнем материального положения во многом объясняется и выбор (чаще всего вынужденный) молодыми специалистами работы по близкой, либо совершенно по другой специальности. Доля остро нуждающихся среди них заметно повышается, достигая 67,8% среди работающих по другой специальности. Это подтверждается и ответами на вопрос: «Насколько Вас удовлетворяет нынешнее материальное положение?». Степень удовлетворенности, оцениваемая по 7-балльной шкале, среди работающих по совершенно другой специальности значительно ниже (средневзвешенный коэффициент равен 3,36), чем среди работающих по полученной в вузе специальности ($K = 3,81$). Нельзя также не учитывать, что в этот период перед молодым человеком, как правило, остро встают другие проблемы, связанные с созданием собственной семьи. В такой ситуации молодой специалист часто бывает вынужден жертвовать профессиональным ростом, отдавая предпочтение более высокой зарплате. В конечном итоге он пробьет себе дорогу в жизни, но возникающие при этом *моральные и профессиональные издержки, не сопоставимы с «копеечной» экономией на молодых специалистах.*

Рассмотрим, как влияет на выбор молодого специалиста родительская семья (табл. 5).

В табл. 5 прослеживается связь работы по специальности с уровнем образования родителей. Большинство молодых специалистов – выходцы из семей, где родители имеют среднее специальное и высшее образование. При этом среди выпускников вузов, работающих по приобретенной специальности, их доля значительно больше, чем в группе, работающих по другой специальности.

Таблица 5

Связь соответствия работы полученной специальности с образованием родителей, %

Соответствие работы полученной специальности	Оценки связи с уровнем образования родителей					
	Отца			Матери		
	Общее среднее	Среднее специальное	Высшее, незаконченное высшее	Общее среднее	Среднее специальное	Высшее, незаконченное высшее
Работа в полном соответствии с полученной специальностью	19,0	50,8	30,2	20,7	39,7	39,6
Работа по близкой, схожей специальности	32,6	52,2	15,2	21,8	56,5	21,7
Работа по совершенно другой специальности	39,7	41,4	19,0	43,1	37,9	19,0

Так, в 1-й группе имели отца со среднеспециальным и высшим образованием 81% респондентов, а мать – 79,3%, в то время, как в третьей группе это соотношение составило, соответственно, 60,4% и 56,9%. То есть влияние отца несколько выше, чем матери. Но это, скорее, не прямое влияние. Просто в семьях высокообразованных родителей складывается атмосфера, способствующая формированию у детей соответствующих личностных качеств. Поэтому, *поддерживая молодых специалистов сегодня, государство обеспечивает расширенное воспроизводство профессионально-квалификационного потенциала завтра.*

Таблица 6

Связь соответствия работы полученной специальности с личностными качествами молодых специалистов

Соответствие работы полученной специальности	Оценки связи с личностными качествами, %										
	Нравственная		Коммуникативная			Эмоционально-чувственная					
	Совестливость	Искренность, доверчивость	Чувство братства	Дорожить мнением окружающих	Быть как все	Чувственность, душевность	Страстность	Максимализм	Импульсивность, противоречивость	Консерватизм	«Русский авось»
Работа в полном соответствии с полученной специальностью	55,6	47,6	44,4	44,3	20,9	49,2	23,8	25,4	28,6	12,7	4,8
Работа по близкой, схожей специальности	47,8	56,5	43,5	34,8	13,0	39,1	17,4	13,0	30,4	6,5	10,9
Работа по совершенно другой специальности	45,8	42,4	45,8	32,2	28,8	37,3	11,9	15,3	16,9	8,5	5,1

Рассмотрим влияние личностных качеств на работу молодых специалистов по приобретенной специальности. Используем для этого ответы на вопрос: «Какие из нижеперечисленных качеств в той или иной степени присущи лично Вам?», сгруппировав их по трем группам: нравственные, коммуникативные, эмоционально-чувственные качества. Как следует из анализа табл. 6, молодые специалисты достаточно критично оценивают свои личностные качества. Нравственные качества, занимающие 1-ю позицию в самооценках, отмечаются лишь каждым 2-м из них. При этом самооценки молодыми специалистами, работающими в полном соответствии с полученной специальностью, таких качеств, как совесть (55,6%) и искренность, доверчивость (47,6%), заметно превышают самооценки этих качеств среди работающих по другой специальности (соответственно, 45,8% и 42,4%). То есть *формирование нравственных качеств является не только необходимым условием подготовки профессиональных кадров, но и значимым фактором адаптации к труду молодых специалистов в современных условиях.*

Несколько ниже по своим значениям самооценки коммуникативных качеств. Здесь среди работающих по специальности выделяются чувство братства (гостеприимство, взаимопомощь, щедрость) – 44,4% респондентов и стремление дорожить мнением окружающих («Что скажут люди?») – 44,3%. Причем чувство братства в одинаковой мере присуще всем молодым специалистам, а самооценка стремления дорожить мнением окружающих заметно выше среди работающих по специальности. Это входит в противоречие с невысокой самооценкой качества – «Быть как все» (20,9%), которое можно объяснить различной направленностью самоидентификации молодых специалистов, работающих и не работающих по специальности. Уважая мнение окружающих (что скажут люди?), работающие по специальности не стремятся быть как все, тем самым демонстрируя свою идентификацию с меньшинством. Наоборот, работающие по совершенно другой специальности меньше ориентированы на мнение окружающих, находя самооправдание в самоидентификации с большинством – работаю как все. Тем самым молодые специалисты выразили свое понимание, что *работа по специальности в современном российском обществе является, скорее, отклонением, чем нормой.*

Общественная опасность подобного самоощущения состоит в том, что в сознании молодых специалистов возникает неадекватное представление об общественной ценности труда по специальности. Нормой, как бы становится работа не по специальности, поскольку ей занята большая часть выпускников вузов. Возникающее противоречие нарушает связь между общественными и индивидуальными ценностями, что приводит к деформации саморегуляционных процессов, происходящих в среде молодых специалистов.

Среди работающих по приобретенной и совершенно другой специальности, значительно различаются и самооценки эмоционально-чувственных качеств. Чувственности, душевности (49,2% против 37,3%); страстности (23,8% против 11,9%); максимализма (25,4% против 15,3%); импульсивности, противоречивости (28,6% против 16,9%); консерватизма (12,7% против 8,5%). Исключение составляет лишь такое качество, как «русский авось», в несколько большей степени присущий молодым специалистам, работающим по близкой, либо по совершенно другой специальности. Очевидно, расчет на авось становится для них способом рационализации социальной реальности в условиях неопределенности.

Доминанта эмоционально-чувственных качеств среди работающих по приобретенной специальности свидетельствует о влиянии на формирование отношения к профессиональному труду традиционных черт, присущих российской ментальности. Данный вывод подтверждается и оценкой молодыми специалистами типичных черт, присущих их поколению (табл. 7).

Таблица 7

Оценка молодыми специалистами типичных черт своего поколения, %

Соответствие работы полученной специальности	Черты, присущие в полной мере своему поколению		
	Широта души	Вольность (независимость, свободолюбие)	Духовная свобода
Работа в полном соответствии с полученной специальностью	27,0	47,6	39,7
Работа по близкой, схожей специальности	10,9	37,0	23,9
Работа по совершенно другой специальности	22,0	28,8	22,0

Идентифицируя себя с поколением, респонденты оценивают, насколько им самим присущи эти черты. Из табл. 7 следует, что они больше присущи работающим в полном соответствии с полученной специальностью. В этой группе считают, что в полной мере присущи их сверстникам такие черты национального характера, как широта души – 27%, вольность (независимость, свободолюбие) – 47,6%, духовная свобода – 39,7%. Как видно, эти значения превышают соответствующие оценки работающих по близкой и совершенно другой специальности. На контрольный вопрос: «Какая свобода более значима для Вас лично – внешняя (например, демократические свободы) или внутренняя (духовная свобода)?» ответы распределились следующим образом. Среди работающих по полученной специальности внутреннюю свободу предпочли 65,1% респондентов, а внешнюю – 12,7%, в то время, как в группе работающих по совершенно другой специальности – соответственно, 47,5% и 22%. Отсюда следует, что *черты национального характера, отраженные в коллективном бессознательном россиян, присущи значительной части молодого поколения и оказывают влияние на процесс профессионального становления молодых специалистов.*

Однако молодые специалисты, работа которых в полной мере соответствует полученной специальности, в большей степени обладают не только качествами, традиционными для российской ментальности, но и присущими современной этике труда. Это проявилось в том, какие качества они ценят в других людях, вступая в отношения с ними (табл. 8).

Известно, что предъявляя требования к другим, люди руководствуются собственными личностными качествами. Как следует из табл. 8, молодые специалисты ценят в других, прежде всего, моральные качества, представляющие традиционную ценность. Но на отношения с другими, влияют также их деловые, профессиональные, лидерские качества, успешность, т.е. качества личности, присущие современным обществам. Как видно они разделяются каждым вторым молодым специалистом.

Таблица 8

Оценки качеств других людей, вызывающие позитивное отношение к ним

Соответствие работы полученной специальности	Оценки качеств, %			
	Моральных	Деловых, профессиональных	Лидерских	Успешности
Работа в полном соответствии с полученной специальностью	85,7	52,4	49,2	47,6
Работа по близкой, схожей специальности	82,6	56,5	52,2	43,5
Работа по совершенно другой специальности	79,7	50,8	42,4	45,8

При этом работающие в полном соответствии с полученной специальностью более высоко оценивают как моральные, так и современные качества, чем работающие по совершенно другой специальности. Моральные качества, соответственно, 85,7% против 79,7%; деловые, профессиональные качества – 52,4% против 50,8%; лидерские качества – 49,2% против 42,4%; успешности – 47,6% против 45,8%. Следовательно, *современные характеристики трудовых отношений отражаются на жизненной позиции молодых специалистов, усиливая их мотивацию выбора работы по специальности.*

В пользу этого вывода свидетельствуют и оценки жизненной позиции молодых специалистов, полученные на основе 7-балльной шкалы (между активной позицией, оцениваемой в 7 баллов, и пассивной – 1 балл). Степень активности жизненной позиции молодых специалистов, работающих в полном соответствии с полученной специальностью (средневзвешенный коэффициент = 5,95), значительно выше по сравнению с работающими по совершенно другой специальности (K = 5,49). Это означает, что работа по специальности не гарантирует выпускнику вуза, как это было в советское время. В условиях рынка ее поиск требует от него соответствующей мотивации и проявления активности. То есть *работающие по приобретенной в вузе специальности более мотивированы, чем те, кто выбрал по разным причинам другую специальность. Поэтому формирование профессиональной мотивации является важнейшей задачей вузов.*

Насколько отвечает этой задаче проводимая в стране реформа образования, можно судить по отношению к ней молодых специалистов. Среди работающих по полученной специальности удовлетворены в разной степени модернизацией образования 33,3% респондентов и не удовлетворены – 66,7%, а среди работающих по другой специальности, соответственно, – 35,6% и 64,4%. Ощутили на себе в разной степени результаты приоритетного национального проекта «Образование» 17,5% работающих по полученной специальности и не ощутили – 63,5%, а также 20,4% и 57,6%, соответственно, среди работающих по другой специальности. Положительно оценивают внедрение единого государственного экзамена (ЕГЭ) 25,4% и 33,9% респондентов, а отрицательно – 52,4% и 42,4%, соответственно, среди работающих и не работающих по полученной в вузе специальности. Эти данные свидетельствуют *о низкой эффективности реформирования образования в стране, направленность которого противоречит традиции российского просвещения и не отвечает современным вызовам.*

Жизненные ситуации, возникающие в среде молодых специалистов, не могут не отражаться на их настроении, которое проявляется в различных формах эмоционально-чувственных переживаний: от надежды и уверенности, до безразличия, тревоги, страха, возмущения. Проанализируем на основе 7-балльной шкалы оценки различных проявлений социальных настроений молодых специалистов (табл. 9).

Таблица 9

Изменение социальных настроений молодых специалистов, 2002–2011 гг.

Соответствие работы полученной специальности	Оценки различных проявлений социальных настроений, К											
	Надежда		Уверенность		Безразличие		Тревога		Страх		Возмущение	
	2002	2011	2002	2011	2002	2011	2002	2011	2002	2011	2002	2011
Работа в полном соответствии с полученной специальностью	5,10	5,24	4,21	4,81	2,37	2,84	3,05	3,41	2,38	2,52	2,66	3,05
Работа по близкой, схожей специальности	4,87	4,89	3,96	4,52	2,56	2,67	3,24	3,54	2,29	2,87	2,61	3,76
Работа по совершенно другой специальности	5,12	5,05	4,13	4,37	2,59	3,10	3,06	3,88	2,34	2,56	2,66	3,63

Примечание: К – средневзвешенный коэффициент по 7-балльной шкале оценок.

Из анализа табл. 9 следует, что молодые специалисты в 2011 г., как и 9 лет назад, преимущественно с надеждой и уверенностью относились к реализации своих ожиданий в профессиональном самоопределении, о чем свидетельствуют оценки, заметно превышающие значения оценок безразличия, тревоги, страха, возмущения. Причем чувство уверенности больше присуще молодым специалистам, работа которых полностью соответствует приобретенной в вузе специальности (К = 4,81 против 4,37 в группе работающих по другой специальности). Аналогичная тенденция отмечалась и в 2002 г. Следовательно, *работа по специальности повышает самооценку уверенности среди молодых специалистов, которое позитивно отражается на всем процессе их профессионального становления.*

Однако за прошедший период становятся заметными существенные изменения в их настроениях. Работающие по полученной специальности стали с большей надеждой (К = 5,24 против 5,1 в 2002 г.) и уверенностью (К = 4,81 против 4,21) смотреть на перспективы изменения своего положения в сфере труда. А работающие по совершенно другой специальности, наоборот, стали утрачивать надежду (К = 5,05 против 5,12 в 2002 г.). Во всех группах повысились значения негативных оценок эмоционального состояния (безразличия, тревоги, страха, возмущения).

В 2011 г. отмечалась высокая степень (5-я, 6-я и 7-я позиции по 7-балльной шкале) безразличия среди 18% молодых специалистов, тревоги – среди 34,1%, страха, отчаяния – среди 20,4%, возмущения, гнева – среди 34,4%. В этой тенденции хотя и отразился рост социальной напряженности в стране, но проявилась и нарастающая неудовлетворенность молодых

специалистов своим социальным положением. На что указывает последовательное возрастание средних суммарных значений всех негативных проявлений от 2,95 среди работающих по полученной специальности, 3,13 среди работающих по близкой специальности до 3,29 среди работающих по совершенно другой специальности. Так, например, чувство возмущения, гнева выразили 39% молодых специалистов, работающих по совершенно другой специальности. То есть *вопреки сложившемуся стереотипу, что молодым специалистам все равно, где работать – был бы высокий заработок, анализ выявил другую тенденцию. Большинство из них изначально ориентированы на работу по специальности, а изменение специальности рассматривается ими как вынужденная мера, что болезненно отражается на их социальном самочувствии.*

Основные выводы и предложения.

1. Проведенный анализ свидетельствует об отсутствии связи между подготовкой кадров в системе высшего образования и рынком труда. Вузы не проявляют заинтересованности в работе их выпускников по специальности, не имея информации о реальных потребностях рынка труда и необходимых рычагов для контроля. Предприятиям не выгодно доучивать молодых специалистов. Куда проще заполнять ими рабочие места с непривлекательными видами труда. В итоге молодой специалист оказывается один на один со стихией рыночных отношений. Необходимы законодательные и организационные меры, направленные на минимизацию образовавшегося разрыва. Среди них – проведение постоянного мониторинга, проводимого независимыми социологическими службами, как услуг, предоставляемых вузами в подготовке специалистов, так и потребностей в их использовании; разработка мер, стимулирующих заинтересованность вузов в повышении качества профессиональной подготовки студентов, в соответствии с результатами мониторинга; выделение квот государственным предприятиям для молодых специалистов; законодательное определение статуса молодого специалиста с предусмотренными формами защиты его прав на предприятиях со всеми формами собственности; расширение практики заключения двусторонних договоров между вузами и предприятиями по подготовке и трудоустройству кадров при обращении первоочередного внимания на отрасли материального производства, которые являются основными потребителями кадров, подготовленных в высшей школе.

2. Подавляющее большинство молодых специалистов, работа которых не соответствует приобретенной в вузе специальности, заняты в негосударственном секторе экономики. Поэтому необходимо разработать специальные меры законодательного и организационного характера, направленные на стимулирование предприятий с негосударственной формой собственности в использовании молодых специалистов в строгом соответствии с их специальностью.

3. Низкий уровень материального положения является наиболее значимым фактором поиска молодыми специалистами работы, не соответствующей специальности, приобретенной в вузе. Возможно, следует рассмотреть вопрос о кредитации молодых специалистов в первые три года их работы по специальности с последующим погашением кредита по мере повышения их заработной платы. Это будет способствовать профессиональному росту молодых специалистов и повысит заинтересованность предприятий в их продвижении.

4. Несмотря на рационализацию отношений в современном российском обществе, нравственные качества молодых специалистов оказывают заметное влияние на выбор ими работы по приобретенной в вузе специальности, а также на адаптацию к условиям труда. Поэтому необходимо возродить воспитательную работу в учебных учреждениях, разработав новые ее формы, применительно к современной реальности. При этом основной упор должен быть сделан на формирование профессиональных и деловых качеств личности, базирующихся на национальной ментальности и отвечающих современным вызовам.

5. Необходимым условием работы по специальности является соответствующая мотивация труда. Целенаправленное формирование профессиональной мотивации должно найти отражение в учебных программах, став неотъемлемой частью всего учебного процесса. Для этого следует более широко использовать современные технологии по формированию достижеченческой мотивации, профессиональной этики, организационной культуры и др.

6. Важная роль в формировании отношения к труду, обеспечивающего в том числе и решение задачи повышения его производительности, принадлежит средствам массовой информации. Формируя позитивный образ специалиста, уважение к профессиональному труду, выявляя возникающие проблемы и обобщая опыт их решения, СМИ могут оказать большое влияние на самоидентификацию и социальное самочувствие молодых специалистов. Это поможет преодолению выявленного в проведенном анализе самоощущения девиантности среди работающих в полном соответствии с приобретенной в вузе специальностью. А также снижению градуса напряженности среди тех, кто столкнулся с трудностями в поиске такой работы. Тем самым СМИ будут способствовать превращению мечты в надежду, без чего она не может стать реальностью.

7. Для совершенствования модернизационного процесса в сфере образования в направлении повышения качества профессиональной подготовки студентов, необходимы следующие первоочередные меры. Во-первых, скорректировать существующие стандарты в высшей школе в направлении расширения форм профессиональной социализации студентов; во-вторых, перепрофилировать подготовку специалистов, в направлении расширения общепрофессиональных знаний в бакалавриате (специалисты широкого профиля) и профессиональной специализации в магистратуре (специалисты узкого профиля), что позволит выпускникам быстрее адаптироваться к изменяющимся условиям на рынке труда; в-третьих, предусмотреть возможность целевой подготовки специалистов через магистратуру для нужд конкретных предприятий на основе кредитования ими профессиональной специализации магистрантов; в-четвертых, разработать систему показателей, определяющих рейтинг вузов на рынке труда, уровень которого мог бы учитываться при их лицензировании. Реализация предлагаемых мер может явиться первым шагом в создании единой системы подготовки кадров и их использования в стране.

«РЕЙТИНГОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» НА ГЛОБАЛЬНОМ РЫНКЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ: ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РОССИИ

Переход к постиндустриальному этапу развития и углубление процессов глобализации привели к осознанию того факта, что в новых условиях экономический рост и конкурентоспособность любого национального государства напрямую зависят от его способности производить и использовать *знания*. Считается, что для успешной трансформации существующей экономической системы в экономику знания необходимо наличие четырех взаимосвязанных стратегических элементов: соответствующей институциональной структуры, развитого человеческого капитала, динамичной информационной инфраструктуры и эффективной национальной инновационной системы¹⁴⁸. Для того, чтобы все эти базовые элементы возникли и должным образом работали, требуется *адекватная вызовам современности, адаптивная и конкурентоспособная система высшего профессионального образования*. Именно по этой причине еще с середины 1990-х гг. задача модернизации в интересах будущего национальных систем высшего образования постоянно находится в фокусе внимания не только политиков, ученых и преподавателей, но также мировой общественности.

Кроме того, растущий спрос на новые знания и квалифицированную рабочую силу привел в конце XX–начале XXI вв. к возникновению *глобального рынка образовательных услуг*, который считается вторым по размерам после рынка здравоохранения.

Согласно данным американской консалтинговой компании GSV Advisors, мировой объем расходов на образование в 2012 г. составил около 4,45 трлн долл. США, из них на высшее образование – более 1,5–2 трлн долл. США, что сравнимо с объемом всего российского ВВП. По прогнозам, темпы роста этих расходов в ближайшие пять лет будут составлять не менее 7–8% в год (т.е. примерно в 2 раза выше темпов роста экономик развитых стран в целом). Ожидается, что к 2017 г. объем расходов на образование в целом составит более 6,4 трлн долл. США, из них на высшее образование – более 2,2 трлн долл. США¹⁴⁹.

Для сравнения: в начале XXI в., по оценке Всемирной торговой организации (ВТО), объем мирового рынка образования сост/авлял около 60 млрд долл. США¹⁵⁰. На лидеров рынка – США и Соединенное Королевство – из мирового финансового оборота в этой об-

¹⁴⁸ См. World Development Report-1999. Washington, DC: The World Bank, 1999.

¹⁴⁹ Education Sector Factbook-2012 // GSV Advisors. 2012, 13 Apr. // <http://gsvadvisors.com/wordpress/wp-content/uploads/2012/04/GSV-EDU-Factbook-Apr-13-2012.pdf>.

¹⁵⁰ Цит. по: Черников Г.П. Экспорт образования как глобальный бизнес // «Мировое и национальное хозяйство». 2006. №1.

ласти приходилось примерно 40%, на Германию и Францию – 15%, Австралию, Канаду и Испанию – примерно 8%, соответственно¹⁵¹.

Поскольку исторически языком международного культурного общения и глобального образования стал английский, то именно этот сегмент рынка обучения иностранным языкам развивается активнее всего и ежегодно увеличивается на 25%¹⁵².

Отдельным направлением деятельности государств стала забота о развитии новой доходной статьи экономики – обучения иностранных студентов и переподготовки зарубежных специалистов (экспорт образовательных услуг). За последние годы число иностранных студентов, обучающихся за пределами своих стран, устойчиво составляет более 2 млн человек в год¹⁵³, из них почти половина получает знания в США. По прогнозам, эта цифра к 2015 г. вырастет до 5 млн человек¹⁵⁴.

Согласно данным Департамента бизнеса, инноваций и профессионального образования (Department for Business, Innovation & Skills) Правительства Великобритании, текущий размер британского рынка экспорта образовательных услуг и различных профессиональных тренингов составляет примерно 14,1 млрд фунтов стерлингов (более 22,1 млрд долл. США), к 2020 г. он достигнет примерно 21,5 млрд фунтов стерлингов (около 33,8 млрд долл. США), а к 2025 г. – 26,6 млрд фунтов стерлингов (более 41,8 млрд долл. США)¹⁵⁵. Средние темпы роста этого сектора британского рынка составляют 4% в год.

Считается, что наличие доли в глобальном рынке образовательных услуг является одним из показателей мировой конкурентоспособности национальных стран в новых экономических условиях. Поэтому государства все больше включают в жесткую конкуренцию за статус *международного образовательного центра*, за стимулирование финансовых потоков от обучения иностранных студентов, а значит – за место в международных рейтингах.

В современных условиях политическое руководство и научная общественность все большего числа стран осознают необходимость присутствия своих национальных *вузов-флагманов* на глобальном рынке образования. Появился даже термин «университет мирового класса». В публичный оборот термин «университет мирового класса» (World-Class University) был введен по инициативе Джамии Салми (Jamil Salmi) – американского экономиста марокканского происхождения, координатора Всемирного банка и главного разработчика программы Всемирного банка по оказанию поддержки и финансированию образования в различных странах мира¹⁵⁶.

¹⁵¹ Вклад Российской Федерации не превышает 0,1%.

¹⁵² Education Sector Factbook-2012 // GSV Advisors. 2012. 13 Apr. <http://gsvadvisors.com/wordpress/wp-content/uploads/2012/04/GSV-EDU-Factbook-Apr-13-2012.pdf>.

¹⁵³ См., например, National Science Board. Science and Engineering Indicators-2010. Arlington, VA: National Science Foundation, 2010.

¹⁵⁴ Арефьев А.Л. Российские вузы на международном рынке образовательных услуг. М., 2007. С.18–115.

¹⁵⁵ Conlon G., Litchfield A., Sadlier G. Estimating the Value to the UK of Education Exports // “BIS Research Paper”. 2011, №46. P.10 // <http://bis.gov.uk/assets/biscore/higher-education/docs/e/11-980-estimating-value-of-education-exports.pdf>.

¹⁵⁶ Salmi J. The Challenge of Establishing World-Class Universities. Series: Directions in development. Washington, DC: The World Bank, 2009; The Road to Academic Excellence: The Making of World-Class Research

Главной особенностью университета мирового класса является не столько априори подразумеваемое исключительное качество учебной и научной деятельности, но также его *потенциал* в области создания и распространения нового знания, способности успешно конкурировать на мировом рынке образовательных услуг. Такие вузы формально составляют лишь малую часть национальной системы образования, но именно по их успехам и неудачам судят о привлекательности системы образования конкретной страны в целом.

Еще одна тонкость заключается в том, что, как пишут И.Д.Фрумин и Дж.Салми: «Вуз не может провозгласить себя университетом мирового класса сам. *Статус элитного учреждения требует подтверждения со стороны внешнего мира, международного признания.* Такой статус – важное приобретение, которое помогает университетам сохранять привилегированное положение. Кто-то может утверждать, что существует много хороших университетов, не имеющих такого статуса. Однако если университет хочет быть конкурентоспособным, он не может себе позволить игнорировать необходимость получения международного признания с соответствующим статусом»¹⁵⁷.

Поскольку «правила игры» на глобальном рынке образовательных услуг требуют, чтобы статус вуза мирового класса подтверждался неким независимым компетентным мнением «со стороны», возникла целая индустрия, связанная с глобальной оценкой (рейтингами) вузов. Первый подлинно международный рейтинг – Академический рейтинг университетов мирового класса [The Academic Ranking of World Universities (ARWU) или «Шанхайский рейтинг»] – был составлен в 2003 г. университетом Шанхая при поддержке Правительства КНР. Эта работа преследовала довольно утилитарную цель – выявить наилучшие ориентиры для развития вузов КНР и национальной образовательной системы. Обнародование «Шанхайского рейтинга» на английском языке вызвало настоящее потрясение во всем мире. Это дало толчок своего рода «рейтинговой революции» на глобальном рынке образовательных услуг.

Очень скоро правительства развитых стран пришли к выводу, что международные рейтинги являются не только способом независимой внешней оценки успешности деятельности университетов и качества системы образования, но, прежде всего, эффективным инструментом позиционирования страны на международной арене, повышения глобальной конкурентоспособности, улучшения внешнеполитического имиджа и авторитета государств. Если еще совсем недавно наиболее яркими показателями успеха и прогресса считались экономические критерии, вроде объемов ВВП, то в современном постиндустриальном мире главными свидетельствами конкурентоспособности государств становятся такие качественные показатели, как уровень развития человеческого потенциала, состояние системы образования и науки, способность создавать наиболее привлекательные условия для жизни и самореализации граждан. Университетские администрации, в свою очередь, активно включились в деятельность по повышению конкурентоспособности университетов в международном

Universities. Eds. Ph.G.Altbach, J.Salmi. Series: Directions in development. Washington, DC: The World Bank, 2011; Формирование общества, основанного на знаниях. Новые задачи высшей школы. Пер. с англ. М., 2003.

¹⁵⁷ Фрумин И.Д., Салми Дж. Российские вузы в конкуренции университетов мирового класса // Российское образование: тенденции и вызовы. М., 2009. С.156.

образовательном пространстве, что позволяет, помимо прочего, более эффективно решать вопросы интеграции в международное образовательное и научное пространство, привлечения высокопрофессиональных кадров и финансовых ресурсов.

Интерес общественности и бизнеса к рейтингам вузов стал настолько велик, что, несмотря на наличие большого числа объективных и субъективных проблем, связанных с созданием и функционированием такого рода оценочных систем, ситуация вынуждает вузы и страны становиться участниками этого процесса. Сами же глобальные рейтинги начинают все сильнее влиять на состояние международного рынка образования, на движение финансовых потоков в этом быстро растущем секторе современной экономики.

Основная критика результатов международных рейтингов университетов заключается в том, что они не дают внятных и валидных оценок качества образования; не учитывают национальной специфики образовательных и статистических систем; используют в качестве образцов стандарты, отрицающие культурные и исторические различия. Последнее обстоятельство фактически ведет к дискриминации не только национальных университетов, но и целых государств.

Общим местом стали критические замечания в адрес использования различных «индексов цитирования» в качестве основы для оценок, поскольку существующие систематические ошибки библиометрических данных, связанные с рабочими языками публикаций и избранными областями исследований, с очевидностью создают преимущества определенным странам и типам вузов.

Так, например, директор германского Центра развития высшего образования (Centre for Higher Education Development, CHE) профессор Франк Зигеле (Frank Ziegele) считает, что глобальные рейтинги не отвечают изначально заявленной цели и не способны защитить интересы студентов, поскольку в них не содержится практически никакой информации об особенностях образовательного процесса по конкретной специальности. По его мнению, речь фактически идет лишь о конкурентной борьбе операторов глобальных рейтингов за долю растущего рынка образовательных услуг¹⁵⁸.

Тем не менее, несмотря на существующие проблемы с практическим воплощением, сама *идея* оценки конкурентоспособности страны на основе ее способности создавать и поддерживать университеты мирового класса оказалась востребована, как международными институтами развития, так и политическими элитами различных стран мира.

С одной стороны, наличие глобальных рейтингов вузов обеспечивает новые возможности в работе международных организаций по аллокации ресурсов в приоритетной сфере поддержки профессионального высшего (третичного – по терминологии ЮНЕСКО) образования. С другой стороны, чрезвычайно высокая популярность среди населения разного рода рейтингов и особенно рейтингов в сфере образования, привела к тому, что тематика глобальной конкуренции вузов и необходимости реформы системы высшего образования очень скоро превратилась в новый инструмент конкуренции политических элит за высокий уровень общественной поддержки.

¹⁵⁸ См., пост Ф.Зигеле // <http://uv-net.uio.no/wpmu/hedda/2012/06/13/guest-blogger-u-multirank-the-better-approach-for-worldwide-ranking/>.

В результате всех этих противоречивых процессов международные рейтинги вузов стали сегодня некой данностью, приметой дня, реальным фактором, оказывающим влияние на внешнюю и внутреннюю политику государств в сфере образования. В качестве характерного примера можно привести недавнее решение индийской Комиссии по университетским грантам (University Grants Commission – UGC)¹⁵⁹, которая заявила, что не будет признавать соглашения о совместных программах, подразумевающих вручение двойных дипломов, с теми иностранными вузами, которые не входят в Академический рейтинг университетов мирового класса (так называемый «Шанхайский рейтинг») и Рейтинг мировых университетов по версии Times Higher Education (The World University Ranking – Times Higher Education, THE). В самой Комиссии объясняют это решение защитой интересов индийских студентов. Очевидно, что страны и вузы, ориентированные на контакты с индийской стороной, будут вынуждены участвовать в «гонках за рейтингом».

К настоящему моменту насчитывается около 50 различных международных и национальных систем сравнительных оценок учреждений высшего образования. Методологии, лежащие в основе этих рейтингов, можно условно разделить на *четыре группы*.

К *первой группе* принято относить методологии так называемого *одномерного ранжирования*. Именно эти методы связаны с созданием собственно *рейтингов* или *турнирных таблиц* (англ. – *league table, ranking chart* или амер. – *ladder*). Такой метод ранжирования предполагает формирование упорядоченного перечня учреждений высшего образования в соответствии с их возможностями или достижениями. Для решения задачи обычно используется несколько наборов статистических данных, однако в итоге все данные объединяются для расчета *единственного* агрегированного показателя оценки (англ. – *score*), с помощью которого и производится упорядочивание. Поэтому также принято говорить, что одномерные методы ранжирования определяют так называемое «вертикальное разнообразие» учреждений высшего образования, т.е. иерархию их порядка от лучшего к худшему.

Типичным примером использования методов одномерного ранжирования является группа глобальных рейтингов университетов мирового класса: так называемый «Шанхайский рейтинг» [The Academic Ranking of World Universities (ARWU)¹⁶⁰], Рейтинг Таймс университетов мирового класса [The World University Ranking – Times Higher Education (THE)], Рейтинг Таймс репутации вузов мирового класса [Times Higher Education Reputation Ranking (THE-TR World Reputation Rankings)], рейтинг университетов мирового класса, осуществляемый компанией Quacquarelli-Symonds [Quacquarelli-Symonds World University Ranking (QS)], и др.

¹⁵⁹ Уникальной особенностью UGC является то, что она – единственное агентство страны, распределяющее гранты и субсидии между индийскими вузами. Комиссия выполняет две основные задачи: распределяет фонды и следит за качеством образования в вузах (координирует, определяет и поддерживает стандарты высшего образования).

¹⁶⁰ Создателем рейтинга является Институт высшего образования (Institute of Higher Education) Университета Цзяотун (Шанхай, КНР), с 2009 г. – частная консалтинговая компания Shanghai Ranking Consultancy. Результаты первого исследования первоклассных мировых университетов были опубликованы на китайском языке в 1993 г.

Из анализа этой группы рейтингов следует, в частности, что разработчики методологии и операторы рейтинга не ставят целью оценивать качество национальных систем образования в целом. Они ориентируются на запросы своих заказчиков и потому с помощью создаваемых рейтингов решают конкретные бизнес-задачи, которые по большей части никак не связаны с проблемами совершенствования государственной образовательной политики или повышения качества национальных образовательных систем. Исходя из этого, методологии одномерного ранжирования также принято называть *клиентоориентированными* методологиями.

Вторую группу составляют *методологии многомерного ранжирования*. В рамках этих методологий, во-первых, акцент делается на описании отдельных составляющих «жизни университета» и поэтому используется гораздо больше групп различных статистических данных, чем в случае одномерного ранжирования и, во-вторых, не происходит объединение всех данных в единственном показателе. Таким образом, методы многомерного ранжирования собственно рейтингами уже не являются, хотя обычно имеется возможность построения частичных иерархий по различным группам показателей. Основная задача методов многомерного ранжирования – предоставить инструменты *анализа и визуализации* тех или иных отдельных особенностей учреждений высшего образования. Это означает, в частности, что эти методы также ориентированы на клиентов, но их потребителями являются не «заказчики» рейтингов (как в случае методов одномерного ранжирования), а гораздо более широкий круг пользователей результатов такого многомерного ранжирования (студенты, родители, специалисты в сфере образования и др.).

Характерным примером методологии многомерного ранжирования является группа методов, разработанных немецким Центром развития высшего образования – Centre for Higher Education Development Ranking (CHE Ranking), CHE University Ranking, CHE Research Ranking, CHE Excellence Rating и др.

Третью группу, близкую методам многомерного ранжирования, составляют *методы многомерной классификации*. В основе методологий такого типа лежат правила распределения объектов по группам на основе тех или иных их характеристик. Фактически, многомерные методы классификации определяют так называемое «горизонтальное разнообразие» учреждений высшего образования, поэтому их принято также называть методами *картирования* (выделения особенностей в некотором пространстве признаков). Связь методов классификации с методами многомерного ранжирования заключается в том, что внутри выделенных групп возможно проведение процедур ранжирования.

Примером методов многомерной классификации могут служить новые европейские проекты U-map (The European Classification of Higher Education Institutions)¹⁶¹ и U-MultiRank (European Multidimensional University Ranking System)¹⁶², содержание которых достаточно

¹⁶¹ Метод многомерной классификации (картирования), разрабатываемый Центром исследований политики в области высшего образования (Center for Higher Education Policy Studies – CHEPS) Университета Твенте (Энсхеде, Нидерланды).

¹⁶² Проект, реализуемый научно-исследовательской сетью Консорциум по оценке высшего образования и исследовательского потенциала (The Consortium for Higher Education and Research Performance Assessment – CHERPA).

точно передают их девизы: «Что университеты делают?» и «Как хорошо университеты делают то, что они делают?»).

Наконец, к *четвертой группе* методологий относятся *методы бенчмаркинга* учреждений высшего образования, связанные с выявлением эталонов и проведением сравнения с ними по конечным результатам обучения. Особенностью бенчмаркинга является стремление учесть конечные (отдаленные)¹⁶³ результаты обучения путем, в частности, анализа сформировавшихся общих и специальных навыков, интеллектуального и личного потенциала выпускников. В такой же парадигме оцениваются характеристики профессорско-преподавательского состава, особенно молодых сотрудников.

Наиболее характерным примером бенчмаркинга является новый международный проект ANELO (Assessment of Higher Education Learning Outcomes Project), нацеленный на оценку систем высшего образования по качеству результатов обучения. Проект реализуется Организацией по экономическому сотрудничеству и развитию (ОЭСР), в том числе с участием вузов Российской Федерации.

Исследование существующей палитры критериев и показателей, включаемых в рейтинги вузов, позволяет сформировать представление об основных компонентах «системы координат», которая сложилась за последнее десятилетие в международном экспертном сообществе как некий необходимый минимум для оценки эффективности национальных систем высшего образования¹⁶⁴. Обобщенно эта система включает в себя несколько кластеров показателей, характеризующих следующие направления деятельности университетов:

- включенность в научно-исследовательскую деятельность;
- критерии, характеризующие количественные и качественные аспекты обучения/преподавания;
- включенность в международные научные и образовательные связи;
- вовлеченность в обмен знаниями (трансфер знаний);
- территориальная включенность (вовлеченность в дела региона расположения)¹⁶⁵.

¹⁶³ В англоязычной литературе используется целый набор терминов, характеризующих различные смыслы понятия «конечные результаты», по которым идет сравнение. В частности, термин *output* означает непосредственный результат действия (например, студент-медик получил отличную оценку на экзамене по специальности), тогда термин *outcome* используется для обозначения конечного результата обучения (тот же студент-медик, став врачом, будет лучше лечить людей). Особое значение имеет термин *impact*, он обычно используется, чтобы подчеркнуть какие изменения произошли в результате тех или иных действий в текущем состоянии всей системы, т.е. *impact* характеризует уровень воздействия.

¹⁶⁴ *Altbach P.G., Reisberg L., Rumbley L.E.* Trends in Global Higher Education: Tracking an Academic Revolution. Global Perspectives on Higher Education Series. Rotterdam: Sense Publishers, 2010.

¹⁶⁵ См., например, структуру уже упоминаемого рейтинга U-Map, а также Модельную методологию рейтингования образовательных учреждений профессионального образования, разработанную Центром международных сопоставительных исследований Института международных организаций и международного сотрудничества Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» совместно с Национальным фондом подготовки кадров. Последний проект выполнен по заказу Министерства образования и науки РФ в рамках Федеральной целевой программы развития образования на 2011–2015 гг. (см. Постановление Правительства Российской Федерации от 7 февраля

Очевидно, что специалисты будут еще долго дискутировать по поводу возможности создания общепризнанной «системы координат». Но в любом случае само ее наличие заметно повышает возможности вузов по построению осмысленной «дорожной карты» своего развития как в контексте глобальных трендов на рынке образовательных услуг, так и с учетом целей и задач государственной политики в сфере образования и науки.

Как представляется, при всех плюсах и минусах главный результат «рейтинговой революции» заключается в том, что она резко ускорила процессы модернизации высшей школы в большинстве стран мира, прежде всего, за счет роста открытости системы образования, широкого участия работодателей, ученых и студентов в оценке и совершенствовании образовательных программ. Это особенно актуально для Российской Федерации, которая на рубеже веков, вновь вернулась на арену глобальной конкуренции, в том числе в сфере образования.

Новая российская модернизация невозможна без нового качества человеческого капитала, а это значит, что реформа системы высшего образования в нашей стране является делом, в котором реально соединяются интересы государства и практически каждого гражданина. Но проблема в том, что *желаемый образ будущего* системы отечественного образования пока остается предметом для дискуссий.

Очевидно, что характерное для этапа индустриального развития «расщепление процессов», когда *производство* нового знания в нашей стране было сосредоточено в академиях наук, *трансляция* знаний новым поколениям производилась вузами, а затем молодые специалисты *применяли* полученные знания в различных секторах экономики, теперь выглядит устаревшим. Увеличение масштабов, многообразия и темпов социальных и экономических изменений привело к тому, что новые знания и связанные с ними инновации становятся востребованными постоянно и повсеместно. В некоторых областях человеческой деятельности, например, в сфере биотехнологий, либо в создании материалов с новыми свойствами, научный прогресс настолько ускорился, что специализация, избранная студентом, может оказаться уже не актуальной ни для науки, ни для рынка профессий к моменту завершения обучения в вузе.

Как отмечают в своей совместной публикации А.Е.Волков, Д.В.Ливанов, А.А.Фурсенко¹⁶⁶, «в условиях массового высшего образования идеология передачи «готовых знаний» постепенно сменяется идеологией формирования компетенций, а на смену парадигме передачи знаний приходит парадигма дееспособности»¹⁶⁷. Однако акцент на прагматичности образования не может и не должен разрушать консервативную функцию национальных образовательных систем, поскольку наряду с другими социальными институтами система об-

2011 г. №61 «О Федеральной целевой программе развития образования на 2011–2015 гг.» // «СЗ РФ». 2011, №10. Ст. 1377).

¹⁶⁶ Волков Андрей Евгеньевич – ректор Московской школы управления СКОЛКОВО, помощник Министра науки и образования РФ (2005); Ливанов Дмитрий Викторович – Министр образования и науки РФ; Фурсенко Андрей Александрович – помощник Президента РФ, Министр образования и науки РФ (2004–2012).

¹⁶⁷ Волков А.Е., Ливанов Д.В., Фурсенко А.А. Высшее образование: повестка 2008–2016 // Российское образование: тенденции и вызовы. М., 2009. С.17.

разования участвует в реализации миссии по сохранению и трансляции российской «культурной матрицы», влияет на становление и самоидентификацию молодых поколений в качестве граждан своей страны. Необходим разумный баланс приоритетов, когда национальная образовательная система производит не «граждан мира», специализированных под запросы иностранных рынков труда, а выпускает в профессиональную жизнь молодых россиян, адаптированных как к условиям своей страны, так и способных активно жить и действовать в глобальном мире.

Одним из следствий «рейтинговой революции» стало осознание необходимости разработки неких общих критериев оценок эффективности национальных образовательных систем в целом. Очевидно, что при всей резонансности глобальных рейтингов ведущих университетов и значении вузов-флагманов для формирования международной репутации национальных образовательных систем и государств в целом *системного эффекта* в модернизации высшей школы можно добиться лишь при скрупулезном анализе *всех составляющих* повседневной деятельности основной массы учреждений высшего профессионального образования. При этом важно понимать, что именно в *разнообразии* институтов высшего образования заключен потенциал развития всей системы в целом.

Именно поэтому сегодня в дополнение к глобальным рейтингам все больше развиваются различные системы ранжирования вузов, которые позволяют, что называется, увидеть извне основные составляющие «внутренней жизни» конкретного учреждения высшего образования. В этом же направлении развивается и работа над созданием системы рейтингов вузов в Российской Федерации¹⁶⁸.

Фактически сегодня в нашей стране сложились благоприятные условия для формирования (например, в форме государственно-частного партнерства) широкой *кооперации* представителей органов государственной власти, науки и образования, независимых операторов национальных рейтингов и их международных партнеров. Главной целью такой кооперации могла бы стать задача создания единой российской *информационно-технологической платформы*, консолидирующей как базы данных стандартизированной информации обо всех учреждениях высшего образования Российской Федерации, так и разнообразные методы интеллектуального анализа таких данных.

Чтобы гарантировать успех такой подход должен опираться на принципы многомерности, независимости и глобальности. Принцип *многомерности* означает, что должно учитываться все множество различных миссий вузов, связанных, с собственно обучением, проведением исследований, развитием инноваций, интернационализацией образования, учетом региональных особенностей, или расширением возможностей трудоустройства выпускников. Принцип *независимости* требует, чтобы операторами рейтингов не выступали ни органы государственной власти, ни сами учреждения высшего образования. Принцип *глобальности* предполагает, что используемые методы будут пригодны для анализа как уч-

¹⁶⁸ См., например, поручение Президента Российской Федерации В.В.Путина о необходимости разработки критериев «для создания российского национального рейтинга ведущих мировых и отечественных университетов» (Поручение Президента Российской Федерации от 27 июля 2012 г. №Пр-1956 // <http://kremlin.ru/assignments/16103>).

реждений высшего образования Российской Федерации, так и вузов других стран, прежде всего государств группы G20 и государств-участников ОЭСР.

Единство информационно-технологической платформы отнюдь не означает разработку некоторого единого, с претензией на универсальность, метода ранжирования российских вузов. Скорее, по примеру Федеративной Республики Германии, речь должна идти о создании целого *семейства* методов, связанных между собой на уровне данных, и включающих уже имеющиеся разработки и подходы. Более того, как свидетельствует опыт последних инициативных проектов в рамках Европейского пространства высшего образования, в качестве методологической основы информационно-технологической платформы целесообразно использовать методы многомерного ранжирования и картирования вузов.

Как отмечают эксперты Организации по экономическому сотрудничеству и развитию (ОЭСР): «Экономическая и культурная глобализация предвещает новую эру в высшем образовании... Впервые в истории каждый исследовательский вуз является частью единой мировой сети, и мировые лидеры в своей области обладают беспрецедентной глобальной властью». Их вывод: «Действовать эффективно в глобальной среде – значит быть готовым к переменам»¹⁶⁹.

В этих условиях внимание государства и научной общественности к разработке и развитию эффективной системы сравнительных оценок учреждений высшего образования, совершенствование показателей качества национальной системы образования объективно расширяет возможности по созданию благоприятных условий для развития «экономики знания» в России, позволяют действовать *проактивно*, на опережение.

ТЕНДЕНЦИИ РЕФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Реформа образования в современной России продолжается уже более 20 лет, рискуя превратиться в свою противоположность, т.е. контрреформу. Такова судьба многих реформ в России. Уже начиная с Петра I спецификой процесса реформирования выступает его бур-

¹⁶⁹ Маргинсон С., ван дер Венде М. Новый глобальный страновой и институциональный ландшафт // ОЭСР: высшее образование на пути к 2030 г. Ч. 2 «Глобализация». Пер. с англ. // «Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика». 2010, №3. С.45–85.

ное начало, как правило, связанное с идеями некоего «радикального либерализма». Одновременно формируется оппозиция этому в лице, не менее радикального «государственного патернализма». Последнее часто обозначают как консервативное крыло, сопротивляющееся реформам. Таким образом, мы все время наблюдаем «устойчивое чередование реформаторских и контрреформаторских волн» и реформы «всякий раз фатально не столько лечат, сколько калечат российское общество»¹⁷⁰. Такого рода колебательные и неопределённые процессы порождают психологически настроенное к ним отношение со стороны общества. Внутреннее либеральное содержание реформы не адаптированное к нашему обществу, деформируется и реализуется как ряд спонтанных изменений, которые лишь ухудшают ситуацию. Всё это характерно и для реформ в образовании в нашей стране.

Основной причиной реформирования образования во всех развитых странах мира стал процесс глобализации.

Образование здесь является существенной сферой борьбы за лидерство в формирующемся транснациональном рынке, ибо может в случае успеха, обеспечить стратегические преимущества в будущем обществе, основанном на знании, которое становится реальной производительной силой. Тот, кто останется в роли аутсайдера – сможет участвовать в лучшем случае лишь в процессе поставки «образовательного сырья», как и в случае с природными ресурсами. Соответственно, возникают образовательные зоны, которые активно отграничиваются от локальных особенностей национальных образовательных систем, при внешнем декларировании общих глобальных задач.

В частности, модные ныне рейтинги, схемы цитирования, выстраиваемые по американским образцам, как раз и выступают такими ограничивающими барьерами, которые очень трудно преодолеть. Не случайно это вызывает протесты не только у нас в стране, но и во многих других странах. Приведу лишь два примера. Во-первых, это недавняя позиция занятая университетом Гамбурга, отказавшегося участвовать в рейтингах¹⁷¹. А во-вторых, это заявление группы крупнейших немецких издателей, выступивших против процедуры рейтингования научных журналов¹⁷².

¹⁷⁰ См. Пантин В.И., Лапкин В.В. Волны политической модернизации в истории России // <http://ss.xsp.ru/st/003>.

¹⁷¹ «Гамбургский университет решил бойкотировать участие в рейтингах престижности вузов как национальных, так и международных, – пишет Zeit. – Президент университета Дитер Ленцен (Dieter Lenzen) раскритиковал эти исследования за необъективность. Таким образом, университет отказывается предоставлять информацию для таких организаций, как Центр развития высшего образования (СНВ) в Германии или Шанхайский университет транспорта и связи (Цзяотун) на международном уровне, которые собирают информацию для составления рейтингов. Кроме того, руководство университета отказывается принимать участие в социологических опросах» (<http://lenta.ru/news/2012/09/20/hamburg/>).

¹⁷² Критерии, согласно которым производится определение категорий А +В + С, показывают, что здесь *качество* отождествляется с *интернациональностью*, а *интернациональность* с *англоязычностью*... Мы считаем принципиально неверным осуществляемое здесь сведение научного качества к количеству цитирования... Именно в философии есть важные традиции и парадигмы, которые с пользой для дисциплины развиваются преимущественно в рамках собственного национального языка. Журналы, посвящающие себя этой задаче, не могут и не должны изначально классифицировать-

Таким образом, образование отказывается в центре современного процесса трансформации культуры, так как является не просто сферой услуг, как нам хотят доказать сегодняшние реформаторы, а её системообразующей частью. В систему образования или образовательную деятельность тем или иным образом втянуто большинство населения страны. В России насчитывается около 53,5 тыс. школ, из них более 34 тыс. сельских и более 19 тыс. городских. В школах работают 1,36 млн учителей. В 2010 г. в школах обучались примерно 13,36 млн детей¹⁷³. Общее количество студентов на 2010 г. составляло 7 млн человек, а общее количество преподавателей – 341 тыс. человек¹⁷⁴.

В основу идеологии процесса модернизации была положена задача либерализации системы управления образованием и приведения ее механизмов в соответствие с новыми социальными и экономическими условиями. По сути, это была чисто политическая постановка вопроса, ибо не учитывала ни мнения экспертного сообщества, ни сложившейся в России ситуации. Более того, как мне представляется, само понятие либерализма в образовании было проинтерпретировано достаточно узко. В результате все было сведено к критике административной модели образования и ориентации преимущественно на рыночные механизмы. Это привело к откату в образовании от нацеленности на фундаментальную науку, что было всегда характерно для университетской системы.

В силу деформации системы отбора в вузы и наличия отнюдь не образовательных причин, произошел безудержный рост числа студентов, мы здесь находимся в лидирующей пятёрке по доступности. На 10000 человек населения в 1995 г. приходилось – 189 студентов; в 2000 г. – 327; в 2004 г. – 480. И этот рост был приостановлен лишь демографическими причинами.

На начало 2009/2010-го учебного года в Российской Федерации действовало 662 государственных и муниципальных высших учебных заведения, в которых обучалось 6,1 млн студентов. По сравнению с 2000/2001-м учебным годом число вузов увеличилось на 55 (на 9,1%). Если к этому добавить филиалы (а это еще более 1,5 тыс. образовательных учреждений), то, по различным экспертным оценкам, в стране функционирует около 3500 вузов и их филиалов.

Поскольку главным регулятором стал образовательный рынок, то стала формироваться диспропорция в подготовке специалистов. Формирующиеся коммерческие вузы не открывают у себя такие направления как физика или математика, а ориентируются на затребованные специальности, которые к тому же по затратам на них оказываются весьма рентабельными. Происходит резкий рост студентов, обучающихся по специальностям экономического, управленческого профиля, а также по юриспруденции.

Постоянно увеличивался платный сектор, количество студентов в котором сегодня превосходит количество студентов, обучающихся на бюджетной основе. На платное обу-

ся как «региональные» публикации и, подпадая под категорию С, оцениваться как публикации низкого качества (Philosophische Rundschau Eine Zeitschrift für philosophische Kritik. Bd. 57 Heft 3, 2010).

¹⁷³ Президент Медведев об инициативе «Наша новая школа» // «NEWSru». 2010, 21 января // <http://www.newsru.com/russia/21jan2010/shkoly.html>.

¹⁷⁴ Некого учить // «Ведомости». 2010, 11 июня // <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/2010/06/11/237229>.

III. Новые сферы современной социальной системы общества как основа для научного управления

чение в 2011 г. поступили 110 тыс. человек, а на бюджет – 235 тыс. человек¹⁷⁵. Таким образом, в 2011 г. в России насчитывается примерно 7,336 млн студентов, из которых 4,416 млн составляют студенты, обучающиеся за плату, а к 2015 г. при общем сокращении численности учащихся прогнозируется, что количество платных и бюджетных мест в вузах будет приблизительно одинаковым¹⁷⁶. Образование превратилось в мощный бизнес, дающий быстрый финансовый результат.

И все это происходило на фоне недостаточного финансирования бюджетного образования. С 2001 г. оно не превышает 12% от общего объема государственных расходов. В результате обеспеченность бюджетным финансированием образовательных учреждений составляет, по разным оценкам, только 25–40% от расчетной нормативной потребности. Резко возросла стоимость обучения, особенно в крупных городах.

Таблица 1

Стоимость обучения в разных странах мира¹⁷⁷

Страна	Стоимость обучения в год, в национальной валюте
Россия	RUB 50000–350000
США	USD 5000–39000
Канада	USD 5000–35000
Австралия	AUD 10000–20000
Великобритания	£ 3000–4000
Ирландия	£ 900–1500
Германия	€ 1000
Швейцария	CHF 680–1000
Франция	€ 180–500

Таблица 2

Стоимость обучения в ведущих вузах мира

Вуз	Позиция в рейтинге QS-THES 2010	Стоимость обучения 2011
Кембриджский университет, Великобритания	1	USD 19700–47000
Гарвардский университет, США	2	USD 18700–40000
Высшая политехническая школа Цюриха, Швейцария	18	USD 1200
McGill University, Канада	19	USD 15000–24500
Мюнхенский технический университет, Германия	58	USD 1800
МГУ им. М.В.Ломоносова (экономический факультет), Россия	93	USD 9700–10000
Сорбонна Франция	186	USD 375–1500
ВШЭ (специальность «экономика»), Россия	451–500	USD 12900

¹⁷⁵ Фурсенко положительно оценил вступительную кампанию // «Взгляд». 2011, 30 августа // <http://vz.ru/news/2011/8/30/518480.html>.

¹⁷⁶ «К 2015 г. общая численность учащихся вузов сократится до 5,484 млн, в том числе 2,842 млн на бесплатных местах и 2,642 млн – на платных» // http://www.infox.ru/science/enlightenment/2010/01/03/Fursyenko_iz_za_dye.phtml.

¹⁷⁷ <http://www.education-medelle.com/articles/sravnenie-stoimosti-obucheniya-v-universitetakh-po-stranam.html>.

Идеологи реформ навязывают общественному сознанию мнение, что тенденция роста доли платного образования – это общемировая линия либерального подхода к образованию, и к этому нас призывают стремиться. На самом деле все обстоит не совсем так. В Европе в большинстве стран (может быть, кроме Англии) высшее образование остается в основном бесплатным, а в ряде стран это закреплено на уровне основных законов.

Следствием ухода государства из образования является недопустимо низкая оплата профессорско-преподавательского и учительского труда. Эта тема странным образом вообще выпала из контекста проводимой реформы, и лишь в последний год-два об этом вспомнили.

В одном из докладов Всемирного банка указывается, что государственная поддержка высшей школы должна нарастать, и обозначаются принципиальные причины опасности перехода образования на негосударственное финансирование. «Исходя из опыта индустриальных стран, учитывавших вклад образования в обеспечение экономического роста и социального единства страны, можно сказать, что общий уровень инвестиций в образование должен составлять от 4 до 6% валового внутреннего продукта (ВВП). При этом расходы на высшую школу, как правило, составляют от 15 до 20% всех расходов на государственное образование»¹⁷⁸.

Сегодня мы отстаём не только в реальном финансировании образования, но даже в тех реформаторских моделях, которые нам предлагаются. Например, одно из таких предложений, которое рассматривается чуть ли не как революционное, утверждает, что «для восстановления эффективной системы высшего образования в России бюджетный вклад нужно увеличить к 2011 г. до 1% ВВП (включая 0,15% ВВП дополнительных расходов на исследование), а к 2015 г. довести до 1,3–1,4% ВВП (на университетскую науку – до 0,3% ВВП)... Все это позволит вывести ресурсное обеспечение высшего образования («расширенного» за счет прикладного бакалавриата) на уровень, соответствующий странам-лидерам, – свыше 2% ВВП»¹⁷⁹.

Процесс «экономизации образования» трактуется как прямая его коммерциализация, когда от образования хотят получить быструю отдачу в виде финансовой прибыли за счет безудержного расширения сектора платного образования. На самом деле, экономизация образования рассматривает образование как важнейшую часть общего экономического механизма страны не с позиции получения прямой прибыли, а с позиции долгосрочных следствий развития образования, которые впоследствии могут дать несравнимую с прямой коммерциализацией выгоду, основанную на внедрении открытий и инноваций, связанных с достижениями в фундаментальных науках.

Для того, чтобы начать эти реформы, необходимо было «завести» общественное сознание поиском врага, которым, как в большинстве случаев в России, выступает коррупция.

Именно этой причиной изначально обосновывалась идея необходимости введения механизма «ЕГЭ–ГИФО».

¹⁷⁸ Формирование общества, основанного на знаниях: новые задачи высшей школы. Доклад Всемирного банка. С.ХХIII.

¹⁷⁹ Мау В., Кузьминов Я., Синельников-Мурылёв С. Страна, где много-много плохих вузов // «Эксперт». 2009, №37.

Была выдвинута идея о том, что ЕГЭ это всеобщая мировая практика. Но это далеко не так. ЕГЭ – модель, которая была заимствована из практики некоторых штатов США и, что самое удивительное, из рано принявшего эту модель отбора в вузы Египта. ГИФО, в свою очередь, должны были изменить систему финансирования, создать условия для того, чтобы вузы начали бороться за абитуриентов, которые становились источником поступления бюджетных денег в вузы. Однако в своем первоначальном варианте, даже в качестве предлагаемой модели, механизм не сработал и, напротив, стал новым источником коррупции, просто переведя последнюю в иную плоскость.

ЕГЭ (на что сразу обращалось внимание) в качестве единственного критерия приема в вуз, повлияло на мотивированность поступления в высшие учебные заведения. Это ярко проявилось в первый год приема, когда абитуриенты подавали заявления сразу в десятки вузов и на совершенно разные специальности.

И, наконец, одним из главных долгосрочных последствий введения ЕГЭ может стать разрушение системы школьного образования, основанного на передаче знаний. В результате главной задачей школы уже до реформы и, особенно в старших классах, стало натаскивание на поступление. С введением ЕГЭ при данной ценностной установке детей и прежде всего родителей, другие знания, оказавшиеся за рамками ЕГЭ, оказались почти не нужными и старшие классы стали выполнять фактически репетиторские функции по сдаче тестов.

Проведение ЕГЭ в такой огромной стране, как наша, имеет дополнительные трудности. В условиях небольшой страны, когда такой экзамен можно проводить фактически в одном или немногих центрах, «чистота» экзамена может быть обеспечена. В условиях России это невозможно. Из-за неравномерности и неравности условий жизни людей в разных регионах система образования также значительно дифференцирована. Поэтому качество «одинаковых» оценок по результатам ЕГЭ на самом деле объективно сильно отличается, так как за этими оценками стоит и дифференциация уровня подготовки учителей, и разница возможностей учеников получать те или иные знания. В результате декларируемая установка на справедливость, как основное преимущество ЕГЭ провалилось и обернулось в ряде случаев несправедливостью, когда в вузы по результатам «высоких» оценок ЕГЭ принимаются абитуриенты, уровень знаний которых ниже, чем у участвующих в конкурсном отборе абитуриентов, имеющих более «низкие» оценки по ЕГЭ.

Идея ГИФО рухнула почти сразу, после того как были опубликованы данные Министерства образования и группы реформаторов о выделении финансовых средств на реализацию данной идеи.

Приведем таблицу с предлагаемыми вариантами (в последней колонке указана сумма, которая была утверждена Правительством РФ) (см. табл. 3).

Как мы видим, даже радикальный вариант предполагал сумму ниже 20 тыс. руб., что было значительно ниже того, что было установлено в стремительно развивающемся платном секторе образования, стоимость которого в стране, особенно в столице, ряде регионов и ведущих университетах была значительно выше. В результате критических выступлений общественности сумма была скорректирована и при утверждении вплоть до 2010 г. по категориям приобрела усредненный вид, близкий к умеренному варианту.

Таблица 3

Варианты выделения финансовых средств в рамках программы ГИФО

	Радикальный вариант, тыс. руб.	Умеренный вариант, тыс. руб.	Утверждены на 2002 г., руб.
А+	18,7	13,3;	9375
А	10,6	10,6	7500
Б	5,3	5,3	3750
В	2,7	4,3	3000
Г	0,0	0,0	750

- I категория – 14500 руб.;
- II категория – 5000 руб.;
- III категория – 3900 руб.;
- IV категория – 2800 руб.;
- V категория – 1200 руб.¹⁸⁰.

Из всех граждан, принятых на основе ГИФО, имели:

- I категорию – 8,0%;
- III категорию – 37,5%;
- IV категорию – 10,8%;
- V категорию – 4,7%.

Эти лукавые цифры¹⁸¹ требуют комментария. Анализ показывает, что повышение суммы для первой категории было проведено за счет резкого понижения финансирования других категорий, особенно второй. Это была своеобразная проба «финансового манипулирования», которая сразу указывала, что абитуриентов первой категории не должно быть слишком много. Итоги экспериментального приема это и подтвердили.

На 2003 г. были утверждены еще меньшие суммы ГИФО, в том числе и для первой категории:

- I категория – 12500 руб.;
- II категория – 7200 руб.;
- III категория – 3000 руб.;
- IV категория – 2000 руб.;
- V категория – 700 руб.¹⁸².

Красивая теоретически идея и рассуждения реформаторов о том, что чем лучше абитуриент сдаст ЕГЭ, тем большую сумму он принесет в вуз и благодаря этому в совокупности будет превышено бюджетное финансирование, полностью провалились.

¹⁸⁰ Основные итоги работы системы образования в 2002 г. по реализации концепции модернизации российского образования на период до 2010 г. Аналитический доклад Министерства образования Российской Федерации. М., 2003. С.44.

¹⁸¹ Там же.

¹⁸² Приказ Минвуза РФ от 26 марта 2002 г. №1193 «Об утверждении на 2003 г. величины ГИФО в зависимости от их категорий».

Прекрасно ответил в те годы В.П.Колесов (декан экономического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова) журналисту газеты «Известия» на вопрос о том, что плохого в ГИФО: «Проблема в том, что один раз с большим трудом государство деньги соберет... и бездарно их раздаст. А в другой раз их не хватит: средства-то не увеличиваются (их будет меньше еще и за счет издержек, возникающих в результате так называемых транзакций). Те же самые бюджетные деньги будут еще более тонким слоем размазываться среди вузов (рост вузов и студентов уже никак не контролируется). “Халявный” подход к этим деньгам будет увеличен»¹⁸³.

Здесь нам несколько «помогла» изменившаяся демографическая ситуация. По отношению к 2005 г., когда был достигнут максимум обучающейся молодёжи, её численность уменьшится «в 2012 г. – на 2,7 млн, в 2016 г. – на 2,9 млн, в 2020 г. – на 2,5 млн и в 2025 г. – на 1,3 млн человек»¹⁸⁴. Ожидается, что к 2014 г. «число студентов в России из-за неудовлетворительной демографической ситуации может сократиться вдвое по отношению к показателям 2006 г., прогнозировал бывший министр образования Андрей Фурсенко... Демография меняется катастрофически в худшую сторону. Через три-четыре года в стране будет вдвое меньше студентов, чем сейчас... уточнив, что речь идет о 700 тыс. студентов в 2012 г. против 1,3 млн в 2006 г.»¹⁸⁵.

Это действительно создаёт возможности для оптимизации системы образования, в том числе и решения вопроса о сокращении некачественных вузов, разрыва связи «армия–вуз», которая процентов на тридцать увеличивает количество абитуриентов и т.д.

Важным звеном модернизации образования стало вступление России в так называемый болонский процесс, представляющий собой такой тип интеграции образовательного пространства Европы, который неизбежно упрощает (делает более массовым) высшее образование. В Европе пришлось решать проблему огромных миграционных потоков, которые её захлестнули. Образование всегда было фактором оттягивания молодёжи с улицы. Однако дифференциация молодёжи оказалась таковой, что не все её представители могут вписаться в классические университетские системы образования. Возникла необходимость реального понижения его уровня, т.е. превращения в массовое. Массовое образование не может финансироваться в той же степени. Поэтому ищут пути понижения средств, выделяемых на образование, т.е. перевод его на ту же самоокупаемость. Это было чётко прочувствовано студентами и преподавателями, которые часто вместе протестуют против утраты фундаментального характера образования и трансформации его в платное, где будет царствовать работодатель (пример Франции и Германии).

Задача создания единого пространства оправдана, но при понимании того, что образование является частью национальной культуры, причем её системообразующей частью. На уровне деклараций с болонскими принципами трудно спорить. Декларируется расширение доступа к европейскому образованию, повышение мобильности студентов и преподавателей. Все это должно способствовать формированию европейской идентичности. Но всегда ли идентичность хороша? Ведь единство не должно означать тождества, а, напротив,

¹⁸³ Колесов В.П. России нужны образовательные кредиты // «Известия». 2005, 16 апреля.

¹⁸⁴ Там же. С.153.

¹⁸⁵ http://www.infox.ru/science/enlightenment/2010/01/03/Fursyenko_iz_za_dye.phtml.

предполагать сложную и гибкую модель, включающую различные подсистемы. Любая система более эффективна и в большей степени подвержена развитию, если ее элементы дополняют друг друга, а не отрицаются путем подчинения.

Россия присоединяется к конвенции на чужих условиях. Даже бывший министр образования В.М.Филиппов негативно оценивал последствия вступления российских вузов в Болонский процесс¹⁸⁶.

Подготовка бакалавров, как правило, не предполагает специализации в конкретной области науки. В результате реформы неизбежно произойдет понижение уровня фундаментальности образования на уровне бакалавра, и нагнать его на уровне магистра будет невозможно из-за небольшого количества учебных часов. На Западе сегодня бакалавриат – это пролонгированное школьное образование, позволяющее адаптироваться к условиям рынка, но не более.

С подобными проблемами уже столкнулись, например, в Германии и Франции. В Германии развернулась жесточайшая дискуссия, в результате которой массовый переход на болонскую систему был приостановлен¹⁸⁷. Перед вами несколько цитат из немецких источников¹⁸⁸:

¹⁸⁶ Филиппов В.М. Актуальность Болонской декларации для российского высшего образования. Выступление на международной конференции. Санкт-Петербург. Декабрь. 2002 // Болонский процесс и качество образования. Ч. 2. Нижний Новгород, 2005. С.20–28 // http://www.unn.ru/pages/issues/publisher_db/files/47/5.pdf.

¹⁸⁷ Вот характерные переводы заголовков некоторых статей: «Бакалавр, неизвестное существо» (“Süddeutsche Zeitung”. 1 Dez. 2003); «Глядя на Болонью» (“Süddeutsche Zeitung”. 3 Jun. 2003); «Бакалавр для Германии: при помощи новой квалификации немецкие университеты хотят интернационализироваться – в США они встречаются с сомнением». (“Süddeutsche Zeitung”. 16 Aug. 2004); «Под ковшом бульдозера: германские университеты страдают от болонских реформ» (Süddeutsche Zeitung. 20 Dez. 2004).

¹⁸⁸ «Мой коллега является в том смысле исключением, что известия о Болонском процессе до него вообще не дошли. Он является великолепным ученым и преподавателем от Бога, которому удалось выжить в течение 30 лет грабежа университетов посредством недофинансирования, несмотря на весь реформаторский идиотизм своего министерства. Но он еще не знает, что такое германский расчет ETCS» (Essbach W. Unterm Rad der Planierdrause: Die deutschen Universitäten leiden unter den Bologna-Reformen // “Süddeutsche Zeitung”. 2004, 20 Dez.). «Историк с запада страны с гордостью сообщает мне: “У нас сейчас бакалавр в процессе аккредитации. Пару хороших идей мы смогли осуществить, но есть сложности, что касается предложения учебных курсов. Возможности студентов выбрать среди учебных курсов, сформировать интересы и профили незначительны. Из 180 ETCS мы должны потратить 120 на главный предмет”» (ibid.). «Очень многие фанаты бакалавриата, которые сегодня так сильно гордятся тем, что когда-нибудь справятся с бакалавром, не прогнозируют, как и мой молодой коллега, рассчитать следующие ступени Болонского процесса. Уже скоро мы увидим, как ведущие вузы, готовящие классных специалистов, деградируют и превратятся в школы подготовки бакалавров. Начинается профессиональный дарвинизм» (ibid.). «Проблема объединения специальностей, так как на уровне бакалавра их не должно быть. Настало время анекдотов по поводу обучения бакалавров: “Что делают два профессора науки о музыке, которые до сих пор хорошо справлялись с обучением магистров и имели великолепных диссертантов? Они с двумя археологами создают специальность для бакалавров “раскопки ранних исторических форм звука”» (ibid.). «И не надо говорить, что университеты не изменятся.

Ещё одна особенность проводимых реформ в образовании, это **резкое усиление государственного и финансового контроля над образованием.**

Логика такого подхода кажется достаточно прозрачной и убедительной. Деньги на образование, особенно из бюджетной сферы, выделяет государство. Следовательно, контроль над расходами также должно осуществляться государством. В связи с этим университеты теряют свою автономию, которая всегда была присуща университетскому образованию. Классическая модель университета была основана на серьезном доверии, которое оказывала власть ученым и преподавателям исходя из понимания того, что лишь свобода научного творчества может обеспечить эффективность научных исследований и развитие на их основе фундаментального образования. Фактически государство выделяло финансы, рассчитывая (и в определенной степени «рискуя»), что данные средства могут быть потрачены неэффективно. Кроме того, университет выполнял функцию «социального лифта» и выполнял культурно-воспитательную функцию, от которой так легко отказались в начале реформ, интерпретируя ее как идеологическую.

В современной трактовке университеты, утрачивая свою автономию, превращаются в своеобразные государственные институты, которые должны обеспечивать решение не задач чистой науки, а реализовывать непосредственные задачи, стоящие перед производством и страной. Профессор в большей степени превращается в чиновника, сфера деятельности которого достаточно жестко регламентирована, причем настолько, что просто не оставляет времени для научной работы и для самосовершенствования как преподавателя.

Схожие процессы идут и за рубежом. Саймон Хед, анализируя целый ряд документов, связанных с оценкой реформ в английском высшем образовании, отмечает: «В жизнь британских университетов, в том числе Оксфорда и Кембриджа, все больше вторгается система государственного контроля, которая подрывает то, на чем зиждется их международный престиж – качество образования и научной работы. Орудием этого вторжения стали управленческие методики в основном американского происхождения, зародившиеся в школах бизнеса и компаниях, занимающихся управленческим консалтингом... Такой альянс государственного и частного секторов всерьез угрожает академической свободе в Великобритании»¹⁸⁹.

Он показывает, как государство более 20 лет готовило эту атаку на университеты, недоверчиво относясь к интеллектуалам. Главным механизмом контроля над университетами в Великобритании, и это следует отметить особо, становится система ужесточения фи-

Политики выдвинули своей целью единое уничтожение германских университетов» (ibid.). «Болонский процесс, т.е. введение норм мышления и высшего образования, функционирует точно так же, как введение норм на розетки, дорожные знаки и длину презервативов (ibid.). «Ах, Болонья, ты прекрасный город, в котором многие гордые башни друг с другом спорят о том, какая из них наиболее прекрасная, как ты мог стать символом бульдозера, который на всей нашей территории разровняет многообразие предметов и способов преподавания? После провала орфографической реформы, правящее неведение на уровне федерации и земель опять дало обмануть себя путчистским самозванцам – “реформаторам”. Из-за небольшой скорости обучаемости нашей системы мы сейчас вводим бакалавра/магистра, а затем через несколько лет отменим, так как ни одна из заявленных целей не была достигнута».

¹⁸⁹ Хед С. Что угрожает британским университетам? // «Вопросы образования». 2011, №2. С.282.

нансового контроля, которая была призвана «оправдать» затраты на образование. Университетам были навязаны управленческие технологии, связанные с различного рода критериями проверки эффективности функционирования вузов, которые на самом деле не имеют отношения к реальной науке¹⁹⁰. Причем, как отмечает автор, невыносимо то, что сами эти критерии меняются вслед за сменой политической власти, и вместо стабильной ситуации, в которой должна развиваться наука, она развивается в некой турбулентности.

Соответственно, как было уже отмечено, научные исследования и работа профессоров становятся частью общей «бюрократической вертикали, работающей по принципу командного контроля. На самом вершине этой вертикали – Министерство финансов, внизу – ученые, исследователи, упорно работающие в библиотеках, архивах и лабораториях; а между ними – НЕФСЕ, ректораты, администрации университетских подразделений и факультетов»¹⁹¹. Такая система позволяет перераспределять финансирование вузов, которые фактически должны научиться «отчитываться» по данным показателям. Поскольку профессорам необходимо «выживать» в этих новых условиях, они научились писать отчеты и горы научной документации, «так что пришлось хранить их в пустующих самолетных ангарах»¹⁹², отмечает Хед. Наиболее любопытно, что такая система проверки эффективности привела к подсчету «убытков», которые могут нанести ученые, не отвечающие данным критериям. Абсурдно, но факт: в одном из американских университетов эти убытки были подсчитаны и предъявлены университетской администрацией некоторым профессорам. «За 2008/2009-й академический год университетская администрация предоставила каждому преподавателю “баланс прибылей и убытков”, который показывал, компенсировался ли “убыток” (т.е. жалование преподавателя) “прибылью”, которую преподаватель принес университету в виде “студенточасов”. Если “убыток” от жалования преподавателя превышает “доход” в “студенточасах”, то преподаватель “должен” университету»¹⁹³. Думаю, что нам это теперь также знакомо.

Таким образом, подводя некоторые итоги, можно сделать следующие выводы. Реформа образования в нашей стране не была подготовлена теоретически, не прошла апробацию научного и преподавательского сообщества, опиралась на результаты нечисто проведенного эксперимента, представляя собой реализацию политической воли, а поэтому она была обречена на провал. Она проводилась непоследовательно, скорее разрушая то положительное в нашем образовании, что в нем всегда присутствовало. Возможно, в дальнейшем в рамках упомянутой специфики российского реформирования как процесса постоянного колебания между реформой и контрреформой будет происходить смягчение ее проведения.

В этой ситуации особое значение имеет правильность выбора решений, в том числе и в теоретическом плане, и ответственность лиц за их принятие. Решения в сфере образования в силу его исключительно системообразующего культурного характера, а значит, влияющего на все стороны жизни общества, не должны принадлежать какой-то монополюсальной группе (будь это либералы или консерваторы), а должны осуществляться на основе предварительных экспертных оценок и широкого общественного обсуждения. Думается, что и

¹⁹⁰ Там же. С.284.

¹⁹¹ Там же. С.287.

¹⁹² Там же. С.287.

¹⁹³ Там же. С.292.

законодательно решения по образовательной политике при всей их важности должны носить локальный юридический характер, чтобы оставлять возможность их оперативного изменения. Высшая власть должна быть в определенной степени дистанцирована от прямых властных решений в этой сфере, предоставив принимать их соответствующим министерствам и подразделениям. В противном случае она неизбежно будет приобретать образ, адекватный колебанию волн реформ и контрреформ, прикрывая своим авторитетом те или иные активные слои.

О РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА

Переход к стратегии опережающего развития необходим для достижения поставленных главой государства целей, которые в рамках инерционного подхода не могут быть достигнуты, включая создание и модернизацию 25 млн высокопроизводительных рабочих мест к 2020 г.; увеличение объема инвестиций не менее, чем до 25% внутреннего валового продукта к 2015 г. и до 27% – к 2018 г.; увеличение доли продукции высокотехнологичных и наукоёмких отраслей экономики в валовом внутреннем продукте к 2018 г. в 1,3 раза относительно уровня 2011 г.; увеличение производительности труда к 2018 г. в 1,5 раза относительно уровня 2011 г.

Для достижения этих целей необходимо проведение глубокой модернизации экономики на основе нового технологического уклада, рост которого является определяющим фактором выхода мировой экономики из кризиса на новый длинноволновой подъем. В настоящее время составляющие его ядро кластеры нано-, био-, информационно-коммуникационных технологий устойчиво растут с темпом около 35% в год и вскоре наберут достаточный вес, чтобы взять на себя роль локомотивов роста всей экономики. В зависимости от скорости распространения этих технологий и модернизации экономики на их основе будут складываться конкурентные преимущества национальной экономики и возможности ее развития в условиях глобальной конкуренции.

Оценивая перспективы российского и мирового экономического развития, необходимо исходить из понимания структурной составляющей глобального кризиса, которая определяется сменой технологических укладов и соответствующих им длинных волн экономического роста. Выход из этого кризиса связан со «штормом» нововведений, прокладывающих дорогу становлению нового технологического уклада. Без кардинального повышения инвестиций в структурную перестройку экономики на его основе, происходящая в настоящее время денежная накачка экономики создает лишь ловушку «отложенной рецессии» ценой нарастающих инфляционных рисков саморазрушения финансовой системы. Как только государство сворачивает чрезвычайные программы господдержки, возникает новая волна рецессии.

Хотя в начале года в ведущих странах мира восстановился докризисный уровень экономической активности, объемы промышленного производства в большинстве развитых стран далеки от восстановления и демонстрируют неустойчивую динамику. Так будет продолжаться до возникновения устойчивых кластеров производств нового технологического уклада, рост которых выведет экономику из турбулентного состояния на траекторию устойчивого роста. При этом изменится не только технологическая структура экономики, но и ее институциональная система, а также состав лидирующих фирм, стран и регионов. Преуспеют те, кто быстрее сможет выйти на траекторию роста нового технологического уклада и вложиться в составляющие его производства на ранних фазах развития. И, наоборот, по мере формирования новых технологических траекторий вход на них будет становиться все дороже. Кризис закончится перетоком значительной части оставшегося после коллапса финансовых пузырей капитала в производства нового технологического уклада. После структурной перестройки экономики ведущих стран на его основе, которая продлится еще несколько лет, начнется новая длинная волна экономического роста. При этом баланс негативных и позитивных эффектов будет определяться скоростью роста новых производств, компенсирующих сжатие устаревающей части экономики (рис. 1).

В настоящее время новый технологический уклад переходит из «эмбриональной» и «родовой» фаз развития в фазу роста. Его расширение сдерживается как незначительным масштабом и неотработанностью соответствующих технологий, так и неготовностью социально-экономической среды к их широкому применению.

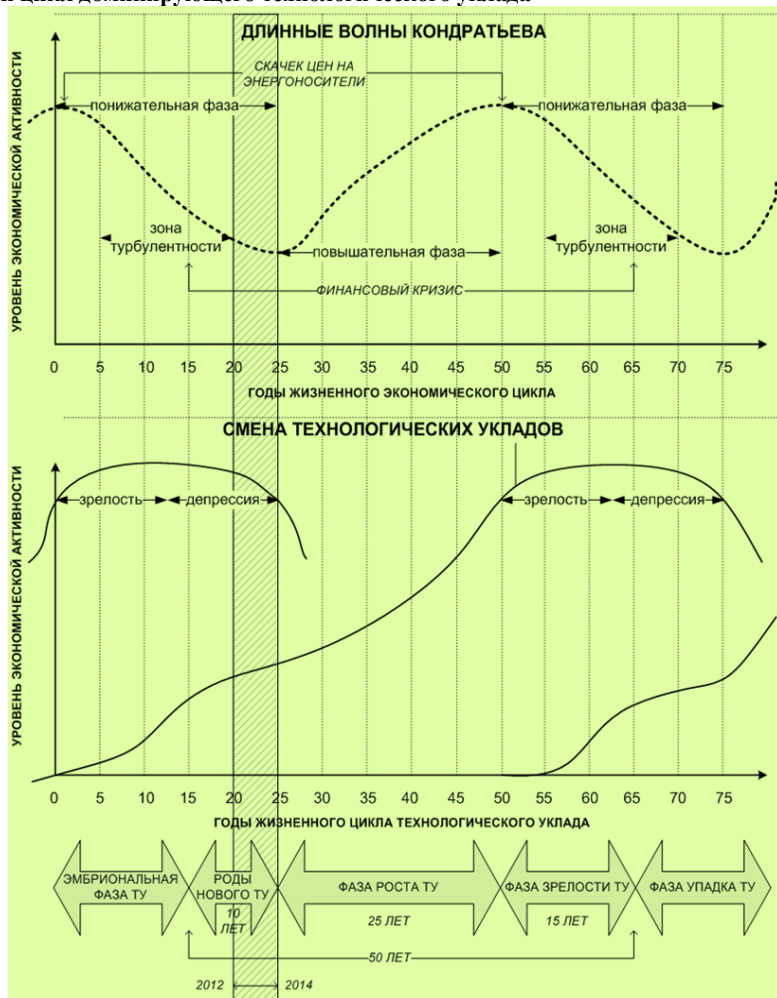
При всех сценариях глобального кризиса возможности развития российской экономики будут зависеть не столько от внешних факторов, сколько от внутренней экономической политики. При реализации предлагаемых ниже мер Россия могла бы существенно улучшить свое положение в мировой экономике, добившись:

- 1) опережающего становления нового технологического уклада и подъема экономики на длинной волне его роста;
- 2) существенного усиления отечественной банковско-инвестиционной системы;
- 3) экономической стабилизации и создания зоны устойчивого развития в регионе ЕврАзЭС и, при наличии политических условий, в СНГ.

Ключевая идея формирования антикризисной стратегии заключается в опережающем становлении базисных производств нового технологического уклада и скорейшем выводе российской экономики на связанную с ним фазу роста новой длинной волны.

Рисунок 1

Жизненный цикл доминирующего технологического уклада

Для этого необходима концентрация ресурсов в развитии составляющих его перспективных производственно-технологических комплексов, что требует целенаправленной национальной финансово-инвестиционной политики, включающей соответствующие инструменты денежно-кредитной, налогово-бюджетной, промышленной и внешнеэкономической политики. Их необходимо ориентировать на становление ядра нового технологического уклада и достижение синергетического эффекта формирования кластеров новых производств, что предполагает согласованность макроэкономической политики с приоритетами долго-

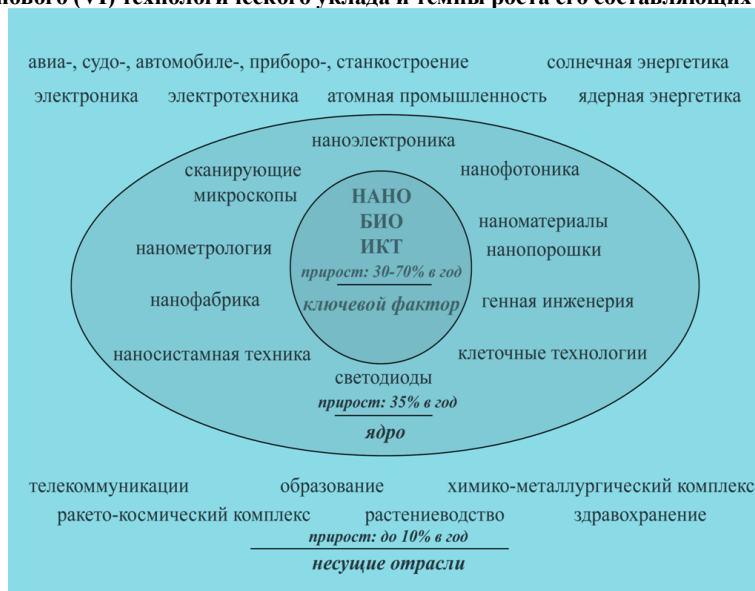
срочного технико-экономического развития. Последние должны формироваться исходя из закономерностей долгосрочного экономического роста, глобальных направлений технико-экономического развития и национальных конкурентных преимуществ.

С научно-технической точки зрения, выбираемые приоритеты должны соответствовать перспективным направлениям становления нового технологического уклада. С макроэкономической точки зрения, они должны создавать расширяющийся импульс роста спроса и деловой активности. Со структурно-воспроизводственной точки зрения, приоритетные производства начиная с определенного момента должны выходить на самостоятельную траекторию расширенного воспроизводства в масштабах мирового рынка, выполняя роль «локомотивов роста» для всей экономики. С социально-экономической точки зрения, их реализация должна сопровождаться расширением занятости, повышением реальной заработной платы и квалификации работающего населения, общим ростом общественного благосостояния.

Научно-техническое прогнозирование позволяет определить ключевые направления формирования нового технологического уклада: биотехнологии, основанные на достижениях молекулярной биологии и геномной инженерии, нанотехнологии, системы искусственного интеллекта, глобальные информационные сети и интегрированные высокоскоростные транспортные системы. К ним следует добавить направления-носители нового технологического уклада, предъявляющие основной спрос на его продукцию: космические технологии, производство конструкционных материалов с заранее заданными свойствами, авиационная промышленность, атомная промышленность, солнечная энергетика (рис. 2).

Рисунок 2

Структура нового (VI) технологического уклада и темпы роста его составляющих

Заделы в сфере атомной, ракетно-космической, авиационной и других наукоемких отраслях промышленности, в молекулярной биологии и геномной инженерии, нанотехнологиях дают России реальные возможности для опережающего развития нового технологического уклада и шансы на лидерство в соответствующих направлениях формирования новой длинной волны экономического роста.

Становление нового технологического уклада будет сопровождаться интеллектуализацией производства, переходом к непрерывному инновационному процессу в большинстве отраслей и непрерывному образованию в большинстве профессий. Совершится переход от экономики массового производства к экономике знаний, от общества массового потребления к обществу развития, в котором важнейшее значение приобретут научно-технический и интеллектуальный потенциал, а также требования к качеству жизни и экологичности среды обитания. Резко снизятся энергоёмкость и материалоемкость ВВП. В структуре потребления доминирующее значение займут информационные, образовательные, медицинские услуги. Это предопределяет ведущее значение для модернизации экономики науки, образования и здравоохранения, которые являются базовыми отраслями нового технологического уклада.

Становление нового технологического уклада требует освоения новых технологий управления, опережающее овладение которыми и подготовка кадров соответствующей квалификации также являются приоритетом политики развития. Дальнейшее развитие получат системы автоматизированного проектирования, которые позволяют перейти к автоматизированному управлению всем жизненным циклом продукции, сократив до минимума фазы внедрения и освоения новой техники. Особенностью базисных технологий нового технологического уклада является их высокая интегрированность, что требует комплексной политики их развития, предусматривающей одновременное создание кластеров технологически сопряженных производств, соответствующей им сферы потребления и состава трудовых ресурсов.

Необходимым условием выхода российской экономики на траекторию успешного экономического роста является наличие собственной стратегии долгосрочного развития, предполагающей проведение системной научно-технической и структурной политики по выращиванию составляющих новый технологический уклад научно-производственных комплексов и стратегическое мышление при формировании и реализации такой политики. Предпосылкой успешности указанной стратегии выступает эффективная работа национальной финансово-инвестиционной системы, способной обеспечить переток капитала в развитие новых производств и опирающейся на внутренние источники кредита. Для ее формирования необходимо:

- создание системы стратегического планирования, способной выявлять перспективные направления экономического роста, а также направлять деятельность государственных институтов развития на их реализацию;
- обеспечение необходимых для опережающего роста нового технологического уклада макроэкономических условий;
- формирование институтов финансирования проектов создания и развития производственно-технологических комплексов нового технологического уклада и сфер потребления их продукции.

Несмотря на многократное повышение эффективности, достигаемое при использовании технологий нового уклада, сохраняется недоверие инвесторов к их коммерческой привлекательности. Сталкиваясь с технологическими ограничениями роста устаревающего технологического уклада, высвобождающийся капитал не реинвестируется в утратившие перспективу производства, втягивается в спекуляции, образуя финансовые пирамиды. В такие периоды в экономике исчезает состояние равновесия, она переходит в турбулентный режим, в котором теряются долгосрочные ориентиры для инвесторов. Для преодоления возникающей депрессии государству приходится стимулировать спрос и инвестиционную активность.

Для преодоления порога синхронных затрат на создание производственных систем нового технологического уклада необходим достаточно мощный иницирующий импульс в форме инвестиций в прорывные НИОКР, новые виды инфраструктуры, освоение новых специальностей. Исторический опыт свидетельствует об исключительной масштабности и драматичности форм организации такого иницирующего импульса. Он уже проявлялся в резком увеличении государственных оборонных расходов, вылившихся в катастрофу Второй мировой войны в ходе позапрошлого кризиса, обусловленных сменой технологического уклада.

В ходе предыдущего структурного кризиса развернутая в США Стратегическая оборонная инициатива дала мощный импульс развитию информационно-коммуникационных технологий. Последующий рост этого комплекса на 25% в год в течение двух десятилетий обеспечивал устойчивый экономический рост – вплоть до начала нынешнего столетия.

Как показывает международный опыт успешных технологических прорывов и модернизации национальных экономик, необходимая для этого норма накопления должна составлять 35–45%. Для ее достижения в требуемый период модернизации российской экономики темпы роста инвестиций должны быть, как минимум, удвоены. Дело в том, что «окно возможностей» для успешного выхода на новую длинную волну экономического роста закрывается после перехода ведущих стран мира к новому технологическому укладу. После этого отстающим странам приходится довольствоваться ролью сырьевого придатка лидеров. Если же переход к новому технологическому укладу отстающей стране удастся совершить раньше, то она совершает рывок на гребне длинноволнового подъема. Именно так совершались экономические чудеса в США и Германии в конце позапрошлого века, в Японии и новых индустриальных странах – в середине прошлого века. Сейчас на наших глазах такой рывок совершает Китай.

У нас сегодня есть научно-технические заделы, а также человеческий капитал, необходимые для совершения рывка к новому технологическому укладу. Намного хуже обстоят дела с производственным капиталом, материализованным в устаревшем оборудовании. И совсем плохо с финансовым капиталом, институты накопления которого так и не были развиты за два десятилетия перехода к рыночной экономике. Вследствие этого не используется около трети формирующихся в экономике сбережений, которые широким потоком утекают за рубеж при хронической нехватке инвестиций в модернизацию предприятий. Последние, за исключением ориентированных на экспорт предприятий сырьевых отраслей, финансируют их за счет собственных средств, которых едва хватает на поддержание простого воспроизводства. Вся российская банковская система по своей мощности сравнима с одним крупным американским или японским банком.

Для преодоления этих узких мест рассчитывать на действие механизмов рыночной самоорганизации не приходится. В сложившихся условиях они ориентируются на обслуживание операций вывоза и ввоза капитала – рефинансирование за счет внутренних источников не дотягивает даже до потребностей простого воспроизводства. Необходимые для освоения новых технологий инвестиции предприятия обрабатывающих отраслей и машиностроения привлечь на финансовом рынке не могут в силу его спекулятивного характера, а также дороговизны и краткосрочности предлагаемых кредитов.

Без активного участия государства сложившиеся механизмы рыночной самоорганизации обрекают российскую экономику на воспроизводство механизмов внешней зависимости со специализацией на экспорте сырья, умов и капитала в обмен на импорт готовой продукции, иностранные кредиты и спекулятивные инвестиции.

У государства есть четыре способа воздействия на развитие экономики: налогово-бюджетный, денежно-кредитный, регулирующий и собственнический. Возможности первого ограничены уже принятыми решениями, из которых наиболее спорным является резервирование нефтяных доходов в резервном фонде. Их использование в целях поддержки инвестиционной и инновационной активности позволило бы поднять норму накопления в полтора раза, выведя ее на уровень установленных Президентом целевых показателей. Расходование бюджетных средств на цели развития здравоохранения, образования и науки также имеет немаловажное значение для становления нового технологического уклада, в отношении которого эти отрасли выполняют функции генератора спроса. Вместе с тем намного большие возможности для подъема инвестиционной активности кроются в денежной политике государства. Для их активизации необходимо создание механизмов долгосрочного рефинансирования на основе внутренних источников. Особое значение имеет роль государства как ключевого субъекта структурных преобразований.

В периоды экономической турбулентности и крупномасштабных структурных изменений, когда рыночные механизмы дают сбой, государство вынуждено принимать на себя роль основных субъектов развития. При этом, как показывает исторический опыт, наряду с соответствующим усилением регулирующего воздействия, государства часто прибегают к прямому управлению ключевыми для модернизации субъектами хозяйства, национализируя их или вводя механизмы планирования. Так было во всех капиталистических странах в 30–50-е гг., во всех новых индустриальных странах в послевоенный период. Многие передовые страны прибегали к национализации и в предыдущий структурный кризис в 70–80-е гг. Волны национализации и планирования объясняются стремлением государства не допустить нецелевого использования гигантских ресурсов, выделяемых для модернизации и структурной перестройки экономики. Как правило, к этой мере прибегают для форсированного выращивания нового технологического уклада посредством кредитования государственными банками государственных же предприятий. После формирования соответствующей технологической траектории и вывода созданных при поддержке государства хозяйствующих субъектов в режим расширенного воспроизводства на основе рыночных механизмов они приватизируются и мобилизующая функция государства сворачивается.

Для того чтобы связать охарактеризованные выше меры политики модернизации и развития необходимо стратегическое планирование, включающее постановку долгосроч-

ных целей, выбор приоритетов структурной перестройки экономики на основе нового технологического уклада, разработку и реализацию соответствующих программ, а также механизмы их финансирования и ресурсного обеспечения, ответственности за реализацию поставленных задач, мониторинга и контроля.

ПУТИ ОПТИМИЗАЦИИ МИГРАЦИИ И МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

В настоящее время многие в России понимают, что миграция является важным компонентом демографического развития страны. Несмотря на некоторый рост рождаемости и сокращение смертности в последние годы, демографические проблемы по-прежнему далеки от их окончательного разрешения. В этой ситуации миграция является одним из источников компенсации демографических потерь и дефицита трудовых ресурсов. Хорошо известно, что в 1992–2008 гг. население России сокращалось, главным образом за счет превышения смертности над рождаемостью. Страна потеряла приблизительно 8,2 млн человек. И миграция в этой ситуации лишь частично компенсировала демографические потери. В 2009–2011 гг. наступила относительная стабилизация, которую можно назвать «игрой со статистикой». Поскольку данные переписи 2010 г. неожиданно увеличили численность населения на 1 млн человек (в 2002 г. – на 2 млн человек). В большей степени это связано с неточностями текущего учета иммиграции в России, чем с объективными демографическими трендами. Система текущего учета по-прежнему не полностью фиксирует временные формы иммиграции.

Миграционная политика России на протяжении последних 20 лет подвергается критике со стороны различных частей гражданского общества. И вполне заслуженно. Одной из ключевых причин этого было непонимание властями роли и места миграции в социально-экономическом и демографическом развитии страны. Это непонимание выражалось в непоследовательных действиях государства по регулированию миграции; в несогласованно-

сти работы государственных институтов в области реализации миграционной политики; в разнонаправленных мерах, которые декларировались высшими чиновниками и реализовывались на практике и на местах чиновниками-исполнителями.

Например, неоднократно Президенты Путин и Медведев говорили о важности и обязанности России принять русских, оставшихся за ее пределами после коллапса СССР. Даже приняли специальную программу возвращения соотечественников. Однако на практике существуют такие законы и процедуры, которые не только не облегчали русским из СНГ получение российского гражданства, а даже лишали их российских паспортов, полученных в российских посольствах и консульствах. Другой пример, на высшем уровне было объявлено о необходимости привлечения высококвалифицированных специалистов в Россию на работу и постоянное место жительства. Однако на практике остается много препонов: совершенно не развита инфраструктура, обеспечивающая этот процесс. Получение разрешения на привлечение иностранных ученых в качестве сотрудников научных учреждений и университетов остается ограниченным отсутствием на это средств, необоснованно высоко установленным минимумом оплаты труда (3 млн руб. в год). Порядок получения виз сложный и запутанный. Процедуры подачи разрешения на работу бюрократизированы, затратны по времени, а иногда и деньгам. Примеры можно продолжать.

Одной из ключевых проблем российской миграционной политики можно считать отсутствие до последнего времени адекватной времени и потребностям государства концепции регулирования миграции. Понятно, что концепция должна ставить четкие приоритеты и цели в области регулирования миграции, определять направления действий и учитывать потребности страны в мигрантах. Практически концепция регулирования миграции должна отражать понимание властями роли миграции для страны. Очевидно, что концепция регулирования миграции должна быть связана с Концепцией демографического развития страны и Концепцией социально-экономического развития государства.

До последнего момента в России действовала Концепция регулирования миграционных процессов, которая была принята в 2003 г. Однако эта Концепция неоднократно и обосновано подвергалась критике, она явно не соответствовала времени и потребностям страны ни по своей идеологии, ни по содержанию. В этой связи несколько лет назад Федеральная миграционная служба России начала разработку проекта новой Концепции миграционной политики страны. Ее вариант был вынесен на обсуждение широкой общественности в 2010–2011 гг. Наконец, 13 июня 2012 г. Президент Путин утвердил Концепцию государственной миграционной политики РФ на период 2025 г. В данном исследовании предпринята попытка проанализировать соответствие новой Концепции государственной миграционной политики (2012) демографической ситуации и потребностям страны, с одной стороны; соответствие Концепции практике регулирования миграционных процессов, с другой стороны. Остановимся на некоторых наиболее важных моментах.

Первое. Нужно признать, что проект новой Концепции содержит довольно много «прорывных» идей, которые помогут России регулировать миграцию в своих интересах. **Впервые миграция рассматривается не только как угроза для страны, но и как ресурс для ее развития.** В Концепции говорится: «Миграционные процессы играют значимую роль в социально-экономическом и демографическом развитии Российской Федерации. За по-

следние два десятилетия миграционный прирост в значительной степени компенсировал более половины естественной убыли населения» (п. 6, раздел II). Это важный шаг со стороны российских властей, которые признали, что миграция есть ресурс развития! Также, наконец-то, государство признало, что «переселение мигрантов на постоянное место жительства в Россию становится одним из источников увеличения численности населения страны в целом и ее регионов, а привлечение иностранных работников по приоритетным профессионально-квалификационным группам в соответствии с потребностями российской экономики является необходимостью для ее дальнейшего поступательного развития» (п. 7, раздел II). Основной поток иммигрантов в Россию на постоянное место жительства происходит из стран СНГ. В 1992–2011 гг. Россия приняла около 7 млн человек из стран бывшего СССР. В настоящее время иммиграция компенсирует около 70% естественной убыли населения, а в 11 регионах страны миграция полностью перекрывает естественную убыль населения. В этой связи трудно не согласиться с формулировками, приведенными в новой Концепции миграционной политики. Хочется верить, что данные формулировки не останутся только на бумаге, а будут способствовать реальным изменениям в миграционной политике.

Второе. К сожалению, *цель миграционной политики России в новой Концепции сформулирована недостаточно четко.* Не может быть целью миграционной политики страны: «обеспечение национальной безопасности РФ, максимальная защищенность, комфортность и благополучие населения России» (скорее, это может быть целью Концепции национальной безопасности или Концепции социального развития), «стабилизация и увеличение численности постоянного населения» (это в большей степени – цель Концепции демографической политики), «содействие обеспечению потребности экономики России в рабочей силе, модернизации, инновационном развитии и повышении конкурентоспособности его отраслей» (это может быть целью Концепции экономического развития) (п. 21, раздел III). Цель миграционной политики должна быть сформулирована более конкретно: «максимальное сокращение эмиграционного оттока населения из России и стимулирование притока нужных для страны категорий иммигрантов на постоянное место жительства, работу и учебу в необходимых параметрах».

Третье. Впервые столь *четко государство заявляет о необходимости развития внутренней миграционной подвижности российского населения:* «Неблагоприятные тенденции наблюдаются во внутренних миграциях. Население Российской Федерации отличается низкой территориальной мобильностью (в том числе на локальном уровне) в сравнении с другими странами» (п. 10, раздел II). Концепция предлагается целый блок направлений, которые позволят стимулировать внутренние миграции (п. 24в, раздел III). Весьма ценно, что они носят характер снятия административных барьеров по регистрации и оформлению работников, предусматривают экономические инструменты стимулирования внутренних миграций, развитие транспортной инфраструктуры и рынка жилья.

Парадоксально, но на фоне огромного числа международных мигрантов в России остается очень низкой миграционная подвижность российского населения. Данные переписи населения свидетельствуют о том, что 97% жителей России живут в месте рождения, т.е. никогда не перемещались в пределах своей страны. Во внутренних миграциях участвовали

только 2 млн человек или 1–2% населения. Российское население в большей степени «привязано» к рынку жилья, чем к рынку труда. По-прежнему система требует от россиянина регистрацию по месту пребывания в другом городе. И поскольку регистрация не уведомительная, а привязана к собственнику жилья, то большинство внутренних мигрантов обращается к посредникам, которые продают такую регистрацию за 500 или 1000 руб.

В России более 6,3 млн официальных безработных из числа российских граждан, множество молодых людей, пенсионеров и инвалидов, готовых работать в экономике, но при этом не имеющих такой возможности из-за административных препон или нежелания работодателей соблюдать законодательство. При этом в Россию было привлечено только на легальной основе 2,5 млн трудовых иммигрантов. *Оценки незаконной занятости иностранных работников в России самой Концепцией определяются в 3–5 млн человек* (п. 12, раздел II). Понятно, что напрямую нельзя заменить эти группы на рынке труда, но резервы здесь отнюдь не исчерпаны. Например, некоторых российских территориях просто число безработных достигает огромных значений: в Чечне – 300 тыс., в Дагестане – 250 тыс., в Ингушетии – 130 тыс. человек и т.д. В 16 регионах России численность официально зарегистрированных безработных превышает 100 тыс., а в 23 регионах – 50 тыс. человек. Эти ресурсы рынка труда, которые пока не используются. В советское время был опыт перераспределения избыточных трудовых ресурсов. Тогда внутри России миграционный поток населения был направлен из Европейской части в регионы Севера, Сибири и Дальнего Востока, что было обусловлено соответствующей экономической политикой освоения северных, сибирских и дальневосточных территорий – привлечением мигрантов на большие индустриальные проекты.

В настоящее время потоки внутренней миграции кардинально поменяли направление по причине отсутствия экономической политики в этих регионах. Главным трендом внутренней миграции стали потоки россиян из северных и восточных регионов страны (Сибири, Дальнего Востока, Европейского Севера) в центральные и юго-западные регионы (Северный Кавказ, Центральную Россию). Массовый отток российского населения связан с отсутствием программ развития транспортной, жилищной, социальной инфраструктуры в этих районах, заброшенностью небольших городов и сельской местности, натурализацией хозяйства. За счет внутренней миграции происходит перераспределение населения в пользу европейских регионов России. По нашим расчетам, в 1996–2008 гг. Сибирь потеряла 1,5 млн человек, Дальний Восток – около 1 млн человек. В то время, как Москва и Московская область увеличили население на 1,9 млн, а Северный Кавказ на 1,1 млн человек. Даже ближайшее окружение Москвы – регионы Центральной России – потеряли 2,3 млн человек.

В этой ситуации во многих регионах России, теряющих население, усиливается «замещающая» миграция. Термин «замещающая» миграция характеризует организованные государством миграционные потоки, которые помогали принимающей стране восполнять потери абсолютной численности населения или отдельных возрастных контингентов (например, трудовых ресурсов). Однако, как показала практика, масштабная «замещающая» миграция несет помимо демографических эффектов массу культурных, социальных и даже политических проблем.

В настоящее время миграционная политика экономически развитых стран становится все более жесткой в отношении неквалифицированной рабочей силы, она отдает предпочтение людям с высокой квалификацией и учебным мигрантам. Ситуация с «замещающей» миграцией в России обостряется еще и тем, что она происходит стихийно. В России трудовые мигранты расселяются не на основе объективной необходимости, а на основе родственно-этнических связей. Это приводит к формированию замкнутых этнических сообществ, где в русском языке нет потребности, где работодатель берет на работу мигранта из своей страны. Данная ситуация опасна не только с геополитической точки зрения, но, прежде всего, с социальной точки зрения. Между иммигрантами и местным населением часто обостряются отношения, существует непонимание, все чаще происходят открытые конфликты.

Поэтому, приоритет стимулирования внутренней миграции и занятости российских граждан неоспорим с точки зрения приоритетов регулирования миграции в интересах государства. Какое количество иммигрантов необходимо приглашать, где их расселять и как интегрировать – это принципиальные вопросы для современной России. Количество иммигрантов на постоянное место жительства и временных трудовых должно «привязано» к параметрам социально-экономического и демографического развития России.

Четвертое. Впервые новая Концепция миграционной политики *поднимает вопрос интеграции мигрантов в российское общество*. В частности, в п. 17 раздела III признается, что «важными элементами государственной миграционной политики Российской Федерации является создание условий для адаптации и интеграции мигрантов...». Это вопрос для страны не просто актуален, он становится ключевым с точки зрения безопасности. Привлечение иммигрантов – это только половина дела, вторая часть вопроса как их интегрировать социальную и культурную среду, как ликвидировать культурную дистанцию и снизить напряженность в отношениях между местным населением и иммигрантами.

Наши исследования показывают, что на фоне роста компенсаторной роли миграции в формировании населения страны серьезно изменяется социально-демографический и этнический состав постоянных и временных трудовых иммигрантов. Основной приток иммигрантов на постоянное место жительства в Россию происходит преимущественно из стран СНГ: Казахстана, Узбекистана и Таджикистана. На протяжении 1990-х гг. это была «возвратная миграция» русских и представителей народов России, которые возвращались из бывших республик Закавказья и Средней Азии. Однако за последние годы существенно изменился этнический, образовательный, социальный состав иммигрантов из СНГ. Сокращается доля русских в потоке иммигрантов: в 2007 г. на них приходилось около 60%, а в 1995 г. – 74%. Сейчас Росстат не разрабатывает данные об этничности иммигрантов на постоянное место жительства, поэтому дать эти оценки не представляется возможным. Аналогично в потоках трудовой иммиграции преобладает поток выходцев из Центральной Азии, которые слабо владеют русским языком. Уже сейчас возникла объективная необходимость обучения таджикскому языку сотрудников службы пограничного контроля в российских аэропортах. Поток прибывающих в Россию слабо владеет русским языком даже для объяснения на элементарном уровне целей своего приезда в страну.

Снижается уровень образования мигрантов, в трудовую миграцию в странах Центральной Азии все более активно вовлекаются сельские жители и социально незащищен-

ные слои населения. В половозрастной структуре иностранных работников в России преобладают мужчины (около 90%) в возрасте от 18 до 39 лет (около 80%). Начиная с 2007 г. возрастная группа трудовых иммигрантов от 18 до 29 лет стала преобладать над группой от 30 до 39 лет. В странах происхождения в трудовую миграцию вовлекаются совсем молодые люди, которые имеют только незаконченное или среднее образование, не имеющие жизненного опыта, опыта жизни в больших городах, элементарных навыков жизни самостоятельно от родителей, пребывания в городской среде, культуры поведения в обществе. Их низкий уровень культуры и иное поведение провоцирует негативное отношение к ним со стороны местных жителей.

Все интенсивнее под воздействием иммиграции многие регионы и города России постепенно меняют свой этнический и социальный состав населения, снижается общий уровень культуры населения. А в регионах России, откуда происходит массовый отток российского населения, эти процессы имеют двойную актуальность. Безусловно, эти социокультурные процессы сопряжены с определенными рисками для России.

На этом фоне пока инфраструктура интеграции иммигрантов в стране абсолютно не развита, предстоит сделать очень многое в этом направлении. В отличие от других стран мира, Россия практически не имеет в достаточном количестве курсов русского языка, культурно-адаптационных центров, консультационных пунктов, клубов по месту жительства мигрантов и др.

Пятое. В новой Концепции миграционной политики (2012) справедливо *уделяется важное внимание учебной иммиграции в Россию*. В частности признается, что «слабо используется миграционный потенциал российской системы образования. Образовательная (учебная) миграция – источник квалифицированных и интегрированных в стране иностранных граждан» (п. 16, раздел III). Документ развивает абсолютно необходимую идею привлечения иностранных студентов в страну, тем более, что в условиях сокращения численности абитуриентов российские университеты уже в ближайшие годы столкнутся с проблемами набора студентов.

Учебная миграция – один из немногих миграционных потоков, который упоминается в смежных документах. В Концепции демографической политики Российской Федерации до 2025 г. (2007) отмечается необходимость привлечения квалифицированных иностранных специалистов, в том числе выпускников российских высших учебных заведений, на постоянное место жительства в Российскую Федерацию, привлечение молодежи из иностранных государств для обучения и стажировки в Российской Федерации с возможным предоставлением преимуществ в получении российского гражданства по окончании учебы.

В Концепции долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 г. (2008) в качестве прочих целевых ориентиров прописано «увеличение доли иностранных студентов, обучающихся в России, до 5% общего числа студентов, создание условий для подготовки в образовательных учреждениях, обучающихся из государств-участников СНГ». К сожалению, идея привлечения учебных мигрантов не была четко прописана в Государственной программе стимулирования переселения в России соотечественников. Однако известно, что на уровне согласования региональных программ содействия переселению этому аспекту уделяется определенное внимание.

Парадоксально, но, несмотря на упоминание учебной миграции в этих важных документах, привлечение иностранных студентов пока не стало направлением государственной политики. В последнее время многие российские вузы самостоятельно пытались выходить на образовательные рынки зарубежных стран. Однако их шаги разобщены, часто они конкурируют между собой, сталкиваются с активной конкуренцией вузов из других стран. Но главное, нет государственной поддержки в этом вопросе – русский язык не продвигается за рубежом, нет государственных программ стажировок и обменов студентами, аспирантами, преподавателями и учеными, не финансируются научно-образовательные проекты, нет политики формирования контингентов абитуриентов за границей.

В итоге, имея огромный потенциал системы образования, Россия обучает только 80–90 тыс. иностранных студентов ежегодно и занимает только 3% рынка образовательных услуг. Главным образом, они приезжают в Россию стихийно, по накатанным каналам – здесь учились их родители, или они этнические русские и родители хотят через них переехать со временем в Россию. В первую десятку стран входят Китай, Казахстан, Индия, Украина, Вьетнам, Узбекистан и др. Студентов из стран СНГ привлекает русский язык, сходство системы образования, родственные связи. Но это явление временное. Китайские, индийские и вьетнамские студенты едут в Россию главным образом потому, что здесь обучение дешевле, чем в экономически развитых странах. Других конкурентных преимуществ у российских вузов пока нет.

Наши исследования во Вьетнаме показывают, что потоки учебных мигрантов, традиционно ориентированные на Россию, – переориентируются на США, Канаду, Австралию, Западную Европу, Японию. Согласно данным нашего опроса во Вьетнаме в 2009 г., проведенного среди 300 вьетнамцев 8 провинциях, которые работали или учились в России, 50% не хотели бы учить своих детей в России ни при каких условиях. Причем 42% вьетнамцев уверены, что в России опасно жить. Все больше вьетнамский средний класс ориентируется на обучение своих детей в других странах. Например, в США хотят обучать своих детей 33% вьетнамцев, принявших участие в опросе, 20% – в Великобритании, 18% – в Австралии, 9% – в Японии, потому что 32% абитуриентов изучали во Вьетнаме язык страны – будущего места обучения (как правило, английский). Фактически это свидетельствует, что Россия потеряла для себя образовательный рынок Вьетнама. Аналогичные процессы начинаются в странах СНГ.

Между тем образовательная иммиграция молодежи – это один из самых желательных миграционных потоков для страны. Он имеет экономические, политические и социально-демографические эффекты. К числу последних можно отнести увеличение молодежных возрастных групп в возрастной структуре населения, пополнение трудовых ресурсов, численности высококвалифицированных специалистов, развитие национальной системы образования. При всей значимости учебной миграции в настоящее время властями России не предпринимаются конкретных шагов по продвижению российских образовательных услуг на зарубежных рынках, не ликвидированы препятствия с точки зрения трудового и миграционного законодательства. До сих пор иностранным студентам официально не разрешается работать в России за пределами своего вуза. Это автоматически выталкивает их в неформальный сегмент рынка труда. Существует много проблем с безопасностью, жилищными условиями иностранных студентов.

Шестое. Новая Концепция декларирует необходимость *«создания условий и стимулов для соотечественников, проживающих за рубежом, эмигрантов... для переселения в Российскую Федерацию на постоянное место жительства»* (п. 24, раздел III). Государственная программа содействия стимулированию привлечения соотечественников, проживающих за рубежом, была утверждена указом Президента РФ в 2006 г. Первоначально она стартовала в 12 регионах (Красноярский, Приморский и Хабаровский края, Амурская, Иркутская, Калининградская, Калужская, Липецкая, Новосибирская, Тамбовская, Тверская и Тюменская области), затем ее география была существенно расширена. В 2008 г. власти 71 субъекта Российской Федерации представили информацию о разработке (доработке) проектов региональных программ переселения. Есть мнение, что программа потерпела крах. Например, в 2007–2009 гг. в рамках государственной программы в Россию переселились около 9 тыс. человек и еще около 27 тыс. находятся на различных стадиях переселения. Это, конечно, не те масштабы, которые ожидались.

Государственная программа содействия переселению соотечественников нуждается в серьезном совершенствовании. Кроме того, в ходе реализации программы возникает целый ряд проблем. Можно выделить три направления, требующие доработки и улучшения: обеспечение жильем, трудоустройство, закрепление на территориях вселения. Переселенцы распределяются по территории России крайне неравномерно – более 54% расселились в Калининградской области. Здесь комбинация объективных факторов (географическое положение, благоприятный климат, экономическое развитие, уровень жизни) сочетается с субъективным фактором (политической волей губернатора, который заявил, что область готова принять до 300 тыс. переселенцев). Регионы Дальнего Востока, которые нуждаются в населении, привлекли только около 5% переселенцев. Причиной такой диспропорции является главный недостаток программы – отсутствие принципиального решения по обеспечению жильем переселенцев за счет средств федерального бюджета. Проблема жилья была «спущена» на региональный уровень, что лишило власти многих регионов заинтересованности в приеме мигрантов, они рассматриваются скорее как обуза, чем средство решения демографических проблем.

Государственная программа заканчивается 2012 г. Однако прекращать ее нельзя, она жизненная необходима не только России, но и людям, которые все еще хотят вернуться в Россию. Нужно признать, что это до сих пор единственная организованная программа переселения, которая имеет государственное финансирование. Она обеспечила небольшой миграционный прирост. Но главное, она программа имела важное политическое значение – Россия стала принимать своих соотечественников (большинство из них русские и представители народов России), которые в советское время, после окончания вузов по направлению государства («распределению») ехали на работу в национальные республики, ставшие независимыми государствами.

Седьмое. Впервые в государственном документе подобного уровня заявлена необходимость привлечения инвесторов и предпринимателей в России с целью постоянного места жительства. В частности, в Концепции записано, что необходимо *«создание условий для миграции в Российскую Федерацию предпринимателей и инвесторов»* (п. 24, раздел III). Это предложение – революционно! Еще никогда в России власти не заявляли о возможности предоставления вида на жительство или гражданство при условии инвестирования

средств в национальную экономику. К сожалению, это пока только декларация, но очень правильная декларация. Осталось дело за малым – наладить инвестиционный климат, снизить налоги, и конечно, отработать миграционные инструменты, предоставления вида на жительства и гражданства иностранцам, готовым инвестировать средства в экономику России.

Рассчитывать на массовый приток бизнесменов из Западной Европы, США, Японии не приходится, но очевидно, что этот канал может быть привлекательным для граждан СНГ, Китая, Вьетнама. Особое значение это направление миграционной политики имеет для развития Дальнего Востока и Сибири. В этой части миграционная политика России должна быть тесно связана с программой экономического развития Дальнего Востока и Сибири.

Сейчас экономика региона может иметь экспортную направленность, в первую очередь, на страны Азиатско-Тихоокеанского региона (статьи экспорта – энергоресурсы, лесные ресурсы, продукция сельского хозяйства, морского промысла, пушнина, металлы и др.). Среднесрочная концепция развития экономики региона должна ориентироваться на постепенный переход от экспорта необработанного сырья к производству и экспорту готовой продукции. На Дальнем Востоке и в Сибири необходимо введение льготного налогового режима для предпринимателей, готовых вкладывать средства в развитие предприятий по производству полуфабрикатов и готовой продукции, ориентированных на экспорт. Это позволит создать рабочие места, стимулировать рост промышленного производства в регионе, остановить миграционный отток населения.

Для социально-экономического развития приграничных регионов Сибири и Дальнего Востока необходим специальный проект. Необходимо выделить средства на строительство жилья выпускникам высших учебных заведений, готовым переселиться в эти регионы; выделить средства из федерального бюджета на льготные кредиты и безвозмездные ссуды на строительство жилья и ведение бизнеса (для мигрантов и местного населения) в зависимости от количества мигрантов, принятых регионом; освободить от налогов на прибыль «стартающие» предприятия и индивидуальных предпринимателей – российских граждан, проживающих в регионе, на первые три года; предоставить возможности получения земли в долгосрочную аренду для ведения производственной и сельскохозяйственной деятельности, а также строительства жилья молодым специалистам; предоставить возможность бесплатного проезда в европейскую часть страны (или любой другой регион России) для жителей Дальнего Востока и Сибири в течение года любым видом транспорта; возможно, и жителям европейской части необходимо разрешить поездку на Дальний Восток или в Сибирь, чтобы стимулировать внутренний туризм; распространить на районы Дальнего Востока и Сибири надбавки к заработной плате за длительность сроки проживания в регионе (людям, прожившим в регионе более 5 лет, например, доплачивать 15%, от 5 до 10 лет – 25%, от 10 до 20 лет – 50%, свыше 20 лет – 100%).

Интересно заметить, что новая Концепция миграционной политики завершается п. 32 раздела VII, который дословно звучит так: *«По итогам реализации третьего этапа предполагается к 2026 г. обеспечить миграционный приток населения в районы Сибири и Дальнего Востока»*. Может быть и можно, только необходимы радикальные меры.

Восьмое, новая Концепция уделяет значительное внимание трудовой иммиграции в Россию. При этом в документе признается, что *«система привлечения временных трудовых мигрантов и определение потребности в иностранной рабочей силе нуждается в*

совершенствовании» (п. 14, раздел II). В п. 24б раздела III приводится целый комплекс мер совершенствования миграционной политики по этому направлению. Все они нужны и важны. Никто не спорит, что трудовая иммиграция в Россию необходима. Однако остаются вопросы. Например, почему с точки зрения значимости, эта задача более приоритетна, чем работа с внутренними мигрантами? Все-таки, каким образом, на основе каких методик будут рассчитываться потребности в иностранной рабочей силе? В каких регионах и отраслях необходимы трудовые мигранты? Наконец, какое количество трудовых мигрантов можно заместить внутренними трудовыми ресурсами с учетом межрегионального и межотраслевого перераспределения, повышения производительности труда и внедрения инноваций?

В настоящее время трудовая иммиграция представляет собой самый значительный миграционный поток в Российскую Федерацию. Отечественный рынок труда остается достаточно привлекательным, прежде всего, для населения из стран СНГ. Несмотря на распад СССР, который произошел двадцать лет назад, Россия продолжает сохранять довольно устойчивые связи со многими соседями. Объективными предпосылками формирования прочных миграционных связей в этом регионе остается общность менталитета, культуры, языка, открытость границ, а также емкость российского рынка труда.

Трудовая миграция в России характеризуется довольно высокими параметрами. Экономический кризис, больно ударивший по России, несколько сократил число легальных трудовых мигрантов в 2009 г., но в 2010 г. их численность восстановилась. А с учетом новой системы патентов стала даже больше – 2,6 млн человек.

Исследования показывают, что труд рабочих-мигрантов из различных стран широко распространен в разных секторах экономики России, их труд применяется практически повсеместно. Во многих отраслях экономики сложился механизм, когда на многих предприятиях официально числятся российские работники, а фактически работают иностранные рабочие-мигранты. Поскольку вторые обходятся гораздо дешевле, разница между этими затратами представляет собой чистую прибыль владельцев предприятий. Существует серьезный социальный или гуманитарный аспект проблемы. Рабочие-мигранты живут в плохих условиях, получают гораздо меньшую заработную плату, подвергаются эксплуатации со стороны работодателей, повсеместно нарушаются их трудовые и человеческие права. Фактически можно говорить о формировании сегмента принудительного труда в некоторых отраслях российской экономики. Из-за демпинга цены на труд часть местных работников теряет стремление и желание искать работу в этой отрасли, а работодатели теряют интерес к найму местных работников.

Объективности ради следует отметить определенный прогресс российского законодательства в области регулирования трудовой иммиграции. В частности, вступили в силу с 1 июля 2010 г., поправки в миграционное законодательство, которые дали определенные преференции высококвалифицированным специалистам. Если им работодатель платит по контракту не менее 2 млн руб. в год, то разрешение на работу им выдается на срок действия трудового договора с работодателями, но не более, чем на три года. В соответствии с таким договором, мигрантам и членам их семей возможно оформление вида на жительство, на срок действия контракта. Зарубежные профессионалы смогут в течение длительного времени работать в России. Власти декларировали также, что намерены минимизировать контакты профессионалов и их работодателей с Федеральной миграционной службой. Это

изменение соответствует заявленному в новой Концепции положению: *«Одна из стратегических задач – создание условий и механизмов для привлечения востребованных экономикой высококвалифицированных и квалифицированных специалистов разного профиля..., прежде всего на долгосрочной основе»* (п. 8, раздел III Концепции). Однако при заработной плате профессора в России от 1 до 2 тыс. долл. в месяц, ограниченном числе программ грантовой поддержки для привлечения иностранных ученых это положение работает только для крупных компаний, но не для университетов и научных институтов. Прежде всего, требуется кардинальное изменение отношение государства к финансированию науки в России, а также развитие грантовых программ обмена учеными.

Девятое. К сожалению, в новой Концепции государственной миграционной политики слабо отражены беды миграционной статистики в России и пути их решения. Скромно сообщается в п. 26в раздела V, что нужно *«развивать систему статистического наблюдения на основе административных систем учета населения и системы выборочных исследований»*. Несмотря на важность миграции для страны, сейчас в России отсутствует адекватный учет миграции. Прежде всего, надо отметить, что информации о миграции носит разобщенный характер. Росстат фиксирует миграцию на постоянное место жительства российских граждан, а Федеральная миграционная служба – временную трудовую миграцию иностранных граждан и численность иностранцев, получивших российское гражданство. Министерство образования и науки собирает информацию об учебной миграции иностранных граждан в Россию. Федеральная пограничная службы фиксирует факты пересечения границы российскими и иностранными гражданами. Причем каждый из этих источников имеет серьезные недостатки. По непонятным причинам, например, Росстат с 2009 г. прекратил разработку данных о мигрантах в разрезе национальностей. ФМС фиксирует количество выданных разрешений на работу в России, а не число иностранных рабочих работающих в стране. Среди трудовых эмигрантов учитываются только те, которые трудоустроились через саму ФМС или фирмы, имеющие лицензию, а огромное число мигрантов, трудоустроенных самостоятельно, не учитываются статистикой. Каждый перечисленный выше источник информации не отражает реальной ситуации и нуждается в серьезной корректировке. Целостного представления о миграции в стране нет и быть не может без нормальной статистики. Прежде всего, нужно создать единую информационную систему учета миграции. Для ее разработки необходимо создать рабочую группу в составе сотрудников заинтересованных ведомств (прежде всего, ФМС, Росстата, МВД, Пограничной службы, Минобрнауки) и ученых в области миграции. Это необходимо сделать срочно и в первую очередь, поскольку невозможно формировать миграционную политику, не понимая, что реально происходит с миграцией в России!

Десятое. В настоящее время, ключевой проблемой для России становится эмиграция. В новой Концепции, к сожалению, эта проблема вообще не рассматривается, только сообщается одним предложением в п. 9 раздела II, что *«продолжается эмиграционный отток из страны»*. Эмигранты также упоминаются только *«вскользь»* в контексте возвратной миграции. Конечно, важно привлекать иммигрантов в Россию, но нельзя ничего не делать с эмиграционным оттоком, который происходит из России сейчас. Начиная с 1989 г. из России в страны дальнего зарубежья выехало более 1,2 млн человек. Основными странами выезда россиян на постоянное место жительства традиционно были и остаются Германия,

Израиль и США. Среди новых направлений эмиграции российских граждан можно выделить страны Европы (Финляндию, Испанию, Великобританию и пр.), Канаду, Австралию, Новую Зеландию, Китай.

Россия стала крупным экспортером рабочей силы на рынки труда зарубежных стран – ежегодно только по контрактам выезжают на работу 45–70 тыс. человек. Большая часть российских временных трудовых эмигрантов направляется в Америку и Европу. В последнее время все заметнее присутствие россиян на рынках труда в Азии и Австралии. Основными странами трудоустройства россиян являются США, Кипр, Либерия, Мальта, Нидерланды, Германия, Маршалловы острова, Панама, Греция и др. Некоторые из государств являются странами «с дешевыми флагами», к которым приписаны морские суда, были или остаются оффшорами, позволяют в упрощенном порядке приобретать недвижимость и вкладывать капитал, что привлекает россиян. Страны СНГ на фоне государств «старого» зарубежья пользуются гораздо меньшей популярностью у россиян, хотя трудовая миграция в них тоже присутствует в небольших объемах. Сопоставление зарубежных и отечественных данных по трудовой миграции россиян за границу свидетельствует о том, что миграция из страны была как минимум в 2 раза больше (а по некоторым странам в отдельные годы еще больше). Очевидно, что многие россияне не уведомляли государственные службы относительно своего трудоустройства за рубежом, но при этом были трудоустроены легально.

За рубежом наиболее востребованными являются россияне со средним специальным (профессиональным) образованием – это примерно 40–50% от всех выехавших по контрактам за рубеж. Российские работники за рубежом с высшим образованием составляют примерно треть миграционного потока. На международном рынке труда наиболее востребованными являются россияне, имеющие рабочие специальности – около половины трудового миграционного потока, в первую очередь связанные с судоходством и рыболовством. На них приходится приблизительно половина от всех рабочих специальностей. Примерно четверть всех трудоустроенных по контрактам за рубежом – специалисты в технической сфере и области искусства и культуры. Наконец, шестая часть потока трудовых мигрантов – руководители. Анализ данных российской статистики показывает, что 64% трудовых эмигрантов работали в транспортной отрасли в России, 65% трудовых эмигрантов сохранили свою специализацию и работали на транспорте в принимающих странах также. В большинстве своем это моряки и технический персонал морских судов.

Эмиграция из России в страны дальнего (старого) зарубежья носит также характер «утечки умов». Каждый 5-й эмигрант имел высшее образование, что почти в 1,5 раза превосходило долю людей с таким уровнем образования в населении России. В настоящее время «утечка умов» продолжается. Высоким уровнем образования отличалась эмиграция в США (35% – мигранты с высшим образованием) и Израиль (32%). С начала 1990 г. в США выехало более 32 тыс. россиян с высшим образованием. Из России за границу эмигрируют специалисты в сфере космических технологий, прикладной и теоретической физики, компьютерных и тонких химических технологий, биохимии и микробиологии, генетики и математики. По примерным данным, эмиграция одного высококлассного специалиста за рубеж оборачивается потерями для страны примерно 300 тыс. долл. В последние годы в эмиграцию активно вовлекаются российские программисты и специалисты в сфере компьютерных технологий. Многими государствами Запаदा Россия рассматривается как источник

пополнения дешевыми и высококвалифицированными кадрами, которые могут довольно успешно адаптироваться на рынке труда и в принимающем обществе. Например, Германия в 2004 г. приступила к реализации крупномасштабной программы, рассчитанной на привлечение около 100 тыс. компьютерных специалистов именно из России. В США также обсуждаются идеи увеличения квот для иностранных квалифицированных специалистов.

Эмиграция внесла существенный вклад в потери Россией научного потенциала наряду с оттоком ученых в другие сектора экономики. Один выехавший за рубеж ученый, как правило, «тянет» за собой своих учеников и коллег. Как свидетельствуют результаты исследований, многие эмигранты поначалу связи с коллегами в России поддерживают, но через год-два происходит их ослабление и даже разрушение. Ученые-эмигранты видят основной смысл не в том, чтобы поддерживать научные контакты с коллегами в России, а том, чтобы помогать им при переезде на Запад. Таким образом, эмиграция ученых носит характер лавинообразного миграционного потока. Существует реальная опасность утраты в России многих научных школ и направлений исследований.

По данным российских источников, число отечественных ученых, работающих за границей, оценивается в 30 тыс. человек, в том числе 14–18 тыс. человек трудятся в фундаментальных науках. Эта цифра представляется нам явно заниженной. Только в Израиле, который одно время был страной-лидером в приеме эмигрантов из России, 40% научного потенциала приходится на бывших россиян. Общее количество наших специалистов в области высоких технологий и программирования, работающих в США, оценивается в 130 тыс. человек. Численность русской технологической общины в Силиконовой долине США составляет 30–50 тыс. специалистов с высшим образованием. Очевидно, что сейчас этот научный потенциал Россия для себя потеряла безвозвратно, а на его восстановление потребуется много времени и средств.

В научной литературе последних лет существует точка зрения, что процесс интенсивной миграции высококвалифицированных специалистов является мировой тенденцией, обусловленной глобализацией. Возник термин «циркуляция умов», который стал все более активно применяться в отношении эмиграции специалистов из России. «Циркуляция» умов подразумевает, что миграция высококвалифицированных специалистов и ученых происходит вслед за движением капитала и проектов, носит временный и возвратный характер. С точки зрения миграционной теории можно предполагать, что в этом случае преобладают факторы «притяжения» в странах приема, а отнюдь не факторы «выталкивания» в странах оттока. Конечно, классический пример представляет собой миграция ученых из стран Западной Европы в США. По данным исследований фонда «Открытая экономика», из Великобритании ежегодно на работу в США и другие страны выезжают 1,4 млн человек с высшим образованием, из Германии – более 800 тыс. человек. В этой ситуации вряд ли европейский ученый покидает свой университет и лабораторию по причине маленькой заработной платы на родине. Скорее всего, ее привлекает комплекс лучших условий в США (материальных, организационных, карьерных), которые проводят активную (а порой просто агрессивную) политику привлечения ведущих умов в свои центры, университеты и лаборатории.

Однако является ли эмиграция ученых свидетельством включенности России в международную «циркуляцию умов»? В ситуации с эмиграцией высококвалифицированных специалистов из России, стран СНГ, развивающихся стран, доминируют «выталкиваю-

щие» факторы на родине. Прежде всего, это низкая оплата труда, отсутствие достаточных средств и оборудования для исследований, отсутствие финансирования командировок, бюрократизм в расходовании средств грантов, плохие жилищные условия. Бюджет научных учреждений практически не включает затрат на научные исследования, только средства на зарплату и коммунальные платежи. Это подорвало материальную базу для проведения исследований. Средняя заработная плата ученого в России едва достигает 1 тыс. долл. В то время, как в США она составляет 5–7 тыс. долл. в месяц. Зарплата высококвалифицированного программиста из России, работающего в крупной компании, может достигать до 100–120 тыс. долл. в год (при 5–6 тыс. на родине).

Эмиграционный потенциал среди ученых и высококвалифицированных специалистов в России остается очень высоким. По примерным оценкам 200–250 тыс. программистов из России хотят эмигрировать из страны на работу за границу. Около 10% российских ученых ищут рабочее место за границей, 40% – работают с зарубежными организациями и фондами, 20% – ориентируются на временную трудовую эмиграцию за рубеж. Только 30% ученых в России не имеют эмиграционных настроений. Проблема высококвалифицированной миграции приобретает глобальный характер. В конкурентной борьбе за лучшие умы в выигрыше остаются страны, которые привлекают специалистов и ученых высокой заработной платой и хорошими условиями труда. Прежде всего, это США, Австралия, Канада, Япония, страны Западной Европы. А в последнее время, к ним присоединяются Китай, Сингапур, страны Персидского залива. Если в большинстве социально ориентированных стран перемещение интеллектуалов за рубеж связано с повышением миграционной подвижности населения в условиях доминирования факторов «притяжения», то в России это обусловлено действием фактором «выталкивания» (прежде всего, низкой оплатой труда и отсутствием нормальных условий работы в науке). Вполне обоснованно считать этот процесс применительно к России именно «утечкой умов». Она имеет интенсивный характер, расширяющуюся географию, приобретает многообразные формы, носит ярко выраженный социально-экономический характер. Российская наука теряет не только отдельных ученых и высококвалифицированных специалистов, но и целые научные школы, исследовательские коллективы и перспективные направления в математике, физике и генетике и других направлениях наук. С горечью необходимо признать, что эмиграция ученых из России при нынешнем отношении государства к высококвалифицированным специалистам, скорее всего, будет носить безвозвратный характер.

Ключевые выводы. Принятие новой Концепции миграционной политики можно считать, безусловно, прогрессивным шагом для России. Главным достижением документа можно считать его идеологическую направленность – «миграция как ресурс развития страны». Наряду с традиционными направлениями впервые поставлены на уровень государственного понимания совершенно новые проблемы, которые миграционная политика России ранее просто «не замечала». Прежде всего, это адаптация и интеграция иммигрантов, миграция инвесторов и предпринимателей, образовательная иммиграция. Конечно, Концепция миграционной политики является принципиально новым для России документом по своему масштабу и значимости.

Вместе с тем остается очень много противоречий между Концепцией и практикой регулирования миграционных процессов в России, властям и обществу предстоит еще очень

много работы в этом направлении. Отмечу наиболее спорные позиции, требующие разъяснения и доработки.

Во-первых, принятый документ имеет явный уклон в сторону регулирования иммиграции. То есть фактически была принята не концепция государственной миграционной политики, а концепция государственной иммиграционной политики. К сожалению, ничего не заявлено относительно необходимости сокращения действия выталкивающих факторов эмиграции, которые стимулируют выезд из страны в массовом количестве специалистов высокой квалификации, ученых, молодежи, бизнесменов, представителей среднего класса. И, эмиграционные настроения россиян продолжают расти, особенно в провинции.

Во-вторых, цель Концепции государственной миграционной политики получилась «размытой» и неконкретной, имеющей к регулированию миграции косвенное отношение. Не может быть целями миграционной политики то, что не является предметом регулирования самой политики (например, обеспечение национальной безопасности, стабилизации и увеличение численности населения и др.). Необходима конкретизация цели (например, сокращение эмиграции из России и привлечение необходимых категорий иммигрантов в Россию). Это необходимо записать четко, чтобы цель была понятна всем, кто будет реализовывать затем этот документ.

В-третьих, в части условий формирования Концепции было важно описать необходимость трех моментов: стимулирование и оптимизация внутренней миграции, сокращение эмиграции из страны, привлечение в страну иммигрантов нужных категорий. То есть государство должно, прежде всего, для себя ответить на вопрос: «Почему именно в этом направлении нужно регулировать миграционные процессы в России?». А фактически в разделе Концепции «Условия формирования и реализации государственной миграционной политики» были описаны тенденции и проблемы миграционных процессов. Это важно, но это лишает Концепцию посыла, «отправной точки». Создается ощущение, что Концепция отталкивается от необходимости решения проблем в сфере миграции и вопросов мигрантов, а не от интересов государства. А между тем регулировать миграцию нужно не ради того, чтобы только решать проблемы мигрантов и повышать эффективность управления миграцией, развивать страну посредством миграции. Конечно, права мигрантов необходимо защищать, и проблемы в сфере миграции необходимо решать, но условиями (или предпосылками) реализации Концепции должны стать демографические и социально-экономические потребности страны в населении, трудовых ресурсах, определенных категориях работников и др.

В-четвертых, Концепция миграционной политики не опирается на Концепцию социально-экономического развития страны и Концепцию демографического развития страны. Конечно, и эти документы не лишены недостатков. Их также нужно пересматривать и корректировать. Но то, что все эти документы должны быть между собой тесно взаимосвязаны – совершенно очевидно. А может быть, даже должны приниматься единым пакетом. Они разрабатывались и приняты в разное время, в разных условиях, разными людьми. Отсюда в Концепции миграционной политики пока нет четкого представления о механизмах и масштабах привлечения иммигрантов, а тем более, не прослеживается их включенность в социально-экономическое и демографическое развитие России. Провозглашается только необходимость привлечения иммигрантов и перечисляются их основные категории (что

впрочем, для российской иммиграционной политики можно считать немалым достижением, но хотелось бы большего). Но куда их привлекать, в каком количестве и главное для чего, остается непонятным. А это принципиальный вопрос для страны.

В-пятых, проблемы внутренней миграции «утонули» в проблеме иммиграции в Россию, которой уделяется основное внимание в данном документе. Еще раз подчеркну, что именно с внутренней миграции необходимо начинать регулирование миграционных процессов. Именно активизация внутренней миграции должна стать приоритетом государства в условиях современной демографической и социально-экономической ситуации в стране.

В-шестых, недостаточное внимание уделено некачественной (точнее сказать, неадекватной) миграционной статистике в России и острой необходимости приведения ее в порядок. Это нужно сделать срочно и в первую очередь, приложив усилия и скоординировав действия всех государственных структур, имеющих отношение к миграции. Невозможно эффективно регулировать миграцию, отслеживать эффективность мер, давать рекомендации по совершенствованию миграционной политики, если непонятны ее масштабы и тенденции, не известен состав миграционных потоков и причины миграции. Статистика по миграции должна быть также доступной исследователям и экспертам.

В-седьмых, слабо прописаны этапы реализации миграционной политики. Такое ощущение, что все в этапы реализации попали только некоторые, из перечисленных в Концепции направлений действий. Причем осталось непонятным, по каким основаниям был произведен их отбор. А третий этап выглядит и вовсе слабым. Из него непонятно вообще, что будет делать государство в миграционной сфере в 2021–2025 гг. Одно спасает, что это будет еще не скоро!

МИГРАЦИОННЫЙ ОБМЕН СТОЛИЧНОГО МЕГАПОЛИСА С АРМЕНИЕЙ И ГРУЗИЕЙ: ПОСТСОВЕТСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРАКТИКИ ИНТЕГРАЦИИ

Обращение к теме миграции из Армении и Грузии в Москву обусловлено рядом значимых причин для гармонизации в столице миграционных процессов. Прежде всего, тем, что в последние 25 лет мигранты из этих стран были достаточно заметной группой в миграци-

онном приросте столицы и внесли свой вклад в смягчение трех негативных для города тенденций: снижения рождаемости коренного населения, заметного старения и расширения сферы труда, непривлекательной для москвичей. Во вторых, как отмечают исследователи и фиксирует статистика, они оказываются наиболее конкурентоспособными и чаще нежели мигранты из других стран СНГ закрепляются на территории Московской агломерации. Так, по данным переписи 2010 г., армяне (после украинцев и татар, составляющих 1,4% населения столичного мегаполиса) составляли 1,0% населения столицы, грузины (после азербайджанцев, евреев, составляющих 0,5%, и наряду с белорусами) – 0,4%. А в Московской области, все чаще примеряющей на себя роль спальных районов столицы, армяне (после украинцев составляющих 1,79% населения) составляли 0,95% населения, грузины – 0,16%.

И, в-третьих, визуально фиксируемое нарастание в городе полиэтничности, мультикультурности, поликонфессиональности, увеличение числа мигрантов в городе, вызывает чувство беспокойности у населения Москвы фактическим изменением этнодемографической картины столицы. Расширение этнической и культурной мозаики, подвижность полиэтничной стратификации в столице, несформированность властных отношений между доминирующим социумом и новыми этническими группами ведут к межэтнической напряженности, становятся главными причинами этноконфликтности в столичном мегаполисе. Именно поэтому важно интерпретировать особенности миграционного обмена и эффекты миграции из Армении и Грузии в Москву, дать оценку процесса интеграции мигрантов в московский социум, реализации интересов «новых москвичей», удовлетворения их потребностей, эффективности деятельности власти по преодолению межкультурных противоречий, выявить межэтнические противостояния, дискриминации в интересах стабильности города.

История наращивания миграционного обмена Москвы с Арменией и Грузией связана с началом первых межнациональных конфликтов в этих странах, а в Армении – с катастрофическим землетрясением в 1988 г. Миграционная активность затем была усилена распадом СССР. Наибольший приток мигрантов в Москву был отмечен во время Карабахского конфликта (1988–1994) из Армении, а во время югоосетинского (1991) и абхазского (1992–1994) конфликтов – из Грузии. Затем начиная с 2000 г. и до 2004 г. число зарегистрированных мигрантов из Армении и Грузии в столице постоянно снижалось. Если в 2000 г. из Армении в Москву прибыли 2,567 тыс. человек, то в 2004 г. – 357 человек, из Грузии в 2000 г. – 2,567 тыс. человек, в 2004 г. – 541 человек. А объем учтенной чистой миграции из этих стран в Москву, составивший в 2000 г. 2,2 и 2,6 тыс. человек, соответственно, в 2003 г. упал до минимальной величины (0,1 тыс. человек из Армении и 0,5 тыс. человек из Грузии).

Уменьшение миграционного прироста столицы за счет мигрантов из Армении и Грузии в этот период можно объяснить следующим рядом причин. Во-первых, некоторым понижением потенциала возвратной иммиграции соотечественников. Миграционные потоки в начале 90-х гг. формировались, прежде всего, за счет репатриации русских, их потомков и других коренных народов России, ранее выехавших из страны в эти союзные республики, а после распада Советского Союза ощутивших на себе нестабильность социально-экономической обстановки, бытовой национализм, нетерпимость к лицам не титульной нации, дискриминацию по этническому, религиозному и другим признакам. И к 2000 г. большинство, решивших выехать из Армении и Грузии и имеющих такую возможность, это сделали. К этому времени была достигнута некоторая стабилизация политиче-

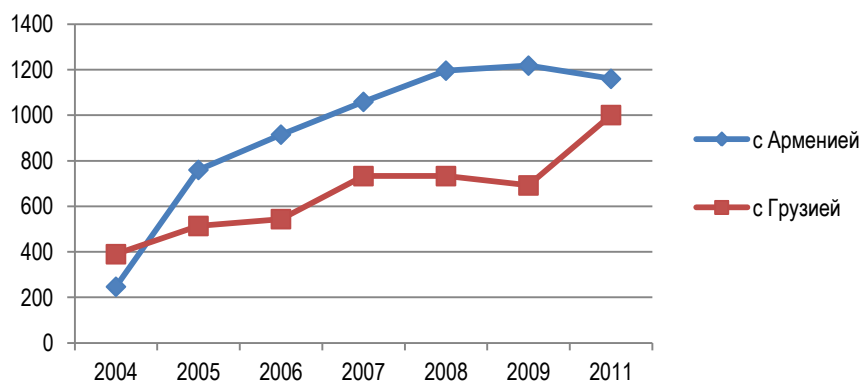
ской и экономической жизни новых государств, созданных на основе бывших союзных республик.

Большое влияние на уменьшение регистрируемой миграции оказало принятие в 2002 г. новых законов о гражданстве и о правовом положении иностранцев в России сильно осложнивших процедуры правового оформления иммигрантов, изменивших правила их статистического учета. После 2004 г. начинается новая волна миграции. Миграционный прирост за счет приехавших из Армении в 2004–2008 гг. увеличился в 4,8 раза, а из Грузии – в 1,9 раза. Он составил в 2008 г. в миграционном обмене с Арменией 1,2 тыс. человек, а с Грузией – 0,73 тыс. человек. Об увеличении иммиграции свидетельствует рост абсолютного числа прибывших из Армении и Грузии и их доли в числе прибывших из зарубежных стран в Москву в 2008 г. по сравнению с 2006 г. В 2008 г. доля мигрантов из Армении в числе всех прибывших в Москву составила 1,5%, среди прибывших из зарубежных стран – 10,2%. А из Грузии – 1% и 6,8%, соответственно, что больше, нежели в 2006 г. Правда, некоторые специалисты полагают, что рост официальных показателей не отражает реально-го подъема иммиграции в этот период. Фактический миграционный прирост после 2000 г. оценивается ими как превышающий регистрируемый, по меньшей мере, в 2–3 раза.

В 2009–2011 гг. регистрируемый миграционный прирост Москвы за счет мигрантов из Армении несколько снизился и составил в 2011 г. 95,2% от величины миграционного прироста 2009 г., а за счет мигрантов из Грузии вырос на 44,6%. Те же тенденции отмечаются в миграционном пространстве Московской области. В силу дороговизны жилья в столице, многократно усилившейся в последние годы, близости к столице, а также движения властей к формированию единого московского пространства, мигранты все чаще расселяются в Подмоскowie, а работают в Москве. Здесь миграционный прирост за счет мигрантов из Армении в 2011 г. составил 99,0% от количества мигрантов в 2009 г., а из Грузии – 115,9%. Напомним коэффициент миграционного прироста Московской области вырос с 76 в 2000 г. до 160 в 2011 г., а Москвы – снизился с 239 до 51, соответственно.

Рисунок 1

Регистрируемый миграционный прирост населения Москвы за счет миграционного обмена с Арменией и Грузией

Однако, по оценке экспертов, опрошенных в ходе нашего исследования, фактическое приращение жителей столицы за счет мигрантов из Армении снизилось более значительно, а из Грузии, как минимум, не выросло, а скорее всего, снизилось. Такой вывод подтверждается сравнением данных статистики учета долгосрочной миграции по России по новым и старым правилам. Так, превышение величины миграционного прироста, рассчитанного по новым правилам (с учетом зарегистрированных по месту пребывания на срок 9 месяцев и более), над величиной миграционного прироста, рассчитанного по прежним правилам (только по числу зарегистрированных по месту жительства), составляет в миграционном обмене России с Арменией примерно 3 раза, а с Грузией – 2,5. Уменьшение числа жителей Москвы за счет мигрантов из этих стран объясняется исчерпанием соответствующего потенциала в них, последствиями глобального кризиса в 2008–2009 гг., затронувшего столицу, и новой стагнацией с трудно предсказуемыми, по мнению главы Минэкономразвития Алексея Улюкаева, последствиями, ухудшившими ситуацию в Москве, а, возможно, и улучшением социально-экономической ситуации в странах миграционного исхода, открытием новых миграционных возможностей в третьи страны. В течение изучаемого периода менялась и этническая структура миграционного обмена. Так, начиная с 2000 г. в структуре потока мигрантов из Армении стали преобладать этнические армяне, из Грузии – примерно в равной доле: русские, грузины, армяне.

Миграция из Армении и Грузии в Москве по-прежнему аккумулирует в себе практически все ее основные виды (переселение, сезонная, маятниковая, эпизодическая) и категории (экономическая, вынужденная, семейная, учебная и т.д.). Однако наше исследование дает основания сделать предположение об изменении вектора миграции в московский мегаполис. Большинство опрошенных нами мигрантов из Армении и Грузии, прибывших в Москву после 1990 г., в 2009 г. в качестве цели прибытия называли: работа, образование, постоянное место жительства. Для мигрантов из Армении в 2012 г. первое место в целеполагании заняла позиция «образование», а число информантов с этой целью текущего пребывания в столице РФ увеличилось в 1,8 раза. Среди опрошенных мигрантов из Грузии образование занимает 2-е место в ряду целей приезда в Москву, а число таких респондентов стало больше в 1,5 раза. Эти изменения могут свидетельствовать о переосмыслении постсоветского опыта социально-экономического развития стран СНГ и новой перспективой создания единого евразийского пространства, которое потребует лучшего знания российского законодательства, русского языка, профессиональных знаний в различных отраслях экономики и социальных реалий России.

Исследование также позволяет обозначить еще одну важную тенденцию – увеличение доли мигрантов прибывших из маленьких городов и деревень. Так, доля мигрантов из маленьких городов Армении выросла с 18% до 22,5%, а Грузии – с 18% до 24,5%. Число мигрантов, приехавших из деревень, увеличилась в 2,5-3,3 раза, соответственно. Среди опрошенных в 2012 г. из деревень Армении приехало 10% и Грузии – 15% (2009 г. – 3,5% мигрантов из Армении и 4,5% из Грузии). Таким образом, мы можем констатировать, что более трети мигрантов могут испытывать большие трудности, нежели приезжавшие ранее в Москву из крупных городов этих стран при адаптации к условиям жизни в большом городе.

Рисунок 2

Цель текущего пребывания информанта в Москве, множественный вопрос, % от числа опрошенных

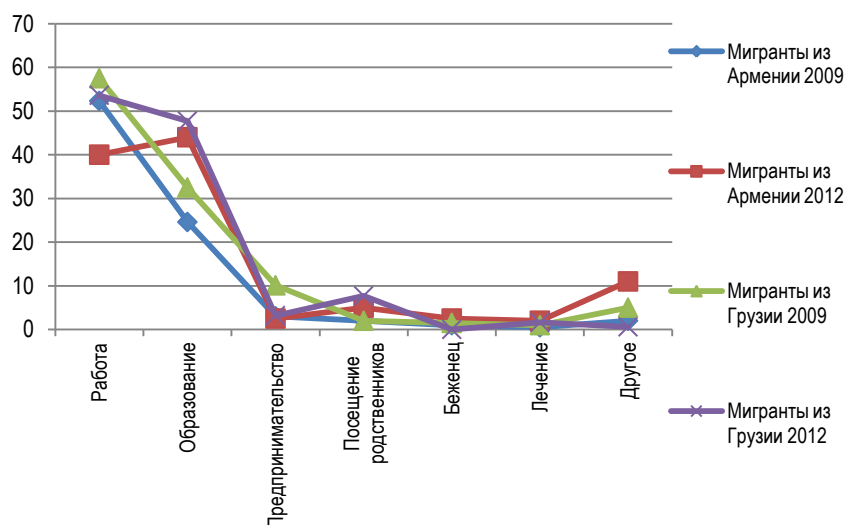

Таблица 1

Место проживания респондента в стране происхождения

	2009		2012	
	Мигранты из Армении	Мигранты из Грузии	Мигранты из Армении	Мигранты из Грузии
Столица страны (Ереван, Тбилиси)	39,0	34,0	26,5	30,5
Большой город	20,5	25,0	21,5	17,5
Маленький город	18,0	18,0	22,5	24,5
Деревня	3,5	4,5	10	15
В данный момент нет места жительства в стране происхождения	18,5	18,0	18,5	12
Нет ответа	0,5	0,5	1	0,5

Эксперты, характеризуя особенности мигрантов из этих стран, отмечают их более высокую образованность, диверсификацию занятости по сравнению с мигрантами из Средней Азии, наметившуюся феминизацию миграционных потоков, уменьшение диспропорции между представителями разного пола. По их оценке, мигранты из Армении более часто ориентированы на постоянное проживание, поэтому чаще приезжают в Москву семьями.

Анализ повседневных практик мигрантов из Армении и Грузии свидетельствует об успешности вхождения в столичный социум большинства из них. С нашей точки зрения, это

стало возможным благодаря хорошему знанию русского языка, поддержке друзей и родственников, уже проживающих в московском мегаполисе. Следует отметить, что именно эти причины стали значимыми при выборе страны и города эмиграции, наряду с широкими возможностями для работы и бизнеса, которые, по мнению информантов, предоставляет Москва, высоким уровнем заработной платы. Показателем интегрированности новых москвичей является оценочное суждение об удовлетворенности проживанием в столице. Так, полностью удовлетворены своим проживанием в городе 4 из 10 опрошенных мигрантов, еще более 50% – удовлетворены частично. При этом среди опрошенных мигрантов из Армении в 2012 г. по сравнению с 2009 г. в 1,8 раза, а среди мигрантов из Грузии в 4,3 раза стало больше тех, кто не испытывает трудностей во время пребывания в столице. Это может быть связано с либерализацией миграционной политики, а также увеличением среди респондентов числа обучающихся. Как правило, молодежь более оптимистично оценивает жизненные ситуации, да и вузовская среда более этнокомплиментарна и толерантна. А для мигрантов из Грузии дополнительным фактором могло стать микширование последствий событий военного конфликта (август 2008 г), обостривших восприятие данной этнической группы. Подтверждением этого суждения является также оценка возвратных миграционных стратегий соотечественников, а также собственных. Так, 68,8% мигрантов из Армении и 52,5% из Грузии полагают, что большинство приехавших в Москву не вернутся в страну происхождения. А в ближайшие полгода планируют поездку в Армению или Грузию 30% и 40% информантов, соответственно. При этом структура мотивов выглядит следующим образом: на каникулы, на праздник, личные обстоятельства. Комментируя ответ «личные обстоятельства», эксперты в отношении мигрантов из Армении назвали следующие мотивы (по частоте упоминания): экономические причины (отсутствие, завершение или потеря работы, неудачи с работой, не нашли своего места в Москве); семейные обстоятельства (повидаться с семьей, навестить, поддержать семью), цели приезда в Москву достигнуты; не оправдались ожидания на обустройство в РФ; проблемы с законом; нарушение миграционного законодательства РФ; дороговизна жизни в Москве; ксенофобия; коррупция; нелегальная миграция; временная работа; кризис. Особым было мнение о том, что мигранты часто живут «на две страны». Оценочные суждения о мотивах обратной миграции в Грузию были следующими: «Конкурируют политические (разрыв дипломатических отношений, ухудшение политических отношений между странами, визовый режим въезда в РФ из Грузии, конфликт между Россией и Грузией) и экономические (отсутствие работы, трудности с трудоустройством, неудачи деятельности, временная работа, экономический кризис) мотивы». На следующем месте – личные и семейные проблемы, затем проблемы с законом, неоправданность надежд, возлагаемых на Москву, нелегальная миграция.

Однако отметим, что по сравнению с 2009 г. в 2012 г. число тех, кто полагает, что большинство их соотечественников не вернется, сократилось особенно заметно среди опрошенных мигрантов из Грузии (на 13,5%). Это может свидетельствовать о переоценке возможностей самореализации в Грузии, стремлении после завершения обучения в столице России реализовать свои знания в стране происхождения или неудовлетворенности тем, как складываются дела в Москве.

Таблица 2

Удовлетворенность респондентом своим проживанием в Москве

	2009		2012	
	Мигранты из Армении	Мигранты из Грузии	Мигранты из Армении	Мигранты из Грузии
Полностью удовлетворен	40,5	42,0	41,7	41,2
Частично удовлетворен	54,0	53,0	54,8	55,3
Не удовлетворен	5,5	5,0	3,5	3,5

Девять из десяти информантов успешно преодолели трудности, связанные с обеспечением себя и своей семьи достойным качеством внешней среды обитания, доступности необходимых ресурсов и благ.

Таблица 3

Трудности, возникающие у респондента по время его пребывания в Москве, множественный вопрос

	2009				2012			
	Мигранты из Армении		Мигранты из Грузии		Мигранты из Армении		Мигранты из Грузии	
	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг
В получении работы	24,5	2	29,0	2	21,7	3	28,5	3
В развитии собственного бизнеса	11,0		17,0	4-5	6,6		7,4	
В узаконивании пребывания	18,5	5	28,0	3	15	4-5	13,8	5
Нехватка информации о правах и обязанностях	21,0	3	22,0		7,5		13,8	5
Проблемы с жильем	39,5	1	49,5	1	39,2	1	37,1	1-2
Напряженные отношения с соседями	7,0		9,5		7,5		7,9	
Проблемы со здравоохранением	7,5		11,5		12,5		12,1	
Незаконная эксплуатация труда	1,0		2,0		5		4	
Дискриминационное поведение властей	15,0		17,5	4-5	16,5	4-5	15,6	4
Другое	1,0		3,0		0	0	0,6	
Нет трудностей	20,5	4	9,5		37,4	2	40,7	1-2

Несмотря на то, что главной в обоих опросах была названа проблема поиска жилья, подавляющее большинство положительно оценивает её решение. Девять из десяти в целом удовлетворены своими жилищными условиями в столице, качеством своего обустройства по месту жительства.

Успешно большинство справилось и с решением второй по интенсивности трудности – поиском работы, используя, прежде всего неофициальные каналы и неформальные связи, при трудоустройстве. О высоком потенциале рынка труда столицы свидетельствует то, что 26,7% мигрантов из Армении и 41,5% из Грузии сами искали и нашли работу в московском мегаполисе. Таким образом, можно сделать вывод о несформированности ни в Москве, ни в странах исхода эффективной системы поддержки трудоустройства. Сохраняется ситуация, когда мигрантам явно недостаточно информации, связанной с переездом и легализацией положения на рынке труда.

Следует отметить, что доля тех, кто воспользовался услугами агентств в столице, среди переселенцев из Армении выросла в 2009–2012 гг. в 2 раза, 3–4% информантов воспользовались услугами агентств по трудоустройству в своих странах. Возможно, это результат первых шагов правительств изучаемых нами стран к регулированию миграционных процессов.

В Москве сектор экономики, выбранный мигрантами для работы, отчасти соответствует их предыдущему опыту (в структуре занятости в стране происхождения первое место занимала торговля, второе – образование, третье – строительство), но скорректирован потребностям московского рынка труда. Преимущественно опрошенные трудятся в торговле, строительстве, на транспорте. Доля мигрантов, работающих системе образования в Москве, также остается заметной. Но по сравнению со страной исхода у приехавших из Армении она сократилась в 1,9 раза, а из Грузии – в 1,5 раза. То есть изменения произошли в пользу менее привлекательных для москвичей сфер труда, что является типичным для принимающих стран. Каждый 10-й из числа работающих в Москве мигрантов из Армении и из Грузии, создал в столице свою фирму. Занятость информантов в городе характеризуется гендерной сегрегацией работников.

При этом небольшая доля работающих информантов (6,4% работающих мигрантов из Армении и 2,5% – из Грузии) при ответе на вопрос о сфере занятости, в которой они трудятся, выбрали позицию «другое». Эксперты, интерпретируя эти ответы, отмечали, что мигранты из Армении трудятся также в сфере науки, жилищно-коммунального хозяйства, занимаются бытовым обслуживанием. А из Грузии – включены в такие сферы, как частный извоз, ресторанный и игорный бизнес, культурно-развлекательная и досуговая деятельность.

Таблица 4

Структура занятости мигрантов из Армении и Грузии в странах исхода и Москве, по данным опроса 2012 г., % от работающих

Отрасль	Мигранты из Армении				Мигранты из Грузии			
	В Армении	В Москве			В Грузии	В Москве		
		Все	Мужчины	Женщины		Все	Мужчины	Женщины
Промышленность	8	8,5	10,0	5,9	6,1	7,6	6,9	8,7
Строительство	20	24,5	35	5,9	15,8	18,6	27,8	4,3
Транспорт	13	11,7	16,7	2,9	9,6	12,7	19,4	2,2
Сельское хозяйство	5	0	0,0	0,0	7	1,7	1,4	2,2
Торговля	25	30,9	25,0	41,2	26,3	33,9	25,0	47,8
Образование	24	13,8	5,0	29,4	26,3	17,8	11,1	28,3
Здравоохранение	4	4,3	3,3	5,9	7	5,1	5,6	4,3
Другое	1	6,4	5,0	8,8	1,7	2,5	2,8	2,2

Несмотря на то, что смена места жительства и необходимость вписаться в московский рынок труда привели к неполному использованию образовательного потенциала каждого четвертого мигранта из Армении и пятого из Грузии, в целом 9 из 10 опрошенных удовлетворены своей работой. Следует отметить, что они трудятся в относительно высоко оплачиваемых отраслях и реальная занятость мигрантов обеспечивает им и их семьям доходы, вполне сопоставимые с показателями среднестатистических доходов населения Москвы.

О позитивной интеграции большинства мигрантов из Армении и Грузии в московский социум свидетельствуют их социальные контакты. Они характеризуются интегративными культурными связями, формированием широких социальных сетей, включающих коллег по работе, соседей, друзей не по этническому признаку, а по взаимным симпатиям, личностным свойствам.

Следует подчеркнуть, что среди коллег и деловых партнеров наших респондентов преобладают граждане России, затем мигранты из страны происхождения и других стран. По оценке подавляющего большинства информантов, с коллегами по работе и деловыми партнерами у них сложились дружественные отношения. Так, на вопрос о характере отношений к респонденту со стороны коллег по работе или деловых партнеров – «очень дружественно» и «дружественно» – в 2012 г. ответили 87,5% мигрантов из Армении, а в 2009 г. – 85,2%. Из Грузии: в 2012 г. – 81,6% и в 2009 г. – 82,1%. Только 1 респондент из Грузии оценил свои отношения в организации как «враждебные». Разница в ответах «дружественные» и «недружественные» среди мигрантов из Армении составила 33,6 раз среди мигрантов из Грузии – 26,3 раза.

В результате формирования новых сетей общения в столице в среде мигрантов преобладает межэтническое взаимодействие. Среди друзей мигрантов большинство русские, затем соотечественники страны происхождения, прибывшие в Москву после 1990 г., на третьем месте – представители других национальностей.

В сложной жизненной ситуации, в случае возникновения проблем наши информанты, как правило, обращаются за помощью местным знакомым. Выше мы отмечали, что чаще всего с мигрантами рядом работают «староживущие» москвичи, которые, скорее всего, в силу своей «укорененности» в столичный социум обладают большим социальным капиталом. Поэтому возможно обращение к ним за помощью, что отвечает ожиданиям мигрантов в получении более квалифицированной поддержки. На втором месте – к соотечественникам. Однако третье место в рейтинге занял ответ «в Москве помощи ждать не от кого». Так считают 20,1% мигрантов из Армении и 16,1% из Грузии, что больше, нежели в 2009 г. в 5,7 и 2,7 раза, соответственно.

Таблица 5

Друзья респондентов, множественный вопрос, % от числа ответивших

	2009		2012	
	Мигранты из Армении	Мигранты из Грузии	Мигранты из Армении	Мигранты из Грузии
Соотечественники из страны происхождения, прибывшие в Москву после 1990 г.	39,0	37,0	32,3	32,7
Представители титульной национальности в стране происхождения, проживающие в России до 1990 г.	17,5	15,0	19,2	26,2
Русские	58,0	44,5	50,3	65,6
Представители других национальностей	12,5	19,5	28,1	30,2
Нет друзей в Москве	3,0	3,5	5,6	1,3

Эти ответы могут свидетельствовать о нарастании отчужденности опрошенных групп мигрантов от доминирующего московского социума, снижении внутритнической сплоченности, росте недоверия информантов к окружающему их миру. Следующую позицию в рейтинге ответов обеих групп информантов занял ответ: «К местным властям». Далее у мигрантов из Грузии следуют ответы: «В национальное посольство»; «В другие организации». Из Армении – «В национальное посольство»; «В другие организации»; «К адвокату».

И на удивление очень незначительная доля респондентов, сопоставимая с погрешностью выборки, обратилась бы к национальным церковным представительствам; в национальные организации, что трудно прокомментировать.

Таблица 6

Объект обращений респондента за помощью или советом при возникновении проблем в Москве, множественный вопрос

	2009				2012			
	Мигранты из Армении		Мигранты из Грузии		Мигранты из Армении		Мигранты из Грузии	
	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг
К соотечественникам	38,0	2	46,5	2	33,7	2	44	2
К местным знакомым	52,0	1	55,5	1	41,6	1	54,6	1
В национальное посольство	3,5	7–9	10,0	4	7	6	7	5–6
К местным властям	15,0	3	14,5	3	14,5	4	17,2	3–4
В национальные организации	3,5	7–9	2,5	9	4	9–10	4,2	7
К национальным церковным представителям	1,0	11	2,0	10–11	1,5	11	2,5	9–10
В организации по защите прав человека и гражданина	5,0	6	2,0	10–11	9	5	3,5	8
В другие организации	2,0	10	5,5	7–8	4,5	7–8	6,1	5–6
К адвокату	7,5	4	8,5	5	4,5	7–8	2,1	11
Другое	6,5	5	5,5	7–8	4	9–10	2,6	9–10
В Москве помощи ждать не от кого	3,5	7–9	6,0	6	20,1	3	16,1	3–4
Нет ответа	12,0		2,5			0		0

Наше исследование фиксирует одну из закономерностей взаимодействия людей. В личном общении этничность утрачивает свое значение, на первый план выходят личные качества. Чем ближе и лучше знают друг друга люди, тем выше степень комплементарности их отношений, независимо от принадлежности к этнической группе или страны происхождения. Так, оценивая отношение ближнего окружения к себе, 8–9 из 10 опрошенных полагают, что оно позитивно. Отношение москвичей к ним – как мигрантам оценивается как позитивное 6 из 10 опрошенных, а власти – 3–4 из 10 информантов.

Таблица 7

Отношение к респонденту в Москве, % от числа опрошенных, 2012 г.

	Характер отношений к респонденту со стороны коллег по работе или деловых партнеров				Отношение людей к респонденту в Москве				Отношение представителей власти к респонденту в Москве			
	Мигранты из Армении		Мигранты из Грузии		Мигранты из Армении		Мигранты из Грузии		Мигранты из Армении		Мигранты из Грузии	
Очень дружелюбно	23,8	87,5	26,2	81,6	13,6	57,0	14	57,0	9	41,7	6,5	34,6
Дружелюбно	63,7		55,4		43,4		43		32,7		28,1	
Безразлично	9,8		15,4		38,4		35,5		46,7		51,8	
Недружелюбно	2,6	2,6	2,6	3,1	2,5	4,5	4,5	7,5	9	11,5	9	13,5
Враждебно	0		0,5		2		3		2,5		4,5	

Выбор нашими информантами спутника жизни, также подтверждает общую закономерность, связанную со стремлением сохранить в самом ближайшем окружении человека, обладающего неким набором свойств, сформированных единым типом культуры и обуславливающих его поведение, самосознанием (по Ю.В.Бромлею – этнонимом) являющимся функцией символики и сигникативной практики. У большинства опрошенных мигрантов супруги представляют титульную этническую группу страны происхождения. Так, в качестве спутника жизни, в силу особенностей менталитета, единства разделяемых культурных традиций, ценностей, кодов, норм и образцов поведения, предпочли иметь представителя этнической группы титульной для страны происхождения 76,8% мигрантов из Армении и 56,4% из Грузии. У пятой части мигрантов из Армении и у 4 из 10 опрошенных из Грузии супруги русские. У 3,6% мигрантов из Армении и 1,8% мигрантов из Грузии супруги, принадлежат к другим этническим группам.

Таблица 8

Этническая принадлежность супруга (супруги) из числа состоящих в браке

	2009				2012			
	Мигранты из Армении	Мигранты из Грузии	Мигранты из Армении	Мигранты из Грузии	Мигранты из Армении		Мигранты из Грузии	
					Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Титульная страна происхождения	71,1	65,8	76,8	56,4	77,4	76,0	42,8	63,0
Русский (русская)	28,9	26,3	19,6	41,8	16,1	24,0	53,6	29,6
Другое	0,0	7,9	3,6	1,8	6,5	0	3,6	7,4

Формированию сценариев социального поведения и реагирования, новой идентичности, приемлемой как для мигрантов из Армении и Грузии, так и для доминирующего большинства москвичей, способствуют сложившиеся культурные практики, которые демонстрируют погруженность в российский информационный контекст. Во время своего пребывания они, как правило, читают российскую прессу, смотрят в основном российское теле-

видение. Среди опрошенных в 2012 г. увеличилось число информантов, читающих российскую прессу ежедневно с 47,5% до 55,8% мигрантов из Армении и с 41,5% до 56,0% из Грузии. И несколько снизилось число ежедневно просматривающих телевизионные программы с 87,0% до 77,3% мигрантов из Армении и с 84,0% до 74,9% из Грузии. Замещение просмотра телевизионных программ идет по линии интернет информации.

Таблица 9

Погруженность мигрантов в российский информационный контекст

	Чтение респондентом российской прессы во время своего пребывания в Москве				Просмотр респондентом российского телевидения во время своего пребывания в Москве			
	2009		2012		2009		2012	
	Мигранты из Армении	Мигранты из Грузии	Мигранты из Армении	Мигранты из Грузии	Мигранты из Армении	Мигранты из Грузии	Мигранты из Армении	Мигранты из Грузии
Ежедневно	47,5	41,5	55,8	56	87,0	84,0	77,3	74,9
Один раз в неделю	36,0	31,0	22,1	23,5	7,0	11,0	13,6	12,6
Один раз в месяц	8,5	8,5	6	4	1,0	3,0	0	2
Не читает	8,0	19,0	16,1	16,5	5,0	2,0	9,1	10,6

При этом чаще в фокус внимания стали чаще попадать национальные СМИ. Ежедневно читают национальную прессу более 11,0% информантов (2009 г. – 1,5–3,5%, соответственно). Раз в неделю или один раз в месяц – 20,6% мигрантов из Армении и 25,2% из Грузии. Благодаря развитию информационных технологий vtrtv около трети просматривает телепередачи национального телевидения.

Таблица 10

Погруженность мигрантов в национальный информационный контекст

	Чтение респондентом национальной прессы во время своего пребывания в Москве				Просмотр респондентом национального телевидения во время своего пребывания в Москве			
	2009		2012		2009		2012	
	Мигранты из Армении	Мигранты из Грузии	Мигранты из Армении	Мигранты из Грузии	Мигранты из Армении	Мигранты из Грузии	Мигранты из Армении	Мигранты из Грузии
Ежедневно	1,5	3,5	11,6	11,6	9,0	13,0	13,6	11
Один раз в неделю	11,0	13,5	8,5	11,1	7,5	8,5	7,5	6,5
Один раз в месяц	16,5	18,5	12,1	14,1	10,5	9,0	9,5	11
Не читает/ Не смотрит	71,0	64,5	67,8	63,3	73,0	69,5	69,3	71,5

Национальные коммуникации подавляющим большинством мигрантов (89,9% мигрантов из Армении и 84,8% из Грузии) осуществляются, в первую очередь, за счет сохранения связей с родственниками и друзьями, проживающими в стране происхождения.

Таблица 11

Контакты мигрантов из Армении и Грузии с родственниками и друзьями в стране происхождения

	Частота телефонных звонков членам семьи (друзьям, родственникам) в страну происхождения во время пребывания в Москве				Частота использования Интернет-связи с членами семьи (друзьями, родственниками) в стране происхождения во время пребывания в Москве			
	2009		2012		2009		2012	
	Мигранты из Армении	Мигранты из Грузии	Мигранты из Армении	Мигранты из Грузии	Мигранты из Армении	Мигранты из Грузии	Мигранты из Армении	Мигранты из Грузии
Каждый день	9,0	8,5	21,2	20,2	20,5	20,0	20,1	24
Каждую неделю	38,5	42,5	32,8	38,4	20,5	19,0	31,2	30,5
Каждый месяц	20,0	19,5	23,7	18,2	9,0	12,5	13,6	10,5
Один раз в несколько месяцев	18,0	14,0	12,1	8,1	5,5	11,5	6,5	7,5
Никогда	14,5	15,5	10,1	15,2	44,5	37,0	28,6	27,5

В 2012 г. по сравнению с 2009 г. выросла интенсивность звонков, возможно в силу большего распространения мобильной связи и ее удешевления. Более половины мигрантов из Армении (54,0%) и Грузии (58,6%), хотя бы один раз в неделю перезваниваются со своими родственниками и друзьями. Еще 12,1% мигрантов из Армении и 8,1% из Грузии звонят в страну исхода ежемесячно. Стали более интенсивно использоваться беспроводные технологии, такие как Skype. Каждый 4-й или 5-й информант переписывается по электронной почте. При этом к 4 из 10 опрошенных хотя бы раз в год приезжают друзья или родственники из страны происхождения. Еще третья часть выезжает к себе на Родину не реже 1 раза в год. При этом треть респондентов не посещают друзья или родственники из страны происхождения и сами они не посещают страну происхождения, проживая в Москве.

Около половины из них посылают деньги семье, родственникам, друзьям страны происхождения, что играет существенную роль в преодолении экономических трудностей населения данных стран.

Часть мигрантов поддерживает социальные контакты с соотечественниками, перебравшимися в столицу России также за счет посещения национальных клубов или организаций. Так, 32,0% мигрантов из Армении и 37,0% из Грузии, хотя бы один раз в месяц участвует в национальных клубных вечерах, дискотеках, концертах, укрепляя, таким образом, миграционные сети, формируя свой социальный капитал. Однако завсегдатаями этнических организаций в столице являются только 1,5% и 2,5% мигрантов, соответственно. Наиболее активные участники клубной деятельности – молодые неженатые мужчины. При этом каждый десятый опрошенный бывает в клубах не чаще 1 раза в год, а 6 из 10 вообще никогда в них не ходит. Немногим более трети (мигранты из Армении – 34,2%, из Грузии – 34%) также посещают, хотя бы один раз в месяц, места в городе, где соотечественники любят встречаться в Москве, а 55,3% и 53,5, соответственно, – такие места не посещают никогда.

Таблица 12

Частота посещения респондента друзьями или родственниками из страны происхождения и посещения респондентом страны происхождения

	2009		2012	
	Мигранты из Армении	Мигранты из Грузии	Мигранты из Армении	Мигранты из Грузии
Частота посещения респондента друзьями или родственниками из страны происхождения				
Ежемесячно	3,0	9,0	5,1	5,5
Каждые 6 месяцев	11,0	15,0	15,7	14,6
Каждый год	45,0	29,5	19,7	22,6
Никогда	37,0	45,0	37,9	30,7
Другое	4,0	1,5	21,7	26,6
Частота посещения респондентом страны происхождения во время проживания в Москве				
Ежемесячно	1,0	1,0	1	1
Каждые 6 месяцев	4,0	4,0	6,1	8,5
Каждый год	8,5	19,5	21,7	22,6
Никогда	36,0	33,0	29,8	28,6
Другое	38,0	26,5	30,3	24,1

Москва как принимающая сторона заинтересована в максимально быстром выстраивании мигрантами своей новой идентичности. В качестве главной конструирующей силы наряду с политическими элитами и интеллектуалами, выступает государство. Однако эксперты охарактеризовали миграционную политику Правительства столицы как рестриктивную, антилиберальную, антимиграционную, подчеркивая её особое проявление в вопросе московской прописки. А оценивая действия властей Москвы по интеграции мигрантов в столице в новый социальный контекст, эксперты считают её явно недостаточной. С их точки зрения, отсутствует интеграционная политика, нет понимания того, кого и каким образом следует интегрировать. Нет и органов власти отвечающих за это. В числе первоочередных мер, они назвали: информационную и правовую поддержку, трудовые и социальные гарантии, обеспечение образования детей, сотрудничество с ФМС России, с диаспорами, мигрантскими организациями. Отметим, что и сами мигранты в ходе опроса в качестве преобладающей оценки отношения власти к новым москвичам – назвали его «безразлично». Оценка «недружественно и враждебно» дана отношению власти к мигрантам каждым 6-м опрошенным из Армении или 10-м из Грузии. Именно в них видится смысл, рефлекслируемый мигрантами, действия властей как дискриминационных.

Однако не все так просто. И мы считаем, что позиция московской власти требует некоторого комментария. Во-первых, особенностью Москвы является то, что здесь невысокая безработица, и она имеет структурный характер. Вакантными остаются только не привлекательные для москвичей рабочие места, и столичный мегаполис нуждается в притоке неквалифицированных мигрантов, относительно дешевой рабочей силе, занятой в коммунальном хозяйстве, строительстве, торговле, общественном транспорте, оказании услуг населению. Квалифицированные кадры город воспроизводит сам. Во-вторых, здесь остро встает во-

прос адаптации возможностей всех функциональных систем города, преодоления сложностей, возникающих в отношении между москвичами и приезжающими. Именно противоречие между потребностью столичного мегаполиса в кадрах и большим количеством проблем, возникающих у Москвы, как принимающего общества, порождает, с одной стороны, непоследовательную политику Правительства Москвы, но с другой, требует постоянного внимания к этой проблеме и грамотного её решения.

По мнению экспертов, не всегда продуктивную, с данной точки зрения, позицию занимают и СМИ. Как показал анализ, в средствах массовой информации мигранты из Армении чаще всего представляются как люди трудолюбивые, занятые торговым бизнесом, богатые. Переселенцы из Грузии – как люди, связанные с криминалом, агрессивные и богатые. И акцент делается на оценке «богатые». Учитывая неприязнь значительной части населения к богатству, воспринимаемому как «неправедно нажитое», «ворованное», формируется настороженное восприятие мигрантов из этих стран.

Важнейшим препятствием позитивной адаптации и интеграции мигрантов в принимающий социум является нарастание негатива в отношениях между населением принимающего общества и приезжающими. Так, по сравнению с предыдущим этапом исследования среди мигрантов из Армении, попавших в выборку, в 2 раза выросло число человек, которым не всегда уютно в столице. В целом в Москве ощущал дискомфорт во время своего пребывания каждый четвертый мигрант из Армении и Грузии. По оценкам опрошенных, в 3–6 раз в 2009–2012 гг. увеличилось число респондентов, которым угрожали, и в 2 раза тех, кто подвергался оскорблениям.

Таблица 13

Наличие следующих негативных событий во время пребывания в Москве, множественный вопрос

	2009		2012					
	Мигранты из Армении	Мигранты из Грузии	Мигранты из Армении	Мигранты из Грузии	Мигранты из Армении		Мигранты из Грузии	
					Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Угрожали	4,5	9,0	28,1	28,2	37,7	13,3	35,7	13,8
Оскорбляли	32,0	38,0	68,1	68,8	44,9	33,3	50	65,5
Подвергали физическому насилию	8,5	5,0	6,4	5,4	7,2	0	1,8	3,4
Ранили	1,5	2,0	5,9	4,7	7,2	6,7	5,4	3,4

С одной стороны, это может свидетельствовать о нарастании этнофобии и мигрантофобии среди укорененных москвичей. Результаты исследований, проведенных нами в городе в 2000–2012 гг. показывают, что, несмотря на то, что большинство москвичей имеет свою миграционную историю, растет число жителей столичного мегаполиса, которые высказываются против увеличивающегося количества иностранных работников из стран СНГ. Они полагают, что привлечение значительного числа мигрантов создает угрозу безопасности столицы, высказываются за сохранение их низкого статуса. Москвичи ориентированы на односторонность аккультурации, ожидают подстраивания мигрантов к культуре принима-

ющего мегаполиса. При этом далеко не всегда в этих рассуждениях делается акцент на этничности. Речь идет о несовпадении норм поведения «старых» и «новых» москвичей, их желании навязать мигрантам свои социокультурные практики, включая ношение одежды, использование слэнга, питание, организацию досуга, нравственные нормы. Отклонения от нормативного поведения воспринимаются как угроза личной безопасности, становятся маркером деления людей на своих и чужих.

С другой стороны, имеет место неприязненное отношение приезжих к местному населению. Некоторые исследователи отмечают жесткое, демонстративное стремление, прежде всего выходцев с Северного Кавказа, утвердить свое право на сохранение в новой среде специфических норм поведения, что часто ведет к конфликтам.

Некоторое ухудшение оценок взаимоотношений староживающих москвичей и мигрантов из Армении и Грузии в ходе сравнительного анализа опроса информантов в 2009 г. и 2012 г. можно пояснить также увеличением в этой группе доли молодых мигрантов в возрасте до 22 лет, ориентированных на социальный успех, рассчитывающих на социальные лифты и ощущающих конкуренцию.

Заключение. Таким образом, являясь отражением движения социальной жизни, миграционные потоки из Армении и Грузии в Москву имели после 1990 г. различную интенсивность и детерминировались неравномерностью экономического развития, политической нестабильностью в Армении и Грузии, а также широкими возможностями Москвы для бизнеса, высоким уровнем заработной платы. Несмотря на регистрируемое сохранение и даже некоторое увеличение миграционного прироста московского социума за счет мигрантов из Армении и Грузии, в последние годы происходит фактическое снижение миграционного прироста столицы за счет приезжих из этих стран. Очевидно, что при сохранении условий в городе, массового возвращения мигрантов в страны исхода не ожидается. Возвратная миграция чаще всего имеет временный характер, а её мотивы связаны с желанием повидаться с родственниками, друзьями, поддержать семью и обусловлены личными обстоятельствами. Не будет и заметных изменений миграционных обменов между этими странами и столицей России в перспективе. Следует отметить изменение вектора миграции в московский мегаполис. Все большее число приезжих в качестве цели миграции называет получение образования. Увеличивается доля приезжающих из маленьких городов, поселений и деревень, что осложняет обустройство в столичном мегаполисе, восстановление разрушенных устойчивых бессознательных сценариев социального поведения и реагирования, формирование новой идентичности, ожидаемой принимающим обществом.

Подавляющее большинство, приехавших из этих государств после 1990 г. успешно интегрировались в московский социум, решив задачи организации повседневной жизни. Девять из десяти в целом удовлетворены тем, как складываются дела в столице России. Выбор отрасли или бизнеса, наряду с предшествующим опытом, определялся особенностями московского рынка труда и возможностями поддержки друзей и родственников, а также личной инициативой и активностью мигрантов. Успешной интеграции способствуют сложившиеся культурные и коммуникативные практики в Москве.

Однако исследование фиксирует нарастание конфликтности между укорененными и новыми москвичами, в основе которой лежит различие норм поведения, социокультурных

практик, фобий с обеих сторон. Нельзя говорить о том, что возникновение межэтнической напряженности связано лишь с укоренением шовинизма и культурным высокомерием «староживущих» москвичей. Нужно видеть и объективные основания этих явлений, иначе эти проблемы решить нельзя.

Несмотря на то, что в 2012 г. информанты дали более позитивные оценки отношения власти к мигрантам, Москва пока еще плохо справляется с их интеграцией в московский социум. Интеграционная политика Правительства Москвы плохо продумана и не продуктивна, нет субъекта её реализации. Сохраняется её противоречивость, характеризующая потребностями рынка труда Москвы, ограниченными ресурсными возможностями города и публичным дискурсом о миграционных практиках, реальными практиками взаимодействия коренных москвичей в мигрантов.

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ И ЭМПИРИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

Одной из предпосылок поступательного развития страны является ее социально-политическая стабильность. Говоря о стабильности, мы имеем в виду способность функционирования социально-политической системы в устойчивом режиме. Это, как представляется, является одним из условий для осуществления изменений и реформ, направленных на совершенствование экономики, социальной политики, культуры. Из всего многообразия обстоятельств, влияющих на социально-политическую стабильность страны, в фокусе нашего внимания окажется проблематика территориальной стабильности. Причем акцент рассмотрения данной проблематики будет сосредоточен на отдельных факторах федеративной устойчивости.

В начале текста дается экскурс в теории, посвященные интерпретации феномена сессии в современном мире. Затем обсуждается актуальный российский контекст. Далее на базе сравнительных эмпирических исследований в регионах РФ, проводится анализ отношения населения к ряду важнейших идеологических составляющих федеративного устройства. Рассматривается, в какой мере связаны идеологические установки и ориентации на конфликтное участие в интересах своей национальной группы¹⁹⁴.

¹⁹⁴ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ №11-03-0067а.

Сецессия: теоретический аспект. Под сепаратизмом будем понимать действия, направленные на обособление той или иной части политического образования от целого¹⁹⁵. Близким по смыслу здесь является понятие сецессия, выражающее в юридическом плане выход из состава государства какой-либо его части¹⁹⁶.

Как известно, в течение последних десятилетий произошли существенные изменения на политической карте мира – появились новые государственные образования. Причем ряд из них возник в результате распада других государственных образований и сецессионных процессов. Очевидно, что актуальная политическая практика привлекала внимание исследователей, предлагающих концептуальное осмысление предметной области. В этой связи остановимся кратко на отдельных, важных в контексте нашего анализа моментах.

Одним из актуальных факторов, способствующих распаду государств, являются этно-религиозные конфликты, зачастую весьма трагического характера. Примерами этого могут быть события в Югославии, на территории бывшего СССР. При этом то обстоятельство, что Российская Федерация пережила коммунизм, является, по мнению отдельных зарубежных исследователей, исключительным случаем среди постсоветских государств. Причем это происходило на фоне того, что все остальные коммунистические федерации распались. СССР пережил неожиданный и хаотичный развал, Чехословакия – мирный развод в результате переговоров, Югославия в своей значительной части испытала все тяжести у гражданской войны. В этой связи выдвигается аргумент о том, что демократические преобразования в условиях многонациональности и федеративного устройства практически всегда обречены на неудачу. «Выживание России в виде федерального государства кажется ещё более необычным, поскольку у неё так много общего с распавшимся Советским Союзом: огромная территория, сложное территориально-административное деление по национальному признаку, общая слабость государства во время политически и экономического переходного периода»¹⁹⁷.

Показательно, что в современных научных дискуссиях о праве на сецессию не наблюдается какой-то одной, доминирующей точки зрения. Отмечается, что в целом международное право признаёт целостность и суверенитет государств, а также их право на защиту своей территориальной целостности преимущественно так называемыми демократическими средствами от сепаратизма. Вместе с тем международное сообщество неоднократно признавало сепаратистские движения. Новейшими примерами является международное признание односторонне заявивших о своей независимости Косово и Южного Судана. Другими словами, вопрос этот в плане международного регулирования является весьма расплывчатым и прагматичным. Сепаратизм не приветствуется, но признаётся, если другого выхода нет. Если насилие достигло таких масштабов, что сдерживание его потребовало бы неприемлемого государственного террора, то государство – будь оно виновником или жертвой – лишается легитимного права на сохранение своей территориальной целостности¹⁹⁸.

¹⁹⁵ Введение в политологию. Словарь-справочник. М., 1996. С.211.

¹⁹⁶ Словарь иностранных слов. М., 1979. С.462.

¹⁹⁷ Hughes J. Managing Secession Potential in the Russian Federation, *Regional & Federal Studies*. 2001, 11(3). 36–68.

¹⁹⁸ Villiers B. Secession – the Last Resort for Minority Protection, *Journal of Asian and African Studies*. 2012, 1. 1–16.

Достаточно распространенным является представление, что территориальная целостность – не самоцель, и, во всяком случае, не оправдывающая любые средства её поддержания. Исследователи задаются вопросами о том, в каких случаях сецессия допустима и желательна, каким образом возможность сецессии должна регулироваться в многонациональном государстве. Характерно, что прикладной причиной выработки чётких критериев допустимости сецессии является возможность использования независимого международного арбитража.

В типологическом плане существует несколько прикладных концепций или базовых аргументов в пользу того, в каких случаях сецессия является допустимой¹⁹⁹. Одними из наиболее распространенных являются обоснования, связанные с правом наций на самоопределение. Соотносящееся с этим право на государственную независимость обосновывается исходя из того, что нация является фундаментальным способом организации социальных обществ как таковых. Самоценность самоопределения подкрепляют различными аргументами: например, что независимая нация имеет инструментальную ценность для её членов; что самоопределение связано с укреплением таких базовых ценностей как социальная справедливость, демократия.

В рамках так называемых теорий выбора в пользу сецессии одним из ключевых является условие, чтобы за отделение высказалось большинство населения территории. При этом нет необходимости, чтобы сторонники отделения представляли собой отдельную национальную группу или подвергались притеснениям. Согласно теории «крайних мер», изначально оправдать сецессию как таковую затруднительно – нужны очень веские причины, чтобы желание народа оказалось выше, чем право государства управлять данной территорией. Вопрос о сецессии является частью более широкого вопроса – о легитимности правительств и государств²⁰⁰.

При всей дискуссионности проблематики сецессии, стоит обратить внимание на то, что здесь теория, скорее, идет за практикой – конкретными случаями прикладной политики. В этой связи в контексте нашего обсуждения актуальным представляется еще один поворот темы. Наряду с тем, что решающим фактором сецессии, способствующим формированию новых государственных или квазигосударственных образований, являются этнические или религиозные конфликты, важен внешний контекст. То есть решающим обстоятельством, без которого успех сепаратистов был бы фактически невозможен, является наличие так называемого защитника со стороны. Этот защитник использует ситуацию в своих интересах и поддерживает сепаратистов. «Турция по-прежнему поддерживает Северный Кипр, Армения – Нагорный Карабах, Россия – Абхазию, Северную Осетию, Приднестровье, НАТО – Косово, Сербия – Сербскую Республику в Боснии; США и Великобритания до иракской войны защищали автономию курдов, а христианский Южный Судан пользовался негласной поддержкой США»²⁰¹. Таким образом, сецессионные процессы, даже имеющие потенциальный характер, оказываются изначально вписанными в более широкий политический контекст.

¹⁹⁹ *Costa J.* On theories of secession: minorities, majorities and the multinational state. *Critical Review of International Social and Political Philosophy*. 2003, 6(2), 63–90.

²⁰⁰ Там же.

²⁰¹ *Rywkin M.* The Phenomenon of Quasi-states. *Diogenes*. 2006. 53, 23–28.

При этом минимизация потенциала сецессии требует постоянного отслеживания факторов и проявлений, которые прямо или косвенно могут способствовать интенсификации негативных сценариев.

Актуальный контекст. Попытаемся проследить, в каком контексте тема сепаратизма, а также факторов, потенциально ему способствующих, обсуждалась в российском общественно-политическом дискурсе последних нескольких лет. Одним из наиболее частых было обсуждение темы сепаратизма в контексте экономического кризиса или в связи с вопросами, так или иначе связанными с социально-экономической и региональной проблематикой.

Так, например, в январе–феврале 2009 г. сообщалось о протестных акциях в дальневосточных регионах. Начав с собственно экономических требований (отмена решения о повышении пошлин на японские автомобили), организаторы потребовали смены правительства. «Более того, организаторы нескольких массовых митингов в сердцах озвучили идею образования Дальневосточной Республики (ДВР) и возможного выхода ее из состава РФ»²⁰². «Антимосковские» смыслы в плане протеста против «московского вмешательства и контроля» и излишней централизации управления были характерны для победителя на выборах мэра Мурманска, проходивших в этот же период²⁰³. Сепаратизм проявляет себя в связи с откровенным невниманием центра к региональным особенностям и проявлением этого в практике социального управления – в Калининграде в этот же период был зафиксирован рост автономистских настроений по сравнению с обычным уровнем: с 5–6% до 20–22%²⁰⁴.

Как известно, одной из актуальных российских проблем является неравномерное развитие регионов, что отражается на уровне их бюджетной обеспеченности и доходах населения. Рост социального расслоения, нарушение баланса социальной справедливости также являются одним из факторов усиления сепаратистских настроений в регионах. Показательным, на наш взгляд, является следующее сообщение в прессе. На заседании парламента Карелии обсуждалось, что зимой 2010 г. в Сортавальском районе Карелии появились листовки с призывами к жителям района провести референдум и присоединиться к Финляндии. Появление листовок по оценкам местного депутата было связано с положением в отоплении жилья и социальной сферы города Сортавала. А вот пример с одного из Интернет-форумов: «Я не такой, как во Ржеве или в Смоленске. А они там не такие, как я. А все эти федералистские рассуждения о “равенстве прав граждан России”, о “единых стандартах”, о целостности России можно повторять, как мантру, только разницу в уровне жизни они не сnivelируют»²⁰⁵.

Также нельзя оставить в стороне вопрос о сибирском автономизме, который, если судить по некоторым исследованиям последнего времени вновь становится актуальным. Речь идет о политизации территориальных или этнических идентичностей, использовании их в качестве инструментов мобилизации для борьбы за признание и важные ресурсы. Иссле-

²⁰² Серенко А. Новый русский сепаратизм // «Независимая газета». 2009, 25 марта.

²⁰³ Там же.

²⁰⁴ Гинзбург С. Угрозы сепаратизма нет. Калининградское самосознание: диалог против центробежных тенденций // «Независимая газета». 2009, 9 сентября.

²⁰⁵ Кузьмина В. Эх, Раш, еще Раш, еще много, много Раш... // «Литературная газета». 2009, 13–19 октября.

дователями отмечается, что «в медийном пространстве все чаще встречаются трактовки сибирской нации, как нации политической, которая имеет свои специфические интересы и готова декларировать и отстаивать их в рамках многонационального федеративного государства. При этом... на первом плане оказываются социально-экономические, экологические и культурные проблемы сибирского региона, осознание... несимметричных отношений между федеральным Центром и сибирским регионом...»²⁰⁶.

Упоминание о возможных сепаратистских настроениях отмечались отдельными авторами в связи с обсуждением темы развития инфраструктуры. Идея здесь состоит в том, что слабость инфраструктуры, в частности неразвитость сети автомобильных дорог, представляет собой проблему национальной целостности страны. У нас до сих пор не завершено формирование основной сети федеральных автомобильных трасс, что означает отсутствие возможности доступного перемещения из региона в регион. Это приводит к превращению ряда регионов в малодоступные, что ослабляет идентичность жителей со всей страной. По отдельным оценкам, сепаратистские настроения понемногу распространяются в Сибири, для населения которой Китай, Япония, и Америка становятся доступнее европейской части России²⁰⁷. Показательно, что значимость транспортных коммуникаций для обеспечения страны подчеркивается и в контексте дискуссий о развитии современного парка гражданской авиации в России²⁰⁸.

Показательно, что вопрос о противопоставлении столицы и регионов поднимался и в связи с собственно инфраструктурой коммуникаций – не оптимально выстроенным показом жизни регионов, преобладанием «сугубо московского» взгляда в информационном поле центральных телевизионных каналов. Одна из причин этого – преимущественно рыночные основания функционирования национального телевидения в целом. «Каковы доказательства существования Российской Федерации? Этот вопрос рано или поздно возникает у всякого, кто систематически смотрит телевизор. ...К сожалению, реальность повседневной жизни России не сможет быть прибыльным телепроектом. Повседневная жизнь прессы, если она не наполнена “фишками”, “феньками”, “прибамбасами” и “приколами”. ...В этой “новой реальности” Центрального телевидения нет места и самой России. Потому что она, настоящая Россия, не является их бизнес-проектом»²⁰⁹.

Характерно, что тема потенциальных факторов сепаратизма имела и другой, условно говоря, «биологический» поворот. Имеются в виду публикации, в которых обсуждаются новейшие достижения в области медицины и биологии применительно к обоснованию этнического происхождения жителей России. Фактически делается попытка зафиксировать национальные особенности, скрытые в ДНК человека. По отзывам ученых, «геном подобен книге с некоторым количеством опечаток, т.е. генетических букв, стоящих не на своем месте. ...В этих “опечатках” кроется и информация о вашей национальности, при-

²⁰⁶ Анисимова А., Ечевская О. Сибирская идентичность как политическое высказывание // “Pro et Contra”. 2012, №3 (55). С.63.

²⁰⁷ Степанов С. Дороги наносят ответный удар // «Независимая газета». 2009, 9 декабря.

²⁰⁸ См. Интервью Главы корпорации Boeing в России и СНГ С.Кравченко // «Коммерсант» 2011, 2 ноября.

²⁰⁹ Пухнавцев О. Географ Россию пропил // «Литературная газета». 2010, 31 марта–6 апреля.

чем для «национальных» наборов опечаток заметна сильная корреляция по географическому принципу»²¹⁰. Подобная «биологически обоснованная» этническая карта России, очевидно, может быть использована в случае обострения межнациональных отношений, в качестве дополнительного, «научно обоснованного источника» разделений, за которые выступают те или иные политические силы.

Сецессия и конфликтное участие в контексте массовых настроений. Обсуждение проблематики сепаратизма предполагает также обращение к анализу отдельных составляющих массовых настроений. Представляется, что потенциал сецессии связан, среди прочего, с негативными следствиями федерализма советского образца. Напомним, что республики бывшего Союза юридически имели право выхода из него. На «эмпирическом» уровне идея «права наций на самоопределение», «права выхода из состава федерации» весьма глубоко укоренилась в массовом сознании. Фактически, такие настроения знаменуют собой некоторую потенциальную основу, когда в кризисных ситуациях может быть «запущен» механизм сецессионных процессов. Именно об этом свидетельствует новейшая история перестроечного и постперестроечного периодов жизни страны.

Приведенные выше соображения имеют под собой реальные основания. Об этом свидетельствуют данные сравнительных исследований в ряде регионов РФ в 2011–2012 гг.²¹¹. Обратимся в этой связи к отношению населения к тезисам о праве наций на самостоятельную государственность и праве республик на отделение. Данные об этом приведены в табл. 1 и 2.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Считаете ли Вы, что каждый народ, проживающий на территории РФ, имеет самостоятельную государственность?», % от числа опрошенных

	Мордовия	Северная Осетия–Алания	Карачево-Черкесия
Да	9	24	29
Нет	71	58	46
Затрудняюсь ответить	20	18	25

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Должны ли, по вашему мнению, республики, входящие в РФ, иметь право выхода из нее?», % от числа опрошенных

	Мордовия	Северная Осетия–Алания	Карачево-Черкесия
Да	18	40	35
Нет	65	47	43
Затрудняюсь ответить	17	13	22

²¹⁰ Покровский В. Россия наконец-то разобралась со своим геномом // «Независимая газета». 2010, 9 июня.

²¹¹ Здесь мы ссылаемся на репрезентативные эмпирические данные, полученные в ходе сравнительных исследований, проведенных Центром федеративных и региональных отношений ИСПИ РАН в Мордовии (N = 515), Северной Осетии–Алании (N = 500), Карачаево-Черкесии (N = 540).

В целом результаты наших исследований показывают, что в массовом сознании продолжают сохраняться предпосылки для поддержки сепаратистских проявлений. Причем настроения по регионам различаются – в наибольшей степени поддержка идеи о самостоятельной государственности и возможности выхода республик из состава федерации оказывается присущей опрошенным в республиках Северного Кавказа.

Существуют ли особенности в приведенных выше распределениях в связи с социально-демографическими переменными? Наиболее ярким из них является категория возраста. Практически по всем регионам наблюдается сходная тенденция – в большей степени поддерживают идеи национальной государственности и права выхода респонденты в более молодом возрасте (до 30 лет).

Показательно, что в большей степени распространены представления о возможности права выхода, нежели, чем о наличии собственной государственности для каждого народа, проживающего на территории РФ. Это наряду с другими моментами может отражать то обстоятельство, что достаточно широкие слои населения оказываются весьма слабо информированными о действующем законодательстве РФ – в соответствии с которым, республики не имеют права выхода из состава федерации. Вместе с тем вполне возможно, что в сознании людей продолжают работать стереотипы и практика последних лет советского периода истории – когда выход республик из состава союза являлся реальным фактом политической практики.

Это подтверждается, на наш взгляд, тем, что цифры отношения к праву на создание собственного государства и право выхода из состава РФ остаются на достаточно длительном временном интервале постсоветской истории практически неизменными. Об этом свидетельствуют эмпирические исследования Центра федеративных и региональных отношений ИСПИ РАН в различных регионах страны в середине 90-х гг., в первой половине и в конце 2000-х гг.

Добавим к сказанному выше, что достаточно высокая поддержка права выхода республик из состава РФ оказывается присущей населению столицы. Так, например, согласно нашим исследованиям 2008 г., данную идею поддерживали 27% жителей Москвы. Это обстоятельство требует особого внимания. Как показывает политическая практика последних 15–20 лет, равно как и более ранних периодов российской истории, именно Москва является эпицентром кардинальных трансформаций, которые затем начинают проявляться в других регионах.

В связи с анализом массовых настроений в отношении «идеологических» компонент потенциальной сепарации была также поставлена задача определения того, в какой мере поддержка сепарационных настроений связана с ориентацией на конфликтное участие в интересах своей национальной группы. Это тем более так, поскольку идеи отделения практически всегда предполагают межнациональную напряженность и конфликты. Данные об установках респондентов на конфликтное участие приведены в табл. 3.

Несколько слов о социально-демографических характеристиках респондентов, которые указывают на свое безусловное участие в конфликте на стороне своей национальной группы. Во всех исследуемых регионах просматривается устойчивая закономерность: ориентации на конфликтное участие присуще представителям молодых возрастных групп, менее обеспеченным в материальном плане.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Считаете ли Вы возможным для себя принять участие в конфликте в интересах своей национальной группы?», %

	Мордовия	Северная Осетия–Алания	Карачево-Черкесия
Да, безусловно	13	20	21
Все зависит от обстоятельств	49	39	50
Ни в коем случае	23	27	15
Затрудняюсь ответить	15	14	14

Таблица 4

Двумерное распределение: ориентации на конфликтное участие и отношение к праву выхода из состава РФ, % от числа опрошенных

		Считаете ли Вы возможным для себя принять участие в конфликте в интересах своей национальной группы?				
Должны ли, по Вашему мнению, республики, входящие в Российскую Федерацию, иметь право на выход из нее?	По массиву в целом		Да	Все зависит от обстоятельств	Ни в коем случае	Затрудняюсь ответить
	Да	18	22	18	16	13
	Нет	66	63	66	68	63
	Затрудняюсь ответить	17	15	16	16	24
	Итого	100	100	100	100	100

Таблица 5

Двумерное распределение: ориентации на конфликтное участие и отношение к праву народов на самостоятельную государственность, % от числа опрошенных

		Считаете ли Вы возможным для себя принять участие в конфликте в интересах своей национальной группы?				
Считаете ли Вы, что каждый народ, проживающий на территории РФ, должен иметь самостоятельную государственность?	По массиву в целом		Да	Все зависит от обстоятельств	Ни в коем случае	Затрудняюсь ответить
	Да	9	21	8	6	6
	Нет	72	64	73	78	65
	Затрудняюсь ответить	19	15	18	16	29
	Итого	100	100	100	100	100

Обратимся теперь к вопросу о том, как ориентации на участие в конфликте на стороне своей национальной группы соотносятся с представлениями респондентов о праве выхода республик из состава РФ и праве народов на самостоятельную государственность. Соответствующие двумерные распределения показаны в табл. 4 и 5 (приводятся данные по эмпирическому массиву Мордовии).

Показательно, что применительно к двум приведенным идеологическим установкам с очевидностью просматривается следующая тенденция. Степень активность в конфликтном

участии на стороне своей национальной группы положительно связан с поддержкой идеологических тезисов, имеющих под собой потенциал сепаратизма. Так, например, в целом по массиву Мордовии 9% респондентов были согласны с утверждением о том, что каждый народ, проживающий на территории РФ, должен иметь право на самостоятельную государственность. Вместе с тем среди тех респондентов, кто был ориентирован на безусловное участие в конфликте на стороне своей национальной группы, доля поддерживающих указанный выше идеологический тезис возросла до 22%.

Заключение. В данной работе были рассмотрены несколько обстоятельств, которые в своей основе имеют сепаратистский потенциал. Наряду с комплексом социально-экономических факторов, этому могут способствовать и ряд укорененных в массовом сознании принципов, которые отражают национально-территориальное устройство бывшего Советского Союза. Как показывают результаты исследования эти принципы успешно «транслируются» во времени и тем, самым, создают негативные основания с точки зрения стабильности РФ в ее нынешнем виде. Показательно, что негативный идеологический потенциал оказывается сопряженным – наиболее распространенным среди респондентов, которые ориентированы на безусловное конфликтное участие в интересах своей национальной группы.

Как представляется, результаты исследования ясно свидетельствуют о том, что в массовом сознании существуют такие элементы, которые при определенных условиях могут самым активным образом способствовать сепаратистским процессам. Причем актуальная политическая практика, усиление протестной активности последнего времени свидетельствуют о том, что ряд политических сил, вольно или невольно, используют именно те политико-идеологические «регистры», за которыми может следовать запуск крайне негативных сценариев с точки зрения обеспечения стабильности и территориальной целостности РФ. Так, например, пропагандистская линия последних нескольких лет, сутью которой являются лозунги типа «хватит кормить Кавказ» со всей очевидностью ведет к нагнетанию настроений, способствующих разделению, а не консолидации. Причем, как показывает данное исследование, это ложится на «благоприятную» почву с точки зрения представлений массового сознания о праве республик о выходе из состава РФ. Причем одним из сопутствующих в этой связи моментов является ставка на рост этнического национализма, с акцентом его на «крови и почве», как решающих факторов объединения индивидов. Этот путь, по нашему мнению, очевидно предполагает резкий рост конфликтности и, по сути, взрыв РФ изнутри.

В этой связи отметим, что федеративное устройство каждой страны является, в известной мере, уникальным образованием, которое предопределяется спецификой истории и развития страны, сложившимся в каждом конкретном случае балансом сил интересов. Попытки реализации национального моноэтнического государства применительно к России являются, на наш взгляд, тупиковыми. Следует исходить из того, что Россия является полиэтнической цивилизацией, скрепленной русским культурным ядром. Именно это представление должно лежать в основе политической, социальной, и культурной практики управления.

Причем стабильность федерации зависит, среди прочего, от наличия базовых идеологических констант, которые, так или иначе, разделяются большинством населения. Отсутствие видения проекта-цели, в соответствии с которым развивается страна, который может объединить различные народы федерации является, по существу, фактором потенциальной неустойчивости.

тойчивости. Здесь, по всей видимости, на первый план может выйти идея единства преемственности всех исторических периодов и поколений страны. Это подтверждается данными многолетних исследований ценностей, которые могли бы быть составляющими общенациональной идеи. К таковым относятся: патриотизм, социальная справедливость и с несколько меньшим числом упоминаний такие понятия, как общественный порядок, права человека.

СОВРЕМЕННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЙ РЕАЛИЗМ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ НОВЫХ СФЕР КУЛЬТУРЫ И УПРАВЛЕНИЯ

Стать подлинным человеком –
это смысл истории.
Смысл и назначение истории.
К.Яценец

Современный мир если чем-то и отличается от прежних времён, то вовсе не тем, что он становится проще, понятнее, гуманнее и безопаснее. Наоборот, он становится всё более сложным и многообразно противоречивым, неоднозначным и неопределённым, уязвимым и опасным. Процессы становления новой социальной реальности подтверждают существующие прогнозы о том, что вызовы и угрозы, опасности и риски в этом мире, острота проблем и кризисов будут не просто возрастать, а возрастать по экспоненте. С ними сегодня не в состоянии справиться ни одно, даже самое сильное и развитое государство или целые блоки и союзы государств. Это с одной стороны.

С другой стороны, налицо углубление кризиса старых форм мышления и действия, блокирующих способность людей понять прошлое, овладеть настоящим и предвидеть последствия своей жизнедеятельности в будущем. Социальная реальность, знания о ней и практические действия, основанные на этих знаниях, вступили в фундаментальные противоречия между собой, результатом чего являются распространение недостоверной информации о происходящем, рост масштабов неадекватных действий по отношению к новым

реалиям, отсутствие идентичного восприятия и понимания людьми самих себя, утрата ими смысла самого своего социального бытия²¹². В итоге среди многих актуальных и острых проблем жизнедеятельности современного мирового сообщества центральной, главной и общесистемной стала проблема соответствия существующих ныне форм и способов общественной жизни масштабам и глубине, необыкновенно ускоряющимся темпам и динамике глобальных изменений, происходящих в мире. В связи с этим становится естественным искать ответ на основной вопрос нашего времени: «Возможно ли преодоление пропасти между необходимостью подчинить своё поведение требованиям реальности и реальными способностями человека и человечества подчинить себя этим ограничениям?»²¹³. Если возможно, то на какой основе и какими конкретными способами и средствами?

Новая социальная реальность с её требованиями и вызовами, рисками и угрозами концептуально и методологически осмыслена пока ещё весьма и весьма слабо, а воспринята практически явно недостаточно. Современное общество ещё не выработало каких-либо единых концепций и стратегий постиндустриального развития как в целом, так и в главных его проявлениях – процессах глобализации, информатизации, гуманитаризации, «психологизации», могущих стать основой общепланетарных геокультурных изменений. Реальность трансформируется быстрее и иначе, чем её успевают освоить современные теории и практики при их опоре на традиционные доктринальные, узко, односторонне социализированные, политизированные или идеологизированные подходы к познанию, оценке и, главное, воплощению того нового, что вносит эта реальность в жизнь. Процессы становления новой социальной реальности, между тем, начиная с рубежа XX–XXI столетий подвергают серьёзному испытанию и невиданному даже воздействию со стороны кардинально изменяющихся практик человеческой жизни на общественное сознание и поведение, социальную науку и образование, на уровень культуры в целом. Речь при таком воздействии идёт не только о необходимости смены очередного этапа движения истории, в основном **стихийного** и **человекозатратного** по своему характеру, а о формировании нового типа цивилизационного развития – *саморегулируемой культурно-природной коэволюции*, которая требует не только новой социальной организации/общества, но и иной культуры мышления и деятельности человека, основанной на принципах социального и индивидуального творчества, креативности и самоорганизации.

«Постепенно мы начинаем понимать, – писал академик Н.Н.Моисеев, – что общество стоит сейчас на пороге катастрофы, потребовающей перестройки всех оснований своего планетарного бытия. Может быть, даже на пороге нового этапа антропогенеза... и мы только подходим к пониманию того, что человечество уже исчерпало тот потенциал своего развития, который оно получило при завершении предыдущего этапа антропогенеза...»²¹⁴.

Иная социальная реальность следовательно требует и иной методологии её изучения, оценки и измерения, другой стратегии практического воплощения нового в жизнь и новых способов изменения самой этой жизни. Фундаментальный, системный кризис, поразивший сегодня человеческий мир, – это несомненное свидетельство также и определённой слабо-

²¹² См. *Зиновьев А.А.* Фактор понимания. М., 2006. С.521.

²¹³ *Моисеев Н.Н.* Расставание с простотой. М., 1998. С.13.

²¹⁴ Там же. С.13.

сти, «методологической недостаточности» современного обществознания и человековедения. Мы разделяем точку зрения тех учёных и специалистов, которые утверждают, что в настоящее время создание нового обществознания и человековедения – императив как для мирового сообщества в целом, так и для России, в частности. «Сборка нового сообщества обществоведов на адекватной нынешним проблемам методологической основе, – справедливо отмечает, например, С.Г.Кара-Мурза, – срочная и чрезвычайная задача в национальной повестке дня России»²¹⁵. Что же мешает выполнению этой задачи? Чего мы не знали, не знаем, по большому счёту, и сейчас, не хотим знать, когда предпринимаем какие-то шаги по изменению реальности или интерпретируем результаты действий других поколений людей?

Дело состоит в том, что основной посыл реформаторства – тот, что для реформатора не имеет значения *реальное состояние объекта реформирования*. Его интересует только то состояние, к которому объект *должен прийти* в результате реформирования²¹⁶. «Отсутствие интереса к реальности, – подчёркивает С.Кордонский, – было характерно для всех поколений реформаторов начиная с 1980-х гг. до сегодняшнего времени. Сегодняшняя методология реформы правительства... обусловлена отсутствием интереса к тому, как реально функционирует система управления государством, и стремлением преобразовать эту систему, привести её к некоторому идеальному виду... Мы чётко уверены в том, какая страна должна быть, мы не фиксируем те ограничения, которые *задаёт сама реальность*»²¹⁷. Такова одна из самых главных из целого комплекса фундаментальных проблем и глубоких причин кризисного состояния систем социального знания и государственного управления, которую высветили российские реформы 1990–2000-х гг.

Другая важная проблема и причина, как делают вывод некоторые эксперты, состоит в том, что социальные науки в России были и остаются нацелены не столько на научное описание реальности, «сколько на легитимацию социальных идентичностей и создание идеологий»²¹⁸.

В результате происходит накопление социальными науками «неработающего» знания, реальной является его слабая востребованность, тем более, что традиции понимания действительности в нём практически полностью *импортированы*.

Третья следовательно проблема и одновременно причина кризисного состояния социального знания и управления обществом в нашей стране определяется тем, что многие научные труды, отечественные учебники по социологии, праву, экономике основаны на *зарубежных различениях*, выработанных в совершенно других культурных и экономических условиях. Они механически применяются к российской реальности, а несовпадение между заимствованными понятиями и этой реальностью оценивается как негативная характеристика реальности и предпринимаются действия для того, чтобы привести социальную реальность России в соответствие с заимствованными понятиями. Такова стандартная логи-

²¹⁵ Кара-Мурза С.Г. Кризисное обществоведение. Курс лекций. М., 2011. Ч. I. С.19.

²¹⁶ См. Кордонский С. Социальная реальность современной России. Лекция // <http://polit.ru/article/2004/05/11/kordon>.

²¹⁷ См. там же.

²¹⁸ См. Социальные науки в постсоветской России. М., 2005.

ка²¹⁹. Она не обеспечивает достижения качеств научности и достоверности социального знания и эффективности управления обществом на основе такого знания в силу своей отстранённости от реальной человеческой жизни, её значения и смысла.

Между тем новая социальная реальность существует и изменяется не вне нас, она давно уже с нами, а мы в ней. Мы её просто плохо видим, знаем, ещё хуже понимаем, она нам пока не по зубам. Чтобы ею овладеть, важно знать и понимать, что современное общество в целом, экономика, политика и управление уже не могут быть средствами удовлетворения собственных интересов за счёт осуществления дел с посредственными и неспособными людьми. Они всё более становятся наукой и искусством того, как, реализуя общие интересы, сделать людей менее посредственными и более способными, а жизнь безопасной, свободной, благополучной и культурной.

Научный подход к исследованию социальной реальности отличается прежде всего своим вниманием к конкретным видам и формам жизни людей (*attention a la vie*) как регулируемому принципу их сознания и поведения. Иначе говоря, для того, чтобы постичь социальную реальность, учёному-обществоведи необходимо исходить из неё такой, *какой она есть сама по себе в жизни*, а не из *априорных* (придуманных, ещё хуже предвзятых) предположений, мнений, схем, иллюзий, мифов, предрассудков и т.п., а также независимо от симпатий и антипатий исследователя, не считаясь с тем, служат результаты исследования интересам каких-то категорий людей или нет, какие чувства у них это может вызвать. Измышления о несуществующих в реальности объектах наукой не являются. Не является научной применительно к «живому историческому процессу» и позиция *долженствования*. При этом очень важно знать то, что сложилось в результате этого процесса, чтобы понять, как это происходило в реальной истории²²⁰.

29 октября 2012 г. исполнилось 90 лет со дня рождения А.А.Зиновьева (1922–2006) – видного философа, логика, социолога, писателя, гражданина России. Трудно переоценить его вклад в науку, культуру и общественную жизнь как в мировом, так и в российском масштабах. Его личная судьба и творческая деятельность сложились драматично, они заметно отличались от признанных норм, стандартов, критериев и оценок.

Существует немало людей, считающих А.А.Зиновьева «историческим пессимистом», «катастрофистом», критиканом-«вопрекистом» за его критические взгляды относительно прошлого, настоящего и будущего человечества, прогнозы негативного характера, резкую оценку современной политической элиты и т.д. Однако, на самом деле, он никогда не был ни носителем «исторического оптимизма» или «исторического пессимизма», ни апологетом коммунизма или западнизма, но был **социальным реалистом**, исследователем и критиком того и другого, рассматривая критику как способ мышления и действия на основе, по его определению, «беспощадного понимания». Именно так А.А.Зиновьев сам понимал миссию мыслителя, выступающего в роли «защитника истины» и критика не каких-то бытовых мелочей, а всей социальной системы, существующих науки и идеологии, менталитетной сферы жизни общества и культуры в целом на основе интеллектуального фактора, или факто-

²¹⁹ См. Кордонский С. Социальная реальность современной России. Лекция // <http://polit.ru/article/2004/05/11/kordon>.

²²⁰ См. Зиновьев А.А. Фактор понимания. М., 2006. С.172, 174–175.

ра понимания. У него было «всё подчинено одной цели – изучению социальной реальности»²²¹. Это стало тем более важным и крайне необходимым, по его мнению, прежде всего в силу того, что «в двадцатом веке произошёл великий перелом в самой социальной реальности». Он оказался настолько значительным, что все учения, в той или иной мере претендующие на её понимание, стали неадекватными новым явлениям и потеряли смысл²²². Если же брать интеллектуальное состояние человечества в целом, включая житейские, обыденные представления, то можно было констатировать, что «интеллектуальный аспект человечества оказался не в меньшей мере загаженным словесным мусором и помоями, чем природная среда продуктами и отходами современной промышленности»²²³.

А.А.Зиновьев называет три серьёзных препятствия на пути научного познания социальных явлений: 1) широко распространённое дилетантство; 2) воздействие идеологии; 3) гигантскую армию людей, профессионально занятых в науке.

Что касается первого препятствия, то он подчёркивает: что-то *знать* о социальных объектах и *научно понимать* их – далеко не одно и то же. Тем не менее гигантское число дилетантов высказывается о них, сочиняет бесчисленные книги и статьи.

Второе серьёзное препятствие на пути научного понимания социальных явлений связано, по А.А.Зиновьеву, с *менталитетной сферой*, т.е. с тем, что и как о них думают люди. Эти суждения неизмеримо больше и сильнее затрагивают интересы различных категорий людей, чем суждения о других явлениях бытия. Поэтому эта сфера изначально находилась и находится ныне под неусыпным контролем идеологии, включая и религиозную. Не случайно в наше время беспристрастное научное познание социальных объектов стало фактически всеобщим табу, на страже которого стоит огромное число представителей рода человеческого²²⁴.

Наконец, третье препятствие на пути научного познания социальных объектов заключено в самой научной деятельности. Дело в том, считал А.А.Зиновьев, что следует различать как бы «две науки»: одну – как сферу жизнедеятельности множества людей, добывающих себе жизненные блага и добивающихся жизненного успеха (известности, степеней, званий, наград) за счёт профессионального изучения социальных объектов; другую – как собственно научный подход к этим объектам, который составляет лишь ничтожную долю в колоссальной продукции сферы профессиональных социальных исследований, а производители этой доли – ничтожную часть всех профессионалов, но именно тех из них, для кого научное познание является самоцелью²²⁵.

А.А.Зиновьев – живой пример такого профессионализма в науке высочайшего уровня. Результаты его подхода к своей жизнедеятельности невозможно переоценить. Научные определения им содержания современной эпохи как борьбы одних за господство на планете и её эксплуатацию, а других – за выживание, существование; а также социальной сущности глобализации и свехобществ, коммунизма и западнизма как реальностей, «холод-

²²¹ См. Зиновьев А.А. Я мечтаю о новом человеке. М., 2007. С.207.

²²² См. Зиновьев А.А. Фактор понимания. С.8.

²²³ Там же. С.163.

²²⁴ Там же. С.163–164.

²²⁵ Там же. С.164.

ной войны» между ними как войны нового типа; основных событий и этапов российской истории довоенного и послевоенного периодов; законов и феноменов, возникающих и действующих в условиях новой социальной реальности (законов соответствия различных сфер общества и социальной интеграции, регенерации, феноменов конфликтной демократии и русского варианта западнизма); взаимосвязи повышения (и понижения) интеллектуального и нравственного уровней человечества; опасности *упрощения* познания и восприятия действительности и др. Он обосновал множество позитивных идей относительно главных условий и факторов возрождения России – о *культуре* как основном компоненте внутренней и внешней среды интеграции и консолидации общества; о *современных СМИ* как более важных средствах социального воздействия, чем даже религия; о позитивных и негативных чертах характера русского народа, реальной тенденции его вымирания и деградации в условиях существующей в стране социальной организации и кризисного интеллектуального состояния общества, начиная от элиты и до большинства населения – таков далеко не полный объём его неопережимого вклада в современную социальную мысль.

А.А.Зиновьев применительно к социальной реальности не верил в безнадежные ситуации. С его точки зрения, ситуация достаточно безнадежная бывает только для тех, кто хочет остановить объективные исторические и социальные процессы лозунгами и старыми политическими методами. Посмотрите, говорил он, что творится в системе власти и управления: принимаются горы законов и постановлений, без конца идут встречи и совещания. Жизнь в России сейчас и протекает в основном на этом, показном уровне. На виртуальном уровне идёт театр. Но ведь есть *фундаментальный реальный уровень жизни*, где люди производят, строят, учатся. Делают то, что можно назвать социально полезным делом²²⁶.

Ключевой вопрос – это преодоление идеологического хаоса и выработка новой идеологии спасения, прорыва и возрождения. Превращение поражения в победу – наш выход. Но для того, чтобы выработать такую идеологию, нужны наука и время. А сейчас интеллектуальное поле России загажено словоблудием. С таким состоянием интеллекта ничего хорошего страну не ожидает. Поэтому главная задача – срочно привести мозги в порядок²²⁷. «Убеждён, – сделал вывод А.А.Зиновьев, – пока население России не избавится от страха перед истиной, до тех пор ничего хорошего здесь происходить не будет...»²²⁸. Он даёт точное определение *новой идеологии*. Она, по его мнению, по своему интеллектуальному уровню должна превосходить марксизм и быть более адекватной *современной социальной реальности*, «гражданской (нерелигиозной) и не узконациональной. Она должна опираться на научное понимание опыта *реального советского коммунизма*, реального западнизма и реальной глобализации»²²⁹.

Однако на основе существующей в стране социальной организации, представляющей собой жалкую имитацию советской власти плюс имитацию западной демократии, решить

²²⁶ Зиновьев А.А. Я мечтаю о новом человеке. С.72, 181.

²²⁷ Там же. С.118.

²²⁸ Цит. по: Возрождение России: концепции и реальность. Материалы «круглого стола», 28 июня 1993 г. М., 1993. С.90, 92.

²²⁹ Действующие лица (с А.А.Зиновьевым беседовала Елена Липатова) // «Литературная газета». 2003, 29 октября–4 ноября.

эту задачу, как и остановить вымирание и деградацию русского народа невозможно. Чтобы «переумнить» Запад, по мнению А.А.Зиновьева, нужна **иная** социальная организация, основанная на *инициативной самоорганизации общества*, другое **управление**, способное малыми силами управлять большими ресурсами и укреплять в первую очередь самое себя, своё централизованное, интегрирующее ядро, а с ним и своё сверхобщество. Запад в значительной мере победил благодаря тому, что смог справиться с проблемами управления. СССР же справиться с ними не смог. И это было напрямую связано с состоянием национальной элиты, не выполнившей те функции, которые она должна была выполнить, исходя из интересов страны и народа и сдавшей под мощью западной идеологии и пропаганды.

«Уйти из мира никуда нельзя, – такую мысль завещал нам А.А.Зиновьев. – Если и получится куда-то “эмигрировать”, то только на уровень высочайшей культуры, высочайшей мысли, высочайшей морали. Это своего рода «эмиграция» во внутреннюю жизнь. Я не думаю, что люди полностью деградируют. Будем надеяться, что люди сохранят в себе человеческого как можно больше»²³⁰.

В современный период выходящие из тяжёлого системного кризиса государство и общество в России ставят перед собой грандиозную задачу – достичь качественного изменения жизни в стране, её экономики, социальной и духовно-культурной сфер. По существу, речь идёт о создании *иного государственного управления и нового общества*, реализующих стратегию инновационного развития, государства и общества равных возможностей, без бедности, гарантирующих безопасность и благополучие каждого человека.

Жизнеспособность государственности и общества в России определяется ныне прежде всего тем, как они «производят» своё *будущее*. Постиндустриальная, инновационная система управления рассматривает будущее не как угрозу и не как следствие, а как **причину** настоящего. Поэтому она стремится к формированию *социального взаимодействия нового типа*, который включает всё больше в себя культурные составляющие и всё больше подчиняется логике культурно-духовной коммуникации. По большому счёту, это – веление времени, его современных тенденций. «Культурные факторы неуклонно становятся всё более важным компонентом повседневного опыта по мере нашего перехода от «общества дефицита», где экономическая необходимость втискивает поведение человека в довольно узкие рамки, к миру, в котором человеческий фактор будет играть всё более заметную роль по сравнению с внешней средой, открывая расширенный спектр возможностей для индивидуального выбора»²³¹. Чем дальше, тем больше различия между людьми и народами будут определяться не экономическими, политическими или идеологическими, а духовно-культурными факторами. Сама культура при этом является способом ценностного, смыслового понимания реальности, качественной оценки и освоения гуманистических норм жизни, проявления и развития творческих сущностных сил личности, т.е. сферой поиска, проектирования и конструирования новых социальных и личностных источников и устоев человеческого мира, без которых невозможно сформировать общество, базирующее собственное благосостояние на **внутреннем развитии** своих граждан и не позволяющее приносить их

²³⁰ Зиновьев А.А. Я мечтаю о новом человеке. С.230.

²³¹ Инглегарт Р. Модернизация и постмодернизация // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М., 1999. С.269.

в жертву очередным проектам «светлого будущего», навязанным новоявленными реформаторами **извне**.

В связи со сказанным выше, выделим особо *проблему необходимости формирования нового мировоззрения, сознания и поведения людей* в целом как условий и факторов, наиболее соответствующих, с одной стороны, требованиям и вызовам новой социальной реальности, а с другой – критериям и принципам гуманистического миропонимания и научности, а также практике живого исторического процесса. Так, условием и фактором, с нашей точки зрения, выступает прежде всего *феномен социального реализма*²³².

Социальный реализм – естественная основа и важнейший принцип нового гуманистического мировоззрения и деятельности, смыслом и целью которых является сохранение, созидание и развитие *реальной человеческой жизни*, благодаря формированию и утверждению всё более совершенных способов социальной жизнедеятельности людей. Социальный реализм означает признание многообразия и необходимости сочетания, синтеза общественных связей и взаимодействий, включая, в частности, отношения собственности и власти, которые в силу этого теряют характер несовместимых и непримиримых противоположностей, заведомой направленности против чего-то или кого-то. Социальный реализм соответствует *общенаучному принципу комплементарности*, открытому Н.Бором: *contraria sunt complementa (противоположности есть дополнительность!)*.

Социальный реализм стремится к синтезу материального и духовного, объективного и субъективного, отрицая крайности объективизма и субъективизма так же, как материализма и идеализма, рационализма и иррационализма. Преодоление основ традиционного и экономического индустриального общества он, как уже отмечалось выше, предполагает осуществлять вследствие, прежде всего, внутренней, интеллектуальной, креативной, нравственно-духовной эволюции людей, а не путём конструирования по заранее задуманным схемам и «чертежам» новых технологических, экономических, социальных и идеолого-политических систем, как это осуществлялось реформаторами прежде.

Социальный реализм, таким образом, как способ многостороннего, тесно связанного с реальностью ответа на её новые вызовы и риски, угрозы безопасности и благополучию общества, противостоит насаждению в нём различных форм *псевдореальности*, массовой *дезорientации* людей и *манипулирования* ими, т.е. такого состояния, когда человек, как писал в своей работе «Здоровое общество» Э.Фромм, уже «не воспринимает себя активным носителем своих собственных власти и богатства, а чувствует себя усовершенствованной «вещью», зависимой от внешней силы, определяющей смысл его жизни»²³³, когда он «обнаруживает парадоксальное *отсутствие реализма* в отношении ко всему существенному: к смыслу жизни и смерти, счастью и страданию, чувствам и серьёзным мыслям. Он надёжно скрыл под покровом всю *истинную сущность человеческого бытия* и заменил

²³² Не случайно знаменитый учёный, лауреат Нобелевской премии А.Швейцер констатировал: «Все больше и больше мы скатываемся к состоянию, характеризующемуся отсутствием мировоззрения. Отсутствие же мировоззрения предопределяет и отсутствие культуры. Таким образом, перед нами стоит великий вопрос: как долго сможем мы обходиться без мировоззрения, несущего в себе идеалы совершенствования человека?» (*Швейцер А.* Благоговение перед жизнью. М., 1992. С.94–96).

²³³ *Fromm E.* The Sane Society. L., 1991. P.124.

её искусственной, приукрашенной картиной псевдореальности, не слишком отличаясь от дикаря, лишившегося своей свободы ради блестящих стеклянных бус»²³⁴.

Мировоззрение социального реализма утверждает, что подобное состояние человека, общества и их культуры в современном мире становится социальной базой формирования нового, чрезвычайно опасного для человечества общецивилизационного бедствия – так называемого «мирового подполья» как «рака цивилизации», т.е. «антигражданского общества», где доминирующей формой активности стало регрессивное использование цивилизационного ресурса на основе криминально-террористической деятельности. Реальностью современности стало повсеместное, тотальное проникновение во все социальные группы и общественные взаимодействия сетевых идеологий и технологий организованной преступности и международного терроризма²³⁵.

Достоинство социального реализма состоит в том, что сложные, противоречивые процессы и тенденции современных социальных изменений рассматриваются им не сами по себе в отдельности, а во взаимодействии и взаимосвязи – как *единый социально-гуманитарный процесс* разрешения противоречий между *объективными* вызовами, требованиями новой социальной реальности и недостаточными степенями, уровнями достоверности знаний, социальной ответственности, организованности и социально-культурной зрелости человека и общества как **субъектов** существующей практической жизнедеятельности, не позволяющей обеспечить её *социально-культурную идентификацию* с изменяющейся реальностью.

С позиций социального реализма наиболее глубокие причины кризисов и катастроф в обществе, неудач в проведении трансформаций, модернизации и реформ коренятся в *социально-культурной составляющей* происходящих в человеческом мире изменений. Под ней понимается целостная, органическая система условий и отношений человеческой жизни, проявляющаяся в потребностях, интересах и ценностях как различных слоёв и групп общества, так и отдельной личности и определяющих в конечном счёте направленность и характер жизнедеятельности людей. Вот почему одним из наиболее адекватных и перспективных подходов из методологического арсенала современной социологии, преодолевающего её «методологическую недостаточность», выступает *социокультурный подход*, обоснованный ещё в своё время выдающимся российско-американским учёным П.А.Сорокиным.

Человечество живёт и действует, – сделал вывод он из своих исследований, – в один из поворотных моментов своей истории, когда одна форма культуры и общества (чувственная) исчезает, а другая форма (интегральная) лишь появляется. Каковы же основные плоды кризиса ныне пока ещё господствующей в современном мире чувственной культуры? Её главным плодом, по П.А.Сорокину, является беспрецедентное развитие естественных наук и технологических изобретений. Самый же ядовитый её плод – это пагубное сокращение сферы *подлинной реальности и истинной ценности*. Неудивительно, что это вело к деградации самого человека и как личности в её *подлинной сущности*, и как *истинной ценности*. Отсюда следует и рост механического материализма, гедонизма, примитивного

²³⁴ Фромм Э. Здоровое общество // Психоанализ и культура. М., 1995. С.414.

²³⁵ См. Кузнецов В.Н. Идеология. М., 2005. С.81.

эмпиризма, поверхностного позитивизма и вульгарного утилитаризма²³⁶. Получается так, что человечество вырождается на основе своих баснословных достижений.

Переход от доминирования чувственной к интегральной культуре, подчёркивал П.А.Сорокин, ведёт человечество не к апокалипсису, а, наоборот, – к дальнейшему претворению в жизнь уникальной созидательной миссии человека на нашей планете²³⁷. Однако отчего, в первую очередь, зависит подобный переход? Если единство современного мира представляет собой, скорее, «единое потенциальное поле битвы» (Э.Фромм), живая ткань которого разьедается недоверием и антагонизмом, социальным отчуждением, то преодоление подобного состояния общества начинается с поворота к другой системе познания мира, к иной системе ценностей и представлений о месте и роли человека в нём, противостоящих тенденции варваризации общества и господству «массового человека». Речь идёт о формировании *нового мировоззрения, культуротворческого* по своей сути, направленного на утверждение единства реальной человеческой жизни, на развитие человеческого начала в самом человеке.

Жизнеутверждающее мировоззрение способствует осознанию, пониманию и переживанию происходящей социальной реальности. Оно является и *смыслопорождающим центром, «живой душой» культуры*, источником изменения человеческого бытия к лучшему из всего возможного и реализуется в процессе и контексте *идеального* освоения, доопределения всех сторон и уровней жизни. Отсутствие же мировоззрения является наихудшей, наиболее опасной для общества его формой, порождающей безумье, бессмыслицу, бескультурие.

Таким образом, *социальный реализм* как принцип и основа нового мировоззрения и деятельности отличает повышенное внимание, во-первых, к *смыслу* происходящего, к качеству целей, идей, т.е. *идеальным* моментам; во-вторых, к необходимым *средствам* достижения целей, в частности, к *«правилам игры* (нормам, правовым установлениям, законам), к реальным рамкам *связей и отношений* между участниками социальных действий, к имеющимся у них *возможностям и ресурсам*. Он исходит из качественно иного типа социальной реальности, рождающейся в результате тех коренных изменений, которые происходят в мире, означая, что время «эвклидовой геометрии» в человеческих решениях, мыслях и действиях прошло и наступило время «расставания с простотой» (Н.Н.Моисеев), время весьма сложных и многомерных социальных «уравнений», многие из переменных которых неоднозначны и неопределённые. Следовательно необходимы новые методологические и стратегические идеи, инновационные технологии, связанные с изменениями и конструированием сложных социальных систем, их нелинейной эволюцией, формированием новых субъектов социальных действий. При этом системы управления впервые призваны решать проблемы регулирования общественных взаимодействий без их разрушения, но с учётом границ социального порядка и самоорганизации, саморазвития систем, а также удержанием их в этих границах как более важную задачу, чем непереносимое достижение высоких результатов производства и потребления. Так обеспечивается переход от максимизации технологического и экономического роста, военной мощи к *главному приоритету* – сохранению и развитию многообразного *единства* и повышению *качества* жизни

²³⁶ См. Встречи с Питиримом Сорокиным. М., 2003. С.325–326.

²³⁷ См. там же. С.331–336.

людей, культуры социальности как *всепроявленности способностей* человека внутри общества.

На протяжении всей истории социальной мысли была и остаётся чрезвычайно актуальной и острой проблема формирования *достоверных* представлений об обществе, способном выразить и проявить *действительные реалии* жизни человека, не будучи *отчуждённым* от него. Не столь важно, как это общество называется, важно то, что оно представляет собой **социокультурную реальность** как специфически человеческую составляющую окружающей среды, особый, иной, альтернативный мир жизнеобитания человека, который он сам создаёт и под воздействием которого изменяется.

Хотя синтезирующая направленность всех работ П.А.Сорокина всегда оставалась неизменной, именно в гарвардский период жизни и творчества его соединительные тенденции и настроения окончательно оформились в *единую интегральную модель*, что нашло отражение в его четырёхтомной «Социальной и культурной динамике», аккумулировавшей концептуальные идеи практически всех отраслей социально-гуманитарного знания²³⁸.

По П.А.Сорокину, любое общество можно описать и понять только лишь через призму присущей ему *системы значений, норм, ценностей*, которое представляет собой *единовременное культурное качество*. При этом логико-значимые культурно-ценностные системы – детерминанты культурного качества, формируются под воздействием «двойственной» природы человека: существа *мыслящего* и существа *чувствующего*. Преимущественное качество тем самым совпадает с одним из полюсов ценностно-культурной шкалы. Причем и в том, и в другом случае не нейтрализуются полностью противоположные мотивы поведения, мышления, а сама культура в целом становится интегральной лишь тогда, когда общество добивается успеха, балансируя и координируя энергию людей, направляя её на службу трём ликам культуры – *истине, добру и красоте*.

Подобная методология «интегрализма», следовательно, характеризуется логико-значимой взаимосвязью всех существенных компонентов личности или культуры. Модель «интегральной» культурной сверхсистемы даёт значительно больше для полноценного и адекватного определения и понимания культуры, нежели традиционные социологические, антропологические или культурологические методы. Вот почему дискриптивный анализ социальной жизни должен быть подчинён *исходному примату культурных ценностей* даже в таких аспектах социального бытия, где, как может показаться с первого взгляда, отсутствует прямое отношение и восхождение к культурно-ценностным системам. К примеру, понятия «группа», «класс», «роль», «стратификация», «социальное действие» и им подобные приобретают научную валидность, когерентность, когда интерпретируются как переменные культурных сверхсистем, конгруэнтных связей ценностей, норм, значений²³⁹.

Поэтому, делает критические замечания П.А.Сорокин в своей «Общей социологии», – «попытки свести предмет социологии к социальному аспекту надорганических явлений и исключить факторы культуры или личности являются ...ошибочными. Читаем, например, что «социология прежде всего интересуется... социальным», что *системы знаний*, как то:

²³⁸ Sorokin P.A. Social and Cultural Dynamics. N.Y., 1937–1941. Vol. 1–4.

²³⁹ См. Сорокин П.А. Человек, цивилизация, общество. С.21–22.

религия, лингвистика, технологии и тому подобное, к ней не относятся. Такая позиция совершенно неприемлема... Такое изучение определённо не даст нам никакого знания о реальной природе, отношениях или бесконечно разнообразных характеристиках значимых человеческих взаимодействий. *Без включения культурного элемента – значений, ценностей и норм* – мы не могли бы изучать даже нормы, регулирующие взаимодействие между индивидами и составляющие, согласно самим этим теориям, суть любых социальных институтов или организаций... Короче говоря, это предположение резко противоречит определению социологии и её предмета, которые дают сами эти теоретики, и оно лишает социологию какого-либо достойного предмета»²⁴⁰.

Социокультурный порядок неразделим, делает вывод П.А.Сорокин, и никто не может создать специальную науку на основе одного его аспекта, скажем, социального, игнорируя культурные и личностные аспекты. Социология равно связана со всеми тремя аспектами социокультурных явлений, но со своей специфической точки зрения, как *генерализирующая наука, рассматривающая социокультурную систему как целое*²⁴¹.

Заключает свои критические замечания П.А.Сорокин важнейшим методологическим положением о том, что неудовлетворительными также являются и те теории, которые пытаются отделить культурные и социальные аспекты социокультурных явлений друг от друга на том основании, что «культура – это название, которое даётся отдельным взаимосвязанным традициям социальной группы. Общество, пожалуй, является более широким термином, поскольку оно включает в себя проявления культуры и импульсы». Однако любая организованная группа, возражает он, неизбежно обладает культурой. Более того, ни социальная группа, ни индивид не могут существовать без компонентов значений и носителей, т.е. без культуры. По этой причине «общество» не может быть более широким термином, чем «культура», как не могут эти два явления рассматриваться вне связи друг с другом. Единственно возможное различие связано с тем, что термин «социальный» означает сосредоточение на совокупности взаимодействующих людей и их отношениях, тогда как «культурный» означает сосредоточение на значениях, ценностях и нормах, а также на их материальных носителях (или материальной культуре)²⁴².

Таким образом, глубинная связь между состоянием общества, состоянием культуры и проблемами человеческого развития в современных условиях очевидна. В связи с этим существенно повышается значение в изучении и решении проблем взаимодействия общества, культуры и человека социокультурного подхода и методологии «интегрализма» П.А.Сорокина. Разумеется, сказанное относится и к исследованию процессов становления общества знания.

Сегодня наступил новый этап в научном осмыслении самого феномена знания, его роли в развитии человека, культуры и общества, социальных структур, институтов и процессов. Это обусловлено такими фундаментальными условиями и факторами, как, во-первых, совершающаяся новейшая *информационно-технологическая революция*, в ходе которой новые научные знания и информация становятся важнейшими стратегическими ресурсами эко-

²⁴⁰ Там же. С.219.

²⁴¹ Там же. С.220.

²⁴² Там же.

номического, социального и интеллектуального развития современного общества, а компьютеризация, информатизация, глобализация, создание всемирной сети коммуникаций (Интернета) – необходимым следствием этой революции; во-вторых, формирование в развитых странах мира нового типа *постиндустриального (информационного) общества*, в основе которого лежит «экономика и социология знания», а само общество превращается в «общество знания», которое, в-третьих, требует нового *стратегического мышления* и новых *стратегических методов управления*, обновлённого *понимания* самих феноменов знания и *информационных систем* с позиций *социокультурного подхода* как методологической основы воплощения социального реализма в процессе преобразования современного мира.

Разумеется, диктуемые жизнью необходимые изменения в мире в целом и в России, в частности, идут и сегодня, но идут весьма мучительно, болезненно, низкими темпами, с огромными жертвами и потерями, не решая старые и порождая новые проблемы, причины и характер которых уже нельзя сегодня отождествлять со стихийными природными катаклизмами. Корень этих новых проблем, по мнению российского руководства, – в накопившихся дисбалансах.

«Зашла в тупик модель, – отмечает Президент РФ, – построенная на безудержном наращивании заимствований, на жизни в долг и проедании будущего, на *виртуальных, а не реальных ценностях и активах*. Фальшивые сущности, игра в “пустышки” появляются не только в экономике, но и в политике, социальной сфере. Здесь также возникают своего рода иллюзорные “дериваты”. Кризис проявил одну опасную, чисто политическую тенденцию: к безоглядному, популистскому наращиванию социальных обязательств государства – вне всякой связи с ростом производительности труда, к формированию в отдельных слоях населения этих стран социальной безответственности»²⁴³.

В более глубоком долгосрочном смысле нынешние проблемы носят вовсе не конъюнктурный характер, заключает В.В.Путин. По большому счёту, то, с чем сегодня сталкивается мир, – это серьёзный системный кризис, тектонический процесс глобальной трансформации. Это зримое проявление перехода в новую культурную, экономическую, технологическую, геополитическую эпоху. Мир вступает в зону турбулентности. И, безусловно, этот период будет длительным и болезненным. Здесь не надо питать иллюзий. В связи с этим Президент выдвигает две основные задачи – *ближайшую и перспективную*.

Ближайшей задачей в подобных обстоятельствах явилось восстановление **реального единства** страны, иными словами, установление на всей её территории суверенитета российского народа, а не господства отдельных лиц или групп. В результате страна выстояла перед ударами глобального кризиса. Период восстановления пройден.

Задача на предстоящие годы видится в том, чтобы завершить создание в России такой политической системы, такой структуры социальных гарантий и защиты граждан, такой модели экономики, которые вместе составят единый, живой, постоянно развивающийся и одновременно *устойчивый и стабильный, здоровый государственный организм*. Способный безусловно гарантировать суверенитет России и процветание нашей великой державы на десятилетия вперёд. Отстоять справедливость и достоинство каждого человека. Правду

²⁴³ «Известия». 2012, 16 января. С.1.

и доверие в отношениях государства и общества²⁴⁴. При этом, как подчёркивалось ещё ранее Президентом РФ на одном из расширенных заседаний Госсовета страны, «России пока не удалось уйти от инерционного энерго-сырьевого сценария развития, следуя которому она не может добиться необходимого прогресса в повышении качества жизни граждан, обеспечить безопасность страны», а значит, и само её существование. Единственной реальной альтернативой такому ходу событий является стратегия инновационного развития страны, опирающаяся на одно из главных наших преимуществ – на реализацию человеческого потенциала»²⁴⁵. Такова новая российская идеология развития.

Но что собой представляет категория потенциала человеческого развития и каково основное содержание её концепции в современном социальном знании?

Потенциал человеческого развития (от лат. potential – сила, мощь) – социальная категория и концепция, выражающие (в количественных и качественных показателях) состояние здоровья и уровень жизни, степень образованности и культуры населения той или иной страны, различных социальных групп, личностей, т.е. совокупность социально значимых качеств, способностей, знаний, умений и навыков, сформированных на основе природных задатков людей и в результате их социальных взаимодействий.

Рождению категории и концепции потенциала человеческого развития предшествовал длительный исторический путь изменения теоретической мысли и социальной практики, для которых проблема взаимосвязи экономического роста и развития человека становилась всё более ключевой.

Человеческое развитие как особая социальная концепция возникла в конце 1980-х гг., когда в экономически развитых странах достаточно чётко обозначились тенденции перехода к постиндустриальному типу социальных изменений, обществу знаний, информационному обществу. Научная мысль пришла к этой концепции через категории человеческого и социального капиталов. Первая формулировалась в 1950–1960-х гг. в публикациях американского учёного Т.Шульца и его последователей и понималась как совокупность знаний и квалификации социальных групп работников, выполняющая двойственную функцию: 1) средства производства; 2) предмета длительного пользования. Тем самым подчеркивалась роль экономического образования, науки и здравоохранения, которые обычно рассматривались лишь как потребляющие и непроизводительные.

Новое видение поступательных социально-экономических изменений отводит человеческому развитию центральное место не только традиционно в духовной сфере, но и в кругообороте воспроизводственных связей. Концепция роста потенциала человеческого развития, делая акцент на расширение возможностей жизненного выбора человека, т.е. степени его свободы как важнейшей цели и критерия социального развития, превращает человеческое или социальное его измерение в определяющую доминанту, а материально-вещный потенциал – в условие развития общества.

В условиях новой социальной реальности, проявляющейся в таких чертах, как глобальный, информационный, коммуникативный, медийный, инновационный характер об-

²⁴⁴ См. там же. С.5.

²⁴⁵ «Известия». 2008, 11 февраля, №29. С.4–5.

ественного развития, от технологий high-tech осуществляется переход к технологиям high-hume. Благодаря информационным, интеллектуальным технологиям главным становится изменение человеческого сознания – индивидуального и коллективного. На наших глазах следовательно не только изменяется предмет труда, но и формируется личность постиндустриального типа, и именно это центральное звено глобальных социальных перемен призвано стать основным предметом современной социальной теории и общественной практики.

Концепция человеческого развития в современный период всё больше привлекает внимание мировой общественности, международных организаций, государственных органов, СМИ, институтов гражданского общества. Она разрабатывается крупными научными коллективами и отдельными исследователями во многих странах мира, обсуждается на конгрессах ученых и межправительственных конференциях, используется в государственном и муниципальном управлении, в сферах образования и культуры. Ежегодная, начиная с 1990 г., публикация Программой развития ООН (ПР ООН) Всемирных докладов о человеческом развитии (Human Development Reports), регулярная подготовка национальных докладов в более чем 120 странах мира (в том числе в России с 1995 г.) принесли этой концепции широкую известность.

С позиций концепции потенциала человеческого развития процессы развития в обществе не могут сводиться только к экономическому росту, объему материальных благ и услуг. Поэтому традиционные макроэкономические показатели: объем ВВП и среднедушевой доход – не выражают целостного характера этого развития во всем многообразии. Более точно и комплексно позволяет его учитывать индекс человеческого развития (ИЧР) (иногда его называют индексом развития человеческого потенциала, ИРЧП), предложенный ПР ООН как комбинация индексов долголетия, образованности и уровня жизни.

В основе определения критериев и индикаторов ИРЧП лежит принцип безусловности выбора, согласно которому каждый человек, располагая возможностью выбора, безусловно, предпочтет более долгую жизнь, высокий уровень образования и материальный достаток. Хотя, разумеется, три названных измерения отражают значительно больший спектр человеческих возможностей и способностей, нежели то, что лишь непосредственно вытекает из их определений. Все эти составляющие формализованы и удобны для межстрановых сравнений.

Базовым показателем **долголетия**, являющимся одним из наиболее распространенных индикаторов международной статистики, служит средняя ожидаемая при рождении продолжительность предстоящей жизни. Измерителями степени **образованности** в модели человеческого развития выступают такие показатели, как уровень грамотности и полнота охвата обучением. Для численного представления **уровня жизни** используется такой индикатор, как скорректированный реальный ВВП на душу населения (специальный индикатор материального благосостояния как измерения человеческого развития).

Многоуровневый расчетно-аналитический аппарат, подробный инструментарий разработки, реализации и оценки эффективности программ человеческого развития, применимость прикладных приемов на национальном и региональном уровнях обусловили высокую практическую значимость концепции роста ПЧР. Для России же и других стран СНГ, в начале 1990-х гг. испытывавших социально-экономический кризис, который сопровождался деформацией социальной сферы и резким падением уровня жизни, эта концеп-

ция приобрела особую актуальность, поскольку реализация основанных на ней подходов предоставляет необходимые дополнительные средства для преодоления последствий кризиса и активизации, модернизации социальной политики и управления, перехода от человекозатратного к человекоберегающему и развивающему характеру социальных изменений.

Современный, уже глобальный, системный кризис делает дальнейшую разработку и реализацию концепции повышения потенциала развития человека весьма важной и значимой задачей, тем более, что она мотивационно предполагает концентрацию на еще не сделанном, требующем наибольшего внимания в сегодняшнем мире: от бедности и депривации до неравенства, несправедливости и отсутствия безопасности. В связи с этим большой интерес представляет Доклад о развитии человека-2010 (20-е, юбилейное издание) – «Реальное богатство народов: пути к развитию человека», опубликованный для Программы развития ООН (ПР ООН)²⁴⁶.

Юбилейный Доклад о развитии человека (ДРЧ) демонстрирует свою приверженность новому подходу к пониманию процесса развития в современном мире и отмечает, что главная цель и задача ДРЧ в последние 20 лет заключалась в поддержке определения развития как жизнедеятельности, предназначенной в первую очередь и по своей сути для людей. В докладе предлагается новое определение развития человека, которое является, по мнению авторов, парадигмой для нового столетия и может быть приспособлено к вызовам нового тысячелетия: *развитие человека представляет собой включение в число человеческих свобод права людей на долгую, здоровую и творческую жизнь, на осуществление других целей, которые, по их мнению, обладают ценностью; на активное участие в обеспечении справедливости и устойчивости развития на нашей общей планете*²⁴⁷.

Главная ценность данного доклада состоит в системной оценке тенденций в отношении ключевых компонентов развития человека за последние 40 лет, анализ которых содержится не только в глобальных ДРЧ, издающихся вот уже более 20 лет, но и свыше 600 национальных ДРЧ – все они были подготовлены, написаны и опубликованы в соответствующих странах.

В результате были сделаны **общие выводы**, например, о том, что необходимо сохранять и совершенствовать способность улучшать методы оценки старых пороков и реагировать на новые опасности, угрожающие человеческим свободам и благополучию; что существует огромное многообразие путей достижения результатов в области развития человека и не существует единственной модели или единого рецепта успеха; что страны способны многое сделать для повышения качества жизни граждан, даже в неблагоприятных обстоятельствах, и вместе с тем разрыв в уровнях развития человека, хоть и сузился, всё же остается огромным; что концепция развития человека оказала серьёзное влияние на целое поколение разработчиков политики и специалистов в области развития во всём мире, а её применение убедило многих в том, что улучшения никогда не приходят сами собой – они требуют политической воли, смелого руководства и постоянной приверженности со стороны международного сообщества; что попытки «трансплантировать» в другие страны

²⁴⁶ См. Доклад о развитии человека-2010 «Реальное богатство народов: пути к развитию человека». 20-е юбилейное издание. М., 2010.

²⁴⁷ Там же. С.2.

определённые институциональные и политические решения часто заканчиваются неудачей: для того, чтобы увенчаться успехом, политические меры должны опираться на преобладающие институциональные условия и др.

В докладе также предлагаются три новых инструмента измерения, охватывающие многомерное неравенство, гендерные диспропорции и крайнюю депривацию. Эти новые инструменты измерения повышают действенность первоначальной концепции развития человека и корректируют первый вариант ИРЧП с помощью трёх новых индексов, позволяющих охватить многосторонние аспекты распределения богатства и благосостояния с учётом неравенства, гендерной справедливости и бедности. Эти индексы основываются на передовой методологии и более обширных данных.

Таким образом, многолетние исследования и практический опыт различных преобразований и реформ доказывают, делается в докладе заключение, что *выдвижение человека в центр развития* – это нечто гораздо большее, чем простое интеллектуальное упражнение. Оно подразумевает справедливый и всеобъемлющий прогресс, при котором люди становятся активными участниками изменений и который гарантирует, что сегодняшние успехи не будут достигнуты за счёт будущих поколений. Ответ на эти вызовы не только возможен – он необходим. И сегодня он нужен ещё больше, чем когда бы то ни было²⁴⁸.

Нельзя сказать, что поиск такого ответа на главные вызовы времени и нахождение путей осуществления необходимых изменений в жизни современного общества полностью отсутствуют. Идеи и концепции устойчивого развития (экологический аспект), индустриального, постиндустриального, информационного общества (технологический аспект), общества знания и риска, модерна и постмодерна (социально-культурный аспект) – таков далеко не исчерпывающий перечень различных современных моделей общественного развития. Каждая из них, используя научные принципы анализа сложных социальных систем, – *целостности, синергии, открытости, дополнительности, диалектической взаимосвязи*, вносит свой вклад в изучение специфических особенностей, характеризующих новизну изменяющейся социальной реальности.

В качестве одного из главных итогов нашего анализа методологических проблем исследования и реализации процессов становления общества знания с целью и на основе повышения потенциала человеческого развития приведём важный концептуальный вывод, содержащийся в одном из Всемирных докладов о развитии человека и опубликованный в рамках Программы развития ООН (ПРООН).

В ДРЧ за 2004 г. – «Культурная свобода в современном многообразном мире» – подчёркивается, что суть человеческого развития состоит в создании возможности вести тот образ жизни, который люди сами изберут, а базовым элементом человеческого развития является *культурное многообразие*, понимаемое как способность людей выбирать, кем быть и что делать. Расширение культурных свобод, а не гомогенизация или подавление – вот единственная, устойчивая альтернатива, обеспечивающая стабильность, демократию и развитие человека как в национальном, так и в международном масштабах. Пока не изменится сама культура, пока люди не научатся думать, чувствовать и действовать в подлинном

²⁴⁸ Там же. С.10.

соответствии с потребностями других, реальных социальных изменений не произойдёт.²⁴⁹ Основополагающая идея доклада и состоит в том, что признание приоритета культуры и целостное включение её во все сферы решения основных теоретических и практических проблем человеческого развития открывает новые и широкие возможности для построения более устойчивого и процветающего мира.

Современное общество не стоит на месте. Однако всё дело в том, в каком направлении оно изменяется. На этот процесс изменений накладывает свой отпечаток целый ряд как объективных условий, так и субъективных факторов. Несмотря на возрастающие масштабы глобализации, например, в настоящее время не приходится говорить о мировых глобализационных процессах в области образования: степень его развития в «догоняющих» странах и странах «третьего мира» существенно отличается от уровня развития образования в развитых странах. Объективно на пути становления обществ знаний лежит высокий уровень неграмотности населения в экономически отсталых зонах планеты. Так, по данным Всемирного доклада ООН по мониторингу ОДВ «Охватить обездоленных» 2010 г., в мире проживает 877 млн неграмотных взрослых людей; 113 млн детей не посещают школу; 68% этого населения проживают в Восточной и Южной Азии; две трети из всех неграмотных людей в мире составляют женщины; более 70% неграмотных проживают только в девяти странах мира, причем, на Индию приходится 34% от общего числа неграмотных, на Китай – 11%. Около двух миллиардов людей не имеют доступа к электричеству, которое в свою очередь остаётся необходимым условием для массового доступа к новым технологиям. На сегодняшний день только 11% населения планеты имеют доступ к Интернету, и 90% из них проживают в промышленно развитых странах – Северной Америки (30%), Европы (30%) и Азиатско-Тихоокеанского региона (30%). Карта распространения Мировой сети соответствует карте экономического развития. Это означает, что лишь каждый десятый житель планеты имеет доступ к ресурсам знания, технологическим модернизмам образования, к мировым электронным репозиториям знания, информационной мобильности²⁵⁰.

Не только *общество знания*, следовательно, но и культуры в целом – это общество, *высшей ценностью* которого является человек одновременно как *живое существо* (представитель органического мира и биосферы), как *совокупность всех общественных отношений* (представитель социума, или социального мира, в том числе производитель и потребитель) и как *уникальная духовно-нравственная индивидуальность* (представитель духовного мира). Именно такой аксиологический подход к обществу, при котором человек, а не господствующие формы собственности и власти или технические средства производства является самоцелью, служит «мерой всех вещей», знаменует собой новый исторический этап социально-исторического развития, на котором формируется общественный идеал и многообразные виды деятельности *с конкретным гуманистическим содержанием*. Переход к постиндустриальному обществу знания и культуры означает эпохальную смену высших ценностных приоритетов всего человеческого жизнеустройства.

²⁴⁹ См. Доклад о развитии человека-2004 «Культурная свобода в современном многообразном мире». Нью-Йорк, 2005.

²⁵⁰ Соломатина Е.Ю. «Общество знания»: новые тенденции в стратегии образования (социально-философский анализ). Автореферат диссертации к.ф.н. М., 2011. С.19.

Однако всё-таки какой главный способ, основное условие, решающий фактор и каким образом обеспечит, сделает возможной и реальной столь эпохальную, историческую смену самих принципов человеческого жизнеустройства? Мы убеждены в том, что таковой является **культура** как специфически человеческий способ жизнедеятельности, взаимодействия людей с природой, между собой в социуме и со своим собственным внутренним миром (сознанием, духовностью, чувствами). Именно она воплощает в себе единство идеального и реального, материального и духовного, объективного и субъективного, рационального и иррационального, эмоционального, естественного и искусственного, сознательного и стихийного и других «первоначал» и составляющих человеческой жизни.

Культура является тем **целым**, которое объединяет в органическую систему все свои компоненты – мировоззрение, знание, науку, образование, воспитание, идеологию, мораль, искусство. И их взаимодействие следует оценивать с позиций диалектической взаимосвязи *целого и части*. С этих же позиций, с нашей точки зрения, следует оценивать взаимодействие, взаимосвязь культуры с другими сферами общественной жизни – экономической, социальной, духовной и другими²⁵¹.

Культура как целое пронизывает все без исключения сферы социальной жизни, и нет ни одного социального феномена, который не нёс бы в себе последствий её воздействия. Без изменений в культуре невозможны никакие социальные изменения, поскольку в обществе как целостном социальном организме культура выступает аналогом генетических кодов – **социокодом**, реализующимся в особой знаковой форме. При этом *многообразие культур* и их взаимодействие выступают условием культурного развития. В разных культурах заключены разные смыслы. Какой **жизненный смысл** несёт в себе та или иная культура, таков и характер социальных изменений. Бессмысленность и бесчеловечность, а следовательно и бескультурье являются синонимами.

Одни из основных принципов (законов, критериев) системного подхода к анализу социальных структур, институтов и процессов – принципы *открытости* и *целостности* гласят: главные и основные проблемы и противоречия данной социальной системы или данного процесса её изменения *принципиально неразрешимы*, если оставаться в рамках только этой системы или *данного* процесса, не выходя за их границы, не меняя способа движения. Значит надо идти в «другую», более широкую целостную систему, меняя способы мышления и действия!

Как справедливо отмечал представитель французской школы «Анналы» – общепризнанный лидер этого историографического направления в науке и один из крупнейших историков современности Фернан Бродель, «всё должно быть взято, переосмыслено и помещено в более *широкие рамки истории*, чтобы мы, наконец, – при всех её парадоксах и противоречиях – смогли увидеть *единство исторического процесса*, которое есть не что иное, как **единство жизни**»²⁵².

²⁵¹ См. подробнее: Андреев Э.М. Худяков С.И. Культура и общество. М., 2007; Андреев Э.М. Стратегия инновационного развития России и формирование общества культуры // Регионы России: инновационное развитие и модернизация системы социального управления. Казань, 2011.

²⁵² Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XVIII в. М., 1988. Т. I–II.

В человеческой жизни нет ничего важнее и ценнее, чем сама эта жизнь. Однако исторически сложилось так, что человек и его жизнь никогда не были самоцелью развития общества, а лишь средством для достижения внешних по отношению к их сохранению, совершенствованию и развитию целей. Каково же *сегодняшнее состояние* человеческой жизни в целом. Можно ли его оценить с позиций *социального реализма*?

Отвечая на эти вопросы, А.А.Зиновьев сделал следующий вывод: «Больше всего в результате потрясений прошедшего и наступившего столетия пострадал сам феномен человеческой жизни. Он был разрушен почти до основания. Люди теперь даже представить себе не могут масштабов потерь и вообще не думают о них»²⁵³. Наиболее печальный итог, по его мнению, результаты такого состояния человечества ныне – это разрушение главного источника человеческого развития вообще – самого человека как некоего целостного образования, как явления, оказывающего влияние на ход исторического процесса²⁵⁴.

Речь, по существу, идёт о необходимости коренного, принципиального «разворота общества лицом к человеку», т.е. об обеспечении безопасности и благополучия его жизни, о реализации способностей и основных свобод и прав: на равенство возможностей развития, участие в общественной жизни и самоорганизации собственной, на справедливость отношений в сферах труда, семьи и быта. Но для этого необходимо совершить настоящую *интеллектуальную революцию* и *гуманитарный прорыв*, т.е. переход от *экономоцентризма* и *техноцентризма* к **культуроцентризму**, базирующемуся на высоком уровне **профессионализма** и **человековедческой компетенции**. Пока же можно говорить лишь об обратной картине.

Так, если проанализировать весь арсенал знаний, накопленных за всю историю человечества, то можно придти к поразительному выводу: сведения и данные о неживой природе составляют 95–98% от общего объёма научных знаний; о природе живого вещества – 2–5%, **о природе человека** – менее 1%. За этими фактическими данными кроется весьма драматическая история человечества²⁵⁵.

При этом следует учитывать ту особенность новой реальности, то обстоятельство, что современное общество заражено болезнями, по крайней мере, не менее серьёзными и страшными, чем рак или СПИД. Определение этих болезней пока не найдено. Назовём их *социальным* и *индивидуальным аутизмом*, *деструктивизмом*, *которые представляют собой неадекватное восприятие реальности, отчуждение человека от природы, социума и нравственно-духовного мира, разрушительные по отношению к ним и человеческому началу в человеке действия*.

Как утверждают специалисты, в современном мире существует нечто довольно основательного и глубокого свойства – признаки антропологического разрыва между элитой и обществом. Согласно исследованиям ценностного и социокультурного профиля элит, в высших их эшелонах стремительно размывается социальный инстинкт – то, что делает

²⁵³ См. Зиновьев А.А. Фактор понимания. С.519.

²⁵⁴ См. Зиновьев А.А. Я мечтаю о новом человеке. С.229.

²⁵⁵ Спассибенко С.Г. Социология человека. М., 2007. С.5.

человека человеком, превращая биологический вид в *человеческую общность* в подлинном смысле слова²⁵⁶.

На этом социальном фоне доминирующим субъектом, вопреки своей природе, смыслу и предназначению, в нашей стране становится *российская бюрократия*, у которой реальная заинтересованность состоит по преимуществу в воспроизводстве и стабилизации собственной власти и благополучия. Поэтому она способна осуществить подмену реального решения действительных проблем страны **псевдореальностью**: псевдореформами, псевдобезопасностью, псевдодемократией, псевдоборьбой с коррупцией и криминалом, псевдоблагополучием большинства граждан, псевдознанием, псевдокультурой и т.п.

К тому же в условиях многовековой зависимости жизни «рядового» гражданина и чиновника любого уровня от вышестоящей власти единственной возможностью выживания и существования оказывалась способность добиться расположения этой власти, «угодить», продемонстрировать свою полную лояльность. Типичным для российского отношения к начальству является почти подсознательная имитация активности и участия посредством лести, холуйства, угодничества, заискивания, показухи, «лебезения» и «прихлебательства», направленных на то, чтобы произвести как можно более благоприятное впечатление и скрыть неблагоприятные и «теневые» стороны своей деятельности. Так возник и укрепился российский цивилизационный синдром «двойной реальности», который привёл к формированию «мигрирующего», «ускользающего», «хамелеонного» сознания, адаптивной гибкости, многоуровневости, манипулятивности неискренности и «инверсивности», т.е. способности впадать в крайности и «действовать противоречивым образом»: «Думаю одно, делаю другое, говорю третье, мечтаю о четвёртом, планирую пятое, показываю, что действую шестым или седьмым способом, на самом деле вторым, но истинной целью всё равно является четвёртый вариант». Причём все семь способов могут быть противоположными и даже взаимоисключающими²⁵⁷.

«Улучшенная», беспроблемная и адаптированная под реципиента «вторая» реальность может быть полезна и выгодна не только подчинённым перед руководителями, но власти перед населением, поскольку она помогает избегать ответственности за нерешение насущных проблем. Подобный феномен может приобретать государственные и даже глобальные масштабы. Так, не имея возможности решать проблемы путём эффективного управления и развития, ненасильственной модернизации, СССР в своё время начинал двигаться в другом направлении, «развивая» «вторую» реальность и в итоге становясь мировым лидером симуляции гиперреальности, весьма сильно оторванной от «первой» действительности²⁵⁸.

Не секрет, что особую распространённость раздвоение реальности получает в XX в., благодаря возможностям электронных СМИ усиливать необходимый эффект. Но к услугам официального обмана всегда был и есть самообман. Точно так же, как церковь живёт отсроченной вечностью, а государство – отсроченным благополучием (Ж.Бодрийяр), то по

²⁵⁶ См. Соловей В. «Мы» и «Они» // «Литературная газета». 2007. 26–31 декабря.

²⁵⁷ См. Феофанов К.А. «Вечные вопросы» российской модернизации // «Социально-гуманитарные знания». 2013, №3. С.11.

²⁵⁸ См. там же. С.12.

аналогии можно предположить, что люди живут отсроченным совершенством самой своей жизни.

«Стремление к совершенствованию, – писал А.Адлер, – является врождённым в том смысле, что это часть жизни, стремление, без которого жизнь была бы немислимой»²⁵⁹. Однако при негативном и деструктивном характере социальных взаимодействий это стремление может приобретать девиантные или даже уродливые формы. Получается так, что современное кризисное общество больно в первую очередь человеком и отношениями между самими людьми. А среди главных причин этой социальной болезни – не только нарушение материальных, энергетических и информационных, но и нравственно-духовных законов мировоззрения.

Многотысячелетняя история человечества – это чрезвычайно сложная и трудная, жертвенная и жестокая история *противоборства жизнеутверждающих объединительных и гибельных процессов социального разделения и раскола*. Сегодня это противоборство приобретают новые формы. Глобальный процесс информатизации, например, порождает иное (виртуальное) пространство и время. Виртуальный мир создаёт другой уровень интегрированного сознания и новых социальных субъектов – «гражданина мира» и «информационное общество», которое является «сетевым обществом» с его информационной культурой и «демократией участия».

Однако максимизация интеграции в современном обществе сталкивается с углублением процессов индивидуализации, с «триумфом индивидуального» (Дж.Нэйсбитт) в эпоху глобализации, а в крайних своих формах – индивидуализма, с возникновением так называемой «новой самобытности», а его «турбулентная эволюция» создаёт феномен негативной интеграции как альтернативу позитивным интеграционным процессам. Осуществляется, следовательно, не только *включение* но и *исключение* людей из процесса социальных изменений, налицо острейшие противоречия между объективными и субъективными, реальными и виртуальными, естественными и искусственными, традиционными, модернистскими и постмодернистскими отношениями. Всё это и многое другое – признаки предвосхищения и реализации *гуманитарных катастроф* на основе утверждения в человеческом мире **антикультуры**, которой противостоит в нём **культура единства жизни**.

Социально-культурное единство жизни как категория представляет собой объяснительный принцип социальной реальности, предусматривающий оценку всех социальных явлений через призму и критерий их соответствия культуре, её воздействие на развитие человеческой жизни в целом, на жизнь общества, народа и нации, социальных групп и человека. *Культурное соответствие* – весьма значимое для процессов социальной интеграции отношение. Им во многом определяется возможность сплочения на современном этапе цивилизационного развития различных социальных сил, объединения наций и народов, укрепления существующих и создания новых союзов государств. Это, во-первых. Но в социально-культурном единстве есть другая определяющая сторона – необходимость преодоления разрыва между двумя «историями»: культуры и общества. Речь идёт о специфической «социологике» развития культуры. Это, во-вторых. Согласно этой «социологике», как

²⁵⁹ Адлер А. Понять природу человека. СПб., 1997. С.18.

писал Н.Я.Данилевский, «прогресс состоит не в том, чтобы идти всем в одном направлении (в таком случае он скоро бы прекратился, а в том, чтобы исходить всё поле, составляющее поприще исторической деятельности во всех направлениях)»²⁶⁰.

К каким основным выводам можно придти из всего сказанного выше?

Во-первых, нетрудно понять, что человеческая жизнь в целом невозможна **вне культуры**, без органической связи с её социальными и индивидуальными смыслами и ценностями. Без этой связи жизнь человека и общества становятся бессмысленными и теряют свою ценность. Сами же смыслы и ценности порождаются, формируются человеческой деятельностью и воплощаются, реализуются в специфически человеческом мире – **мире культуры**, отличительной особенностью которого вовсе не является то, что он представляет собой совокупность неизменных и окончательных смыслов и ценностей – сущностей, содержаний, форм, норм, связей, функций, приёмов, инструментов и т.д., но имманентно включает в себя необходимость обновления, самоизменения и саморазвития.

Чтобы сохранить жизнеспособные традиции, их преемственность и далее развивать многообразное единство жизни людей, не теряя при этом внутренней спонтанности в основе бытия и одновременно преодолевая жёсткий детерминизм необходимости, а также насилия произвольных отношений, важно создать такие условия, при которых **культура**, т.е. *развитие человеческого начала в человеке*²⁶¹, а не реализация по преимуществу экономических, политических и идеологических целей, внешних по отношению к решению первой задачи, стало главным внутренним источником, основой и самоцелью общественного развития.

Во-вторых, отношение к культуре как к вторичному, «остаточному» условию и фактору человеческой жизнедеятельности, отраслевой и «частичный» подходы к ней чреваты нарастанием процессов социальной дезорганизации и аномии. Люди теряют способность к объединению и самоорганизации. Проблема целостного развития общества не решается на базе классового (классовая борьба, гражданская война) и цивилизационного (столкновение цивилизаций) подходов. Либеральные, консервативные, социал-демократические идеи и ценности также перестают быть действенными. Экономический и научно-технологический прогресс, повышение уровня образования и знания сами по себе, в отдельности не делают людей более культурными, духовными, нравственными, справедливыми, равными и счастливыми. В результате возрастают масштабы *культурных травм*; сокращается радиус доверия между людьми, степень их толерантности, происходит девальвация базовых ценностей, углубляется «экзистенциальный вакуум», поглощая всё феноменом *«смыслоутраты»* как основы широкого распространения **антикультуры**.

Опасности, угрозы и риски в сфере культуры заключаются, прежде всего, в отказе от самостоятельной рефлексии, массовом распространении *имитаций* без осмысления, *деклараций* без реализации, *псевдореальности* без критики; в *манипуляциях* общественным соз-

²⁶⁰ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 2003. С.134.

²⁶¹ Человеческое в человеке не находится ни под черепной коробкой, ни в сердце, воспетом поэтами, ни в пятках, куда, как уверяет народная мудрость, человеческая душа прячется от страха, ни в любом другом органе или полости. Оно – в том, что связывает людей друг с другом в их социальном взаимодействии, в человеческой коммуникации и взаимопонимании как её цели и результате (см. Социальное: истоки, структурные профили, современные вызовы. М., 2009. С.349).

нением, в падении *профессиональной культуры управления*; в утратах культурного наследия, культурном упрощении и истощении; дегармонизации отношений человека, общества и природы. Всё это и многое другое создаёт ситуацию *культурного шока*, т.е. острейшего конфликта между старыми и новыми культурными формами, инновациями и социокультурными традициями, который проявляется в культурной деградации, массовых страхах, пассивности и депрессии, в резком снижении социальной энергии, в негативных протестных действиях вплоть до терроризма и роста преступности, усиливающих *энтропийные* процессы и порождающих механизм *социального инферно*.

В современных условиях, следовательно, *в-третьих*, становится очевидной необходимость формирования систем и институтов, направленных на социальный контроль над теми заимствованными культурными паттернами, которые могут вызвать шоковое состояние, а также на профилактику культурных кризисов, диагностику социокультурных причин социальных патологий и ликвидацию негативных для общества последствий, на стимулирование культурной аккумуляции и предотвращение культурного упадка, который представляет собой серьёзную угрозу безопасности культуры гуманистического типа, поскольку препятствует, отделяя человека и общество от культуры, проявлению *исторической тенденции закономерного повышения роли и значения культуры* как фундаментальной основы и движущей силы общественного и индивидуального развития. Специалисты, изучающие культуру, характеризуют эту тенденцию так, что «там, где раньше было “общество”... стала “культура”²⁶², которая уже в конце XX в. “смещается в эпицентр человеческого бытия...”²⁶³. На чём основывается этот принципиального значения вывод?

Понимание первоначального смысла культуры, *в-четвёртых*, вроде бы одного из привычных и вполне ясных слов и понятий, сегодня, как и ранее, оказывается «тайною за семью печатями». В одной науке уже существует более тысячи его определений. Всё сказанное выше даёт нам основание видеть первоначальный смысл и одновременно историческую миссию культуры в *возделывании, возвышении, «культивировании» человеческой жизни как высшей её самооценности*. Не в явной ли объективной неспособности и субъективной недооценке роли и значения культуры в жизни человека и общества состоит основная причина того, что человечество в целом ныне уже в глобальных масштабах начало пожирать трагические последствия чрезвычайно драматического характера своей истории, главным источником которого является неразгаданность «тайны», «загадки», «сфинкса» общественной и индивидуальной жизни?

Речь идёт о противоположности **цели и результатов** деятельности людей, о **разнонаправленности** их *субъективных устремлений и реальных изменений* объективной социальной реальности. На обыденном уровне эта ситуация воспринимается, как известно, так: «Хотели, как лучше, а получилось, как всегда...».

Не секрет, *в-пятых*, что специфику социологического знания выражает изучение взаимопереходов **объективного и субъективного** в жизнедеятельности общества, её осуществ-

²⁶² Ионин Л.Г. Социология культуры. М., 1996. С.5.

²⁶³ Астафьева О.Н., Сайко Е.А. Исследования по теории и истории культуры: особенности подготовки научно-квалифицированной работы. Вып. V. М., 2009. С.7–12.

вление на **макро-** и **микроуровнях** в их взаимосвязи²⁶⁴. В современном обществе кардинально меняется соотношение этих основных компонентов в формировании новой социальной реальности и функционировании конкретных социальных систем. Речь идёт о повышении места и роли **субъектности**, а также **индивидуального личностного начала** в жизнедеятельности человека и общества, поскольку социальная реальность во всё большей мере в условиях её социокультурного сдвига от состояния XX в. к состоянию XXI в. осуществляется по законам человеческой деятельности и по законам самой социальной реальности, создаваемой и изменяемой человеком. При этом по мере того, как мир становится всё более глобальным, парадоксальным образом всё более важной и сильной оказывается человеческая индивидуальность²⁶⁵.

Значение состояния и уровня социально-индивидуальной субъектности, «человеческого измерения» жизнедеятельности общества убедительно демонстрирует *социологическая экспертиза* реформ, осуществляемых в современной России. У этих реформ, несомненно, были реальные, фундаментальные и объективные предпосылки. Среди них – глобальный кризис человеческой цивилизации в целом; общий кризис технологии и идеологии индустриализма; формациональный кризис коммунизма; результаты «холодной войны»; тяжёлое наследство тоталитарной системы; неэффективность государственного управления; недееспособность политической элиты и др.

Однако в великой и мощной державе не оказалось реальной и адекватной сложившейся кризисной **ситуации социально-политической силы**, способной помочь обществу осознать, в каком положении оно оказалось и по какой причине; в каком направлении необходимо двигаться и что следует конкретно делать, чтобы преодолеть исторические опасности и трудности, угрозы и кризисные процессы, осуществить переход страны к состоянию общества безопасной и благополучной жизни, консолидированного и объединённого общими устремлениями, ценностями и судьбами. Такое положение оказалось для России роковым²⁶⁶.

Важно подчеркнуть, что и сегодня Россия не является **социально зрелым субъектом** общественного развития, и социологические исследования подтверждают выводы о недостаточном уровне социальной субъективности в стране, хотя мы не разделяем точки зрения некоторых отечественных авторов о том, что сегодня российское общество является практически бессубъектным. Спрашивается, кому же тогда удалось восстановить утраченный за 90-е гг. уровень социально-экономического развития, предотвратить распад страны, остановить войну на Северном Кавказе, вернуть Россию на мировую арену в качественно новом состоянии как сильного современного государства?

Разумеется, сегодня Россия пока ещё не является *целостным, социально зрелым субъектом жизнедеятельности*, адекватным новой социальной реальности. Она находится только в начале пути преобразования из состояния *общества-трансформера* в *общество-субъект*, т.е. развитое постиндустриальное общество, способное к суверенному, автономному и самобытному развитию на основе реальных и равных возможностей для людей,

²⁶⁴ Ritzer G. Sociological Theory. N.Y., 1983. P.440.

²⁶⁵ New Direction for the 1990's. N.Y. 1990. P.298–300.

²⁶⁶ См. Андреев Э.М., Гапоненко Н.В. Современная Россия: проблемы трансформации системы управления. Красноярск, 2003. С.18.

мотивированных к *инновационному поведению*, высокоэффективной деятельности; общества индивидуальной свободы и социальной справедливости. Необходимость столь исторического преобразования вновь и вновь выдвигает на передний план чрезвычайно актуальный вопрос: каковы причины такого катастрофического в новейшей истории характера происходящих в нашей стране изменений, в результате которых под серьёзное сомнение каждый раз ставится существование России, способность её государства и общества к безопасному, независимому и социально-культурному развитию?

Трудно не согласиться с выводом ведущих российских учёных-социологов о том, что *основным противоречием* нашего общества остаётся разрыв между *реальными объективными возможностями* России как единственной **самодостаточной** страны мира, наличием мощного арсенала средств их воплощения в действительность и *низким уровнем её социального развития и качества жизни народа*²⁶⁷.

Особо отметим, что сама по себе постановка вопроса о воплощении в жизнь стратегии инновационного развития страны с опорой на реализацию человеческого потенциала сомнений не вызывает. Однако в действительности уровень расходов государства на социально-экономическое развитие в России все «тучные» годы притока нефтедолларов был одним из самых низких в мире, он не соответствует ни требованиям социального государства, ни потребностям развития человеческого потенциала, по индексу развития которого Россия скатилась в число слаборазвитых стран²⁶⁸. Между тем определяющими факторами развития мировых и национальных сообществ становятся *человеческий потенциал, социальный капитал, научные и гуманитарные знания*, а основным продуктом нового управления – *интеллектуальная собственность*. Прибавочная стоимость дополняется вновь создаваемым *интеллектуальным капиталом*²⁶⁹.

Однако возникает в свете развиваемой в данной нашей работе исследовательской тематики центральный вопрос: насколько, *в-шестых*, возможно решение стратегической задачи реализации человеческого потенциала и капитала, если отечественная культура как ключевое звено, главная историческая сила возрождения России, основная точка опоры, предназначением, жизненной функцией которой является **человекотворческая**, раз за разом оказывается на обочине государственных интересов, отодвинутых на задний план второстепенных проблем?

В годы перестройки и так называемых либеральных реформ культура фактически была брошена на произвол судьбы, на растерзание дикому рынку. В это смутное время с ней произошли негативные деформации, коммерциализация, поэтому она не смогла выполнить свою основную *социальную функцию* – сохранять духовно-нравственную устойчивость об-

²⁶⁷ См. *Осипов Г.В.* Социология и общество. М., 2007. С.564; *Жуков В.И.* Россия в глобальной системе социальных координат: социологический анализ и прогноз. М., 2008.

²⁶⁸ См. *Глазьев С.Ю.* Упущенные возможности и условия экономического роста // Россия: новая социальная реальность. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2010 г.: анализ и прогноз. М., 2011. С.17, 37.

²⁶⁹ См. *Осипов Г.В.* От социально-философского к социально-научному знанию // Россия: новая социальная реальность. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2010 г.: анализ и прогноз. С.10.

щества, удерживать его от распада, не допускать разложения основных моральных ценностей, противостоять разрушительным тенденциям²⁷⁰.

Культура является детерминационным компонентом человеческого бытия. Строительство **новой России** есть не только формирование *общества знания*, но и **общества культуры** в целом. Однако в стране нет государственной программы, *национального проекта* развития культуры, практически отсутствует то, что принято считать выверенной *культурной политикой*. На культуру выделяются мизерные средства, по сути, крохи, на порядок меньше, чем на преодоление **бескультурия**.

Так что же, *в-седьмых*, необходимо сделать, чтобы кардинально изменить сегодня ситуацию в стране к лучшему и обеспечить *позитивный сценарий* развития российского государства и общества?

Решение столь социально значимой и поистине исторической проблемы невозможно без мудрости и воли государственного масштаба. Не случайно, поэтому, объективные процессы усложнения, увеличения многообразия, роста темпов и масштабов социальных изменений сформировали устойчивую тенденцию и острейшую потребность в существенном повышении *профессионализма* в управлении и других видах и формах человеческой деятельности. Низкий уровень, дефицит профессионализма, его недооценка – одна из фундаментальных причин современных кризисов, недостаточности развития и реализации человеческого потенциала, неэффективности кадровой стратегии и политики в управлении. Достижение же высокого уровня профессионализма в управлении является важнейшим *социокультурным ресурсом* модернизации России, выдвижения и реализации на этой основе назревшей общенациональной альтернативы своему прошлому во имя и ради инновационного развития в будущем.

Современная социологическая наука сделала те выводы, что от уровня профессионализма государственного и социального управления напрямую зависит *качество жизни* людей и их *субъективная удовлетворённость* жизнью; что синтез социологического знания и реальных процессов управления помогает избегать издержек традиционного государственного управления, основанного на принципах бюрократических систем. Между тем России сегодня необходимы не методы проб и ошибок, не «ручное» управление, основанное на мифах и догмах, не решения – директивы, а *знания и стимулы* к инновациям, *мотивация* эффективной управленческой деятельности, приоритетное развитие социально-культурной сферы. Сегодня и в нашей стране всё более осознаётся исчерпанность принципов классического менеджмента, основанного на жёстком администрировании, строгой иерархии, централизации, бюрократизации, контроле.

Рождающаяся *новая парадигма управления* не представляет собой стабильную систему устойчивых научных положений и взглядов и соответствующую им схему выявления проблем и их решения. Она подвержена постоянной трансформации в соответствии с изменениями самой объективной реальности, а также представлений об этой реальности. Новая парадигма управления характеризуется также рефлексией, связанной с более эффективными и действенными способами социальной организации общества, ключевым ресурсом кото-

²⁷⁰ См. «Литературная газета». 2006, 15–21 марта, №10 (6061).

рого становится *знание*²⁷¹. Так, Э.Тоффлер называет знание «мощнейшей силой и ключом к грядущему *сдвигу власти*, обращая особое внимание на превращение знания из дополнения к силе денег и силе мышц в их квинтэссенцию, что объясняет разгорающуюся по всему миру войну за контроль над информацией и средствами коммуникации»²⁷².

Таким образом, на состояние и развитие общества повсеместно и во все времена решающее влияние оказывали характер и способы взаимодействия, взаимосвязи двух основных социальных условий и факторов, составляющих диалектическую пару – **управления и культуры**.

Первое выполняет *целевую функцию* в обществе, т.е. функцию определения *целей*, а также поиска необходимых *способов и средств*, организации деятельности людей по достижению целей. Второе обеспечивает выполнение *смысловой и ценностно-значимой* функции.

Выполнение этих функций в условиях современной социальной реальности требует организации интенсивного поиска и обоснования новых парадигм, концептуальных подходов и моделей трансформации государственного строительства и управления на основе принципа реальной приоритетности развития системы науки, образования и культуры в целом. Любое, даже небольшое отставание в человеческом развитии или локальное неадекватное воздействие на человеческий мир могут породить ныне своеобразный *тектонический эффект*, т.е. вызвать глобальные, чрезвычайно опасные или даже катастрофические последствия. Наиболее же динамичной силой этой системы, её «ядром» является *социально-гуманитарная составляющая*, основой которой предстаёт наука о человеке и обществе как живое, целостное, объективное и открытое **знание**. В центре его – проблема **творчества** как специфический, особый способ человеческого бытия в изменяющемся мире – способ самопознания и самореализации личности, в том числе с помощью самообразования и самовоспитания, а в целом – самоорганизации человеком своей судьбы и жизни в обществе.

В современной ситуации социальные науки и образование призваны способствовать: – выполнению обществом функций *критического анализа* существующего состояния дел, имеющихся проблем и возможностей, а также перспектив;

– переходу его от преобладания мифологических и идеологизированных оснований для принятия решений к *достоверной информации, объективной истине*, обеспечивающей возможность *опережающего развития*;

– переходу к адекватному выбору возможных *альтернатив* развития, к продуманным *решениям* (с учётом их последствий) и *конструктивным действиям*.

Новые парадигмы, концептуальные подходы и модели призваны помочь современному обществу решить три *фундаментальные задачи*:

– во-первых, преодолеть *великий обман*, связанный с насаждением **псевдореальности** (так называемого нового экономического, социального, политического, идеологического и т.п. порядка), вскрыть и показать антисоциальную сущность различного рода мифов и идеологических конструкций, вроде псевдоэкономических и антитехнологических однофакторных (например, монетаристских), антиинтеллектуальных и антитрудовых моделей;

²⁷¹ См. Бурганова Л.А. Новая парадигма управления: проблемы интерпретации // Регионы России: инновационное развитие и модернизация системы социального управления. Казань. 2011. С.106–107.

²⁷² Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2002. С.187.

– во-вторых, найти и реализовать спасительные для общества и развивающие его действительно новые способы мышления и действия.

Методологические пороки старых способов мышления и действия состоят в том, что они прежде всего утверждают право одних (немногих) осуществлять свою жизнь за счёт других (большинства), и для этого они устанавливают способы и средства подчинения, угнетения, манипулирования одними (немногими) жизнью других (большинства); кроме того, они отнимают способность у каждого индивида изменить свою жизнь к лучшему.

Позитивным общественным изменениям могут способствовать только изменённые социальное знание и образование. Подобные изменения возможны лишь на базе соединения естество – и обществознания, синтеза самих социальных наук, а также их гуманитаризации. В любом случае социальное знание и образование должны ориентировать общество на продуктивное изменение жизни всех, а не на простое выживание в одиночку одних или одних за счёт других.

Современный человек, таким образом, призван обрести в своём развитии в целом, в-третьих, право на *своё общество*, которое соответствует его запросам, потребностям и интересам. Это право коренится в самой человеческой природе – в духовности, свободе, творчестве, стремлении к самоутверждению. Современное общество, не претендуя на превышение пределов индивидуально-личностных соотношений, вправе рассчитывать на самореализацию человека в пределах общественных интересов в целом. Именно так в историческом развитии реализуется основной принцип *культуры социальности-всепроявленности способностей человека внутри общества*, т.е. становления, по К.Ясперсу, «**настоящего человека**».

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. О роли научного знания в управлении современной социальной реальностью	6
I. СОВРЕМЕННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ РОССИИ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ, СОЦИАЛЬНАЯ, ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННАЯ СФЕРЫ	12
Динамика кризиса легитимности	12
Реальность кризиса и выбор граждан	19
Гражданское общество и общественный контроль	40
Социально-демографические характеристики качества российского населения ..	49
Снижение дефицита трудовых ресурсов и потребности в иностранной рабочей силе в российской экономике на основе стимулирования роста производительности труда	63
Социальная боль России: бомжи и бродяги (на примере Москвы)	82
Количественная оценка психологического состояния современного российского общества	92
Уровень религиозности населения в г. Белгороде и отношение белгородцев к введению учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики» ...	100
Специфика развития межэтнического и этноконфессионального взаимодействия в регионах РФ	108
II. О ПЕРСПЕКТИВАХ ВКЛЮЧЕНИЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ В СИСТЕМУ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ	133
Наука как фактор модернизации России. Глобальные тенденции развития и мировой кризис	133
О возможностях включения научного знания в механизмы принятия решений на государственном уровне	145
Конституция как инструмент управления в период масштабных социально-экономических перемен	151
III. НОВЫЕ СФЕРЫ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ КАК ОСНОВА ДЛЯ НАУЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ	159
Новая политическая реальность: запрос на смену политической элиты	159
Социальные и социально-экономические факторы совершенствования подготовки высококвалифицированных кадров через систему высшего образования. Эффективность их использования. Качество подготовки соответствию специальности. Второй этап	163

«Рейтинговая революция» на глобальном рынке образовательных услуг: возможности для России	175
Тенденции реформирования образования в современной России	184
О реализации стратегии опережающего развития в условиях глобального кризиса	195
Пути оптимизации миграции и миграционной политики России современных демографических и социально-экономических условиях	202
Миграционный обмен столичного мегаполиса с Арменией и Грузией: постсоветские тенденции и практики интеграции	217
Территориальная устойчивость: концептуальный аспект и эмпирическая практика	233
Современная социальная реальность и социальный реализм в контексте формирования новых сфер культуры и управления	242

УДК 323/ 324(470+571)

ББК 66.3(2Рос)3

Р76

ISBN 978-5-7556-0522-9 (том 1)

ISBN 978-5-7556-0524-3

Современная социальная реальность России и государственное управление. *Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2012 году*. Том 1. – М.: ИСПИ РАН, 2014. – 273 с.

СОВРЕМЕННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ РОССИИ
И ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

*Социальная и социально-политическая ситуация в России
в 2012 году*

Научное издание

Подписано в печать 28.05.2014

Объем 18,1 уч.-изд. л.; 17,25 усл.п.л.
Тираж 1000 экз.

119991, Москва, Ленинский пр., 32А
8(495) 938 19 10